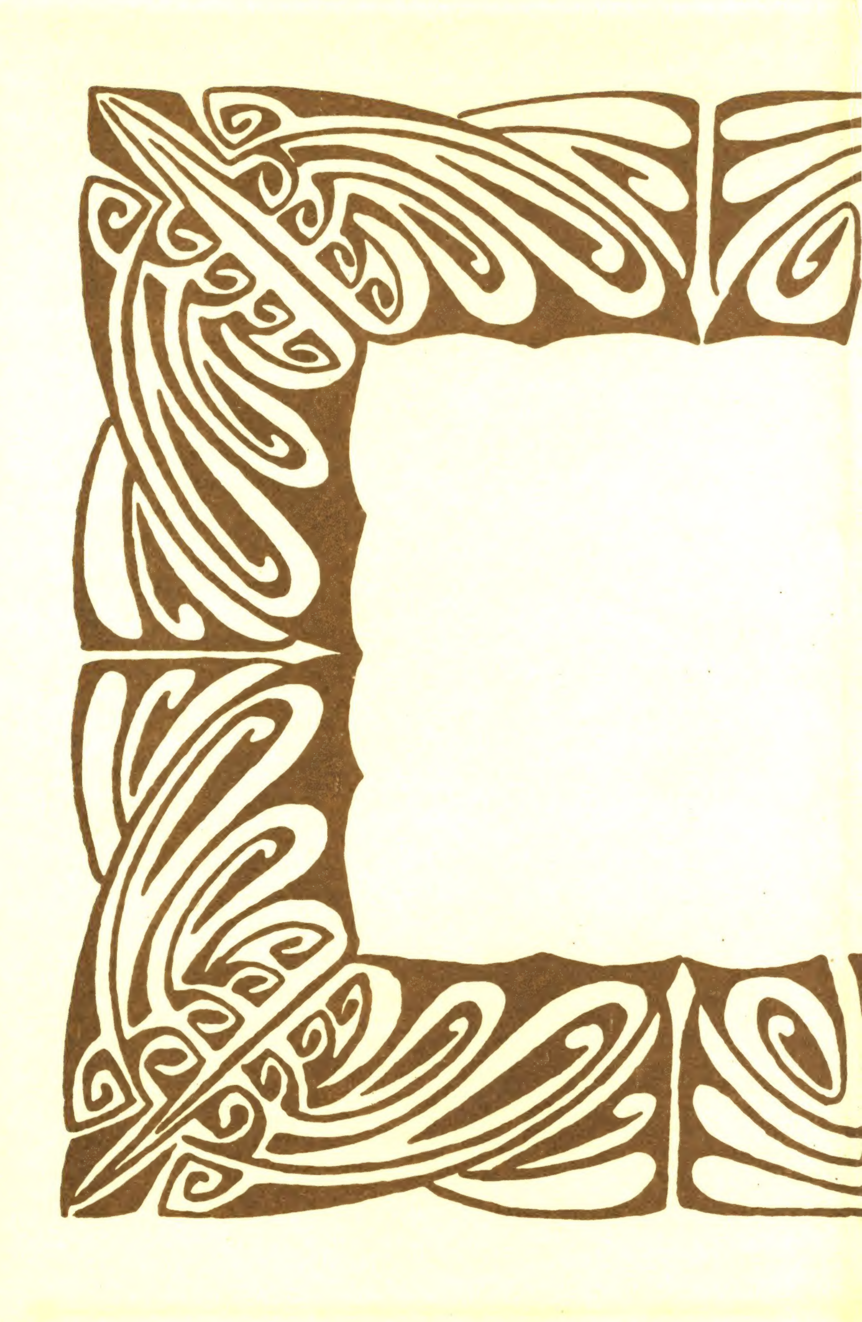
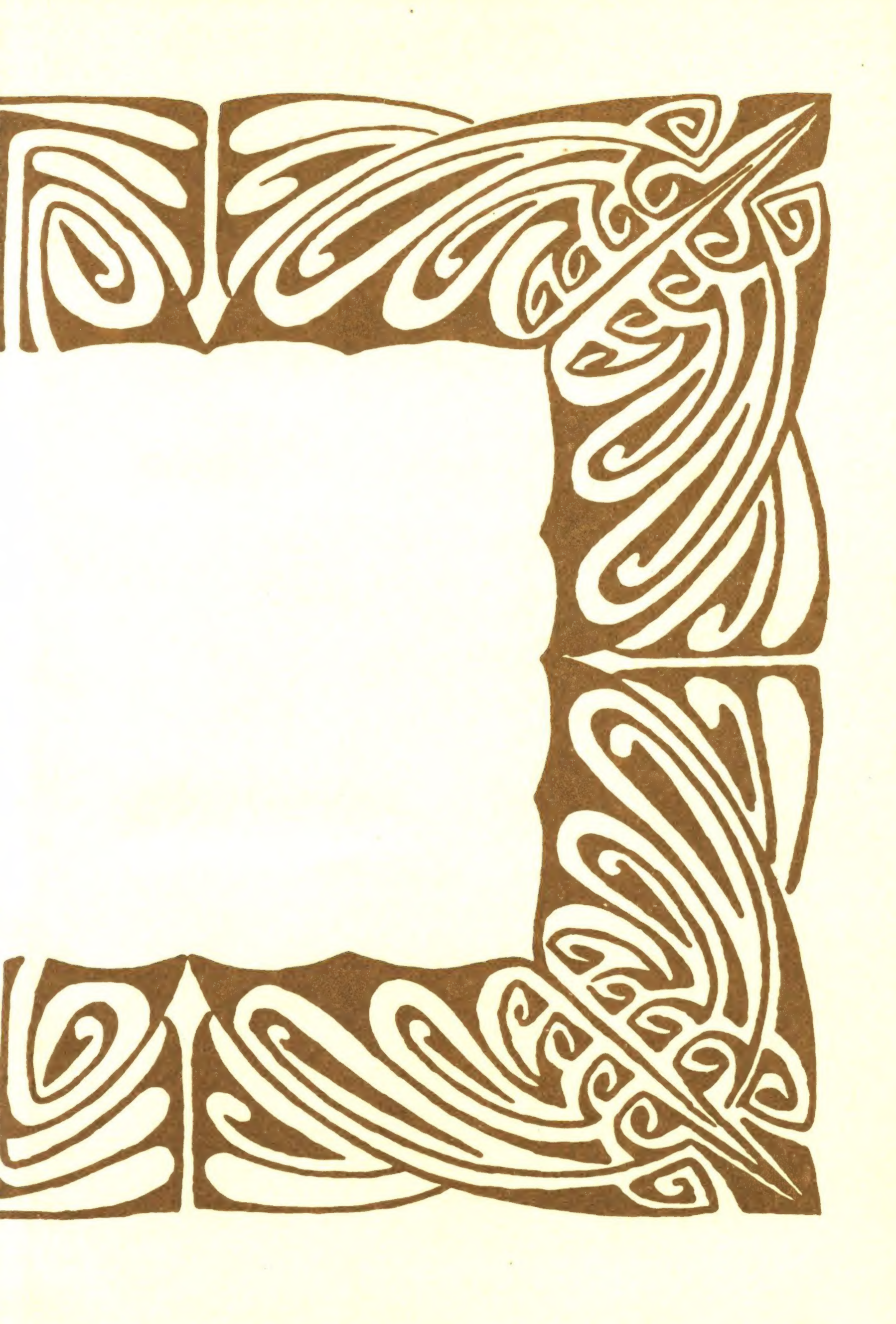
СТИВЕН ЛИКОК

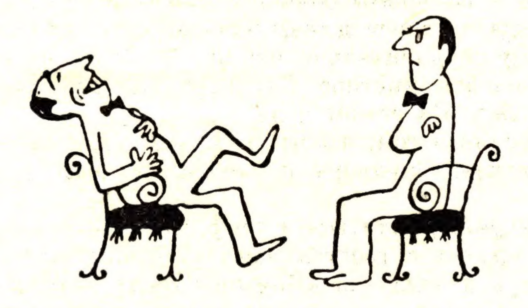
Как стать миллионером

СТИВЕН ЛИКОК

Как стать миллионером

Москва
Издательство
политической
литературы
1991

ББК 84.7Кан
Л56

Рисунки художников
М. БЕЛОМЛИНСКОГО,
Г. КОВЕНЧУКА

Л $\frac{4703000000-080}{079(02)-91}$

ISBN 5-250-01459-3

СМЕШНЫЕ РАССКАЗЫ О СКУЧНОЙ ЖИЗНИ

В 1910 году сорокалетний профессор монреальского университета «Мак-Гилл», специалист в области политической экономии Стивен Батлер Ликок собрал вместе и опубликовал отдельной книгой юмористические рассказы, которые писал в свободное от работы время и публиковал в периодических изданиях. Этот сборник рассказов, получивший название «Литературные ляпсусы», выдержал впоследствии около двадцати изданий. Именно ему суждено было положить начало всемирной известности писателя. Итак, 1910-й — год «рождения» одного из величайших юмористов XX века и смерти другого — 6 июня того же года скончался знаменитый О. Генри. Что ж, «король мертв — да здравствует король!».

Ликок, крупнейший из канадских писателей, не был потомственным канадцем. Он появился на свет в Англии, в местечке Суонмур, графство Гэмпшир, 30 декабря 1869 года. Когда ему было семь лет, гонимая нуждой семья эмигрировала в Канаду и арендовала ферму в провинции Онтарио на берегу озера Симко. Дела и здесь шли плохо. Отец будущего писателя не покладая рук трудился на ферме, но получаемых доходов едва хватало на то, чтобы содержать семью. Окончив школу, юный Стивен продолжал обучение в городе Торонто в Верхнеканадском колледже. После его окончания Ликок в 1887 году поступил в Торонтский университет. В своих воспоминаниях он пишет, что «изучал языки — живые, мертвые и полумертвые, после чего тотчас их забывал и чувствовал себя интеллектуальным банкротом». Несмотря на это, он в 1891 году получил диплом об окончании университета и звание бакалавра искусств. С этим дипломом он пришел преподавать в тот самый колледж, где до того учился. Новая работа вызвала у него разочарование. «Преподавание,— писал он впоследствии,— это единственное занятие,

для которого не нужно ни знаний, ни ума». Ликок был сторонником всеобщего образования с предоставлением равных возможностей всем детям, вне зависимости от социального положения их родителей. На деле же участь, ожидавшая учеников после окончания школы, была явно несправедливой: «Те, которые показали себя величайшими лентяями и совершенно не увлекались чтением книг, далеко пошли и стали преуспевающими юристами, дельцами и политиками, тогда как наиболее талантливые из детей, получавшие все награды, теперь с трудом существуют на скромный заработок клерка в каком-нибудь отеле или стюарда на пароходе».

В 1899 году Ликок после восьми лет работы «с отвращением оставил преподавание, самую мрачную, самую неблагодарную и самую низкооплачиваемую профессию в мире», и отправился в Чикаго изучать экономику и политологию в местном университете. В августе того же года он совершил и еще один ответственный шаг, женившись на Беатрис Гамильтон, дочери полковника Гамильтона. С нею он прожил в счастливом браке 26 лет, до самой ее смерти в 1925 году. Ровно через 16 лет после свадьбы, в августе 1915 года, у них родился сын, Стивен Ликок-младший.

Но все это впереди. Пока же будущий писатель усердно осваивал новую специальность и, прослушав университетский курс, получил в 1903 году степень доктора философии. В автобиографии он писал: «Значение этой ученой степени в том, что получающий ее экзаменуется последний раз в жизни и признается достигшим совершенства. После этого ему уже невозможно внушить никакие новые идеи».

Новоиспеченный доктор философии был приглашен читать лекции на экономико-политическом факультете монреальского университета «Мак-Гилл». Стивен Ликок оказался блестящим лектором, постоянно собиравшим полную студенческую аудиторию. Его часто приглашали выступить с лекциями и другие университеты, причем не только в Канаде, но также в некоторых американских городах, а затем и в Европе. Так, в 1907 году он посетил Англию, и его живые и остроумные лекции имели большой успех в ведущих университетах этой страны. Плодотворно занимался он и научными исследованиями. Его перу принадлежит 25(!) монографий и более ста научных статей по самым разнообразным вопросам экономики, истории и политологии. Понемногу Ликок становился «со-

лидным», преуспевающим человеком — вступил во многие клубы, в Ассоциацию политологов, «состоял в Королевском институте по делам колоний, в англиканской церкви и еще бог знает где. У нас ведь каждый человек должен доказывать другим свою респектабельность»,— с юмором комментировал он сам.

Понемногу он пробовал свои силы и в другой области — в литературе. Преподавательская работа научила его разбираться в людях и видеть мотивы их поступков. Изучение экономики, истории и политических наук развило у него широкий взгляд на вещи, способность к отвлеченным рассуждениям и глубоким обобщениям. Сразу же проявилось незаурядное юмористическое дарование начинающего писателя, так же как и тяготение к «малым формам» — небольшим по объему рассказам. Но как говорится, «мал золотник, да дорог» — юморески Ликока были настолько хороши, что сразу нашли дорогу в различные журналы, как канадские, так и американские. Первый его рассказ, называвшийся «Моя банковская эпопея», был опубликован в 1894 году. Интересно, что в эти годы Ликок как будто стеснялся своих литературных увлечений и печатался под псевдонимами, иногда довольно странными; например, «канадский солдат», «английский обозреватель» и т. п. И только после выхода в 1910 году его первой книги, объединившей все ранее созданные рассказы, Ликок, очевидно, осознал, что именно литература — главное дело его жизни.

Талантливый человек талантлив во всем. Какой бы ни избрал он род занятий, везде проявится зароненная в него искра божья. Ликок не был исключением. Острый аналитический ум и способность завоевывать и удерживать интерес слушателей помогли ему добиться признания в науке. Те же качества и вдобавок незаурядный юмористический дар обеспечили успех и в литературе. И хотя признание его как писателя состоялось намного позже, чем пришла известность в науке, Ликок не сомневался в своем истинном призвании. Надо сказать, он с самого начала относился очень серьезно к своим литературным занятиям. «Многие из моих друзей думают,— отмечал он,— что свои юмористические безделушки я пишу в часы досуга, когда мой утомленный мозг не способен размышлять о таких серьезных материях, как политика и экономика. На самом же деле все наоборот. Написать солидное сочинение назидательного характера, опирающееся на факты и цифры, совсем не трудно.

Не составляет особого труда написать научный трактат о фольклоре Центрального Китая или статистическое исследование о падении численности населения на острове Принца Эдуарда. Но извлечь из глубины своего «я» нечто само по себе достойное внимания читателя — трудное дело, удающееся лишь в счастливые и крайне редкие моменты жизни. Лично я предпочел бы написать «Алису в Стране Чудес», чем составлять Британскую Энциклопедию».

За первым сборником рассказов последовали другие, в том числе такие известные, как «Романы шиворот-навыворот» (1911), «За пределами предела» (1913), «Еще немного чепухи» (1916), «Бред безумца» (1918), «При свете рампы» (1923), «В садах глупости» (1924), «Крупицы мудрости» (1926), «Похудевший Пиквик» (1933), «Мои лекции» (1937), «Образцовые мемуары» (1939), «Последние листки» (1945, посмертно). Перечень этот далеко не полон. За свою долгую жизнь (умер он 28 марта 1944 г.) Ликок написал 35 книг, в том числе роман «Охотники за долларами» (1914), незавершенную книгу воспоминаний «Мальчик, оставшийся в моем прошлом» (1946, посмертно), работы по истории и теории литературы, в основном юмористики: «Теория и техника юмора» (1935), «Великие страницы американского юмора» (1936), «Юмор и человечество» (1937), «Юмор и гуманизм» (1938), «Как писать» (1944), а также книги очерков, монографии о жизни и творчестве Марка Твена (1934) и Чарлза Диккенса (1936). Один лишь этот перечень дает представление как о работоспособности писателя, так и о диапазоне его литературных интересов.

Несмотря на то что Ликок, как мы видим, был весьма плодовитым писателем, это не отражалось на качестве того, что выходило из-под его пера. Ликока вообще отличало очень ответственное отношение к литературному труду. В книге «Как писать» он отмечал, что становиться писателем есть смысл лишь в том случае, если имеешь что сказать людям, и стараешься сказать об этом как можно лучше. «Существует один лишь рецепт для писателя: возьми литр или чуть больше человеческой крови, смешай ее с бутылкой чернил и полной ложкой людских слез и моли бога, чтобы он простил тебе твои кляксы».

Не правда ли, довольно неожиданно, что автором этих проникновенных строк является такой мастер легкого и непринужденного юмора, как Ликок? Еще более неожидан-

ной является текстуальная близость их короткому стихотворению классика американской литературы Стивена Крейна (1871—1900), провидца, человека с трагическим мироощущением и контрастным по отношению к Ликоку складом характера:

Множество красных дьяволов
Выплеснулось на страницу из моего сердца.
Они были такими крошечными,
Что я мог бы раздавить их пером.
Еще многие барахтались в чернильнице.
Странно было
Писать этим красным месивом,
Окрашенным кровью моего сердца [1].

Что же роднит отношение к творчеству этих двух совершенно разных писателей? На наш взгляд, присущая им обоим человечность. В остроумных шутках и веселых бурлесках Ликока заключена глубокая жизненная правда; они полны неподдельного сочувствия людям, особенно тем, кому выпал в жизни несправедливый жребий. Исследователь роли и места юмористики в литературе и в жизни, Ликок в своем очерке «Юмор, как я его понимаю» пишет так: «...глубокая основа того, что принято называть юмором, видна только тем немногим, кто сознательно или случайно задумывался над его природой. Юмор народов мира, в его лучших образцах,— величайшее создание цивилизации. Речь идет не о пароксизмах смеха, вызываемых кривлянием обсыпанного мукой или измазанного сажей клоуна, подвизающегося на подмостках убогого варьете, а о подлинно великом юморе, освещающем и возвышающем нашу литературу в лучшем случае раз или, много, два в столетие. Этот юмор создается не пустыми шутками и дешевой игрой слов, ему чужды нелепые, бессмысленные сюжетные трюки, долженствующие вызвать смех; он исходит из глубоких контрастов самой жизни... И тогда смешное (в его широком смысле) сливается с патетическим, образуя то вечное и неразрывное единство слез и смеха, которое и есть наш удел в земной юдоли» [2].

Образцом для себя считал Ликок произведения своих предшественников — Чарлза Диккенса, Марка Твена и О. Генри. Он много лет изучал их творчество, писал о нем в своих критических работах и даже во многом перенял некоторые их творческие достижения, хотя ни

[1] Перевод автора предисловия.
[2] Перевод М. Кащеевой и Б. Колявкина.

в коей мере не пытался им подражать. Сочинения этих писателей явились той благодатной почвой, на которой взошло зерно дарования самого Ликока. Во многом он продолжатель их лучших традиций. Ему и его старшему современнику — Джерому К. Джерому выпала участь стать последними из плеяды великих англо-американских юмористов XIX—XX веков.

Что же отличает юмор самого Ликока? Прежде всего, попробуем разобраться, ближе ли он к английскому или к американскому юмору. Английский юморист и литературный критик, главный редактор журнала «Панч» Оуэн Симэн писал: «В Америке и в Англии под юмором понимают не одно и то же. Когда нам, англичанам, не нравятся шутки американцев, те говорят, что мы слишком чопорны и не способны их понять; когда же они не понимают нашего, английского юмора, они говорят, что это вообще не юмор. Юмор же мистера Ликока — по происхождению английский, однако писатель уловил и самый дух юмора американского. По-моему, он собрал все лучшее, что только есть в юморе обеих стран». Согласившись с последним утверждением Симэна, отметим все же, что, на наш взгляд, рассказы Ликока — это юмор нелепых и комических ситуаций, в которых оказывается заурядный, «средний» человек, юмор сильных преувеличений, а порой и абсурдных ситуаций. К такому юмору больше привычны американцы, они на нем воспитаны. Для англичан же типичен юмор характеров — вспомним хотя бы Шеридана и Диккенса. Это почти не свойственно творчеству Ликока, однако сама тонкость и филигранность его прозы заставляет вспомнить о лучших страницах юмора английского. Да и так ли необходимо высчитывать здесь точную пропорцию? Важнее, на наш взгляд, другое, то, что подметил критик влиятельного журнала «Аутлук» Э.-П. Херберт: «Подобно всем великим мастерам шутки — таким, как Диккенс, Джером, О. Генри или Марк Твен,— Стивен Ликок — больше чем юморист, он философ, обладавший счастливым даром маскировать глубокие мысли под вуалью легкой насмешки».

Глубоко не правы те, кто видят в его юморесках лишь непритязательное чтиво, которое берут с собой в дорогу, чтобы скоротать время. Ликок всегда пытался понять окружающую жизнь, уяснить себе ее движущие силы, вскрыть недостатки. И нельзя сказать, что наблюдаемая им картина вызывала у него чувство удовлетворения. В рассказе «Человек в асбесте» он пишет: «Тот мир,

в котором мы сейчас живем — с его гудящими машинами, напряжением, тяжелым трудом рабочих масс, с его непрерывной борьбой, бедностью, войнами, жестокостями,— меня всегда несказанно пугал». Писателю было ясно, что мир этот становится чужд, чуть ли не враждебен простому человеку. И все его рассказы предназначены для этого, как его называл Голсуорси, «маленького человека», а иногда и написаны от его лица. Впрочем, тема «маленького человека», очевидно, одна из ключевых тем, разрабатывавшихся в XX веке, причем не только в литературе. Вспомним хотя бы фильмы Чаплина, прозу Франца Кафки, оперу Альбана Берга «Воццек», да и саму открывшую тему пьесу Голсуорси «Маленький человек».

По сути дела, «маленький человек», или, как его называет сам Ликок, «everyman», то есть обыкновенный, средний человек,— основной «герой» произведений писателя. Ликок посмеивается над его невезучестью, застенчивостью («Моя банковская эпопея», «Размышления о верховой езде»), с сочувствием пишет о его нелегких попытках заработать на хлеб насущный («Эсперимент с полисменом Хоганом»), а главное — о той мертвящей скуке, которая является неразлучной спутницей всей его жизни. Отсюда запойное увлечение детективными романами («В ожидании убийства»), тяга к сверхъестественному («Дела сверхъестественные»), стремление удрать от благ цивилизации на лоно природы («Прочь от цивилизации»). Иногда дела «маленького человека» совсем плохи, и он вынужден, не найдя работы, просить милостыню («Джезекия Гэйлофт и его борьба за существование»), иной же раз ему вдруг сказочно везет — «с неба» сваливается богатство («Секрет успеха»). И с «маленьким человеком» внезапно происходит метаморфоза — он становится «большим человеком». О, это уже совсем другая категория людей! Откуда ни возьмись появляются у них самоуверенность, наглость, даже цинизм («Наши благодетели бизнесмены», «История преуспевающего бизнесмена, рассказанная им самим»). Впрочем, откуда взяться высоким душевным качествам, например, у обывателя из рассказа «Как стать миллионером», только и помышляющего о том, чтобы разбогатеть любой ценой? «Большим людям» можно все — распоряжаться церковными должностями («Наши благодетели бизнесмены»), посылать на войну вместо себя своих слуг («Самопожертвование мистера Спагга»), можно даже совершенно не напрягать свои умственные способности — ведь «мыслить им вообще ни

к чему». Трудно лишь одно — разориться: если даже они вдруг станут покупать падающие в цене акции, как Томлинсон из романа «Охотники за долларами», пронесется слух, что «воротилы» в них заинтересованы и хотят реорганизовать данное предприятие, в результате чего все на бирже бросятся покупать именно эти акции. Поистине деньги притягивают деньги.

Но вот, разбогатев, бывший «маленький человек» начинает понимать, что с его знаниями и кругозором появляться в высшем свете стыдно. И он спешно хватается за какой-нибудь из многочисленных справочников «обо всем», которые, похоже, как раз и предназначены для подобных случаев. Таких пособий и руководств на все случаи жизни в Америке и Канаде уже в начале века было пруд пруди. Ликок, конечно, не упускает случая поиздеваться. Так появляются его «пособия для занятых людей» («Очерки обо всем», «Краткое общеобразовательное пособие»).

Вообще, надо отметить, что жанр пародии для Ликока — один из самых любимых. Создается впечатление, что писатель способен спародировать все, что угодно. Рассказы «Секрет успеха», «История преуспевающего бизнесмена, рассказанная им самим» и «Том Лэчфорд, предприниматель» — это замечательные по остроумию пародии на чрезвычайно распространенную в литературе Американского континента «деловую повесть», в которой зачастую не соблюдается ни логика сюжета, ни логика человеческих характеров, не говоря уже о том, что обнаружить здесь какую-либо мало-мальски здравую мысль совершенно невозможно.

Излюбленная мишень сатирических стрел Ликока — различного рода руководства и пособия, дающие читателю полезные советы на все случаи жизни. Таковы, например, хорошо известные советскому читателю рассказы «Как стать врачом», «Как дожить до двухсот лет», «Как мы с женой построили дом за один фунт два шиллинга шесть пенсов», а также публикуемые в настоящем сборнике «Советы путешественникам» и «Зимние развлечения». Ликок пародирует самую разнообразную халтуру, наводнившую книжный рынок. Это душещипательные «дамские» романы («Неотразимая Винни», «Сломанные преграды»), заумные научные трактаты («Новое в патологии»), низкопробные детективы («За волос повешенный», «Как вы думаете, кто это сделал?», «В ожидании убийства»).

Как всякий большой писатель, Ликок опережал свое время. Так, он уже в 1911 году написал пародию на научно-фантастический роман: «Человек в асбесте: аллегория будущего». Герой ее переносится в отдаленное будущее, где людям уже не надо трудиться, думать, стремиться к высоким идеалам, не надо даже затрачивать каких-либо усилий, чтобы жить,— ведь «с того момента как человечество направило всю свою энергию на то, чтобы уменьшить круг своих потребностей, а не на то, чтобы увеличить круг своих желаний, все стало сразу чрезвычайно легко и просто». Герой рассказа в ужасе: «Так это ваша пресловутая цивилизация? Это скучное, мертвое существование?.. Верните мне обратно мою прежнюю, старую жизнь с ее борьбой за существование, с ее тяжелым трудом, разочарованиями, с ее сердечной тоской. Я узнал ей настоящую цену... Мне не нужно покоя!» Заметим, что в те годы научная фантастика как жанр находилась еще у своих истоков, так что надо по достоинству оценить дар предвидения, проявленный писателем. Предугадал он также свойственное начинавшемуся XX веку увлечение астрологией и, разумеется, не упустил случая его высмеять («Дела сверхъестественные», «Мое путешествие в мир духов»).

Очень тонко стилизованы пародии Ликока, трактующие чисто литературные проблемы. К таковым можно отнести рассказ «Трагедия сверхдуши», в котором пародируются многочисленные эпигоны, пытавшиеся подражать весьма популярным во всем мире романам Льва Толстого и Тургенева, а также такие произведения, как «Оптимистическая литература», «Ответ поэту» и «Салунио».

Совершенно уморительны юмористические «лекции» Ликока, где писатель с самым серьезным видом говорит весьма забавные вещи («О ходьбе», «Убийства оптом — по два с половиной доллара за штуку»). Рассказывают, что один пламенный почитатель Ликока, не зная, что перу того же автора принадлежит множество научных трудов, читал, захлебываясь от хохота, его «Элементы политической науки» и, только добравшись до середины книги, сообразил, что это не очередная «лекция», а написанный всерьез научный трактат.

Не обошел вниманием писатель и политические проблемы своего времени. В рассказе «Прародительница парламентов» он дает гротескную картину заседания английской палаты общин. Для этого ему понадобилось лишь довести до абсурда характерные особенности функ-

ционирования любого парламента: длительные обсуждения пустячных вопросов, перескакивание от одной проблемы к другой, свары между депутатами, несерьезность и элементарная невоспитанность многих из них. Не случайно автор отмечает: «В последнее время заседания палаты стали как-то уж слишком походить на съезд ковбоев Монтаны...» К парламентской теме Ликок возвращается в рассказе «Лорды и образование», где показано, что парламентское «редактирование» может извратить даже стройную логическую мысль самого Евклида. Пародирует писатель и еще одну характерную особенность нашего века — заключение многочисленных международных договоров о ненападении («Ратификация нового морского несоглашения»). Он клеймит позором государственных деятелей, прикидывающихся миротворцами и даже принимающих на себя обязательство «никогда не вести войны, за исключением тех случаев, когда это им выгодно». Если вспомнить историю XX века, нельзя не прийти к выводу, что государственные мужи не принимали всерьез подобных договоров, а войны оказывались выгодными слишком часто. Антивоенной теме посвящены и многие другие рассказы Ликока, такие, как «Братская любовь народов», «Великосветский клуб во время войны», «Самопожертвование мистера Спагга», «Справедливые жалобы на войну».

Весьма интересен единственный роман Стивена Ликока «Охотники за долларами». Критики в свое время не восприняли его всерьез, считая, что Ликок чистой воды новеллист и писание романов не его дело. Так у писателя отбили охоту выступать в этом жанре. А жаль! На наш взгляд, роман очень хорош. Ликока упрекали в том, что книга построена в форме цепочки связанных общими героями новелл, что в общем-то не характерно для романа. Но может быть, подобная композиция книги — ее достоинство, а не недостаток? Во всяком случае, необычность ее построения и пронизывающий повествование легкий, непринужденный юмор придают ей особое своеобразие. Больше всего она напоминает повесть О. Генри «Короли и капуста» (1904), известную советскому читателю в блестящем переводе Корнея Чуковского. Только действие у Ликока происходит не на юге, а на севере Американского континента.

Если точнее перевести с английского языка название романа, оно будет звучать примерно так: «Праздные богачи и их приключения в Аркадии». Под Аркадией,

судя по всему, надо понимать место, где происходит действие, то есть маленький городок не то в Америке, не то в Канаде, отнюдь не похожий на райский уголок. Есть в книге и «охотники за долларами», например два дельца с характерными именами Асмодей Баулдер и Лукулл Файш, пытающиеся выманить деньги у посетившего Американский континент английского герцога. Нет лишь «праздных богачей» — за небольшим исключением, все герои романа развили кипучую деятельность, пытаясь преумножить свои богатства или хотя бы поправить материальное положение. Дух наживы витает над городком. Вот у дельцов от религии, а одновременно и у дельцов от бизнеса возникает мысль... слить епископальную и пресвитерианскую церкви в одно предприятие и собирать доходы в общую кассу. И что бы вы думали? Законы коммерческой выгоды побеждают, и церкви, подобно каким-нибудь промышленным предприятиям, объединяются.

Потом деловые люди города решают в целях вящего обогащения обновить верхушку городского муниципалитета. Для этого они организуют «Лигу борьбы за честность, чистоту и неподкупность». Начинает свою деятельность лига с того, что подкупает редакции нескольких газет и журналов, а затем — с помощью крупных должностных окладов — и нужных им чиновников. Обосновывается это так: «Большое жалованье сразу создает новый класс людей. Пока вы платите тысячу пятьсот долларов, вы наполняете вашу управу людьми, которые готовы производить всякого рода грязную работу за полторы тысячи долларов; если же вы платите десять тысяч, вы получаете людей с более широкими взглядами; их уже нельзя в любой момент подкупить пятидесятидолларовой бумажкой». Короче говоря, подкупать так подкупать — так, чтобы уже не перекупили.

После этого лига начинает готовиться к выборам. На предвыборном собрании звучат такие речи: «Участие женщин в политической жизни страны, несомненно, имеет глубокое облагораживающее значение, и я рад доложить вам, что миссис Бенкомхирст и ее друзья сорганизовали всех женщин города, имеющих право голоса. Они известили меня, что потребуется всего пять долларов за голос. Часть женщин, иностранок из низших классов, у которых еще недостаточно развито чувство политической морали, удалось привлечь за такую ничтожную плату, как один доллар за голос».

О самих же выборах «сохранилась память как о самых чистых, самых незапятнанных выборах за все время существования города. Организованные граждане образовали внушительную силу, чтобы обеспечить себе полное отсутствие противодействия. Банды студентов доктора Бумера, вооруженные хоккейными палками, окружали все избирательные киоски и строго следили за чистотой игры. Всякий гражданин, желавший опустить в урну «нечистый» бюллетень, оттаскивался от будки, а все «нечистые» граждане, пытавшиеся силой или наглостью проникнуть к избирательным урнам, беспощадно избивались. В Нижнем городе отряды добровольцев, набранных большей частью из подонков, поддерживали порядок при помощи мотыг». Конечно, при таких условиях «победа была полной, исчерпывающей». Только вот кто победил? Народ ли? Вовсе нет. Утром после пиршества по случаю победы «граждане города — самые лучшие из них — потянулись домой, где их ожидал вполне заслуженный ими сон, а в Нижнем городе остальные жители стали подниматься, собираясь на свою тяжелую работу». Да, не их это была победа.

Тема выборов как одного из основных институтов демократии, очевидно, волновала Ликока, и он не раз к ней возвращался. Этой теме посвящены многие его рассказы.

В пределах одной книги трудно продемонстрировать все грани незаурядного дарования Ликока-юмориста. Мы постарались по возможности более полно отразить наиболее характерные для его творчества жанры: юмористические рассказы, пародии, политические сатиры, роман, шуточные «лекции». Значительно большая часть произведений писателя осталась за рамками настоящего сборника. Однако и те, что включены в его состав, как нам кажется, дают представление о месте, занимаемом их автором в истории литературы.

В нашей стране произведения Стивена Ликока известны давно — с 20-х годов. Открыл нового писателя замечательный поэт и переводчик Михаил Зенкевич. По его инициативе в московском акционерном издательстве «Земля и фабрика», которым с 1922 года руководил другой известный поэт — Владимир Нарбут, вышло подряд несколько сборников рассказов и пародий Ликока. Большую работу проделал сам Зенкевич — нашел переводчиков, подобрал рассказы, а затем отредактировал их переводы. Часть из них наряду с новыми переводами включена и в настоящий сборник. Издания произве-

дений Ликока предпринимались в нашей стране также в 60-е годы.

Так что имя писателя известно не одному уже поколению советских читателей. Каждое из них находит в его сатире что-то близкое именно ему, актуальное и злободневное именно сейчас. Да и комические герои Ликока заставляют читателей с интересом и сочувствием следить за перипетиями нелегкого своего житья-бытья. Надеемся, обаяние этого юмора не исчезло с годами и будет по достоинству оценено нашими современниками.

А. Кудрявицкий

ОБРАЩЕНИЕ К СРЕДНЕМУ ЧЕЛОВЕКУ

Основная цель этих заметок — обращение к среднему человеку. Чтобы с наибольшим успехом выполнить эту задачу, я изучил данные всеобщей переписи Соединенного Королевства, желая определить, что именно представляет собой средний человек, средний мужчина.

По части местожительства единственно логичным было предположить, что средний мужчина живет в центре страны. Другими словами, в Великобритании он живет в Гоптон-Поттсе, в'Нордхэмпшире; но если считать и Ирландию, то он живет приблизительно милях в восьми от берега в Ирландском море.

Ростом он достигает пяти футов восьми дюймов, запятая, четыреста семнадцать тысячных, а вес его в английских единицах составляет сто тридцать девять фунтов, две унции и три пенса. Восемь десятых его головы

покрыто волосами, а бакенбарды, если разостлать их по его лицу, закроют его на одну десятую квадратного дюйма.

Средний мужчина ходит в церковь шесть раз в год, посещает воскресную школу в продолжение двух вечеров и может спеть половину церковного гимна.

Хотя из этого следует, что средний мужчина довольно-таки слаб насчет веры, зато по части нравственности этот малый поразительно силен. Только одну неделю за всю свою жизнь он проводит в арестантских ротах, если взять среднюю сумму краж и разделить ее на число жителей, то оказывается, что он украл всего только семнадцать шиллингов. Вдобавок он никогда не лжет, если не предвидится какой-нибудь определенной материальной выгоды.

По статистике, средний мужчина — небольшой охотник путешествовать. Бедняга всего на шестьдесят две мили удалился от своего дома. Ему принадлежит девять десятых фордовского автомобиля, он прокалывает по шине в каждые двадцать два дня и в течение всей жизни проводит полтора месяца под своим автомобилем.

Образование среднего мужчины стоит семьдесят фунтов шесть шиллингов и четыре пенса. Но на этом пути он недалеко ушел и остановился — согласно статистике народного просвещения — на расстоянии года от состояния готовности к поступлению в колледж. Бóльшая часть полученных знаний не имеет для него никакого значения. Он бросил заниматься алгеброй, даже не успев понять, что это за штука.

Дойдя до этой точки своего исследования, я начал догадываться, какой он несчастный, этот средний человек. Представьте себе только этого малорослого мужчину с его подбородком, «фордом» и боязнью темноты, обитающего в Гоптон-Поттсе или где-нибудь в Ирландском море! Подумайте только о его ограниченном умишке! Средний человек, по-видимому, никогда не составляет себе соб-

ственного мнения о чем бы то ни было. Бедняга просто-таки не может сделать этого. Он усваивает мнения других людей.

Мне бы ужасно хотелось начать движение за повышение нашего среднего уровня! Не подлежит сомнению, что если бы все мы хорошенько поднатужились, то могли бы высоко подняться над этим уровнем. С точки зрения математики сие представляется несколько трудным, но это пустяки.

Подумайте, как хорошо было бы возвыситься над средним уровнем — общаться с мужчинами семи футов ростом и с женщинами шести футов в обхвате; говорить с людьми, лгущими не иначе как за большие деньги, и иметь друзьями людей, способных разгадывать шарады без помощи Британской Энциклопедии!

Но вся беда этого начинания в том, что если бы я действительно осилил его и мне удалось бы ценой величайших трудов и массированной пропаганды его продвинуть, то тут же набежал бы всем стадом не кто иной, как все тот же средний человек! Пока не будет результата, он останется в стороне. Но чуть только кто-то достигнет успеха — и он окажется тут как тут! Таково уж свойство его подлой натуры.

Словом, когда я начинаю размышлять, мне не так уж хочется обращаться к среднему человеку. Его ничто не занимает, пока чья-нибудь затея не увенчалась в чужих руках головокружительным успехом.

Доведя свое исследование до этой точки, я замечаю, что совсем позабыл о средней женщине. Как обстоит дело с нею? Где она обретается?

Я взялся за тома отчетов о переписи и вновь проштудировал их.

Средняя женщина, как оказалось, живет не в Гоптон-Поттсе и не в Ирландском море. Так как процент женского населения значительно выше в южной части страны, то средняя женщина живет в четырнадцати милях южнее среднего мужчины. Но она с каждым днем

все больше приближается к нему. О, когда-нибудь она настигнет его, не сомневайтесь!

Выясняется также, что средняя женщина на полдюйма выше ростом, чем средний мужчина. Каждая в отдельности женщина, без сомнения, ниже ростом, чем мужчина; но в среднем женщина чуточку выше. Мужчине, пожалуй, будет трудновато понять, как это получается, но женщина поймет сразу.

Что касается внешности, то можно считать, что у женщины волосы в среднем спускаются чуть ниже ворота сорочки, а юбки в среднем на два дюйма выше, чем в прошлом году.

Средняя женщина выходит замуж в двадцать семь лет, рожает двух с четвертью детей и разводится раз в каждые восемь лет.

Нравственностью средняя женщина значительно опередила среднего мужчину. Это и так известно каждому, но приятно найти подтверждение этого факта в сухих и бесстрастных данных статистики.

Мужчина, как мы видели, проводит неделю своей жизни в арестантских ротах. Женщина проводит там всего полдня. За всю свою жизнь она потребляет только два с половиной стакана виски, но, с другой стороны, съедает, по данным переписи, четыре тонны леденцов. Она предана своим двум с четвертью детям, но из-за четверти ребенка поднимает больше шума, чем из-за целых двух детей.

Что касается интеллекта, то средняя женщина не умеет рассуждать и мыслить. Зато она умеет спорить. Средняя женщина, согласно данным статистики народного просвещения, в арифметике дошла только до неправильных дробей. Они остановили ее дальнейшее развитие.

И все же, если взять ее такою, как она есть — даже с волосами, подстриженными под фокстрот, с юбкой короче, чем когда бы то ни было раньше, и неспособностью складывать цифры и рассуждать здраво,— все же

она молодец. Средний мужчина предстает перед нами каким-то жалким, ничтожным моллюском, тогда как средняя женщина, чем больше я о ней думаю, тем больше она мне нравится.

Может быть, подумав хорошенько, мне следовало посвятить эту книжку Средней Женщине. Но, к несчастью, Средняя Женщина ничего не читает — или ничего, кроме амурных повестей.

Стивен Ликок

Охотники за долларами

РОМАН

Глава первая

НЕБОЛЬШОЙ ЗВАНЫЙ ОБЕД МИСТЕРА ЛУКУЛЛА ФАЙША

Мавзолей-клуб находится в самой спокойной части одной из наиболее населенных улиц города. Здание из белого камня построено в греческом стиле. Вокруг него растут величественные вязы, на ветвях которых ютятся певчие птицы.

В ранние утренние часы на улице царит почти благоговейная тишина. Громадные машины без седоков, с одними шоферами, сонно двигаются по ней, возвращаясь к половине одиннадцатого домой, после того как отвезли в городские конторы тех из миллионеров, которые привыкли рано подниматься с постели. Лучи солнца, проникая сквозь ветви вязов, освещают дорого оплачиваемых нянь, катающих драгоценных детей в маленьких колясочках. Некоторые из детей стоят много, очень много миллионов. В Европе, без сомнения, вы можете увидеть на Унтер-ден-Линден или Елисейских полях маленького принца или принцессу, которым военный караул с трепетом отдает честь. Но это сущие пустяки. Это и наполовину не так внушительно, в настоящем смысле этого слова, как то, что вы можете наблюдать ежедневно по утрам на Плутория-авеню, возле Мавзолей-клуба, в самой тихой части города. Здесь вы можете лицезреть с трудом переваливающуюся на своих слабых ножках маленькую принцессу в кроличьем пальто, которой безраздельно принадлежат пятьсот винокуренных заводов. Здесь в лакированной колясочке прячется маленькая головка в капоре, руководящая из своей колыбельки всем Новым Трикотажным Синдикатом. Министр юстиции Соединенных Штатов качает колыбельку, где сидит младенец, которого он тщетно пытается заставить отказаться от синдикатской системы и согласиться с законными формами акционерной компании. Вблизи резвится ребенок четырех лет в костюмчике цвета хаки, объединяющий в своем лице две главные

железнодорожные линии. Вы можете встретить здесь принцев и принцесс куда более реальных, чем те бедняжки, которые сохранились еще в Европе. Несть числа детям, которые трясут своими погремушками из слоновой кости, приветствуя друг друга. Миллионы долларов в гарантированных процентных бумагах весело смеются в детской колясочке-ходульке, подталкиваемой важной няней. И все это залито солнечными лучами, пробивающимися сквозь ветви вязов; и птицы щебечут, и моторы пыхтят, так что весь мир, доступный наблюдению с бульвара Плутория-авеню, кажется самым приятным местом, какое только можно себе вообразить.

Дальше, как раз за Плутория-авеню и параллельно ей, деревьев уже нет; там начинается царство кирпича и камня. Даже с авеню видны верхушки небоскребов больших торговых улиц и слышен рев подземных железных дорог, вырабатывающих дивиденды. А на периферии город спускается еще ниже и подпирается и сжимается извилистыми улицами и маленькими домами грязных переулков.

В сущности, если вы взберетесь на крышу Мавзолей-клуба, что на Плутория-авеню, то сможете разглядеть оттуда грязные переулки Нижнего города. Но зачем вам это делать? С другой стороны, если вы никогда не станете лазить на крышу клуба, а будете только обедать внутри, между вязами, вы никогда не узнаете о существовании этих грязных улиц,— и это будет много лучше. В клуб ведет широкая лестница, такая пологая и столь тщательно устланная коврами, что физическое напряжение, необходимое для того, чтобы пройти расстояние от машины до дверей клуба, доведено до минимума. Богатые члены клуба не стыдятся подниматься по лестнице, ставя на каждую ступеньку сначала одну ногу, а затем и другую; в тяжелые же финансовые периоды, когда черное облако повисает над биржей, вы можете увидеть, как каждый из членов Мавзолей-клуба втаскивает себя наверх именно таким способом, причем в его беспокойных глазах видна безмолвная ажитация человека, жаждущего узнать, нельзя ли где-нибудь зацепить полмиллиона долларов.

Но в более веселые времена, когда в клубе устраиваются торжественные приемы, ступеньки широкой лестницы утопают в дорогих, мягких, как мох, коврах, а над ними воздвигается длинный шатер из красной и белой, как снег, материи, и прекрасные дамы стекаются на машинах в клуб. Тогда он на самом деле превращается в настоящую Ар-

кадию, и ради прекрасных пасторальных сцен, которые могут заставить возрадоваться сердце поэта, знающего цену вещам, меня командируют в Мавзолей-клуб. В такие вечера его широкие коридоры и просторные гостиные наполняются пасту́шками, каких вы никогда не видывали, пасту́шками в прекрасных, приводящих в восторг платьях, с перьями в волосах, спускающимися вниз под углами, вымеренными с тригонометрической точностью. Здесь же и пастушки́ в широких белых жилетах и лакированных туфлях, с грузными лицами и толстыми щеками. Здесь происходят танцы и ведутся разговоры между пастушка́ми и пасту́шками, блещущие такими каскадами остроумия и находчивости по поводу подъема цен на известь и падения цен на цемент, что душа Людовика XIV с радостью выпрыгнула бы из могилы, чтобы насладиться ими. А позже здесь ужинают за маленькими столиками, за которыми пастушки́ и пасту́шки пожирают гарантированные процентные бумаги и золотые займы в образе замороженного шампанского и холодной спаржи, и груды дивидендов и месячных бон разносятся на серебряных блюдах туда и сюда китайскими философами, наряженными в платье лакеев.

Но в обычные дни в клубе нет дам; там одни только пастушки́. Их можно видеть сидящими под пальмами небольшими группами по два-три человека и пьющими виски с содовой водой; более выдержанные из них пьют виски с минеральной водой, а те, которым предстоят важные дела после полудня, ограничиваются виски и Радкором или виски с Маги-водой. В подвалах Мавзолей-клуба скрыто столько разнообразных пенящихся и шипящих минеральных вод, сколько никогда не вытекало из скал гомеровой Греции. И раз вы поднялись по лестнице успехов до той ступеньки, когда начинают ими пользоваться, вам уже невозможно вернуться к обыкновенной воде, как немыслимо и жить в доме, затерянном на одной из боковых улиц, где вы долгое время обитали, пока не сделались членом клуба.

А члены клуба мирно сидят здесь и вполголоса ведут беседу, утопая в облаках дыма гаванских сигар. Более пожилые любят говорить о том, что страна неуклонно стремится к гибели, а молодые возражают им, доказывая, что, наоборот, страна быстро развивается, как никогда раньше; но больше всего они любят говорить о великих государственных вопросах, например, о покровительственных пошлинах и о необходимости их повышения,

о печальном падении нравственности среди рабочего класса, об усилении синдикализма и недостатке христианского чувства среди рабочих, о грозном росте себялюбия в народных массах.

Так беседуют они (за исключением двух-трех, которые уходят на совещание директоров) до тех пор, пока не наступают сумерки. Бессловесные китайские философы зажигают то здесь, то там лампочки, и волны мягкого света струятся между пальмами. Тогда члены клуба садятся обедать за белыми столами, сверкающими граненым хрусталем и зелеными и желтыми рейнскими винами, а после обеда опять располагаются между пальмами, наполовину скрытые в облаках голубого дыма, и продолжают свою беседу о пошлинах и о рабочем классе, стараясь потоками минеральных вод смыть горечь воспоминаний об этих вещах. Вечер кончается, и наступает ночь; громадные машины одна за другой, дребезжа, подкатывают к подъезду. Мавзолей-клуб пустеет, и огни начинают постепенно гаснуть, пока не увозят последнего члена клуба. День в Аркадии кончается, и для его членов наступает пора вполне заслуженного отдыха.

. . . .

— Я желал бы, чтобы вы высказали мне ваше мнение, но только совершенно откровенно,— сказал во время ленча мистер Лукулл Файш, обращаясь к достопочтенному Фарфорзсу Ферлонгу, сидевшему у противоположного конца стола.

— С удовольствием! — ответил мистер Ферлонг. Мистер Файш налил полный стакан содовой воды и протянул его своему собеседнику.

— Скажите, пожалуйста,— спросил он,— не слишком ли много здесь соды?

— Нет, ни в коем случае,— ответил мистер Ферлонг.

— А кислороду? Только, прошу вас, говорите не стесняясь.

— О нет, решительно нет!

— И вам не кажется, что процент двууглекислого натрия здесь слишком велик?

— Не кажется,— ответил мистер Ферлонг, на этот раз сказав правду.

— Ну что ж, прекрасно! — воскликнул мистер Файш.— Я велю подать эту воду сегодня герцогу Дюльгеймскому.

Он произнес имя герцога громко, но спокойно, с пол-

ным демократическим безразличием, желая этим подчеркнуть, что он совсем не интересуется, слышали ли его слова или нет те члены клуба, которые в это время там завтракали. Ведь, в конце концов, что значил герцог для человека, который был председателем обществ «Народная тяга», «Пригородное движение» и «Республиканская содовая вода», главным директором-распорядителем «Народного ссудо-сберегательного общества» и т. д.?! Если человек, подобный ему, опирающийся на народную поддержку, собирается принять герцога, то ясно, что здесь не может возникнуть никаких подозрений по поводу его мотивов. В этом нет никакого сомнения.

Естественно также, что человек, сам производящий содовую воду, готов проявить порой чрезмерную чуткость к возможному замечанию со стороны гостей, что в воде слишком много соды. Действительно, очень многие из членов Мавзолей-клуба или производят различные вещи, или приказывают их производить, или — что то же самое — поглощают их, когда они уже произведены. Это создает особый химический уклон в их отношении к пище, которую они принимают. Часто можно было видеть, как кто-либо из членов клуба неожиданно вызывал за завтраком старшего лакея, чтобы сказать ему, что в свиной грудинке слишком много аммония, а другой спешил заявить протест против чрезмерного количества глюкозы в прованском масле или по поводу того, что в анчоусах слишком высокий процент селитры. Человек с расстроенным воображением может подумать, что это ощущение химических веществ в пище есть своего рода Немезида для членов клуба, но это попросту смешно, так как в каждом таком случае старший лакей, который является главой вышеупомянутых китайских философов, неизменно отвечает, что он выяснит, в чем дело, и примет немедленно меры к уменьшению процента. Еще меньше смущаются члены клуба своими остальными занятиями — тем, что они производят, или тем, что они поглощают уже произведенные предметы.

Совершенно естественно и понятно, что мистер Лукулл Файш, прежде чем предложить содовую воду герцогу, хотел предварительно дать ее испробовать кому-либо другому. А разве можно было найти для этой цели более подходящее лицо, чем мистер Ферлонг, молодой настоятель церкви св. Асафа, который успел окончить престижный колледж, предназначенный для развития всевозможных дарований у юношей. Мало того, настоятель англи-

канской церкви, побывавший в иностранных миссиях, являлся в данном случае как раз тем лицом, у которого можно было как бы невзначай выведать, как нужно обращаться с герцогом, какой вести с ним разговор и как величать его — ваше сиятельство, или сиятельство, или просто герцог, или как-нибудь иначе. Все подобные вопросы казались директору «Народного банка» и председателю акционерной компании «Республиканская содовая вода» настолько ничтожными и пошлыми, что он считал ниже своего достоинства прямо их задать.

Вот почему мистер Файш пригласил мистера Ферлонга в Мавзолей-клуб позавтракать с ним, а затем и пообедать вместе с герцогом Дюльгеймским. А мистер Ферлонг, полагая, что духовное лицо должно всегда помогать людям и не избегать своего ближнего только потому, что он герцог, принял приглашение на ленч и обещал приехать на обед, хотя для этого и пришлось отложить занятия любительского рабочего танцкласса при церкви св. Асафа на следующую пятницу.

Так случилось, что мистер Файш, вопреки своему обыкновению, завтракал в клубе, поглощая котлетку и запивая ее выдержанным мозельским вином, хотя был настоящим демократом, а молодой настоятель церкви св. Асафа сидел напротив него, в религиозном экстазе трудясь над рагу из утки.

— Герцог прибыл сегодня утром, не правда ли? — поинтересовался мистер Ферлонг.

— Да, из Нью-Йорка,— ответил мистер Файш.— Он остановился в Гран-Палавере. Я послал ему телеграмму через одного из директоров нашего общества в Нью-Йорке, и его сиятельство любезно обещал прибыть сюда к обеду.

— Он приехал развлечься? — спросил настоятель.

— Я думаю...— Мистер Файш собирался сказать: «Для помещения значительной части своего состояния в американские предприятия», но воздержался. Даже с духовным лицом лучше быть осторожным. Поэтому он заменил готовые сорваться с его уст слова другими: — Он собирается изучать американскую жизнь.

— Герцог долго пробудет здесь? — спросил мистер Ферлонг.

Если бы мистер Файш хотел дать чистосердечный ответ, он сказал бы: «Нет, если мне удастся вскоре выманить у него деньги», но он ответил только:

— Этого я не знаю.

— Он найдет здесь много любопытного,— продолжал настоятель задумчиво.— Положение англиканской церкви в Америке должно навести его на серьезные размышления. Надо полагать,— добавил он,— герцог глубоко религиозный человек?

— Очень религиозный,— ответил мистер Файш.

— И большой филантроп?

— Несомненно!

— Я думаю,— сказал настоятель,— что он обладает колоссальным состоянием.

— Я тоже,— заявил с полным безразличием мистер Файш.— Все эти ребята очень богаты. (Мистер Файш обычно называл английскую аристократию «этими ребятами».) Земли, знаете ли, феодальные имения,— чистый грабеж, как я это называю. Почему рабочий класс, пролетариат, поддерживает такую тиранию, это выше моего понимания. Запомните мои слова, Ферлонг: в один прекрасный день он поднимет восстание, и весь строй неожиданно рухнет.

Мистер Файш сел на своего любимого конька, но на минуту он сам прервал себя, чтобы сказать лакею:

— Черт возьми, о чем вы думаете, подавая холодную спаржу?

— Очень сожалею, сэр,— ответил лакей,— прикажете убрать?

— Убрать? Конечно, уберите и не вздумайте вторично подать мне что-либо в этом роде. А не то я сообщу об этом куда следует.

— Очень сожалею, сэр,— пробормотал лакей.

Мистер Файш с нескрываемым презрением посмотрел вслед уходившему лакею.

— Эти избалованные пролетарии становятся невыносимыми,— сказал он.— Ей-богу, если бы это зависело от меня, я бы разделался с большинством из них, отказал бы им от места и выгнал на улицу. Это образумило бы их. Да, Ферлонг, вы доживете еще до того времени, когда весь рабочий класс в один прекрасный день восстанет против тирании высших классов, и нынешний социальный строй будет разрушен.

Но если бы мистер Файш мог догадаться, что в тот момент, когда он это говорил, на кухне Мавзолей-клуба стоял, прислонившись к буфету, делегат «Интернационального союза лакеев» и, надвинув на глаза свою полукруглую шляпу, вел беседу с небольшой группой китайских философов, то он бы понял, что социальная

катастрофа была гораздо ближе, чем он это предполагал.

. . . .

— Вы пригласили еще кого-нибудь на обед? — спросил мистер Ферлонг.

— Я очень хотел бы видеть за столом вашего отца,— ответил мистер Файш,— но, к сожалению, его нет в городе.

Однако его слова следовало понимать так: «Я очень рад, что обстоятельства избавили меня от необходимости пригласить вашего отца, которого я ни в коем случае не хочу знакомить с герцогом». Дело в том, что присутствие на обеде мистера Ферлонга-старшего совершенно не соответствовало целям, которые ставил себе мистер Файш. Мистер Ферлонг-старший был председателем целого ряда торговых предприятий с церковным оттенком и слыл очень ловким человеком. В этот момент его не было в городе, так как он был занят в Нью-Йорке выпуском нового издания Евангелия в переводе на индусский язык. Но знай он о приезде герцога с целью выгодного помещения нескольких миллионов долларов, он ни за что не выехал бы из города, если бы даже ему предложили взамен целый Индустанский полуостров.

— Вы, вероятно, пригласили мистера Баулдера? — спросил настоятель.

— Нет! — решительно сказал мистер Файш, не повторив даже его имени.

Дело в том, что у него было еще больше оснований не знакомить с герцогом мистера Баулдера. Мистер Файш уже сделал однажды подобного рода ошибку и не имел никакого намерения допустить ее вторично. Всего лишь год тому назад, во время посещения Мавзолей-клуба молодым виконтом Фиц-Тистлем, мистер Файш познакомил мистера Баулдера с виконтом и жестоко поплатился за это, потому что мистер Баулдер, встретив виконта, сейчас же пригласил его на охоту в свой заповедник в Висконсине, и на этом кончились все разговоры о помещении капиталов Фиц-Тистля.

Мистера Баулдера, о котором говорил мистер Файш, можно было видеть в этот момент в том же зале за одним из столиков, где он в одиночестве уплетал свой завтрак. Это был старик крепкого телосложения, хотя силы его и были уже основательно надломлены, с белой бородой и с такими приспущенными веками, что можно было подумать,

будто он собирается сейчас заплакать. Голубые глаза его смотрели куда-то вдаль, а спокойное скорбное лицо и большие покатые плечи ясно говорили о его связи с мистическими тайнами крупной финансовой политики.

По-видимому, над ним повисло облако меланхолии, потому что, когда он говорил о привлеченных капиталах и накопившихся дивидендах, в его спокойном голосе чувствовалась такая глубокая грусть, словно речь шла о вечных загробных муках и возмездии за грехи человеческие.

Что стоило такому великану справиться с болтливым виконтом, с грубоватым герцогом или с франтоватым итальянским маркизом?! Сущие пустяки!

Методы обращения мистера Баулдера с титулованными заезжими гостями, искавшими, куда бы пристроить свои капиталы, были глубоко продуманы. Он никогда не говорил с ними о деньгах ни слова. Он только рассказывал им о величественных американских лесах — он родился шестьдесят пять лет тому назад в лесу, где заготовлялся строительный материал,— и когда он говорил о девственных лесах, о вое волков по ночам среди сосен, в его голосе звучало нечто такое, что очаровывало заезжего слушателя; когда же он переходил к рассказу о своем охотничьем заповеднике близ Висконсинских лесов, то герцог, граф или барон, у которых всегда под рукой была нарезная двустволка, превращались в сплошное внимание... и погибали.

— У меня там в Висконсине,— обычно говаривал мистер Баулдер своим глубоким, похожим на рыдание, голосом,— нечто вроде охотничьего домика... так вы бы назвали его. Простое строение,— пояснял он, почти рыдая,— сколоченное из бревен.

— О, сколоченное прямо из бревен?! — прерывал его заезжий гость.— Как интересно!

Все титулованные люди сразу же приходят в восторг от бревен, и мистер Баулдер знал это, по крайней мере улавливал своим подсознательным «я».

— Да, из бревен,— тянул он тем же скорбным голосом,— из цельного, неотесанного кедра, знаете, из первобытных строевых деревьев... Я приказал вырубить их в соседнем лесу.

К этому времени возбуждение слушателя достигало крайнего напряжения.

— И там есть охота? — обычно спрашивал тот.

— Да, там водятся волки,— отвечал мистер Баулдер прерывистым от огорчения голосом.

— И они очень свирепы?

— Страшно! Никак не можем с ними справиться...

При этих словах титулованный собеседник загорался непреодолимым желанием сейчас же отправиться в Висконсинский лес, не дожидаясь даже приглашения со стороны мистера Баулдера.

И когда, неделю спустя, такой собеседник возвращался из охотничьего заповедника мистера Баулдера, загорелый, в грубых сапогах, увешанный волчьими зубами, все его состояние так фундаментально застревало в предприятиях мистера Баулдера, что вы напрасно старались бы вытрясти из его карманов хоть двадцать пять центов. И вся сделка совершалась как бы совершенно невзначай — во время большой охоты в Висконсинских лесах, когда на снегу лежал один или два убитых волка.

Поэтому неудивительно, что мистер Файш не предполагал приглашать мистера Баулдера на свой званый маленький обед. На самом деле задача мистера Файша состояла именно в том, чтобы скрыть от герцога существование мистера Баулдера и его охотничьего домика из бревен.

Не следует удивляться и тому, что, как только мистер Баулдер прочел в газетах заметку о прибытии герцога в Нью-Йорк и узнал из «Коммерческого эха» и «Финансового подголоска», что герцог собирается посетить город с целью вложить свои деньги в американские предприятия, он сейчас же протелефонировал в свою маленькую усадьбу в Висконсине — конечно, там сохранился с первобытных времен телефонный провод — и приказал своему управляющему хорошенько проветрить и протопить дом; при этом он специально поручил ему выяснить, не смогут ли местные оборванцы добыть живьем одного или двух волков, если таковые потребуются.

. . . .

— Еще кто-нибудь будет на обеде? — спросил настоятель.

— О да! Президент университета Бумер. Всего нас будет четверо. Полагаю, герцогу интересно будет встретиться с Бумером. Он, возможно, рад будет услышать что-либо об археологических находках на континенте.

Действительно, если любознательность герцога распространялась на археологию, то его свидание с великим Бумером, президентом Плутория-университета, было бы очень кстати.

Если бы он захотел получить точные сведения о различии между мексиканским «пуэбло» и жилищем племени навахо, то этот случай был бы самый благоприятный. Если бы он воспылал желанием уделить некоторое время — ну, скажем, полчаса — на беседу об относительной древности неандертальского черепа и песчаных отложений Миссури, то и в этом случае его встреча с Бумером была бы продуктивна. Ведь герцог мог получить от президента Бумера столь же исчерпывающие сведения о каменном и бронзовом веке, как от мистера Файша и мистера Баулдера о веке золота и веке денежного кредитного обращения.

Ну что, разве не удачен был выбор ученого археолога и президента университета для беседы с герцогом?

И если бы герцог в результате посещения Америки (ибо доктор Бумер, который знал все, понимал, зачем герцог прибыл в Америку) почувствовал склонность, ну, скажем, сделать вклад для поощрения изучения первобытной антропологии, разве это не было бы прекрасно? И если бы герцог пожелал внести в фонд Плутория-университета скромную сумму, достаточную хотя бы для того, чтобы президент мог уволить старого профессора и пригласить нового, то и это было бы достаточным основанием для их встречи.

Поэтому президент с живостью ответил согласием на приглашение мистера Файша и сейчас же стал просматривать списки своих менее компетентных профессоров... для освежения памяти.

. . . .

Герцог Дюльгеймский пять дней назад высадился в Нью-Йорке и тотчас же стал усиленно искать глазами поля турнепса, но нигде не нашел их. Он направился затем на Пятое авеню с намерением напасть на след картофеля, но там его не было. Не разыскал он также ни коротких быков в Центральном парке, ни длиннорогих быков на Бродвее. Ибо герцог наш, подобно всем герцогам был завзятым агрономом — от норфолкского жакета до подбитых гвоздями сапог.

В ресторане он разрезал картофелину на две части и одну из них послал метрдотелю, чтобы узнать, бермудский ли это картофель. По всей видимости, картофель был ранний бермудский, но герцог боялся, что это, судя по его окраске, лишь поздний тринидадский. Метрдотель направил картофелину главному повару, по ошибке приняв

вопрос герцога за жалобу, а главный повар вернул ее герцогу с сообщением, что картофель не бермудский, а с острова Принца Эдуарда. И герцог выразил свою признательность главному повару, а последний — герцогу. Герцог был так обрадован полученными сведениями, что завернул картофелину в бумагу и взял ее с собой, а метрдотеля одарил двадцатью пятью центами, чувствуя, что в экстравагантной стране нужно и поступать соответствующим образом. Затем герцог в продолжение пяти дней носил с собой картофелину по Нью-Йорку и показывал ее всем. Но, за исключением этого случая, он не нашел в городе ни малейших следов сельского хозяйства. Никто из приглашавших его к себе не знал, как оказалось, чем откармливают вола, мясо которого подавали на стол; никто из лиц, принадлежащих, по-видимому, к лучшему нью-йоркскому обществу, не мог ничего сказать ему о способах выращивания свиней для убоя. Общество лакомилось цветной капустой, не различая датский и ольденбургский сорта ее, и почти никто не мог распознать силезской грудинки. А когда герцога повезли за город, примерно километров за двадцать пять от него, в то место, которое называли «деревней», то и здесь не оказалось турнепса, а были только строения, железнодорожные насыпи и рекламные плакаты. Так герцог провел четыре тоскливых дня. Сельское хозяйство угнетало его, но еще больше, конечно, угнетал его денежный вопрос, который и привел его в Америку.

Деньги — вещь утомительная, особенно для тех, кого воспитание не подготовило к тому, чтобы делать их. Если человек притащился в Америку в надежде занять там денег и не знает, как подойти к решению этой задачи, то естественно, что им овладевает тоска и озабоченность. Будь здесь обширные поля турнепса и стада голштинского скота, то во время разговора между двумя скотоводами-джентльменами можно было бы изловчиться и ухватить заем, но в Нью-Йорке, среди каменных громад, под шум и грохот движущихся грузовиков, в часы роскошных приемов в богатых дворцах, не так-то легко было сделать это.

Вот чем объяснялся визит герцога Дюльгеймского и ошибка мистера Лукулла Файша. Мистер Файш думал, что герцог прибыл для того, чтобы дать деньги в долг, а между тем он приехал с целью занять их. Герцог рассчитывал получить под вторую закладную на свой Дюльгеймский замок двадцать тысяч фунтов стерлингов; затем он имел

в виду продать право на шотландскую охоту, сдать в аренду ирландские пастбища, заложить валлийскую угольную ренту и сколотить, таким образом, сто тысяч фунтов стерлингов. Для герцога это была громадная сумма. Если бы он раздобыл ее, то смог бы выкупить первую закладную на Дюльгеймский замок, развязаться с нынешним арендатором шотландской охоты, погасить закладную на ирландские пастбища и т. д. Таков был заколдованный финансовый круг, в котором постоянно вращался герцог.

Другими словами, герцог был действительно бедным человеком — бедным, конечно, не в американском смысле, так как в Америке бедность появляется неожиданно, как грозовое облако, появляется только потому, что человек не может достать в критическую минуту четверти миллиона долларов,— и затем так же быстро исчезает; нет, герцог очутился в тисках того безнадежного мучительного разорения, которое хорошо известно одной лишь английской аристократии. Герцог был настолько беден, что герцогине приходилось в целях экономии ежегодно проводить три-четыре месяца в фешенебельном отеле на Ривьере; старший сын его, маркиз Бильдудльский, большую часть года охотился в Уганде, причем его свита состояла всего из двадцати — двадцати пяти загонщиков и такого ничтожного числа носильщиков, курьеров, погонщиков слонов и боев, что дело пахло общественным скандалом. Герцог был так беден, что младший сын его, просто для поддержания общих тенденций к экономии, вынужден был коротать свои дни в карабкании по Гималаям, а младшей дочери приходилось подолгу гостить у одной из мелких германских кронпринцесс. И в то время как герцогская семья ради сбережения денег карабкалась по горам, охотилась на гиен и т. д., Дюльгеймский замок и городской дом герцога были фактически закрыты для всех членов семьи. Но герцог твердо надеялся, что подобного рода суровая экономия, если она продержится в течение одного или двух поколений, совершит чудеса, и эта вера поддерживала его; герцогиня тоже верила в это, как и вообще вся герцогская семья, которая поэтому легко переносила свою горькую участь. Одно только мучило герцога: как достать в долг деньги, без чего абсолютно нельзя было обойтись? Герцог ненавидел это занятие. Его предки часто брали деньги, но никогда не занимали их, и герцог начинал злиться, когда наступала необходимость добывать деньги. Самый процесс одалживания был ему неприятен: сидеть с человеком часто

почти с джентльменом, вести с ним приятную беседу, а затем пристать к нему и взять у него деньги. Просто низко! Ударить человека прикладом по голове и отобрать у него деньги — это было понятно герцогу, но одолжить... Вот почему герцог прибыл в Америку, где, как известно всему миру, легко достать деньги в долг. И действительно, многие друзья герцога добывали деньги в Америке с волшебной легкостью, закладывая свои имения, картины или дочерей.

Между тем, как это ни странно, герцог провел целых четыре дня в Нью-Йорке и, хотя его всюду принимали радушно, не получил ни одного цента. Герцог знал, что занять здесь деньги — пустое дело, детская игра, но как, как приступить к этому?

Неожиданно перед ним блеснул луч света. На четвертый день своего пребывания в Нью-Йорке он встретил виконта Билетейрса, который объявил ему, что только что получил пятьдесят тысяч фунтов под залог имущества, за которое в Англии не дали бы и полпенса.

И герцог со вздохом спросил:

— Как же, черт побери, вы устроили это?

— Что?

— Да заем! — сказал герцог.— Как вы завели речь об этом? Я жажду занять здесь сто тысяч, и повесьте меня, если я знаю, как приступить к этому.

— Вздор,— ответил виконт,— никакой подготовки для этого не нужно. Просто занимайте: за обедом просите, ну, как если бы вы просили спичку... Они здесь относятся к этому очень просто.

— За обедом? — переспросил герцог.

— Ну да, за обедом,— подтвердил виконт.— Конечно, не сразу — понимаете? — а так, после второго стакана вина. Уверяю вас, это сущие пустяки.

Как раз в этот момент герцогу вручили телеграмму мистера Файша с приглашением пообедать вместе с ним в Мавзолей-клубе.

Герцог, как человек точный, решил, что второй стакан вина будет стоить мистеру Файшу сто тысяч фунтов стерлингов.

Курьезно то, что мистер Файш в тот же самый момент путем вычислений пришел к заключению, что второй стакан шампанского, выпитый герцогом в Мавзолей-клубе, обойдется ему около пяти миллионов долларов.

. . . .

На следующий день после получения пригласительной телеграммы герцог с ранним утренним экспрессом приехал в город, а ровно в семь часов вечера уже поднимался в Мавзолей-клуб. Это был плотный, невысокого роста мужчина, с бритым, красным, как кирпич, лицом и поседевшими волосами.

Герцог окинул любопытным взглядом здание Мавзолей-клуба и одобрил его. Оно показалось ему скромным, спокойным, совсем непохожим на кричащие дворцы немецких князей и на итальянские палаццо.

Мистер Файш и мистер Ферлонг ждали его в глубине комнаты, в нише, где горел огонь, стояли фикусы, а по стенам висели картины, освещенные матовым светом лампы; возле них стоял столик с виски и содовой водой. Герцог сел за столик. Мистера Файша, нанесшего ему в полдень визит в Палавер-отеле, он звал уже просто Файшем, как будто давно был знаком с ним, а через несколько минут стал называть и настоятеля церкви св. Асафа Ферлонгом — без всяких добавлений.

Едва успели они обменяться несколькими незначительными фразами, как показалась величавая массивная фигура президента Плутория-университета доктора Бумера. Он представился герцогу, пожал руку мистеру Ферлонгу, заговорил сразу с обоими и в то же время приказал подать себе свой любимый коктейль, а еще через минуту уже стал расспрашивать герцога о вавилонских кирпичах с иероглифическими надписями, которые дед герцога вывез с Евфрата и которые, как хорошо было известно каждому археологу, находились в герцогской библиотеке в Дюльгеймском замке. И хотя герцог ничего не знал об этих кирпичах, он с уверенностью заявил, что его дед собрал несколько действительно очень, очень замечательных вещей.

Герцог, встретив человека, знавшего о его дедушке, почувствовал себя вполне в своей тарелке. Его привели в восторг и фикусы, и картины, и доктор Бумер, и прелесть всего здания клуба, и уверенность, что здесь легко будет достать полмиллиона долларов.

— Какой прекрасный у вас клуб, ну просто прелесть! — воскликнул герцог.

— Да, — сказал мистер Файш, — очень уютный.

Но если бы мистер Файш мог видеть, что творилось внизу, в кухнях Мавзолей-клуба, он понял бы, что как раз в этот момент клуб становился очень неуютным местом.

Ибо как раз в этот момент делегат «Интернациональ-

ного союза лакеев», в шапке, сдвинутой набекрень, после того как он целый день шнырял по городу, был занят агитацией среди китайских философов, записывая их в члены союза и уговаривая их присоединиться к забастовщикам. Он уверил их, что бо́и Гран-Палавера бросили работу в семь часов, а остальные бо́и Коммерческого клуба, Униона и всех ресторанов города забастовали еще час тому назад.

И китайские философы, решив примкнуть к забастовщикам, поснимали свои лакейские фраки и надели свои собственные потертые пиджаки и круглые шляпы, заломив их набекрень. В мгновение ока совершилось чудесное превращение: почтенные китайцы обратились в настоящих бродяг самого низкого пошиба.

Но мистер Файш, сидевший наверху в зале, ничего этого не видел. Даже тогда, когда старший лакей, заметно дрожавший, появился с коктейлем, им самим приготовленным и налитым в стаканы, им самим вымытые,— даже тогда мистер Файш, отвлеченный своими мыслями о герцоге, не заметил ничего неладного.

Не заметили этого и гости. Ибо доктор Бумер, узнав, что герцог был на Нигере, стал расспрашивать его о знаменитых Бимбосских развалинах у низовьев этой реки. Герцог сознался, что он их не разыскал. Но доктор стал его уверять, что они существуют и что о них есть указания даже у Страбона.

— Если только память ему не изменяет,— заявил он,— они находятся на полпути от Оохата к Охату, но где именно, выше ли Оохата и ниже Охата или же выше Охата и ниже Оохата, этого он не может сказать с уверенностью. Герцогу придется подождать, пока он не наведет точных справок в своей библиотеке.

С такими разговорами собеседники допили коктейль, а затем чинно двинулись наверх, в отдельный кабинет.

Когда они вошли в комнату, где стоял стол, покрытый белоснежной скатертью, уставленный хрусталем и украшенный цветами (стол был накрыт философом, который в шляпе, сдвинутой набекрень, уже шествовал во главе прочих забастовщиков по направлению к театру Буфф), герцог снова воскликнул:

— Поистине у вас очень уютный клуб, просто очаровательный!

Все сели. Мистер Ферлонг прочел молитву, самую краткую, какая только известна в требниках англиканской церкви. И старший лакей — уже не скрывавший

своей растерянности, так как все его попытки вызвать по телефону взамен забастовавших лакеев людей из Гран-Палавера и «Континенталя» окончились неудачей,— подал устрицы, которые сам же и вскрыл, и дрожащей рукой стал разливать по бокалам рейнвейн. Он знал, что если каким-либо чудом из Палавера не явится новый повар и один или два лакея, то вся его затея лопнет.

Но гости ничего не подозревали о его страхе. Доктор Бумер пожирал устрицы, как гиппопотам, и с набитым ртом распространялся о роскоши современной жизни. А во время паузы, наступившей после устриц, он наглядно, на двух кусках хлеба, пояснил герцогу разницу в структуре мексиканского «пуэбло» и жилища племени навахо.

Тем временем задержка обеда сделалась, конечно, заметной. Мистер Файш стал бросать гневные взгляды по направлению к двери, с нетерпением ожидая появления лакея и бормоча извинения перед гостями. Но президент заявил, что извиняться тут нечего, и прибавил:

— В свои студенческие годы я смотрел бы на блюдо устриц как на обильный обед и ничего большего не желал бы. Мы едим теперь слишком много.

Слова доктора навели мистера Файша на его любимую тему.

— Роскошь,— воскликнул он,— да, роскошь — вот проклятие нашего века! Все увеличивающаяся роскошь, концентрация капиталов, легкость, с какой создаются колоссальные богатства,— все это погубит нас. Запомните мои слова: все окончится страшным крахом. Я не боюсь сознаться перед вами, герцог,— мои друзья, присутствующие здесь, конечно, знают это,— что я до некоторой степени революционер и социалист. Я твердо убежден, сэр, что наша современная цивилизация окончится величайшим социальным переворотом... Запомните, что я говорю,— здесь голос мистера Файша сделался особенно выразительным,— окончится величайшим социальным переворотом. Некоторые из нас, может быть, не доживут до него, но вы, например, Ферлонг, как самый молодой, безусловно, увидите его своими глазами.

Однако мистер Файш недооценил серьезность положения, так как и ему, и всем его собеседникам суждено было увидеть катастрофу собственными глазами.

Как раз в тот момент, когда мистер Файш болтал о социальной катастрофе и, сверкая глазами, объяснял, что эта катастрофа неизбежна, она действительно наступи-

ла; и надо же было, чтобы она разразилась не в каком-либо другом из бесчисленных уголков земного шара, а именно здесь, в кабинете Мавзолей-клуба! Старший лакей с мрачным видом вошел в комнату и, наклонившись над спинкой кресла мистера Файша, стал шепотом докладывать ему о случившемся.

— Мерзавцы, негодяи! — цедил сквозь зубы мистер Файш, откинувшись в негодовании на спинку кресла.— Бастовать в нашем клубе! Какая наглость!

— Ужасно печально, сэр! Я не хотел говорить вам. Все надеялся, что мне удастся получить помощь из других мест, но, кажется, сэр, во всех отелях происходит одно и то же.

— Вы хотите сказать,— спросил мистер Файш, медленно произнося слова,— что обеда не будет?

— Ужасно, сэр,— простонал старший лакей,— но оказывается, что повар и не начинал готовить его. Кроме того, что подано на стол, ничего нет.

Итак, социальная катастрофа наступила.

Мистер Файш сидел молча, со сжатыми кулаками. Доктор Бумер, с изменившимся лицом, сосредоточенно смотрел на пустые устричные раковины, возможно думая о своих студенческих годах. Герцог скорбел о разбитых надеждах на сто тысяч фунтов, о которых он намеревался заговорить за вторым бокалом шампанского (увы, шампанскому не суждено было появиться на столе!). Но, верный себе, герцог прежде всего подумал о соблюдении вежливости и стал бормотать что-то о том, что он готов пригласить всех к себе в отель. Впрочем, стоит ли распространяться о печальных подробностях обеда, которому не суждено было состояться?!

План мистера Файша лопнул: он был слишком тонким дельцом, чтобы допустить, что денежные дела могут решаться за столом какого-либо второразрядного ресторана или на пустой желудок в стенах покинутого прислугой клуба. Нужно начинать сначала. Надо ждать нового случая.

Обеденная компания распалась.

Герцог на фыркающем автомобиле покатил к сверкающей колоннаде Гран-Палавера, где тоже не было ни прислуги, ни обеда.

Настоятель церкви св. Асафа побрел к себе, мечтая о съестных запасах, хранившихся у него в кладовой.

А мистер Файш и доктор Бумер направились домой по Плутория-авеню, усаженной вязами. Они не прошли и

половины расстояния, как доктор Бумер начал толковать о герцоге.

— Милейший человек,— заявил он,— очаровательный. Мне очень жаль его.

— Не больше, чем каждого из нас,— буркнул мистер Файш, который находился в самом кислом, а потому и ультрадемократическом настроении.— Не надо быть герцогом для того, чтобы иметь желудок.

— Ну, ну,— сказал президент,— я говорю вовсе не об этом. Совсем не об этом. Я имею в виду его финансовое положение. Такой старинный род и такое стесненное положение!

Дело в том, что для археолога типа Бумера разорение древнейшего рода не могло остаться тайной.

Мистер Файш остановился, как вкопанный.

— Его финансовое положение, говорите вы?

— Ну да,— ответил доктор Бумер,— я был уверен, что оно вам известно. Дюльгеймы, безусловно, разорены. Герцог вынужден закладывать свои имения. Предполагаю, что он и в Америку приехал только для того, чтобы достать здесь денег.

Мистер Файш, будучи биржевиком, привык действовать с молниеносной быстротой.

— Один момент,— воскликнул он,— мы, кажется, находимся перед вашим домом! Можно мне воспользоваться вашим телефоном? Мне нужно позвонить Баулдеру.

Две минуты спустя мистер Файш уже говорил в трубку:

— Это вы, Баулдер? Я искал вас сегодня целый день: хотел вас познакомить с герцогом Дюльгеймским, который неожиданно приехал сюда из Нью-Йорка; думаю, вы рады будете представиться ему. Я собирался предложить вам пообедать с нами в клубе. Но в клубе все перевернулось вверх ногами, лакеи забастовали и тому подобная мерзость. В Палавере, как я слышал, происходит то же самое. Может быть, вы...

Мистер Файш замолчал, прислушиваясь на минуту, а затем продолжал:

— О, да, да, прелестная идея, очень мило с вашей стороны! Пожалуйста, пришлите ваш автомобиль в отель и пригласите герцога к себе на обед. Нет, я не могу присоединиться к вам. Спасибо! Очень мило! Прощайте.

Через несколько минут мотор мистера Баулдера мчался по Плутория-авеню к Гран-Палаверу.

Что произошло в этот вечер между мистером Баулдером и герцогом — покрыто мраком неизвестности.

Во всяком случае, не подлежит сомнению, что мистер Файш громко расхохотался, когда на следующий день за завтраком прочел в одной из газет заметку:

«Мы узнали, что герцог Дюльгеймский, который на короткое время посетил наш город, уезжает сегодня утром вместе с Асмодеем Баулдером в Висконсинские леса. Мистер Баулдер желает познакомить герцога, завзятого спортсмена, с охотой на американских волков».

. . . .

В спальном отделении пульмановского вагона герцог мчался на северо-восток; весь вагон был набит двухствольными нарезными винтовками, большими кожаными охотничьими сумками, капканами для волков и еще бог знает чем. Герцог был одет в костюм, сшитый из какого-то необычайно грубого материала, должно быть из крокодиловой кожи, и лицо его сияло искренней радостью.

Сидя напротив него, мистер Баулдер время от времени сообщал ему сведения о свирепости лесных американских волков. Но о других волках, гораздо более свирепых, чем лесные, в лапы которых мог попасть в Америке герцог, не говорил ни слова.

Что случилось в Висконсинских лесах, осталось неизвестным, а для Мавзолей-клуба приезд герцога явился только приятным воспоминанием.

Глава вторая

ФИНАНСОВЫЙ МАГ И ВОЛШЕБНИК

В центре города, за главной улицей, на которой расположен Мавзолей-клуб, находится Центральная площадь, где возвышается отель Гран-Палавер. Расстояние, отделяющее его от клуба, очень незначительно, не больше полуминуты езды на автомобиле, хотя, по совести говоря, и пешком дойти туда нетрудно.

Но здесь, на Центральной площади, нет того спокойствия, какое царит на Плутория-авеню. Здесь неустанно журчат фонтаны, и их музыкальный рокот смешивается со звуками автомобильных рожков и шумом кэбов. Здесь растут настоящие деревья, под которыми на маленьких зеленых скамейках сидит публика, читающая вчерашние газеты; здесь ласкают глаз втиснутые среди асфальта зеленые лужайки. На одной стороне площади стоит высеченная из камня статуя первого губернатора

штата, в человеческий рост, а на другой стороне — вылитая из бронзы статуя последнего губернатора, значительно выше человеческого роста.

Естественно, что Центральная площадь с ее деревьями, фонтанами и статуями — одно из наиболее интересных мест в городе. Но главной приманкой служат, конечно, громады отеля Гран-Палавер. В нем пятнадцать этажей, и он тянется вдоль всей площади. Тысяча двести комнат с тремя тысячами окон глядят на деревья, растущие на площади; здесь могла бы поместиться вся армия Джорджа Вашингтона. Даже жители других городов, которые никогда не видели этого отеля, хорошо знакомы с ним по объявлениям; «Самый уютный домашний отель во всей Америке», которыми пестрят все наиболее дорогие журналы и газеты континента. Действительно, главной задачей владельцев Гран-Палавера — и они вовсе не скрывали этого — было стремление придать отелю характер семейного дома с его уютом и спокойствием. В этом обаяние Гран-Палавера. Здесь вы найдете домашний очаг. Вы, конечно, согласитесь с этим, если взглянете на него с площади вечером в тот момент, когда тысяча двести проживающих здесь приезжих зажигают свет, одновременно вспыхивающий в трех тысячах окон. Вы поймете это в «театральное время», когда длинная вереница автомобилей тянется к подъезду Палавера, чтобы развезти по театрам тысячу двести зрителей, заплативших по четыре доллара за место. Но лучше всего вы уясните себе характер Гран-Палавера, когда войдете в его ротонду. Высочайший потолок, усеянный сотнями сверкающих огней; толпы людей волнами движущиеся днем и ночью; шум голосов, который никогда не замирает; и над всем этим висит чарующее облако светло-голубого табачного дыма.

Вдоль стен расставлены пальмовые деревья — для услаждения глаз и фикусы в кадках — для успокоения ума; всюду стоят громадные кожаные диваны и глубокие кресла, а возле них колоссальные медные пепельницы, величиной с этрусские погребальные вазы. Вдоль одной из стен тянется сетчатая перегородка с решетчатыми окошечками, как в банке; за нею сидят пять конторщиков с прилизанными волосами в высоких воротничках, одетые, словно члены законодательной палаты, в длинные черные сюртуки.

Конторщики беспрестанно подзывают рассыльных мальчиков, мальчики бегут к приезжим, приезжие требуют швейцаров, звонки звенят, лифты гудят, так что ни-

какой домашний очаг никогда не доставит вам и сотой доли подобного семейного уюта.

. . . .

— Телеграмма мистеру Томлинсону! Мистеру Томлинсону! — раздается возглас, эхом проносящийся по ротонде.

И когда мальчик находит мистера Томлинсона и подает ему на блюде телеграмму, глаза всей толпы устремляются на фигуру Томлинсона, финансового мага и чародея Америки.

Вон он, в широкополой шляпе, длинном черном сюртуке, с плечами, слегка согнутыми под тяжестью пятидесяти восьми лет. Всякий, кто видел его в былые дни на заросшей кустами ферме возле Томлинсоновского ручья в стране Великих озер, узнал бы его сразу. На его лице по-прежнему сохранился странный, несколько блуждающий взгляд; впрочем, теперь финансовые органы называли его иначе — «непроницаемым». Его взгляд прыгает по сторонам, как бы в поисках чего-то; он говорит о недоумении или растерянности, но «Финансовый подголосок» определил его как «пытливый взор вождя индустрии». Можно было бы найти в его лице что-то простецкое, если бы не «Коммерческое обозрение», которое назвало его лицо «неисповедимым», снабдив свое утверждение иллюстрацией, не оставлявшей никакого сомнения в правильности этого определения. Дело в том, что о лице Томлинсона с Томлинсоновского ручья в субботних журналах обычно писалось не как о лице, а как о маске, и это давало повод вспоминать, что и лицо Наполеона I походило на маску.

Издатели еженедельников не переставали изощряться в изображении необычайной, подавляющей личности величайшего финансиста нашего времени. С того самого момента, как проспект об акциях «Объединенного Эри-золота» обрушился, словно девятый вал, на биржу, образ Томлинсона заполонил воображение всех мечтателей нашей поэтической нации. Все принялись за описание нового героя. И едва только кончал один, как начинал другой.

«Лицо его,— писал издатель журнальчика «Наши герои»,— типичное лицо английского финансового вождя: жесткое, но не без мягкости; широкое, но в то же время несколько продолговатое; податливое, но не без твердости».

«Рот его,— писал издатель «Успеха»,— жесткий и в то же время мягкий, челюсти твердые и вместе с тем подвиж-

ные; в самом строении его ушей заключается нечто такое, что говорит о быстром и пылком уме прирожденного вождя».

Так переходил из штата в штат образ Томлинсона с Томлинсоновского ручья, созданный людьми, которые никогда его не видели; так достиг он берегов океана и перебрался в Европу, где французские журналы поместили даже какой-то портрет, извлеченный из архива, предназначенного для подобных случаев, с надписью: *мосье Томлинсон, новый глава американских финансистов*, а за ними последовали и германские журналы, выкопавшие из своего склада соответствующую фотографию и озаглавившие ее: *герр Томлинсон, вождь американской индустрии и финансов*. Так Томлинсон поплыл с Томлинсоновского ручья у озера Эри к берегам Дуная и Дравы.

Некоторые авторы, изображая его внешность, впадали даже в лирику. «Какие мысли таятся,— спрашивали они,— в глубине спокойных, мечтательных глаз, на этом необъяснимом лице?»

Но прочесть его мысли было очень нетрудно: нужно было только завладеть ключом к ним. Всякий, кто смотрел на Томлинсона, стоявшего среди шума и гама, наполнявшего величественный зал Гран-Палавера, с телеграммой в руке, которую он комкал, пытаясь вскрыть ее не с того конца, с какого следовало, легко мог бы угадать его мечты, если бы знал их природу. Они были очень просты. Ибо перед глазами финансового мага и волшебника чаще всего вырисовывался вид фермы на открытом холме возле озера Эри; мимо фермы к отлогим берегам озера мчится Томлинсоновский ручей, и ветер покрывает рябью его неглубокие воды; тут же виден дом и змеевидные плетни, спускающиеся вниз. И если взор этого человека был мечтательным и рассеянным, то лишь потому, что скорбь охватывала его при воспоминании об исчезнувшей ферме, и никакие, никакие акции «Объединенного Эри-золота», сколько бы их ни было выброшено на рынок, не могли заменить ему оставленного дома.

. . . .

После того как Томлинсон вскрыл телеграмму, он несколько мгновений стоял совершенно неподвижно. Его взор, казалось, блуждал где-то далеко — особенность, которую газеты называли «наполеоновской рассеянностью». В действительности же он не мог решить, дать ли мальчику на чай двадцать пять центов или пятьдесят.

Содержание телеграммы гласило:

«Утренняя котировка показывает резкое падение акций А. Г., советую немедленно продать, никакого доверия, посылайте инструкции».

Финансовый маг и волшебник вынул из кармана карандаш и написал на наружной стороне телеграммы: «Продолжайте покупать. Искренно преданный вам...» — и передал ее мальчику.

— Отправь! — распорядился он, указав на телеграфное отделение в углу приемного зала. Затем, после новой паузы, он пробормотал: — Вот тебе, сынок,— и дал мальчику доллар.

С этими словами он направился к лифту; наблюдавшие за тем, как он писал, были уверены, что на их глазах произошел крупный финансовый акт, «переворот», как они выражались. Лифт поднял мага и волшебника на второй этаж. При выходе из кабинки он нащупал в кармане монету в двадцать пять центов и вынул ее, но затем переменил свое намерение и извлек оттуда монету в пятьдесят центов; в результате он дал мальчику обе монеты и удалился в конец коридора. Он занимал целую анфиладу комнат, настоящий дворец, за который платил тысячу долларов в месяц с того самого момента, как «Объединенное общество Эри-золото» начало терзать гидравлическими драгами дно Томлинсоновского ручья.

— Здорово, мать!— сказал он, входя в свои апартаменты.

У окна сидела женщина с простым деревенским лицом, одетая в модное платье, какие носят люди с Плуторияавеню.

Эта «мать», жена финансового мага и волшебника, была на восемь лет моложе его самого. Ее изображение тоже красовалось во всех газетах, а она сама была предметом постоянного «глазения» со стороны публики; и все, что только появлялось в магазинах мод нового из Парижа и продавалось там по баснословно высоким ценам, сейчас же всучивалось «матери». Ей надели на голову балканскую шляпу с торчащим кверху пером и повесили на шею золотую цепь. Вообще, все, что было самого дорогого, вешали на «мать» или надевали на нее.

Каждое утро можно было видеть, как она выходила из Гран-Палавера в своем разукрашенном золотистом жакете и балканской шляпе — зрелище, достойное глубокого сожаления. И все, что бы она ни носила, издательницы роскошных женских журналов сейчас же описывали на

французском языке; одна газета называла ее «belle châtelaine», а другая говорила о ней как о «grande dame».

Во всяком случае, для Томлинсона, финансового мага и волшебника, было большим облегчением иметь подобную жену, так как он знал, что она окончила школу и умела держать себя в городском обществе.

Бóльшую часть дня «мать» проводила, сидя у окна в своем золотистом жакете и умопомрачительном платье, за чтением новейших романов в ярких обложках.

. . . .

— Как здоровье Фреда? — спросил маг и волшебник, кладя шляпу на стол и глядя на закрытую дверь, которая вела в соседнюю комнату. — Лучше ему?

— Несколько лучше, — ответила «мать». — Он одет, но продолжает лежать.

Фред был сыном волшебника и «матери». Этот громадный неуклюжий парень лет семнадцати валялся в соседней комнате на кушетке, в халате с разводами. Возле него лежала на стуле пачка папирос и коробка шоколада. Шторы в комнате были спущены, и он, воображая себя больным, лежал с полузакрытыми глазами.

Меньше чем год тому назад этот самый Фред, одетый в костюм из грубой материи, не жалея своих могучих плеч, пилил обеими руками дрова для домашней плиты. Но сейчас фортуна была озабочена тем, чтобы отнять у него неоценимые дары, которые озеро Эри положило в его колыбельку семнадцать лет тому назад.

Волшебник вошел на цыпочках в комнату «больного», и сквозь полузакрытую дверь слышно было, как юноша страдальческим голосом сказал:

— Нельзя ли еще желе?

— Как ты думаешь, можно ему дать? — спросил Томлинсон, возвращаясь обратно.

— Конечно, — ответила жена, — раз это хорошо переваривает его желудок.

Ибо по диетическим правилам деревни можно есть все, что принимает желудок, и только то, что не лезет туда, признается несъедобным.

— Как вы думаете, можно позвать «их», чтобы потребовать желе? И как лучше сделать: протелефонировать в контору или позвонить?

— Может, удобнее будет выглянуть в коридор, нет ли там кого-либо из прислуги?

Подобного рода вопросы Томлинсон и его жена обсуждали целыми днями.

Когда появился молодцеватый лакей в полном параде и сказал: — Желе? Слушаюсь, сэр, немедленно, сэр! Какое вам угодно желе: из мараскина или портвейна, сэр? — Томлинсон уныло посмотрел на него, раздумывая, не мало ли будет ему пяти долларов на чай.

— Что сказал доктор о болезни Фреда? — спросил Томлинсон, когда ушел лакей.

— Он не сказал ничего определенного,— ответила мать,— заглянул только на минуту-две и обещал еще раз зайти попозже. Но предупредил, что Фред должен лежать спокойно.

Доктор Слайдер, самый шикарный врач в городе, проводил весь день, разъезжая взад и вперед на своем почти бесшумном автомобиле и самым серьезным образом убеждая своих пациентов полежать.— Вам нужно немного полежать в полном покое,— говорил он со вздохом, сидя у постели больного.— Спокойно полежать! — повторял он, натягивая в передней перчатки и выразительно покачивая головой. В этом заключались все его методы лечения. Впрочем, этого было достаточно. Его пациенты всегда выздоравливали, да они ничем и не хворали,— и вера в доктора была безгранична.

Естественно, что волшебник и его жена благоговели перед ним.

В дверях показался мальчик-рассыльный с целой пачкой телеграмм.

Волшебник читал их, и лицо его вытягивалось от удовольствия. Первая телеграмма гласила: «Поздравляю вас и превозношу за вашу смелость: настроение рынка немедленно изменилось; вторая: «Ваше мнение оправдалось; цены на рынке поднялись; продал с прибылью в 20%» — и третья: «Ваша проницательность всецело подтвердилась, К. П. поднялись сразу, посылайте дальнейшие инструкции» и т. д.

Эти и подобного рода сообщения шли от маклеров. Все успехи приписывались мудрости Томлинсона; но в действительности если бы они сообщили ему, что К. П. поднялись до луны, то он понял бы не больше, чем сейчас.

— Ну,— спросила жена мага и волшебника, когда он закончил просмотр телеграмм,— как обстоят дела сегодня, лучше?

— Нет,— ответил Томлинсон со вздохом.— Сегодня самый плохой день. Целый ворох телеграмм, и почти все

они повторяют одно и то же. Я предполагаю, что со вчерашнего дня я сделал еще сто тысяч долларов.

— Что ты говоришь? — сказала «мать», и они печально посмотрели друг на друга.

— И полмиллиона за прошлую неделю, кажется так,— сказал Томлинсон, опускаясь на стул.— Боюсь, мать,— добавил он,— что это не к добру. Мы ничего не понимаем в делах. Мы не воспитаны для этого.

Если бы издатели финансовых газет и журналов поняли смысл разговора, происходившего между двумя кудесниками, то они разразились бы статьями, которые всполошили и поставили бы вверх дном всю Америку.

Правда заключалась в том, что финансовый маг и волшебник делал все возможное, чтобы произвести переворот куда более грандиозный, чем тот, который ему приписывала пресса: он стремился потерять свои капиталы. Подавляемый Гран-Палавером, страдая под бременем финансовых операций, Томлинсон поставил себе целью избавиться от всех своих денег.

Но если вы владеете капиталом более чем в пятьдесят миллионов, для дальнейшего роста которого нет никаких препятствий; если в ваших руках к тому же находится половина всех акций «Объединенного общества Эри-золото», которое гидравлическими драгами извлекает золото с речного дна на участке величиной в четверть мили, то потерять ваши деньги — дело отнюдь не легкое.

Конечно, есть люди, сведущие в финансовых операциях, которые с успехом достигают подобных результатов. Но они имеют подготовку, которой недоставало мистеру Томлинсону. Помещал ли он деньги в самые безнадежные предприятия, какие только ему предлагали, в дела, грозившие полным банкротством, в самые мошеннические затеи — все равно деньги возвращались к нему. Когда он выкидывал горсть, на ее место прибывали две. И при всяком подобном трюке с его стороны толпа аплодировала неслыханному дерзновению, небывалому предвидению кудесника.

Подобно Мидасу, он обращал в золото все, до чего дотрагивались его руки.

— Мать,— сказал он,— все бесполезно. Это — рок, как говорится в книгах.

. . . .

Грандиозное состояние, которое финансовый маг и волшебник стремился потерять всеми силами, досталось

ему совершенно неожиданно. И возникло оно совсем недавно, всего лишь шесть месяцев тому назад, несмотря на все небылицы, которые распространяла об этом пресса.

Происхождение богатства Томлинсона — самое простое. Рецепт его доступен каждому. Нужно только владеть фермой на склоне холма возле озера Эри, в том месте, где поросшие кустарником и запущенные поля спускаются к озеру; нужно, чтобы через них, пробиваясь меж камней, пробегал ручей, названный Томлинсоновским, и чтобы на дне ручья были найдены золотые россыпи.

Вот и все.

И нет никакой необходимости в наши благословенные дни самому добывать золото. Можно всю жизнь прожить на ферме, как это было с отцом Томлинсона, и не видеть золота. Ибо в наше время самым лучшим орудием судьбы является геолог; в данном случае таковым оказался почтенный профессор геологии Плутория-университета.

Вот как это случилось.

Почтенный профессор проводил каникулы недалеко от озера Эри и большую часть своего времени тратил на обследование наружных слоев скал девонской формации. С этой целью он носил в кармане молоток и время от времени или делал заметки в своей записной книжечке, или наполнял свои карманы осколками обрушившихся скал.

Однажды, подойдя к Томлинсоновскому ручью, он случайно остановился на том месте, где громадная глыба девонского утеса пробивалась сквозь глинистую почву берега. Когда почтенный профессор рассмотрел ее и заметил полосу, подобную полосам на спине тигра, которая проходила через глыбу, он принялся немедленно отбивать от нее осколки своим молоточком.

Томлинсон работал со своим сыном Фредом неподалеку в лесу, но геолог был так взволнован, что не замечал их присутствия, пока они не подошли к нему вплотную, привлеченные стуком его молоточка. Они привели его к себе на ферму, где «владелица замка» в мужской шляпе окапывала картофель, и угостили его молоком и кексом на соде. Но руки геолога так тряслись, что он с трудом мог есть. В тот же день он помчался в город, взбудораженный своим открытием.

. . . .

Слухи о новой золотой россыпи быстро распространились повсюду. Остальное понятно. Очень скоро нашлись

благородные, сердечные люди, которые заинтересовались геологией. Задержки в деньгах не было. Громадный утес был сдвинут со своего места в сторону, и истолоченный блестящий песок, ослепительно сверкавший на солнце, был отправлен в маленьких ящиках в аналитическую лабораторию Плутория-университета. Здесь почтенный профессор геологии, заперев дверь на замок, просидел далеко за полночь в темной каморке, освещенной лишь голубоватым пламенем, игравшим над тиглями, словно чародей в своей пещере. Каждую пробу, которую он испытал, он укладывал в особую коробку, бережно привязывал ее и делал надпись: «aur — pr. 75»; при этом перо дрожало в его руке. Ибо для профессоров геологии эта надпись означала: «здесь 75 % чистого золота». Неудивительно, что почтенный профессор трепетал от возбуждения — конечно, не из-за золота, как драгоценности (ему некогда было думать об этом), а потому, что в случае благоприятных результатов этого испытания можно было считать доказанным нахождение золотоносных жил в породах девонской формации. Таким образом, его открытие обещало опровергнуть твердо установленные в науке положения и перевернуть вверх ногами всю геологию. Профессор уже мечтал о том, как он прочтет доклад на всемирном съезде геологов и как все собрание превратится в сумасшедший дом.

Очень порадовало его и то, что люди, с которыми ему пришлось иметь дело, оказались очень благородными. Они предложили ему самому определить плату за анализы проб и сейчас же согласились на гонорар в два доллара. Профессор не был, кажется, корыстолюбивым человеком, но все же ему приятно было сознавать, что в один вечер он мог заработать в своей лаборатории шестнадцать долларов. Этот случай, во всяком случае, ясно показал, что коммерческие люди отдают должное науке.

Так начали свою работу гидравлические драги, которые беспрерывно стали терзать дно Томлинсоновского ручья.

. . . .

Акции «Объединенного общества Эри-золото» были пущены по волнам финансового моря. На бирже, в конторах маклеров Нижнего города и под пальмами Мавзолей-клуба только что и говорили о них. И такова была сила этих волн, что на своем гребне они подняли Томлинсона с женой на высоту пятидесяти футов и выбросили их в апартаменты Гран-Палавера. И в результате «мать»

носила жакет, вышитый золотом, Томлинсон получал по сто телеграмм в день, а Фред бросил школу и ел шоколад.

Но в деловом мире больше говорили о проницательности и ловкости мистера Томлинсона.

Главный признак его проницательности усмотрели в том, что он решительно отказался уступить «Объединенному обществу Эри-золото» (так прозвали себя друзья геологии) северную половину своей фермы. Южную часть он отдал им, получив взамен половину всех привилегированных акций общества, а они в свою очередь обязались доставить необходимый для работ капитал. Это было их собственным предложением, причем они рассчитывали, затратив на оборудование около двухсот тысяч долларов, выручить примерно десять миллионов чистоганом. Согласие Томлинсона на это невыгодное для него предложение смутило остальных предпринимателей, а когда он им сказал, что простыми акциями они могут располагать по своему усмотрению, так как они ему совершенно не нужны, акционеры не на шутку испугались. Они настояли на том, чтобы он взял себе «пакет» этих акций, опасаясь, что в противном случае на рынке сразу возникло бы недоверие к затеянному ими предприятию. Отказ от передачи акционерам северной половины фермы Томлинсон мотивировал тем, что отец его похоронен возле ручья и что он ни за что не разрешит устроить там запруду.

Его заявление рассматривалось в деловых кругах как образец поразительной ловкости. «Говорит, что там похоронен его отец? А? Чертовски ловко придумано!»

Для его соседей по ферме в этом заявлении не было ничего странного, так как его отец действительно был похоронен на самой ферме, как и многие другие фермеры этой округи.

Но для членов Плутория-клуба это было «чертовски ловко придуманной штукой».

Вскоре о ловкости и проницательности Томлинсона создалась целая легенда, которая разрасталась по мере того, как все, к чему он только ни прикасался, обращалось в золото. Вот чем объясняется, что Томлинсон получил прозвище финансового чародея.

А между тем Томлинсон и его жена, посовещавшись в своих апартаментах в Гран-Палавере, уже давно приняли определенное решение. И в этом, только в этом он, Томлинсон действительно обнаружил проницательность, достойную мага и волшебника. Он ясно видел, что

так неожиданно свалившееся на них богатство было для них совершенно бесполезным. В самом деле, что принесло оно им? Шум и грохот города взамен тиши и покоя фермы, гвалт громадного отеля, который невольно вызывал в памяти журчание вод их ручья.

Поэтому-то Томлинсон давно решил избавиться от своего богатства, оставив себе лишь столько, сколько необходимо было для того, чтобы сделать сына другим человеком, чем был он сам.

— Но для нас, мать,— говорил чародей,— оно лишнее, и нам необходимо избавиться от него. Закапывать деньги назад в землю не следует; нужно придумать способ передать их тем, кто в них нуждается больше нас. Но как это сделать?

Им пришло в голову, что хорошо бы подарить их колледжу.

— Видишь, мать,— говорил маг и волшебник,— нас здесь никто не знает. Мы чужие. Хорошенькая это будет картина, если я приду в колледж и скажу: «Я хочу подарить вам миллион долларов». Они поднимут меня на смех.

— Но разве ты не читал в газетах,— возражала его жена,— что Карнеги постоянно жертвует в пользу колледжей огромные суммы?

— Это другое дело,— отвечал чародей.— Он свой человек. Его все знают. Но представь себе меня: как пойду я к какому-нибудь известному профессору и скажу ему: «Я желаю дать вам пожизненную пенсию»? Вообрази себе меня в этом положении! Подумай только, что он ответит!

Поэтому они придумали особую систему. «Мать», которая лучше мужа знала арифметику, была вдохновительницей и руководительницей всего дела. Она выуживала на первой странице «Финансового подголоска» акции и облигации, а чародей скупал их по ее указаниям.

— Я купила бы на твоем месте партию «Р. О. П.»,— говорила «мать»,— они упали за два дня со ста двадцати семи до ста семи, и я рассчитываю, что дней через десять они совсем сойдут на нет.

— А не лучше ли «Г. Г.»? Они падают быстрее.

— Верно, они падают быстрее,— соглашалась жена,— но не так постоянно. Ты не можешь быть уверенным в них. Купи лучше что-нибудь вроде «Р. О. П.» или «Т. Р. Р.-Норд»: они падают неуклонно, и ты знаешь, на что идешь.

В результате Томлинсон посылал свои приказания маклерам, имена которых сообщал ему телеграфист Палавера и которых он никогда не видел в глаза. И в конце концов неповоротливые «Р. О. П.» и «Т. Р. Р.» делали такой внезапный прыжок вверх, как мул, через хвост которого пропустили гальванический ток. Сейчас же шепотом начинали передавать, что Томлинсон заинтересован в «Р. О. П.» и хочет реорганизовать данное предприятие, и все на бирже бросались покупать эти акции.

Таким образом, после месяца или двух таких биржевых операций финансовый маг и волшебник должен был признать себя побежденным.

— Ничего не поделаешь, мать,— твердил он,— это судьба.

Но сидя в своих апартаментах, чародей не знал, что судьба готовила ему еще более странные вещи. Ибо однажды из Плутория-университета вышли и направились в Гран-Палавер две внушительные фигуры, и одной из них был доктор Бумер.

Томлинсон, финансовый маг и волшебник, не мог решиться зайти в университет. И вот университет сам пришел к нему... за его миллионами.

Но если это решение судьба несла открыто, на ладони, навстречу Томлинсону, то еще более необыкновенные вещи скрывала она в складках своей тоги.

Ибо в то время как президент Плутория-университета все ближе и ближе подходил к зданию Гран-Палавера, почтенный профессор геологии снова работал при свете голубого пламени в своей затемненной лаборатории. Но на этот раз возбуждение не охватывало его. И надписи, которые он делал каждый раз на пробах после испытания, были совсем не похожи на прежние. Совсем не похожи. И его серьезное лицо, по мере того как его молчаливая работа подвигалась вперед, становилось все более неподвижным, как камни девонской формации.

Глава третья

НЕУДАВШАЯСЯ ФИЛАНТРОПИЯ МИСТЕРА ТОМЛИНСОНА

— Вот наш campus [1],— сказал президент Бумер, когда они через желтые ворота вступили на территорию Плутория-университета.

---

[1] Поле (*лат.*).

— Для игры в мяч? — спросил маг и волшебник.

— Не совсем так,— ответил президент,— хотя, конечно, он мог бы служить и для этого. Humani nihil alienum [1].

Президент Бумер и доктор Бойстер вели финансового чародея в университет. Они вели его, как арестанта, который дал обещание идти спокойно; поэтому они не держали его за руки, а только следили за ним сбоку через очки. При малейшем признаке беспокойства с его стороны они пичкали его латынью.

Финансового мага и волшебника доктор Бумер и доктор Бойстер намечали в качестве жертвы благотворительности; поэтому они усердно угощали его латынью, чтобы довести, таким образом, до состояния необходимой пластичности.

Они уже провели его через первую стадию. Три дня тому назад они нанесли ему визит в Гран-Палавере и вручили брошюру «Раскопки Митилен». Томлинсон и его жена долго рассматривали снимки развалин и, думая, что Митилены находятся в Мексике, заявили, что стыдно видеть их в таком состоянии и что Соединенные Штаты должны непременно вмешаться в это дело.

Теперь Томлинсон проходил вторую стадию: его повели смотреть университет, так как доктор Бумер знал по опыту, что ни один богатый человек не может взглянуть на университет, не почувствовав желания сделать какое-либо пожертвование.

Кроме того, президент Бумер пришел к заключению, что лучший способ добиться нужных результатов в разговоре с деловыми людьми — это действовать на них латынью. В других случаях президент прибегал к иным средствам, например ударялся в археологию во время дружеского обеда в Мавзолей-клубе или вспоминал об итальянской живописи эпохи Возрождения за ленчем в дамском обществе. Но это годилось только для женщин. Деловые люди слишком проницательны для подобного рода вещей, и президент Бумер давно уже убедился, что ничто так не действует на финансистов, как спокойное и твердое предположение, что они знакомы с латынью. Вот почему доктор Бумер приветствовал

---

[1] «Humani nihil a me alienum puto» — ничто человеческое мне не чуждо (латинская поговорка).

при встрече всякого знакомого ему дельца громовым «Terque quaterque beatus» [1].

Этим способом он всегда ловил финансистов в свои сети.

— Вы здесь, надеюсь, ничего не собираетесь строить? — спросил неуверенно Томлинсон, глядя на нежную траву, покрывавшую campus.

— О, нет! Это место предназначено для спорта, — ответил президент. — «Sunt quos curriculo»...

А доктор Бойстер тотчас же подхватил: «Pulverem Olympicum» [2].

Это была его любимая цитата, дававшая возможность президенту Бумеру углубляться в тонкости латинского стихосложения.

На все это Томлинсон не отвечал ни слова и только пристально смотрел то на одного, то на другого.

Университет, как известно, находился на Плутория-авеню, вдоль которой тянутся громадные здания индустриально-механического факультета.

Эти здания исключительно красивы: они подымаются ввысь на пятнадцать этажей и вполне могут соперничать с лучшими фабриками в городе. Действительно, когда во время вечерних занятий они ярко освещены и когда испытательные машины на полном ходу, а студенты в необычных костюмах расхаживают взад и вперед, публика часто по ошибке принимает университет или, вернее, эту новую часть его за фабрику. Один из иностранцев, посетивший университет, сказал однажды, что здешние студенты похожи на паяльщиков, и президент Бумер пришел в такой восторг от этого замечания, что целиком процитировал его в своей торжественной речи в день годичного акта. Пресса подхватила эти слова и разнесла их по всей Америке. И этот день был для руководителей факультета настоящим праздником.

Но старая часть университета, скрытая густой листвой, скромно и незаметно приютилась в глубине вязовой аллеи, и никто не примет ее по ошибке за фабрику. Некогда она составляла весь университет, который возник еще в период колонизации страны и назывался «Конкордией». В нем работали поколения президентов

---

[1] Трижды и четырежды блаженный (*лат.*).

[2] Цитата из оды Горация, где идет речь о тех, кому «приятна олимпийская пыль» (т. е. олимпийские игры).

и профессоров старого типа, с длинными белыми бородами, в потертых черных сюртуках, довольствовавшихся жалованьем в полторы тысячи долларов в год.

Все перемены и в названии этого учреждения — «Плутория-университет» вместо «Колледж Конкордия»,— и в его характере были делом рук президента Бумера.

Когда мистер Томлинсон и его провожатые шли по вязовой аллее, навстречу им попадались студенты, студентки и профессора. Одни проходили с улыбкой, другие заметно робея.

— Вот профессор Уизерс,— мягким голосом сказал президент, когда мимо него прошла какая-то съежившаяся фигура.— Бедный Уизерс.— И Бумер глубоко вздохнул.

— А что с ним?— спросил Томлинсон.— Он болен?

— Нет, не болен,— ответил спокойно, но с горечью президент,— а просто не годится.

— Не годится?

— К несчастью, да. Но не подумайте, что он вообще негоден. Ни в коем случае. Если бы кто-нибудь пришел ко мне и сказал: «Бумер, можете ли вы мне порекомендовать первоклассного ботаника?» — я бы сказал: «Возьмите Уизерса».

— Но в таком случае почему же он не годится?

— Он не может справиться с большой аудиторией. При малом числе слушателей он вполне на своем месте, но перед многолюдной аудиторией теряется. Он не может держать ее в руках.

— Не может?— спросил чародей.

— Да, не может. Но что я могу поделать?! Я не в состоянии уволить его. У меня нет средств, чтобы платить ему пенсию. У меня нет денег.

Другая профессорская фигура промелькнула на противоположной стороне аллеи.

— Вот еще один неподходящий для нас профессор: Шотат, наш почтенный преподаватель английского языка.

— А он почему не подходит?— спросил Томлинсон.

— Он не годится для малой аудитории,— ответил президент.— При большой аудитории он великолепен, но при малолюдной безнадежен.

Пока собеседники проходили аллею, доктор Бумер успел перебрать таким же образом всех профессоров, и финансовый чародей получил полную возможность узнать о вопиющем недостатке средств у Плутория-уни-

верситета и о затруднительном положении его президента.

Но вскоре выяснилось, что необходимость замены одних профессоров другими, новыми, составляет только часть затруднений президента.

Другая часть касалась университетских зданий.

— Вот этот дом, мне стыдно сознаться в этом,— заявил доктор Бумер, указав на фасад старого здания колледжа «Конкордия», построенного в древнегреческом стиле,— наша первоначальная обитель, fons et origo [1] нашего университета: факультет изящных искусств.

Здание действительно обнаруживало признаки разрушения, но все же не было лишено известного величия; этому впечатлению особенно способствовало воспоминание о том, что такой именно вид оно имело в те времена, когда студенты, надев на свои головы треуголки и вооружившись курковыми ружьями, толпами покидали аудитории, чтобы записаться солдатами в армию Вашингтона.

Но доктор Бумер мечтал возможно скорее снести это здание до основания и воздвигнуть на его месте громаду в десять этажей с подъемными машинами.

Томлинсон с чувством робости осматривал вестибюль, куда его повели провожатые. Атмосфера, царившая здесь, вызывала в нем благоговение. На стенах висели бюллетени, расписания лекций и объявления. На одном из последних значилось: «Проф. Смизерс сегодня не будет читать»; на другом: «Проф. Уизерс не будет читать всю ближайшую неделю»; третье гласило: «Проф. Шотот, по случаю болезни, не будет в состоянии посещать университет весь нынешний месяц» и т. д.

В разных местах вестибюля, в особых нишах, стояли бронзовые бюсты мужей с римскими лицами и оголенными шеями, с плеч которых ниспадали тоги.

— Кто это?— спросил Томлинсон, рассматривая бюсты.

— Основатели и жертвователи университета,— ответил президент.

При этих словах у Томлинсона замерло сердце. Ибо он понял, к какому классу людей надо было принадлежать, чтобы быть принятым в число жертвователей.

— Великолепная группа людей, не правда ли?— сказал президент.— Мы все благоговеем перед ними. Вот бюст последнего из них, мистера Хогрурша, человека с исключительно отзывчивым сердцем,— и он указал паль-

[1] Первоисточник (*лат.*).

цем на фигуру с лавровым венком на голове и с надписью: Gulielmus Hogroorsh, Litt. Doc. — Он составил себе громадное состояние, подвизаясь в промышленности, и чтобы запечатлеть свою благодарность обществу, воздвиг на крыше этого здания анемометр, прибор для измерения силы ветра. При этом он поставил только одно условие, а именно чтобы в еженедельно печатаемых бюллетенях университета его имя стояло непосредственно под сводкой силы ветра.

— А что это написано под его фамилией? — спросил Томлинсон.

— Litt. Doc? — спросил президент. — Доктор словесных наук — наша почетная степень. Мы всегда с радостью преподносим ее — по постановлению факультета — нашим жертвователям.

Здесь доктор Бумер и доктор Бойстер сделали полуоборот и принялись спокойно, но пристально смотреть на финансового чародея.

— Да, мистер Томлинсон, — сказал президент, когда они вышли из здания, — вы, без сомнения, начинаете понимать наше тяжелое положение. Деньги, деньги и деньги — вот что нам нужно. Если бы у меня были деньги, я в две недели разрушил бы это здание до основания.

Из центрального корпуса они втроем прошли в музей, где Томлинсону был показан огромный скелет «диплодокус максимус»'а, с предупреждением, чтобы он не смешивал его с «динозаурус перфектус»'ом; кости последнего можно было бы, конечно, приобрести, если бы нашелся человек с отзывчивым сердцем, который, придя в университет, сказал бы прямо: «Господа, чем могу быть вам полезен?»

Из музея они направились в библиотеку, стены которой были увешаны портретами (во весь рост) основателей и благотворителей, которые либо стояли в длинных красивых одеяниях, держа в руках свитки, либо сидели с пером в руке перед развернутыми листами пергамента; на заднем фоне неизменно красовался греческий храм с зигзагообразной молнией.

Здесь тоже выяснился вопиющий недостаток средств и острая нужда в благотворителе, который, придя в университет, сказал бы прямо: «Господа, чем могу быть вам полезен?» Ибо здание библиотеки было построено двадцать лет назад и уже не соответствовало своему назначению; его необходимо было взорвать динамитом и сровнять с землей.

Чем больше видел и слышал Томлинсон, тем мрачнее становилось его настроение. Красные одеяния и свитки доконали его.

Из библиотеки все трое направились в огромное здание, где помещался промышленно-механический факультет.

Из всех его частей более всего заинтересовало финансового чародея электрическое отделение. И на этот раз голос его зазвучал уверенно, когда он, смотря прямо в лицо доктору Бумеру, начал:

— У меня сын...

— Вот как,— воскликнул Бумер с чувством глубокого уважения и облегчения,— у вас сын?

В его словах чувствовалось полное торжество. Теперь, мы, дескать, знаем, на чем вас можно поймать,— и он обменялся многозначительным взглядом с профессором греческого языка.

В продолжение пяти минут президент Томлинсон и доктор Бойстер серьезно обсуждали вопрос, на каких условиях и каким путем Фред мог быть принят на промышленно-технический факультет. Но, конечно, о действительных условиях, на которых они согласны были зачислить Фреда в университет, не было сказано ни слова.

Только в одну дверь факультета, тяжелую дубовую дверь в конце коридора с надписью: «Геологическая и металлургическая лаборатория», они не проникли, так как на ней висела записка: «Занят, прошу не беспокоить».

Доктор Бумер взглянул на записку и сказал:

— Да, Гилдас, должно быть, занят своими анализами. Не будем ему мешать.

Президент всегда был горд, когда оказывалось, что профессор чем-либо занят; это производило хорошее впечатление.

Но если бы президент Бумер знал, что происходило за дубовой дверью геологической и металлургической лаборатории, он был бы очень встревожен.

Ибо здесь почтенный профессор геологии Гилдас снова сидел при голубом свете горелок за своими анализами, от которых зависела судьба «Объединенного общества Эри-золото» и всего того, что было связано с ним.

Профессор Гилдас производил анализ лежавших перед ним проб и по окончании исследования укладывал каждую из них в отдельную белую коробочку, старательно подписывая под ней изящным почерком: «Колчедан настоящий».

Сзади профессора работал молодой лаборант, студент последнего курса.

— Что вы нашли? — спросил он.

— Сернистое железо,— ответил профессор,— или железистый колчедан. По цвету и по виду он очень похож на золото. И действительно, во все века...— продолжал он, впадая в роль лектора.

— Он ценен? — перебил его лаборант.

— Ценен,— сказал профессор.— Ах да, вы ведь имеете в виду с коммерческой точки зрения? Нисколько. Гораздо менее ценен, чем, например, простая глина... Он ничего не стоит.

На минуту воцарилось молчание.

Затем Гилдас заговорил снова.

— Странно только то, что в первых присланных мне образцах заключалось настоящее золото,— в этом не может быть никакого сомнения. Это самый интересный вопрос. Эти господа, вошедшие в предприятие, потеряют, конечно, свои деньги, и я должен буду отказаться от очень приличного вознаграждения, которое они мне предложили за мои услуги. Но основной факт, и наиболее любопытный, состоит вот в чем: мы видим здесь, без сомнения, случайное отложение — «карман», как говорят горняки,— чистого золота в девонской формации. Но раз это установлено, мы должны пересмотреть всю принятую в науке теорию вулканического и плутонического происхождения скал. Я готовлю доклад об этом для геологического съезда и надеюсь прочесть его на ближайшем заседании.

Молодой лаборант взглянул на профессора, прищурив один глаз.

— На вашем месте я не стал бы этого делать,— сказал он.

Молодой лаборант не имел никаких, по крайней мере практических, сведений по геологии, так как происходил из очень богатой и известной в городе семьи, и геология ему была не нужна; но, будучи сметливым молодым человеком, он хорошо понимал роль денег и характер деловых людей.

— А почему — нет? — спросил профессор.

— Почему? Да разве вы не понимаете, что произошло?

— С кем? — удивился Гилдас.

— Да с первыми присланными вам образцами, когда кучка дельцов заинтересовалась ими и задумала

сорганизовать общество. Разве вы не понимаете? Кто-нибудь из них подменил образцы.

— Подменил образцы? — повторил профессор, совершенно озадаченный.

— Ну да, подменил, чтобы получить удостоверение от научного авторитета в том, что данный песок содержит золото.

— Я начинаю понимать,— пробормотал профессор,— кто-нибудь подменил образцы, так как желал установить теорию, что случайные гнезда золота могут встретиться в отложениях девонской формации. Да, да, теперь мне все ясно.

Молодой лаборант с жалостью посмотрел на профессора.

— Вы угадали,— сказал он и тихо рассмеялся.

. . . .

— Итак,— сказал доктор Бойстер после того, как Томлинсон покинул университет,— чего вам удалось достичь?

Президент пригласил доктора Бойстера к себе в кабинет и предложил ему здесь сигару толщиной в канат, а другую взял сам. Это было признаком того, что доктор Бумер желал выслушать мнение доктора Бойстера, сформулированное на простом английском языке, без всяких латинских цитат.

— Замечательнейший человек,— произнес профессор греческого языка,— удивительная проницательность и нежелание бросать слова на ветер. Его требования, надо полагать, достаточно определенны?

— Вполне,— ответил президент.— Для меня совершенно ясно, что он намерен дать нам деньги на двух условиях. Первое: мы принимаем его сына, который не имеет никакого аттестата, на старший курс электротехнического отделения, и второе: мы присуждаем ему самому степень доктора словесных наук.

— Возможно ли принять эти условия?

— О, конечно! Что касается его сына, то это не встретит, разумеется, никаких препятствий; что же касается ученой степени, то нужно так подстроить дело, чтобы факультет дал на это согласие. Думаю, мне удастся этого добиться.

. . . .

Голосование происходило в тот же день вечером. Если бы члены факультета знали, что шептали и даже более чем шептали в городе про Томлинсона и его состояние,

то, конечно, никакой ученой степени он никогда бы не получил. Но случилось так, что как раз в этот момент вся профессура переживала один из тех величайших кризисов, которые время от времени сотрясали университет до самого основания. В факультет было внесено предложение, чтобы студентам разрешили пользоваться во время экзаменационной сессии карандашом вместо пера и чернил. Всякий, знакомый с внутренней жизнью университета, легко догадается, что подобное новшество представлялось большинству профессоров не чем иным, как попыткой социал-демократов ниспровергнуть основы существующего общественного строя.

Неудивительно, что из-за этого разгорелась настоящая баталия. Восторжествовало предложение отложить решение вопроса на шесть месяцев и выбрать особую комиссию из семнадцати профессоров, предоставив ей право кооптации; эта комиссия должна была доложить весь вопрос de novo.

Как раз в этот момент президент Бумер, который понимал членов факультета так, как немногие умели понимать, спокойно вошел в зал, положил свою шелковую шляпу на том Демосфена и предложил присудить мистеру Томлинсону степень доктора словесных наук. Он заявил, что незачем напоминать факультету о заслугах Томлинсона перед нацией: они известны всем. Из членов факультета одни думали, что он имеет в виду Томлинсона, который написал знаменитую диссертацию на тему: «Иота субскриптум», а другие — философа Томлинсона, автора книги «О неделимости неделимого». Как бы то ни было, но все они проголосовали за предложение президента, находясь после предыдущих дебатов в состоянии полной прострации.

. . . .

В то самое время, когда университет награждал Томлинсона ученой степенью доктора словесных наук, деловые круги города наделяли его эпитетами совершенно другого рода. «Идиот», «мерзавец», «мошенник» были самыми вежливыми из них. Все акции, с которыми так или иначе было связано имя Томлинсона, стремительно падали в цене, выметая из кучи накопленных раньше прибылей не меньше тысячи долларов в минуту. Оспаривалась не только его честность, но и его коммерческие способности. Особенно ораторствовал мистер Лукулл Файш, который с презрением твердил своим слушателям: «Этот человек — набитый дурак».

. . . .

Все это произошло вследствие того, что результаты анализа, произведенного профессором геологии, стали известны директорам «Общества Эри-золото» и шепотом передавались от одного к другому. Директора и главные акционеры были теперь заинтересованы в том, чтобы как можно скорее сплавить свои акции. Мистер Лукулл Файш успел продать четверть своего запаса одному из простодушных членов Мавзолей-клуба по тридцать за сто, но, будучи слишком благоразумным для того, чтобы удержать за собой хоть какую-либо часть их, поспешил пожертвовать остальные «Дому сирот и подкидышей», а тот член клуба, который купил эти акции у Файша и чересчур поздно узнал о своем промахе, полетел к своему адвокату, чтобы оформить передачу их, в качестве пожертвования, «Дому неизлечимо больных».

Мистер Асмодей Баулдер передал весь свой пакет акций «Обществу помощи слабоумным», а мистер Ферлонг-старший переслал свои акции китайской миссии с такой поспешностью, с какой только перо могло скользить по бумаге.

В конторе юрисконсультов «Общества Эри-золото», Скипнера и Байтема, кипела непрерывная работа. В продолжение двадцати четырех часов весь наличный запас акций «Эри-золото» перешел в собственность идиотов, сирот, подкидышей, слабоумных, миссионеров и прочих безденежных людей, которых возглавлял финансовый чародей Томлинсон, главный держатель этих акций и руководитель всего предприятия.

Каждую минуту могла разразиться катастрофа.

В редакции «Финансового подголоска» уже все было подготовлено к выпуску экстренного номера с жирным заголовком в три дюйма:

КРАХ ОБЩЕСТВА «ЭРИ-ЗОЛОТО»

АРЕСТ НЕБЕЗЫЗВЕСТНОГО ТОМЛИНСОНА
ОЖИДАЕТСЯ СЕГОДНЯ ДНЕМ

Скипнер и Байтем заплатили издателю две тысячи долларов чистоганом, чтобы задержать экстренный выпуск на двадцать четыре часа; издатель в свою очередь

дал двадцать пять долларов каждому репортеру, чтобы они воздержались от опубликования этого известия, и по десяти долларов каждому наборщику, чтобы они держали язык за зубами до утра.

В то время как все это обделывалось с безумной поспешностью, в дверях конторы Скиннера и Байтема внезапно появилась в широкополой шляпе и длинном черном сюртуке фигура «самого» Томлинсона. Лишь только Скиннер, старший совладелец конторы, узнал о цели появления Томлинсона, он сломя голову бросился через всю контору в кабинет своего коллеги:

— Байтем, Байтем,— закричал он, и вся его гиенообразная физиономия задрожала от возбуждения,— идите скорее ко мне в кабинет! Этот человек на самом деле замечательнейший субъект во всей Америке! Такого хладнокровия и таких стальных нервов я никогда не видал. Как вы думаете, зачем он пришел?

— Ну-ну?

— Он жертвует все свое состояние университету!

— Черт побери! Ловко! — воскликнул Байтем, и оба юриста смотрели друг на друга, восхищаясь гениальностью и удивительным самообладанием Томлинсона.

. . . .

А между тем все произошло очень просто. Томлинсон вернулся из университета, преисполненный надежд и колебаний. Он понял, что университет нуждается в деньгах, и решил пожертвовать ему все свое состояние. Но, как человек скромный, он никак не мог решиться заявить об этом. Он чувствовал, что до него все благотворители принадлежали к людям совершенно другого класса, чем он.

Положение спасла «мать».

— Вот что, отец,— сказала она,— почему бы тебе не пойти к адвокатам, обслуживающим твое общество, и не поручить им устроить все это дело с передачей твоего состояния университету?

И в результате Томлинсон очутился в конторе Скиннера и Байтема.

. . . .

— О, мистер Томлинсон,— сказал Скиннер, опуская уже перо в чернильницу,— это совсем простое дело! Я могу составить дарственную запись сейчас же.— При этом он думал про себя: «Если получу за это наличными пятьдесят долларов».— А теперь,— продолжал он,— скажите, чтó вы хотите пожертвовать?

— Я хочу отдать университету все мои акции «Эризолото».

— Все? — спросил Скипнер, с улыбкой поглядывая на Байтема.

— Все до единого цента,— ответил Томлинсон,— так и напишите.

В несколько минут передача состоялась, и Томлинсон радостно пожимал руки Скипнера и Байтема, предлагая им самим назначить себе вознаграждение.

. . . .

— Как, по-вашему, это сделка законная? — спросил Байтем по уходе Томлинсона.— Она не может быть опротестована?

— О нет,— сказал Скипнер,— ни в коем случае, разве только косвенным путем. Если они захотят арестовать его за мошеннический выпуск акций, то эта дарственная запись, думаю, облегчит им возможность послать его в тюрьму. Но очень сомневаюсь, что им удастся его арестовать. Имейте в виду, что этот парень чертовски ловок. Вы знаете и я знаю, что он организовал акционерное общество, отлично понимая, что все это предприятие мазурническое. Но мы знаем это благодаря развитому у нас нюху к подобным делам; доказательств же у нас никаких нет. Наш приятель сумел окружить себя таким доверием, что будет адски трудно зацепить его.

— А что он будет делать? — спросил Байтем.

— Что он будет делать? Ответ простой. Запомните мои слова. В двадцать четыре часа он умудрится все ликвидировать и скроется из штата. Если они захотят его арестовать, им придется хлопотать о его выдаче. Говорю вам, это человек исключительных способностей. Всем нам далеко до него.

В словах Скипнера оказалась доля правды.

. . . .

— Ну, мать,— сказал маг и волшебник, сияя от радости, когда он очутился после переговоров со Скипнером и Байтемом в своих тысячедолларовых апартаментах,— дело сделано! Я поставил университет в такое положение, в каком ни он, ни другие университеты никогда не бывали: сами законники сказали мне это.

— Очень приятно,— отвечала «мать».

— Как хорошо, что я не растерял денег, когда стре-

мился к этому. Никогда не думал, что деньги могут принести столько добра, если только человек вкладывает в них все свое сердце. Ну, теперь они смогут, когда пожелают, сломать старые здания и возвести новые. Как я рад, что не растерял своих денег!

Так беседовали они до поздней ночи, а во сне видели самые радужные картины.

Но утром на их головы обрушилась страшная катастрофа. Она разразилась, как только Томлинсон спустился в ротонду Палавера. Вся громадная площадь ротонды, казалось, была заполнена объявлениями и широчайшими простынями утренних газет. Толпа сновала туда и сюда, покупая газеты и читая их на ходу. И везде перед глазами финансового чародея аршинными буквами мелькали заголовки:

КРАХ ОБЩЕСТВА «ЭРИ-ЗОЛОТО»
ГРАНДИОЗНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО С ЗОЛОТОМ

АРЕСТ НЕБЕЗЫЗВЕСТНОГО ТОМЛИНСОНА
ОЖИДАЕТСЯ СЕГОДНЯ УТРОМ

Маг и волшебник стоял как вкопанный, прислонившись к колонне, с газетой в руке. Тысячи глаз впивались в него, и из тысячи уст сыпались по его адресу оскорбления. Сердце его упало.

В таком состоянии нашел его Фред, спустившийся по лестнице вниз. При виде волновавшейся толпы и бледного, сразу постаревшего лица Томлинсона у юноши появился задор. Он не знал, что случилось. Он видел только, что отец его стоял ошеломленный, убитый, и перед его глазами повсюду мелькало аршинными буквами:

АРЕСТ НЕБЕЗЫЗВЕСТНОГО ТОМЛИНСОНА

— Пойдем наверх, отец,— сказал он и, взяв его под руку, провел сквозь толпу.

Полчаса сидели они — Томлинсон, его жена и Фред — в своих мишурно-роскошных тысячедолларовых апартаментах, ожидая ареста, и за эти полчаса юноша узнал больше, чем могли бы его научить в Плутория-университете за десять лет. Несчастье наложило на него свою печать и сделало юношеское сердце Фреда во много раз чище и прекраснее фальшивого золота общества Эри. Когда он взглянул на убитого горем отца, безропотно ожидавшего ареста, и на опухшее от слез лицо матери, гнев охватил его душу.

— Когда придет шериф? — произнес Томлинсон, и губы его задрожали.

— Они не посмеют вас арестовать, отец,— крикнул юноша.— Вы ничего не сделали. Вы никогда не мошенничали. Пусть они только попытаются арестовать вас. Я...— и его голос прервался и перешел в рыдания, а руки сжались в кулаки.— Оставайтесь здесь, вы и мама, а я спущусь вниз. Дайте мне денег, я расплачусь с ними, и мы оставим это место и поедем к себе домой. Они не посмеют задержать нас. Вас не за что арестовывать.

И некоторое время спустя, когда город еще продолжал трубить о падении финансового чародея, Томлинсон, его жена и сын вышли из своих апартаментов, держа в руках пожитки. Лакей, с полунаглой, полупочтительной улыбкой, потянулся за чемоданами, опасаясь, не захватили ли они с собой каких-либо ценностей.

— Убирайтесь к черту! — крикнул Фред, одетый в грубое платье, в котором прибыл в город с фермы; его широкие плечи и крепко сжатые челюсти устрашили лакея, и тот попятился назад.

Так, никем не арестованные и не задержанные, они беспрепятственно прошли по коридору и пробрались через ротонду к выходным дверям отеля.

У дверей Палавера стоял в форменной одежде и круглой шляпе высокий субъект, которого в отеле называли «chasseur» или «commissionaire», вероятно, для того, чтобы показать, что он ничего не делал.

При виде его Томлинсон покраснел и смутился, как раньше.

— Не знаю, сколько ему дать...— пробормотал он.

— Ни гроша,— заявил Фред, отталкивая плечами великолепного chasseur'a,— пусть работает!

С этим мудрым изречением Фреда они вышли из подъезда Гран-Палавера.

. . . .

Ареста так и не последовало. Вопреки ожиданиям ротонды и предсказаниям «Финансового подголоска» «небезызвестный Томлинсон» арестован не был — ни тогда, когда покидал Гран-Палавер, ни тогда, когда стоял с Фредом и матерью на вокзальной платформе в ожидании поезда, отправлявшегося к ним на родину.

Дело в том, что никаких оснований для ареста Томлинсона не оказалось. И это было не последней странностью в карьере финансового мага и волшебника. Ибо

когда дела «Эри-золота» были приведены в порядок трудами Скиннера и Байтема, с одной стороны, и законных представителей сирот, идиотов и глухонемых — с другой, то результат получился прямо-таки блестящий. Конечно, запасный капитал испарился, но те, кто понес самые крупные убытки, предпочли об этом умолчать.

Что же касается Томлинсона, то его выручили удачные операции на бирже, предшествовавшие краху компании и его личному падению. После оплаты всех расходов — счета Гран-Палавера, вознаграждения Скиннеру и Байтему в тысячу долларов за возвращение ему южной части фермы и стоимости трех билетов до станции Кахога — его дебет и кредит сбалансировались с точностью до одного цента.

Так в одну ночь все состояние Томлинсона рассеялось словно мираж, не оставив после себя никакого следа.

. . . .

Несколько месяцев спустя после краха общества «Эри-золото», университет на торжественном заседании присудил Томлинсону степень доктора словесных наук in absentia[1]. Университет должен сдержать свое слово — таково было непреклонное мнение декана Эльдерберри Фойбла, человека в высшей степени честного. Он утверждал, что решение факультета искусств, раз оно принято и занесено в протокол, так же несокрушимо, как скала девонской формации.

Таким образом, Томлинсону была присуждена ученая степень. На торжественном заседании под председательством доктора Бумера, одетого в голубую мантию, декан Фойбл, в красной мантии, прочел на латинском языке, согласно древнему обычаю колледжа, постановление о присуждении ученой степени доктора словесных наук Томлинсону. Оно гласило: «*Eduardus Tomlinsonus, vir clarissimus, doctissimus, praestantissimus*»[2], а затем следовало еще много других вещей, оканчивавшихся на «issimus».

Но на собрании не было того, кому была присуждена степень. Он стоял в этот момент со своим сыном Фредом на склоне высокого холма, возле озера Эри — на том месте, где Томлинсоновский ручей снова беспрепятствен-

[1] В отсутствии (*лат.*).

[2] Эдуард Томлинсон, муж самый ученый, самый выдающийся (*лат.*).

но впадал в озеро. Все было здесь по-прежнему. Ибо Томлинсон с сыном давно уже пробили мотыгами и ломом отверстие в плотине, и сердитый поток день за днем уносил вниз, в озеро, остатки насыпи, пока от нее ничего не осталось. Кедровые столбы от электрических фонарей были срублены и пошли на забор; деревянные лачуги, где жили работавшие на прииске итальянцы, были разобраны и распилены на дрова, и там, где они когда-то стояли, пышно разрослись под благодатными лучами летнего солнца репейник и чертополох, задавшись тайной целью поскорее скрыть следы былого позора. Природа простерла свою руку и зеленым ковром накрыла могилу улетучившегося Эльдорадо.

Финансовый чародей и его сын стояли на склоне холма; перед их глазами не было ничего, кроме равнины, спускавшейся к озеру, и ручья, перешептывавшегося с ивами, в то время как ветер покрывал рябью неглубокие воды.

Глава четвертая

ВОСТОЧНОЕ ОБЩЕСТВО «ЙАХИ-БАХИ», УЧРЕЖДЕННОЕ МИССИС РОССЕМЕЙР-БРАУН

Миссис Россемейр-Браун жила на Плутория-авеню в громадном, построенном из песчаника дворце, где она устраивала фешенебельные приемы, которые сделали ее имя широко известным. Мистер Россемейр-Браун также обитал здесь.

Фасад дома был более или менее точной копией итальянского палаццо XVI века. Когда об этом спрашивали миссис Россемейр-Браун (вопрос являлся только знаком благодарности за поданное на стол пятидолларовое шампанское), она отвечала, что передний фасад — cinquecentisti [1], а задний — мавританский, сиенской школы. Когда же попозже, вечером, гость сообщал мистеру Россемейру-Брауну, что его дом — cinquecentisti, то получал ответ, что и он сам, Россемейр-Браун, предполагал это. После такого замечания со стороны хозяина следовало молчание, а затем мистер Россемейр-Браун обычно спрашивал гостя, не хочет ли тот выпить.

Теперь легко догадаться, что за люди были Россемейр-

[1] В стиле XVI в. (*итал.)*.

Брауны. Короче говоря, мистер Россемейр-Браун был тяжелым испытанием для миссис Россемейр-Браун. Впрочем, «испытание» — слишком слабое слово: он был, как признавалась в интимном кругу своим тремстам близким друзьям сама миссис Россемейр-Браун, препятствием для нее. Более того, он был петлей, обузой, бременем, а в минуты религиозного увлечения — и крестом для миссис Россемейр-Браун. Даже в ранние годы их семейной жизни, лет двадцать или двадцать пять назад, супруг был для нее обузой. Он занимался дровяными и угольными операциями. А как тяжело для женщины сознание, что ее муж составляет себе состояние на каменном угле и дровах и что это всем хорошо известно! Разве это не петля, которая мешает ей вырваться на свободу? Чего больше всего жаждет женщина, как не возможности расти и развертывать свои силы, и разве не самая печальная вещь на свете,— вечно задыхаться? Но можно ли свободно дышать, живя с супругом, который не умеет отличить Джотто [1] от Карло Дольче [2], твердо знает только все сорта дров и за обедом не может воздержаться от того, чтобы не заговорить об обжигательной печи?

Все эти страдания относились, конечно, к ранним годам ее замужества. Время сгладило их.

Но «препятствия» остались.

Даже после того, как благополучно пройден был период мелкой торговли углем и дровами, разве не тяжело было жить бок о бок с супругом, который владел каменноугольными копями и покупал древесную массу для выделки бумаги, вместо того чтобы приобретать разукрашенные требники XII столетия? Каменноугольные копи — не лучший предмет беседы за обеденным столом; он унижает хозяина перед гостями.

Все это не было бы так ужасно — миссис Россемейр-Браун готова была примириться с этим,— если бы мистер Россемейр-Браун чем-либо занимался. Ну если бы он, например, собирал коллекции. Ведь вот мистер Лукулл Файш изготовляет содовую воду, но в то же время всем известно, что у него самая лучшая коллекция ломаной итальянской мебели. Или другой пример: старик мистер Файдерстон. Впрочем, про него нельзя даже сказать, что он коллекционер,— он не любит этого слова.

---

[1] Джотто — известный живописец, скульптор и архитектор XIII в.
[2] Карло Дольче — знаменитый живописец флорентийской школы XVII в.

«Не называйте меня коллекционером,— говорит он.— Я просто подцепляю вещи везде, куда случайно попадаю, будь то Рим, Варшава или Бухарест».

Теперь всем понятно, какое тяжелое бремя лежало на плечах миссис Россемейр-Браун.

Поэтому все, что только ни предпринимала миссис Россемейр-Браун, она выполняла без помощи своего супруга. Каждую среду, например, в ее доме происходили заседания кружка по изучению Данте; члены кружка намечали четыре строки текста, обдумывали их и за ленчем подвергали обсуждению. Миссис Россемейр-Браун выносила одна на своих плечах все бремя этих занятий. И всякий, кому приходилось анализировать четыре строки Данте за ленчем, орошаемым мозельским вином, легко может себе представить всю тяжесть этой задачи.

Во всем этом ее супруг был бесполезен, совершенно бесполезен. Конечно, никто не должен стыдиться своего мужа, и надо отдать справедливость миссис Россемейр-Браун — она всегда уверяла триста своих близких друзей, что не стыдится своего супруга. Но, разумеется, не легко бывает на душе, когда за собственным столом приходится сравнивать мужа с другими, высшими существами. Попробуйте поставить мистера Россемейр-Брауна рядом хотя бы с мистером Снупом, сексуальным поэтом. Что он перед ним? Ноль. Он даже понять не может его рассуждений. И когда мистер Снуп у камина, с чашкой чаю в руке, дискутирует о том, доминировал ли сексуальный вопрос в творчестве Ботичелли [1], мистер Россемейр-Браун в своем плохо сшитом костюме прячется где-то в уголке и его жена страдальческим ухом улавливает отдельные фразы из его беседы, вроде: «Когда я начал заниматься продажей угля и дров», или: «Уголь горит быстрее, чем дерево», или, шепотом: «Если вы хотите выпить, пока он читает»... И это как раз в то время, когда весь зал внимательно слушает мистера Снупа.

Но это еще не все горе, которое причинял супруге мистер Россемейр-Браун. Была у него еще одна слабая сторона, может быть гораздо более реальная; о ней миссис Россемейр-Браун никогда не рассказывала даже своей закадычной подруге, мисс Снэп, не говоря уж об остальных.

Но мисс Снэп и все прочие друзья миссис Россе-

[1] Ботичелли — итальянский живописец XV в.

мейр-Браун постоянно шептались об этом между собой.

Говоря коротко, мистер Россемейр-Браун пил.

Это вовсе не значит, что он был пьяницей, или много пил, или еще что-нибудь в этом роде. Нет, он просто выпивал. Вот и все.

Ни о каких излишествах здесь не было и речи. Мистер Россемейр-Браун начинал свой день, конечно, с того, что открывал глаза. А после этого к чему должен стремиться каждый энергичный человек, если не к тому, чтобы с утра хорошенько прочистить мозги? И он следовал этому мудрому правилу, основательно заправляясь перед завтраком. По пути на работу он останавливал на минуту машину у Гран-Палавера и, если был пасмурный день, то выпивал что-либо предохраняющее от сырости, а в холодный день — предохраняющее от холода; если же выпадали ясные, солнечные дни, столь вредно действующие, как известно, на нервную систему, он выпивал для укрепления нервов то, что ему предлагал буфетчик, признанный эксперт по части здоровья. После этого он в своей конторе успевал за два часа совершить больше сделок, притом крупных, с углем, дровами, бумажной массой и т. д., чем другие дельцы за неделю. И это понятно. Он ведь успевал вовремя заправиться, хорошо заправиться, подвести под себя фундамент; с утра его мозги были прочищены, так что немного было людей, которые могли угнаться за ним при заключении крупных сделок.

Действительно, деловая жизнь заставляла мистера Россемейр-Брауна выпивать. Хорошо молодому клерку, получающему двадцать долларов в неделю, начинать рабочий день с сандвичей и кофе с молоком. В крупных же делах это невозможно. Когда человек начинает идти в гору, как это было с мистером Россемейр-Брауном двадцать пять лет назад, он приходит к заключению, что если хочет добиться успеха, то должен махнуть рукой

на кофе с молоком. Во всяком ответственном положении человек начинает пить. Ни одно крупное дело не проведешь без этого. Если два ловких и твердых как кремень человека стремятся осилить друг друга, то единственный способ достичь желаемого результата заключается в том, чтобы забраться в какое-либо укромное место, вроде зала Мавзолей-клуба, и вместе выпивать. В этом состоит роль личности в деловой жизни, и без этого промышленность не может развиваться.

Однако повторяю, чтобы всем было понятно: никаких излишеств по части выпивки со стороны Россемейр-Брауна не наблюдалось. В самом деле, сколько бы ни приходилось ему по необходимости выпивать днем или вечером в Мавзолей-клубе, он твердо соблюдал одно правило: ничего не пить по возвращении домой. Правда, ему случалось дома останавливаться в столовой у буфета и опрокидывать маленькую рюмочку, но он считал, что делает это не «по возвращении», а «по пути» домой. Бывало также, что поздней ночью, когда его мозги были переутомлены и когда в «палаццо» все затихало, он спускался вниз в пижаме или халате, чтобы успокоить душу бренди с содовой водой или чем-либо другим, соответствовавшим настроению, которое царило в сей мирный час в обители Россемейр-Браунов. Но это нельзя было считать настоящей выпивкой, и мистер Россемейр-Браун называл это особым словом — «клюкнуть»; разумеется, всякий человек может «клюкнуть» в такое время, когда он считает недопустимым для себя «выпить».

. . . .

Но в конце концов, если женщина имеет дочь, которая является ее копией, то может найти в ней свое утешение. И действительно, как утверждала сама миссис Россемейр-Браун, ее дочь Дельфиния была ее подобием. Конечно, здесь была известная разница в летах и в наружности, которая, по меткому определению мистера Снупа, напоминала различие между Берн-Джонсом и Данте-Габриелем Россетти. Но все же мать и дочь были так похожи друг на друга, что даже знакомые, встречая их на улице, принимали одну за другую. А так как всякий, кто впадал в подобную ошибку, то есть принимал мать за дочь, обретал надежду быть приглашенным к обеду с пятидолларовым шампанским, то ошибок подобного рода было очень много.

Нет никакого сомнения, что Дельфиния, как и всякая девушка, обладающая великолепными золотистыми воло-

сами и глубокими голубыми глазами, нежными, как итальянское небо, отличалась замечательным умом и характером.

Даже весьма почтенного возраста и очень серьезные люди уверяли, что, разговаривая с нею, можно легко убедиться в ее поразительной способности быстро схватывать и понимать мысль собеседника. Так, старый судья Лонгерстилл, который за обедом целый час говорил с ней о юрисдикции Междуштатной торговой комиссии, высказал мнение, что, судя по тому, как она во время его рассуждений заглядывала ему в лицо и произнесла: «Ах, как интересно!» — что у нее должен быть ум настоящего юриста. А мистер Брас, инженер-консультант, утверждал, что она прирожденный инженер. Ему случилось однажды за десертом показать ей на скатерти при помощи трех вилок и одной ложки, каким способом регулируется излишек воды в Панамском канале. Мисс Дельфиния в конце объяснения склонила голову на руку и воскликнула: «Вот оригинально!» Иностранцы соответствующего социального круга, посещавшие город, были также в восторге от нее. Виконт Фиц-Тенетл, который полчаса объяснял ей все премудрости ирландского вопроса, был пленен ее сообразительностью, когда она в конце беседы, без малейшего смущения, спросила его: «А кто же там националисты?»

Разве эти факты не служат доказательством того, что она обладала наивысшей формой женского интеллекта? Всякий мужчина, если только он настоящий мужчина, сразу признает справедливость этого утверждения.

Что же касается молодых людей, то они толпами осаждали дом Россемейр-Браунов. Каждое воскресенье за five o'clock'ом они группами чинно сидели на стульях с прямыми спинами, стараясь держать чашки одной рукой. Атлетически сложенные студенты, увлекавшиеся футболом, с пылом и жаром говорили об итальянской музыке; итальянские тенора из Большой Оперы рассуждали об университетском футболе; молодые дельцы распространялись об искусстве; художники и литераторы разбирались в религиозных вопросах, а духовные лица толковали о коммерции. И это понятно. Ведь семья Россемейр-Браунов была носительницей высокой культуры, и здесь собирались образованные люди, отмеченные изысканным вкусом, чтобы свободно поболтать о том, чего не знали, и непринужденно изложить идеи, которых у них не было.

Многие говорили, что собрания у миссис Россемейр-Браун удивительно напоминают восхитительные салоны XVIII столетия. Были или не были собрания миссис Россемейр-Браун подобием салонов XVIII века, но не подлежит никакому сомнению, что ее супруг уводил наиболее близких людей в соседнюю со столовой комнату и прилагал все усилия к тому, что эти собрания ничем не отличались от лучших кабачков двадцатого века.

Однажды в общественной жизни города наступил кризис. Большая Опера впала в тяжелый дефицит и закрылась. Ничего не оставалось, как образовать один дамский комитет, чтобы собрать деньги, на которые синьор Пуффи смог бы выехать из города, и другой комитет, чтобы создать фонд, который дал бы возможность удержать синьора Пасти в городе. А что было делать дальше? Ехать в Европу — слишком рано, а на Бермудские острова — слишком поздно; на юге — чересчур жарко, на севере — еще слишком холодно. Оставалось сидеть дома, а это было просто невыносимо.

В результате миссис Россемейр-Браун и ее триста друзей ходили взад и вперед по Плутория-авеню, тщетно стараясь откопать что-либо новенькое. Они носились по волнам развлечений, переходя от собраний с чаем и танго к послеполуденному сидению за бриджем. Они приводили в восторг жителей целыми садами южных цветов на многолюдных приемах; они заполняли длинные ряды кресел, слушая лекции о женском равноправии. Но все это наводило на них тоску.

И вот — благодаря ли случаю или по воле рока — как раз в момент общего пресыщения и недовольства миссис Россемейр-Браун и триста ее друзей впервые услыхали о пребывании в городе мистера Йахи-Бахи, знаменитого восточного мистика. Он был настолько знаменит, что никто и не подумал даже спросить, кто он и откуда прибыл. Все сообщали эту новость друг другу, повторяя одно и то же, а именно что он — всем известный, прославленный Йахи-Бахи. Прибавляли лишь — для тех, кто этого не знал,— что имя его произносится «Йаххи-Баххи» и что учение, которое он проповедует, называется бухаизм. Оно — следовало дальнейшее объяснение для невежд — является ответвлением шудуизма, только более серьезным и, понятно, тайным. После получения этого объяснения слушатель немедленно заявлял, что восточные люди неизмеримо выше западных.

А так как миссис Россемейр-Браун была всегда ли-

дером высшего общества Плутория-авеню, то естественно, что она первой посетила мистера Йахи-Бахи.

— Моя милая,— рассказывала она своей закадычной подруге мисс Снэп, описывая свой «визит»,— это очень, очень интересно! Мы спустились в самую причудливую часть города и подъехали к самому крохотному домику, какой только можно вообразить себе; затем мы поднялись по узкой-преузкой лестничке — настоящей, знаете ли, восточной... Словом, сцена из Корана.

— Как увлекательно! — воскликнула мисс Снэп.

— Внутри все помещение завешено тканями,— продолжала миссис Россемейр-Браун,— а на этих тканях изображены змеи и индусские боги, прямо очаровательные.

— И вы видели Йахи-Бахи? — спросила мисс Снэп.

— Нет, моя дорогая. Я видела только его помощника, мистера Рама Спада, такого странного, знаете ли, маленького, кругленького человечка, должно быть бенгальца. Он стоял спиной к занавеске, протянул мне руку и не пустил меня дальше. Он сказал, что мистер Йахи-Бахи занят размышлениями и его нельзя тревожить.

— Как интересно! — отозвалась мисс Снэп.

В действительности же мистер Йахи-Бахи ел в это время за занавеской свою порцию бобов со свининой.

— Что больше всего нравится мне в восточных людях, так это удивительная тонкость их эмоций. После того как я объяснила цель своего визита — попросить Йахи-Бахи пожаловать к нам, чтобы побеседовать о бухаизме, я вынула из кошелька доллар и положила его на стол. Вы посмотрели бы только, как мистер Спад принял деньги. Он низко поклонился и произнес: «Изида да хранит вас, прекрасная леди!» Такой глубокий поклон и столько презрения к деньгам! Уходя, я не могла удержаться и сунула ему в руку второй доллар; он принял его, как бы совершенно не замечая, и прошептал: «Озирис да сохранит тебя, цветок среди женщин!» А когда я садилась в мотор, я дала ему третий доллар, и он сказал: «Изида и Озирис да продлят дни твоей жизни, о, лилия рисовых полей!» — и после этих слов он продолжал стоять около мотора, пока я не уехала. У него был такой сосредоточенный взгляд, словно он ждал еще чего-то.

— Какая тонкость чувств! — твердила Снэп. Ведь смыслом ее жизни было говорить подобные вещи, так как в благодарность за это она получала билеты в Большую Оперу и приглашения на обед.

— Разве не так? — продолжала миссис Россемейр-Браун.— Да, это совсем, совсем не то, что наши люди. Мне было так стыдно за моего нового шофера! Как мало похож он на Рама Спада! Каким грубым движением открыл он дверцы машины, как неуклюже взобрался на свое сиденье и особенно с какой отвратительной резкостью повернул ручку зажигания. Я просто покраснела от стыда. А отъезжая, он так направил машину — я уверена, он сделал это нарочно,— что обдал грязью мистера Спада.

Однако, как это ни странно, мнение остальных о новом шофере, в частности мнение мисс Дельфинии, для обслуживания которой он был специально нанят, было совершенно противоположным.

Солидные рекомендации, которые он представил, а также и то, что, по мнению мисс Дельфинии и ее друзей, он совсем не был похож на шофера, окружали его личность ореолом таинственности, что является для шофера признаком наивысшей квалификации.

— Моя дорогая Дельфиния! — шептала мисс Филиппина Ферлонг, сестра настоятеля церкви св. Асафа (в то время она была вторым «я» мисс Дельфинии), когда они сидели в машине.— Не убеждайте меня, что он шофер: он вовсе не шофер. Он умеет, конечно, управлять автомобилем, но это ничего не значит.

. . . .

Дело в том, что у шофера было твердое, словно вылитое из бронзы, лицо и суровые глаза; когда он надевал шоферское пальто, то оно имело на нем вид офицерского плаща, а шоферская круглая шапка делалась похожей на военную фуражку. Поэтому мисс Дельфиния и ее друзья решили или, вернее, выдумали, что он участвовал в войне на Филиппинах; этим объяснили они и шрам на лбу, полученный им, вероятно, в сражении при Илойло, или Хуйле-Хуйле, или в другом подобном месте.

Но больше всего занимала мисс Дельфинию Россемейр-Браун его поразительная грубость. Его обращение было так не похоже на поведение молодых людей из салона. Когда они подсаживали ее в автомобиль, то всегда танцевали вокруг нее, приговаривая: «Позвольте», «Разрешите». Филиппинский же шофер ограничивался тем, что открывал дверцу машины, говоря: «Войдите», а затем захлопывал ее.

И тогда по спине мисс Дельфинии пробегала дрожь, а фантазия подсказывала ей, что шофер был не настоящим шофером, а переодетым джентльменом. Она предполагала, что он знатный англичанин, вероятно, младший представитель какой-либо герцогской фамилии, юноша с неукротимым характером; и у нее сложилась собственная теория насчет того, почему он поступил на службу к Россемейр-Браунам. Откровенно говоря, она думала, что филиппинский шофер собирается похитить ее, а потому всякий раз, когда он отвозил ее домой после званого обеда или танцевального вечера, сладострастно откидывалась на спинку сиденья, с вожделением ожидая, что вот-вот начнется процесс похищения.

. . . .

Но главный интерес высшего общества сосредоточивался в это время на Йахи-Бахи и на новом культе бухаизма.

После посещения восточного мистика Россемейр-Браунами очень многие дамы потянулись на машинах к домику мистера Йахи-Бахи, и все они, беседовавшие с самим мистером Йахи-Бахи или с его ассистентом, бенгальцем Спадом, приходили в неописуемый восторг.

— Такой удивительный такт! — рассказывала одна из них.— Такая деликатность! Собираясь уходить, я положила на край маленького столика пятидолларовую монету. Мистер Спад даже не взглянул на деньги. Он прошептал: «Озирис да поможет вам» — и показал на потолок. Я инстинктивно подняла глаза кверху, а когда опустила их, монета исчезла. Полагаю, он велел ей улетучиться.

Другие, возвращаясь оттуда, рассказывали необычайные истории о чудодейственных оккультных способностях мистера Йахи-Бахи, особенно о его даре предсказывать будущее.

Миссис Бенкомхирст, только что потерявшей третьего мужа — вследствие развода,— мистер Йахи-Бахи приоткрыл краешек ее будущего с поразительной отчетливостью. Она попросила погадать ей, и мистер Йахи-Бахи исполнил ее просьбу. Он приказал ей разложить на столике шесть десятидолларовых монет в виде змеи. Затем он наклонился над ними и стал глубоко дышать, после чего изрек предсказание: «Многое произойдет, прежде чем начнется другое».

— Как мог он предвидеть это? — спрашивали все.

. . . .

Естественно, что в конце концов последовало приглашение мистера Йахи-Бахи и его ассистента, мистера Рама Спада, в палаццо миссис Россемейр-Браун; при этом всем дано было понять, что этот шаг имел целью создать специальное общество под названием «Восточное общество Йахи-Бахи».

Мистер Снуп, сексуальный поэт, был душой нового общества. Он очень подходил для этой цели, так как действительно побывал в Индии, где провел шесть недель, уплатив за экскурсионный кругосветный билет шестьсот тридцать пять долларов; он изъездил всю страну вдоль и поперек, от Исхумбапорэ в Бутэле до Исхумбэлебэда в Карнатике. Поэтому он считался среди дам Плуторияавеню большим авторитетом по части Индии, Китая, Монголии и прочих восточных стран.

Второй по своему значению персоной сделалась миссис Бенкомхирст, которая и стала позднее председательницей общества. Она уже была председательницей патриотической женской «Лиги дочерей революции», состоявшей исключительно из потомков офицеров, служивших в армии Вашингтона и в других армиях, председательницей «Общества сестер Англии», куда допускались только женщины, родившиеся в Англии и... в других странах, председательницей «Общества дочерей Кошута», «Общества имени Франца-Иосифа» и т. д. Дело в том, что после потери третьего мужа она «ударилась», по ее собственному выражению, в общественную деятельность, и единственным ее желанием было совершенно забыть о личной жизни.

Поэтому совершенно естественно, что миссис Россемейр-Браун наметила ее в председательницы вновь организуемого общества.

. . . .

Вместительная столовая Россемейр-Браунов была превращена в аудиторию, и сюда собралось от пятидесяти до шестидесяти наиболее близких друзей миссис Россемейр-Браун. Собрание состояло из дам. Исключение составляли только немногочисленные представители непрекрасного пола. Среди них был, конечно, маленький мистер Спилликинс, приглашенный, конечно, ради Дельфинии, как это было всем известно; присутствовал здесь и старый судья Лонгерстилл, который надеялся, что ему удастся вставить хоть небольшое словцо о конституции Соединенных Штатов, минут этак на тридцать, а в край-

нем случае — хоть услышать обращение «наш выдающийся джентльмен»; это все же было лучше, чем сидеть дома. После того как все расселись, был поставлен на обсуждение вопрос об уставе общества и о выборах секретаря, но он не был решен, так как появился мистер Снуп в сопровождении мистера Йахи-Бахи и мистера Рама Спада.

Мистер Йахи-Бахи был высокого роста; на нем было «восточное платье», в котором он казался еще выше. Лицо у него было смуглое, продолговатое, глаза — черные, блестящие и такие пронизывающие, что, когда его взор упал на сидевших вблизи дам, по их телам пробежала дрожь страха и восторга.

— Моя милая,— говорила потом мисс Снэп,— мне показалось, что он видит нас насквозь.

Так оно и было.

Мистер Рам Спад представлял собой полную противоположность мистеру Йахи-Бахи. Он был низкорослый и круглый, с рябоватым лицом цвета красного дерева; глаза его блестели, как ягодки в патоке. На голове у него красовался тюрбан, а все было обернуто таким количеством кусков тканей и поясов, что казалось совершенно четырехугольным. Одежду обоих украшали мистические изображения Будды и семи змей бога Вишну.

Понятно, что Йахи-Бахи и его ассистент не имели возможности обращаться непосредственно к аудитории, так как их знание английского языка было слишком недостаточно. Поэтому беседа могла вестись исключительно при посредстве мистера Снупа, но и то с большими затруднениями. Ибо единственными наречиями, на которых он умел более или менее гладко изъясняться, были «гаргамик» и «гумаик», ответвления древних дравидийских диалектов, заключавшие в себе только двести три слова. Мистер же Йахи-Бахи, насколько можно было понять, говорил на очень богатом языке древних веддов, которого он, мистер Снуп, не знал.

Все это мистер Снуп сообщил в своем вступительном слове. Затем он приступил к изложению доктрины бухаизма, квинтэссенцией которого является нирвана, или отрицание пустоты.

Первая обязанность каждого, кто желает сделаться неофитом, или кандидатом в «святые»,— вручить, после очищения своего сердца, десять долларов золотом мистеру Йахи-Бахи. Дело в том, что, согласно учению бухаизма, золото есть символ трех внешних добродетелей

и оно не может быть заменено серебром и бумажными деньгами; даже банкноты Национального банка рассматриваются как «доо», или паллиатив, а канадские и мексиканские кредитки — как «воо», или ничто. Восточный взгляд на деньги, сказал мистер Снуп, много выше нашего и может быть усвоен только после глубокого размышления, связанного с вручением мистеру Йахи-Бахи десяти долларов.

В заключение мистер Снуп прочел прекрасную индусскую поэму, которую он сам перевел. Начиналась она словами: «О, корова, стоящая возле Ганга и, по-видимому, ничем не занятая!..»

Все слушатели признали ее совершенной. Отсутствие рифм и какой-либо мысли ясно показывало, насколько западная поэзия отстала от восточной. Когда мистер Снуп кончил, председательница обратилась к судье Лонгерстиллу с предложением сказать несколько благодарственных слов докладчику от имени общества. Мистер Лонгерстилл исполнил ее просьбу, вставив в свою речь небольшое словцо о конституции Соединенных Штатов.

Затем общество было признано открытым. Мистер Йахи-Бахи сделал четыре «салями»[1] на все стороны света, и присутствующие разошлись.

А вечером в пятидесяти столовых обсуждалась за обедом природа бухаизма и дамы тщетно пытались прельстить ею мужчин, которые по своей глупости ровно ничего не поняли.

. . . .

В то самое время, когда в столовой миссис Россемейр-Браун происходило собрание нового Общества, филиппинский шофер выкинул исключительно странную шутку. Прежде всего, он попросил у мистера Россемейр-Брауна позволения отлучиться на несколько часов для присутствия на похоронах своей тещи. В подобной просьбе мистер Россемейр-Браун принципиально никогда не отказывал ни одному из своих служащих.

И филиппинский шофер немедленно нанес визит мистеру Йахи-Бахи в его резиденции. Он проник туда без всякого разрешения, при помощи волшебного маленького ключа, который снял со столь же волшебной связки. В резиденции он пробыл около получаса, и когда, покинув ее, вынул из бокового кармана записную книжку,

---

[1] Восточное приветствие.

она оказалась заполненной самыми подробными описаниями восточного мистицизма. Странным было и то, что филиппинский шофер, прежде чем вернуться к Россемейр-Браунам, передал по телеграфу значительную часть своих заметок в Нью-Йорк. Но почему он адресовал их начальнику сыскного отделения, вместо того чтобы адресовать Институту восточных языков, этого мы не знаем. Впрочем, шофер вернулся домой вовремя, и весь инцидент прошел незамеченным.

. . . .

Новое общество имело среди дам Плутория-авеню большой успех. Сразу же начались упражнения в ритуальных обрядах, и дамы бросились в банки менять кредитные билеты на десятидолларовые монеты. Многие из членов Общества быстро достигли высших стадий религиозного самоуглубления. С каждой неделей это становилось все заметнее. Одни, добравшиеся до стадии «бахи», или высшего безразличия, перестали посещать собрания; другие, дошедшие до «суаража», или самопознания, прекратили чтение выпускавшихся Обществом брошюр; наконец, третьи так скоро достигли нирваны, или полного самоотречения, что перестали платить членские взносы.

Через несколько недель стали распространяться слухи, что вскоре состоится собрание Общества, на котором Йахи-Бахи продемонстрирует высшее проявление своей духовной мощи. Сначала передавали шепотом, что мистер Йахи-Бахи намерен похоронить по восточному обряду Рама Спада живым около дома Россемейр-Браунов и продержать его в земле в течение восьми дней.

Но потом членам «внутреннего круга» Общества было сообщено под строжайшим секретом, что мистер Йахи-Бахи предпримет попытку достичь высшего торжества оккультизма, а именно перевоплощения или, точнее, переастрализации Будды.

Члены «внутреннего круга» с восторгом и трепетом ожидали обещанного чуда.

— А раньше удавались подобные перевоплощения? — спрашивали они мистера Снупа.

— Несколько раз они кончились удачно,— отвечал он.— Однажды, если память мне не изменяет, этим прославился знаменитый карнатский йог Джем-бум и пару раз — основатель секты Буху. Но это крайне редкие исключения. Мистер Йахи-Бахи сказал мне, что лицу, делающему попытку перевоплощения, грозит величайшая

опасность, так как при малейшем несоблюдении формулы он погибает, превращаясь в ничто. Тем не менее,— объявил мне мистер Йахи-Бахи,— он хочет попытаться.

. . . .

Сеанс должен был состояться в доме миссис Россемейр-Браун ровно в полночь.

— В полночь? — с недоумением спрашивали члены Общества.— Почему в полночь?

Ответ гласил:

— Именно в полночь. Дело в том, что здешняя полночь точно соответствует полудню в Аллахабаде, в Индии.

Этого было, конечно, вполне достаточно.

— Полночь,— объясняли члены Общества друг другу,— в точности соответствует полудню в Аллахабаде.

И все сразу становилось ясным. Конечно, если бы полночь совпадала с полуднем где-либо в Тимбукту, положение вещей совершенно изменилось бы.

Каждую даму просили захватить с собой на сеанс какое-нибудь золотое украшение, но без всяких камней.

Как всем уже было известно, согласно культу бухаизма, золото, чистое золото является носителем трех внешних добродетелей: красоты, мудрости и милосердия. Таким образом, всякий, кто имеет достаточное количество золота, чистого золота, обладает тем самым и вышеназванными добродетелями. Следовательно, нужно стремиться к приобретению достаточного количества золота, а добродетели уже сами последуют за ним. Для предстоявшего великого испытания требовались золотые украшения, не усыпанные драгоценными камнями; исключение было сделано для рубинов, так как они — символ трех атрибутов индусской религии: скромности, многоречивости и пышности.

Но в данном случае, поскольку многие дамы имели лишь бриллиантовые украшения, решено было сделать исключение и для бриллиантов, потому что хотя они и менее угодны Будде, чем рубины, но все же обладают второстепенными индусскими добродетелями: делимостью, подвижностью и податливостью.

В назначенный день весь дом Россемейр-Браунов был погружен до наступления полуночи в полный мрак. Нигде не было видно ни одного огонька. Единственная восковая свеча, будто бы вывезенная мистером Рамом Спадом из Индии, горела на маленьком столике в обширной столовой Россемейр-Браунов. Всем слугам было

строго наказано убраться к половине одиннадцатого вечера к себе наверх. Хотя мистер Россемейр-Браун в этот вечер присутствовал на собрании прихожан церкви св. Асафа в Мавзолей-клубе и вернулся домой в одиннадцать часов, но, как это всегда бывало с ним после столь напряженной работы, он находился в состоянии полной невменяемости: он был так изнеможен, что, когда поднялся на второй этаж в свои комнаты, с трудом мог стоять на ногах; измученный своей церковной деятельностью, он в своих помыслах был очень далек от всего того, что происходило в его собственном доме; его можно было признать пребывающим в таком состоянии «бахи», или высшего безразличия, что сам Будда мог бы ему позавидовать.

Гости, как было условлено, приходили пешком и соблюдали абсолютную тишину. Все автомобили были покинуты ими по крайней мере за квартал от дома Россемейр-Браунов. Их впускали без звонка, и они поднимались по лестнице в полной темноте. Мистер Йахи-Бахи и мистер Рам Спад, которые тоже пришли пешком и принесли с собой большой сверток, сидели за ширмами и, как сообщалось, были погружены в размышления.

Мистер Снуп, стоявший у входной двери и впускавший гостей, шепотом просил их раздеваться в вестибюле и складывать верхнее платье и меха в одну кучу. Затем гости молча проходили в столовую. Здесь царил полный мрак; одна только восковая свеча тускло мерцала на маленьком столике, куда каждый из прибывающих по указанию мистера Снупа клал принесенную с собой золотую вещь и тихо произносил слово «кеву», что должно было означать: «О, Будда, к твоим ногам я приношу свой жалкий дар; прими его и храни вечно!» Предварительно всем было дано разъяснение, что это лишь акт приветствия.

. . . .

— Что он собирается делать? — шепотом спрашивали гости, когда мистер Йахи-Бахи в темноте направился к буфету.

— Тс-с-с,— шипел мистер Снуп,— он готовит возлияние Будде.

— Индуистский обряд,— вторила ему миссис Россемейр-Браун.

Мистер Йахи-Бахи возился во мраке возле буфета, где слышался звон стаканов.

— Он разливает бренди, смешанное с мускатным орехом и другими ароматическими специями,— шепотом сообщила миссис Россемейр-Браун.— Я заготовила эту смесь по его указанию, согласно требованиям индусской религии.

Между тем приготовления мистера Йахи-Бахи закончились; он выступил вперед и сделал по глубокому «салям» на все четыре стороны света. Свеча еле мерцала, так что движения его расплывались, как в густом тумане. Тело отбрасывало от себя большую колеблющуюся тень на едва вырисовывавшуюся во мраке стену. Из горла вылетали низкие рыдающие звуки, среди которых можно было разобрать только «уах, уах!».

Возбуждение присутствующих росло.

— Что значит — «уах, уах»? — тихо спросил мистер Спилликинс.

— Тс-с-с,— отозвался мистер Снуп,— это значит: «О, Будда, хоть ты и пребываешь в любезной тебе нирване, снизойди еще раз к нам в астральной форме!»

Мистер Йахи-Бахи выпрямился. На глазах у всех он прижал палец к губам и бесшумно исчез за ширмами. Что делал все это время мистер Рам Спад, никто не знал. Предполагалось, что он молится.

Наступила гробовая тишина.

Минуты проходили. Ни одного движения. Все трепетали в напряженном ожидании. Свеча оплыла и почти догорела. Комната погрузилась почти в полный мрак. Неужели была допущена ошибка, и астрализации не произойдет?

Но нет.

Вдруг в почти непроницаемом мраке комнаты каждый из гостей почувствовал присутствие кого-то или чего-то, что никак нельзя было назвать телом. Это и не было тело. Это была фигура, астральная форма.

— Будда! — вырвалось у всех при виде неожиданного явления, и только миссис Россемейр-Браун хранила глубокое молчание.

Фигура, как потом описывали, была одета в длинный «ширак», какой носит тибетский Далай-лама, или в современный халат, если только не считать профанацией подобное сравнение. На ногах, если можно назвать их ногами, были широкие «пенджахамас» (откуда современное название «пижама»), а ступни скрывались в просторных туфлях.

Будда медленно передвигался по комнате. Вот он

подошел к буфету, и даже при тусклом свете догоравшей свечи видно было, как он поднял стакан и выпил приготовленный напиток. Сказал ли при этом что-либо Будда или нет, осталось невыясненным. Некоторым из зрителей показалось, что он произнес: «Маст-а-фаготнит», что в переводе с индусского значит: «Благословение да почиет над домом этим». Расстроенному воображению миссис Россемейр-Браун показалось, что Будда произнес: «Кажется, я забыл хлопнуть». Но она ни с одной душой не поделилась тем, что ей померещилось.

Будда молча удалился из комнаты, вытирая рот рукой в знак прощания — таков индусский обычай.

После исчезновения Будды почти целая минута прошла в полном молчании. Затем миссис Россемейр-Браун, не будучи в силах дольше переносить столь напряженное состояние, повернула выключатель, и яркий свет залил комнату.

Перепуганные гости сидели с бледными лицами, тупо поглядывая друг на друга.

К всеобщему удивлению, маленький столик с драгоценностями был пуст: не осталось ни одного камня, ни кусочка золота. Все, что лежало на нем, бесследно исчезло.

Истина, как вспышка молнии, озарила всех. Сомнений больше не было.

Золото и драгоценные камни переастрализировались. Под влиянием оккультной силы призрака они были изъяты из употребления, поглощены астральным пространством вместе с исчезнувшим Буддой.

В ожидании нового грядущего ужаса кто-то отодвинул ширму. Все думали найти здесь безжизненные тела Йахи-Бахи и его соратника Рама Спада. Но то, что увидели гости, было еще ужаснее. Верхние восточные одеяния двух святителей лежали распростертыми на полу. Длинный шарф Йахи-Бахи и толстый тюрбан Рама Спада находились тут же; к вящему ужасу присутствующих, здесь же на полу валялись и густые черные волосы младшего святого, вероятно с кожей сорванные с его головы и по виду сильно напоминавшие актерский парик.

Истина была более чем очевидна.

— Они поглощены астральными силами! — закричали десятки гостей в один голос. С быстротой молнии всех осенила мысль, что Йахи-Бахи и Рам Спад заплатили своей жизнью за несоблюдение какой-либо мелочи в ритуальном обряде.

— Какой ужас! — прошептал мистер Снуп.— Должно быть, мы допустили какую-нибудь ошибку.

— Они переастрализировались? — шепотом спросила миссис Бенкомхирст.

— В этом не может быть никакого сомнения,— ответил мистер Снуп.

В это время раздался чей-то голос:

— Мы должны замять это дело. Мы не можем не скрыть его.

Все хором согласились с этим предложением и двинулись по направлению к вестибюлю.

— Боже мой! — воскликнула миссис Бенкомхирст.— А где же наши пальто? Их нет!

— Переастрализировались! — вырвалось у гостей.

Все с ужасом смотрели туда, где в беспорядочной куче были свалены кое-какие верхние одежды и меха.

— Ничего,— заявил кто-то,— отправимся без них! Только не мешкать, а то еще нагрянет полиция!

Едва только прозвучало слово «полиция», как с улицы послышался лошадиный топот приближавшегося полицейского патруля.

— Полиция, полиция! — закричали все.— Тише, тише, нужно непременно скрыть, замять это происшествие!

Еще через секунду оглушительно затрещал звонок у входной двери, и весь вестибюль заполнили фигуры в голубых мундирах.

— Все в порядке, миссис Россемейр-Браун,— раздался твердый, громкий голос: — Они оба в наших руках. Вещи здесь. Мы захватили их, прежде чем они дошли до следующего квартала. Не беспокойтесь. Полиции нужно только записать две-три фамилии кого-нибудь из присутствующих... в качестве свидетелей.

Говорил филиппинский шофер. Только одет он был иначе. На нем была форма инспектора полиции, а поверх пальто отчетливо выделялся значок сыскного отделения.

Рядом с ним — друг возле друга — стояли две деастрализированные фигуры, Йахи-Бахи и Рам Спад, с железными обручами на шее. Они не делали ни малейшей попытки удрать.

— Мы их поджидали,— объяснил высокий полицейский офицер нескольким дамам, которые с любопытством окружили его.— Инспектор захватил обоих на углу и передал их патрулю. Все ваши вещи, вероятно, в целости.

В это время один из полицейских появился в вестибюле, нагруженный пальто, накидками и мехами.

Сеанс кончился, и гости разъехались.

Во всех последующих дискуссиях, происходивших по поводу этого события, один пункт так и оставался невыясненным: был ли Йахи-Бахи мошенником или нет, прибыл ли он с Востока или же из штата Миссури, как это утверждала полиция. Но переастрализировать Будду ему все-таки удалось.

И больше всех настаивала на этом пункте сама миссис Россемейр-Браун.

— Ибо,— говорила она,— если это был не Будда, то кто же?

Ответа так никто ей и не дал.

Глава пятая

СОПЕРНИЧЕСТВО ЦЕРКВИ СВ. АСАФА С ЦЕРКОВЬЮ СВ. ОСАФА

Церковь св. Асафа, более известная под именем «св. Асафа на полях», стоит на Плутория-авеню, напротив университета. Она окружена вязами, и высокий шпиль ее устремлен прямо в голубые небеса.

Настоятель церкви любит говорить, что этот шпиль является как бы символом предубеждений против прегрешений современного меркантильного века.

Земля, на которой построена церковь, оценивается в семь с половиной долларов за фут. Всякий раз, когда держатели закладных на церковь в своих длинных черных сюртуках преклоняют колена для молитвы, они чувствуют, что церковь стоит не на песке, а на камне. Это — великолепно устроенный храм. Многочисленные окна украшены цветными стеклами, вывезенными из Нормандии; их получал по накладным сам настоятель, чтобы спасти приход от тяжелого бремени таможенных пошлин. Гордость церкви св. Асафа — огромный орган, который стоил десять тысяч долларов. Залогодержатели, сливая свои голоса с голосами остальных прихожан в утреннем антифоне, с любовью слушают нежные звуки этого органа, восхищаясь тем, что он нисколько не пострадал от времени и звучит совсем как новый. Возле церкви помещается воскресная школа св. Асафа, за которой числится ипотечный долг в десять тысяч долларов.

А немного дальше, на боковой улице, находится здание Общества молодежи с площадкой для игры в мяч и с бассейном для плавания, настолько глубоким, что в нем можно утопить сразу двух молодых людей; здесь же устроен бильярдный зал с семью бильярдными столами. Настоятель любил хвастаться созданием Общества молодежи, уверяя, что благодаря существованию подобной организации никто из молодых прихожан церкви не шатается по трактирам.

В воскресные дни, во время утренних служб, когда играет громадный орган и когда держатели закладных на движимое и недвижимое имущество церкви и прочие ее кредиторы, а также учителя воскресной школы и бильярдные маркеры сливают свои голоса воедино,— из недр церкви св. Асафа возносится такая громкая хвала, что по своей мощи и действенности ни в чем не уступит хору хорошо оплачиваемых профессионалов.

Церковь св. Асафа — епископальная; поэтому она заключает в себе и вокруг себя все атрибуты епископальной церкви: медные дощечки, вделанные в стены, черных дроздов, распевающих на ветках вязов, прихожан, которые обедают в восемь часов, и настоятеля, который носит маленький крестик и танцует танго.

На другой стороне той же улицы, на расстоянии не больше ста ярдов от церкви св. Асафа, находится церковь св. Осафа, соперничающая с первой. Это строго пресвитерианская церковь, вплоть до фундамента, возведенного на скале, лежащей на тридцать футов ниже уровня улицы. Над ней возвышается громоздкая башня; крыша у нее низкая, окна узкие, а стекла полупрозрачные, словно покрытые инеем. Вокруг нее вместо веселых вязов — мрачные хвойные деревья, а вместо дроздов — вороны; настоятель ее — суровый пастырь, который носит шляпу с широкими полями и в будни читает в университете лекции по философии. Он полагает, что его паства состоит из смиренных духом и мягких сердцем людей, и уверен, что при всем их смирении и мягкости среди них найдутся люди, которые смогут подкупить, если захотят, половину всей конгрегации церкви св. Асафа.

Церковь св. Асафа — тоже пресвитерианская, но только до известной степени. Дело в том, что она слишком пресвитерианская и потому не могла поддерживать общения ни с одной из остальных пресвитерианских церквей. Лет сорок тому назад она отделилась от основного

ядра, к которому принадлежала, а позднее, вместе с тремя другими церквами, она откололась и от группы отделившихся церквей. Еще некоторое время спустя у нее возникли разногласия также и с последними тремя церквами по вопросу о вечном наказании. Дело в том, что слово «вечный» показалось старейшинам церкви св. Асафа недостаточно ясно выражающим бесконечность наказания. Диспут кончился расколом, который поставил церковь св. Асафа в совершенно изолированное от всего света положение.

В одном отношении соперничавшие друг с другом церкви на Плутория-авеню имели одинаковую историю. Каждая из них по мере своих успехов постепенно продвигалась из более отдаленных и бедных частей города в его центр. Сорок лет тому назад церковь св. Асафа занимала небольшое бревенчатое здание с тонким шпилем в одном из жалких переулков Нижнего города, а церковь св. Осафа — четырехугольную крошечную постройку в южной части города. Но то место, на котором стояла церковь св. Асафа, было приобретено пивоваренным обществом, и доверенные лица последнего, ловкие дельцы, не забывавшие и своей собственной финансовой карьеры, заново построили церковь в более оживленном районе быстро развивавшегося города. Старейшины же церкви св. Осафа, спокойные, но озаренные внутренним светом люди, тоже передвинули свою церковь поближе к центру, так что она очутилась как раз напротив расширявшегося винокуренного завода.

Таким образом, по мере того как десятилетие сменялось десятилетием, обе церкви передвигались все дальше и дальше, пока не наступил момент, когда трамвайная компания приобрела за баснословную цену последнее здание церкви св. Асафа, которая с триумфом водрузила свой шпиль на самой Плутория-авеню. Но церковь св. Осафа не отставала. С каждой переменой своего места она придвигалась все ближе и ближе к церкви св. Асафа. Ее старшины тоже были ловкими дельцами. При каждом передвижении своей церкви они старательно обдумывали характер архитектуры здания. В фабричном районе они воздвигали его в виде длинного корпуса с шестнадцатью окнами на каждой стороне, и в результате церковь — с громадной прибылью для паствы — была обращена в велосипедную фабрику. На главной улице она занимала длинное и глубокое здание; его купила кинокомпания под кинематограф, причем ей при-

шлось переделать только церковные скамейки. Последним этапом было образование синдиката из членов самой конгрегации; этот синдикат купил участок земли на Плутория-авеню и сдал его самому себе в аренду под постройку церкви, выговорив в свою пользу самые выгодные для себя условия.

По мере того как передвигались церкви, их прихожане, или, во всяком случае, лучшая их часть, то есть те, которые богатели одновременно с ростом города, тоже продвигались ближе к центру, и вот уже лет семь или восемь, как обе церкви и обе конгрегации устроились на Плутория-авеню, напротив университета.

Но здесь пути обеих церквей резко разошлись. Церковь св. Асафа имела блестящий успех, а церковь св. Осафа терпела поражение за поражением. Этого не могли отрицать даже ее попечители. В то время как церковь св. Асафа не только выплачивала проценты своим кредиторам, но и извлекала еще значительную прибыль из всех своих предприятий, церковь св. Осафа решительными шагами приближалась к полному разорению.

Относительно причины этого факта не существовало, конечно, никакого сомнения. Все ее знали.

Причина заключалась в людях. Стоило только сравнить руководителей обеих церквей, чтобы понять, почему одна преуспевала, а другая клонилась к упадку.

Достопочтенный настоятель церкви св. Асафа Фарфорзс Ферлонг вкладывал в приходскую работу всю свою энергию. Тонкости теологических споров он предоставлял своим собратьям, обладавшим по сравнению с ним менее активным умом. Его вера проявлялась скорее в делах, чем в словах, и за что бы он ни принимался, он никогда не щадил своих сил. Завтракал ли он в Мавзолей-клубе с кем-либо из церковных старост, играл ли на флейте (а он играл на ней с таким совершенством, на какое способен только пресвитер епископальной церкви) под аккомпанемент арфы, на которой играла самая красивая барышня из его хора, танцевал ли новое епископальное танго с юной дочерью одного из старейших прихожан,— он отдавал все свои силы тому, чем занимался в данную минуту. Он умел пить чай с бо́льшим изяществом и играть в теннис с большей ловкостью, чем кто-либо из духовных лиц по эту сторону Атлантического океана. Он приводил в восторг всех прихожан своей внешностью, когда в длинном белом священниче-

ском одеянии стоял возле купели из белого мрамора и держал в руках младенца в белых ризках, оцениваемого в полмиллиона долларов. Он умел при этом сохранять такой младенчески-невинный вид, что из груди приходских матрон, обремененных незамужними дочерьми, невольно вырывался крик отчаяния: «Какая жалость, что у него нет своих детей!»

Так же обстояло дело и с теологией. Никто не умел произносить более коротких проповедей или более приятно излагать книгу Бытия, чем настоятель церкви св. Асафа. Если ему приходилось говорить о боге, то он называл его Иеговой, чтобы как можно меньше задевать самолюбие прихожан. Точно так же, говоря о духе зла, мистер Ферлонг называл его не сатаной, но Sû или Swâ, что лишало дьявола присущего ему жала, и т. д. Короче говоря, во всей теологической системе мистера Ферлонга не было ничего такого, что могло бы причинить какую-либо неприятность членам его прихода.

Полной противоположностью мистеру Фарфорзсу Ферлонгу был настоятель церкви св. Осафа, достопочтенный доктор богословия Тийг, который в то же время был и заслуженным профессором философии Плутория-университета. Один был молод, другой — стар; один умел танцевать, другой — нет; один участвовал в церковных пикниках и чаепитиях на лоне природы с группами своих учениц, в розовых и голубых шарфах; другой бродил среди деревьев университетского campus'а, моргая глазами, не видя ничего вокруг себя, погруженный в свою идею, с которой носился уже сорок лет, и озабоченный тем, чтобы примирить философию Гегеля с учением св. Павла. Мистер Ферлонг шел нога в ногу со своим веком, а доктор Тийг преспокойно пятился назад и отстал от него на целое столетие.

Доктор Тийг был причиной упадка церкви св. Осафа, и весь приход сознавал это.

— Он чужд духу времени,— говорили одни,— это его главный грех.

— Он совершенно не прогрессирует,— говорили другие члены конгрегации.

— Старик верит так, как он верил сорок лет назад. Но еще хуже, что он учит тому же других. Разве можно это одобрить?

Церковный совет принял все меры к тому, чтобы выйти из затруднительного положения. Доктору Тийгу предложили двухгодичный отпуск, чтобы он мог совершить

паломничество в Палестину, но он отказался, сказав, что и без этого ясно представляет себе святую землю. Ему уменьшили наполовину жалованье, но он даже не заметил этого. Ему предложили помощника, но он лишь покачал головой и заявил, что не представляет себе, где мог бы найти человека, который был бы ему полезен. Тем временем он продолжал бродить под деревьями campus'а, составляя смесь из творений св. Павла и философии Гегеля по следующему рецепту: три части из Павла на одну из Гегеля — для воскресной проповеди и одна часть Павла на три из Гегеля — для университетской лекции.

Нет никакого сомнения, что двойственность функций доктора Тийга была основной причиной упадка церкви св. Осафа. И причиной этого, очевидно, была ошибка доктора Бумера, президента университета. Доктор Бумер, подобно всем университетским президентам нашего времени, принадлежал к пресвитерианской церкви, или, вернее, в себе самом видел пресвитерианскую церковь. Он был, конечно, одним из главных руководителей церковного совета, и именно он добился приглашения доктора Тийга, заслуженного профессора философии, на должность настоятеля.

— Этот святой человек,— говорил он,— прямо создан для роли настоятеля. Если вы спросите меня, вполне ли он на месте как профессор философии нашего университета, я должен буду сказать: «Нет». Надо признаться, что как лектор он не соответствует нашим требованиям. Он не способен, очевидно, отделить в своих лекциях религию от философии; он делает опасную попытку смешать свой предмет с морализмом, чем может внести путаницу в головы наших студентов. Но в церковных проповедях, мне кажется, это будет очень кстати. И если бы вы пришли ко мне и заявили: «Бумер, мы хотим пригласить доктора Тийга на должность настоятеля нашей церкви», я сказал бы вам откровенно: «Прекрасно сделаете».

Поэтому доктор Тийг и стал настоятелем церкви св. Осафа, но, ко всеобщему удивлению, отверг предложение отказаться от чтения лекций в университете. Он объявил, что видит в этом свое призвание. Жалованье, сказал он, не играет для него никакой роли. Он подал мистеру Ферлонгу-старшему (отцу настоятеля епископальной церкви и почетному казначею Плутория-университета) заявление о том, что намерен читать свои лек-

ции gratis[1]. Совет университета, однако, запротестовал из опасения, что этот случай может послужить опасным прецедентом для остальных профессоров. Поэтому, хотя он охотно допускал, что лекции доктора Тийга стоят немногого и что их можно было бы читать даром, он все же попросил его взять назад нежелательное заявление. Но доктор Тийг отказался, и с этого дня, не обращая внимания на предложения, которые ему делались — выйти в отставку с двойным жалованьем, совершить паломничество в Палестину, посетить Армению, где происходили страшные избиения христиан,— он непоколебимо оставался на своем посту, проявляя упорство, достойное истинного шотландца. Его постоянно мучила только мысль о том, смогут ли найти ему преемника, когда — лет этак через двадцать или тридцать — наступит его смертный час.

Таково было положение обеих церквей в то прекрасное июньское утро, когда одно непредвиденное обстоятельство совершенно изменило весь ход событий.

. . . .

— Нет, благодарю вас, Юлиана,— сказал сестре молодой настоятель за завтраком, и на его безукоризненно выбритом, елейном лице появилась кислая гримаса, наводящая на размышления.— Нет, благодарю вас, каши больше не надо... Слив? Нет, нет, спасибо: я их не очень люблю. Да, кстати, чуть было не забыл предупредить вас: не хлопочите о ленче для меня. У меня очень много дел, то есть, я хочу сказать, работы по приходу,— так что мне некогда будет зайти домой, и я перекушу где-либо по дороге.

Но в сущности, он уже решил, что завтракать будет в Мавзолей-клубе, куда отправится сейчас же.

Затем достопочтенный Эдуард Фарфорзс Ферлонг склонил на секунду свою голову, чтобы прочесть коротенькую молитву, которую в епископальной церкви принято произносить за утренним завтраком из жидкой каши со сливами.

Это был первый совместный завтрак мистера Ферлонга с сестрой, и он многое открыл настоятелю. Он сразу понял характер сестры и уловил ее взгляды на необходимость самоограничения и самопожертвования для спасения души. Настоятель поднялся со своего места с

[1] Бесплатно.

глубоким вздохом. Никогда не чувствовал он так сильно отсутствие своей младшей сестры, Филиппины, которая недавно покинула его, выйдя замуж. У той был особый взгляд на грудинку, яйца и нежную баранью котлетку с салатом к завтраку, который так поднимал душевное настроение мистера Ферлонга. А Юлиана была сделана из другого теста. Настоятелю теперь стало вполне понятно, почему его отец при первом же известии о помолвке Филиппины решительно заявил:

— Ну теперь Юлиана должна жить, конечно, с вами. Глупости, глупости, мой друг! Долг повелевает мне уступить ее вам. Ведь, в конце концов, я могу есть в клубе. В моем возрасте, Эдуард, пища большого значения не имеет. Нет, нет! Юлиана должна сейчас же переселиться к вам.

Старшая сестра настоятеля вошла в комнату. Она была высокого роста; лицо отдавало желтизной. В своем черном гладком платье без всяких украшений она производила прямо отталкивающее впечатление. Какой контраст с младшей сестрой Филиппиной, которая обыкновенно выходила по утрам для исполнения своей приходской работы в очаровательном бело-розовом платье и в широкой епископальной шляпе, украшенной цветами!

— В какое время подается обед? — спросила она.— Вы с Филиппиной привыкли обедать в половине восьмого, если я не ошибаюсь? Не находите ли вы, что это слишком поздно?

— Да, да, поздновато,— пробормотал смущенно настоятель. Он не решался откровенно объяснить Юлиане, что раньше этого времени невозможно вернуться домой с «танцульки», куда обязательно ходили все.— Но вы не хлопочите об обеде. Меня может задержать работа. Если мне захочется поесть, я выпью чашку чаю и закушу в Обществе молодежи или...

Он не кончил фразы, но про себя добавил:

«Прекрасно пообедаю в Мавзолей-клубе, у Ньюберри, у Россемейр-Браунов или вообще где-нибудь, но только не дома».

— Вы уходите? — спросила Юлиана.— В таком случае не дадите ли мне ключ от церкви?

Облако страдания пробежало по лицу настоятеля. Он отлично знал, зачем ей ключ. Она намеревалась отправиться в его церковь, чтобы помолиться.

Настоятель церкви св. Асафа, в силу своих искренних убеждений, был человек со столь широким взгля-

дом на вещи, какой только доступен священнику англиканской епископальной церкви. Он не видел препятствий к разумному использованию своей церкви, например для устройства в ней благотворительного фестиваля или музыкального вечера, но открывать церковь для того, чтобы в ней молились, казалось ему слишком нелепым. И что было еще ужаснее, он видел по лицу Юлианы, что она собирается молиться за него. Это было для него, духовного лица, просто невыносимым. Филиппина, как и подобает всем хорошеньким девицам, молилась только за себя, да и то в подходящее время, в надлежащем месте и в соответствующем платье. Настоятель церкви св. Асафа начинал понимать, какие затруднения придется преодолевать клирику, имеющему религиозную сестру в качестве домоправительницы. Но он твердо держался правила никогда не вступать в спор, который может привести к нежелательным результатам.

— Ключ висит в моем кабинете,— коротко сказал он.

С этими словами достопочтенный Фарфорзс Ферлонг вышел в переднюю, взял шелковую шляпу, трость и перчатки, как это приличествует трудолюбивому священнику, и отправился на Плутория-авеню, чтобы начать свою дневную приходскую работу. Приход нашего настоятеля с земной точки зрения был поистине восхитительным местом. Он охватывал самую лучшую часть Плутория-авеню, где вязы богаче всего листвой. Он поднимался вверх и спускался вниз по теневой стороне главной улицы, утопающей в тени громадных ореховых деревьев и погруженной в благоговейную тишину. В приходе мистера Ферлонга не было ни одного дома, где платили бы менее двадцати пяти тысяч долларов налога в год; в самом сердце его возвышался построенный из белого камня в греческом стиле Мавзолей-клуб, соприкасавшийся, таким образом, с античным миром и вызывавший в памяти Афины...

В таком приходе, по общему мнению, было особенно благодарной задачей бороться с грехом и не допускать его туда. И грех действительно туда не проникал. Можно было смотреть вдоль и поперек широкой авеню и нигде не заметить даже намека на грех. Не было его, конечно, на красивых лицах шоферов, управлявших своими бесшумными автомобилями, не было и признака его на богатых детях, которых выводили и выносили на тенистый проспект парадно разодетые няни; и говорить нечего, что никакого следа греховности не было видно на

лицах биржевиков, которые шествовали один за другим на завтрак в Мавзолей-клуб и, помахивая своими шелковыми шляпами, глубокомысленно беседовали об акциях и дивидендах. Так ходили, больше того, так должны были некогда ходить святые отцы церкви.

Весь грех, существовавший в городе, нашел себе место ниже, на шумных улицах, где кипела торговля и громыхали телеги, и в темных, кривых переулках, где копошилась беднота. Там было настоящее царство греха.

И достопочтенный настоятель церкви св. Асафа нисколько в этом не сомневался.

Многие из более богатых его прихожан спускались вниз целыми компаниями, чтобы взглянуть на грех, а более деловые дамы из его паствы объединялись и образовывали разные общества, союзы и лиги, чтобы заклеймить его, подавить и засадить в тюрьму, пока он не сдастся и не покорится.

Но эти грязные улочки и переулки лежали вне границ прихода нашего настоятеля. Он не имел права вмешиваться. Они находились в ведении специальной миссии, наследия былых этапов развития церкви св. Асафа. Здесь работало особое лицо, изучавшее богословие и готовившееся к духовному званию за четыреста долларов per annum [1]. В его обязанности входило духовное попечение обо всех переулках и улочках, трех полицейских судах, двух мюзик-холлах и городской тюрьме. Каждые три месяца, в одно из воскресений, настоятель и несколько дам отправлялись в миссионерский дом и пели за него гимны. Но в общем, его работа была очень легкая. Для примера взять хотя бы похороны. В миссии они не доставляли никаких хлопот. Нужно было только приготовить простой гроб, заказать катафалк да раздать несколько искусственных цветков рыдающим женщинам. Совсем немудрящее дело! А в приходе св. Асафа, где присутствовали лица с наиболее возвышенными умами, похороны были важным событием, требовавшим большого вкуса, такта и тонкого дара проникновения в человеческую душу. Нужно было уметь отличать скорбящих от радующихся получению наследства, явившихся из чувства уважения к покойнику от присутствующих в качестве официальных представителей. Похороны с простым гробом и жалким катафалком были ничтожными, совершенно ничтожными по сравнению с пышным погребением, когда гроб пред-

---

[1] В год (*лат.*).

ставлял собой настоящее художественное произведение, источал запахи дорогих тепличных растений, был установлен на эффектную колесницу, за которой следовали репортеры влиятельных газет.

. . . .

Настоятелю церкви св. Асафа показалось прямо-таки оскорбительным то обстоятельство, что первым попавшимся ему навстречу лицом был достопочтенный доктор Тийг. Мистер Ферлонг поспешил приветствовать его внешне учтивыми словами: «С добрым утром», как всегда поступает представитель епископальной церкви с лицами, пребывающими в заблуждении. Но тот не услыхал приветствия. Голова его была наклонена вниз, глаза блуждали; по движению губ, а также по туго набитому кожаному портфелю можно было заключить, что доктор Тийг направлялся в университет читать лекцию по философии. Но достопочтенному мистеру Ферлонгу некогда было вдаваться в размышления по поводу наружности своего соперника. Ибо как только он выходил на улицу, сейчас же начиналась его дневная приходская работа. И теперь, едва успел он сделать несколько шагов рядом с доктором Тийгом, как был остановлен двумя прелестными прихожанками с розовыми зонтиками в руках.

— Ах, мистер Ферлонг! — воскликнула одна из них.— Вот хорошо, что мы вас поймали! Мы как раз направлялись к вам в церковь за советом. Должны ли девушки явиться в пятницу на пикник Общества молодежи в белых платьях со светло-голубыми кушаками или можно разрешить им надеть кушак любого цвета, какого они хотят? Как вы думаете?

Это был серьезный вопрос — часть повседневной приходской работы мистера Ферлонга. Он отнял у него добрых полчаса, но настоятелю церкви не подобает жалеть своего времени, когда этого требуют интересы прихода.

— Прощайте,— сказали наконец обе дамы.— Вы, конечно, будете сегодня в клубе имени Браунинга? Нет? О, какая жалость! Но в мюзик-холле мы, наверное, вас встретим?

— Надеюсь, что да,— ответил мистер Ферлонг.

— Как много приходится ему работать! — заметила одна дама другой после того, как они расстались с достопочтенным настоятелем.

Мистер Ферлонг медленно продвигался по Плутория-авеню. Иногда он останавливался перед коляской крас-

нощекого младенца, спрашивая епископальную няню, разукрашенную лентами, о его возрасте. Он приподнимал шляпу, приветствуя своих прихожанок, проезжавших мимо него в блестящих автомобилях, кланялся членам епископальной церкви и ласково кивал головой пресвитерианцам.

Так он прошел вдоль Плутория-авеню и по боковой улице направился в деловую часть города. В конце ее — там, где деревьев уже не было и стали показываться магазины,— он остановился перед зданием с вывеской «Акционерное общество по снабжению церковными книгами и предметами». По внешнему виду оно представляло собой комбинацию торговой конторы с церковью. Дверь напоминала вход в ризницу или алтарь, но рядом находилось широкое зеркальное окно, как в магазинах, за которым лежали в раскрытом виде Библии и Евангелия на разных языках: арабском, сирийском, коптском, ирландском и т. д. На стекле маленькими белыми буквами были выведены названия трех разных акционерных обществ с ограниченной ответственностью, занимавшихся сбытом церковных книг и предметов.

Здесь работал мистер Ферлонг-старший, отец достопочтенного Эдуарда Фарфорзса. Он подвизался в различных областях: был председателем и директором-распорядителем вышеупомянутых акционерных предприятий, членом церковного совета и секретарем прихода церкви св. Асафа, почетным казначеем университета и т. д. Его разнообразные официальные обязанности, естественно, перекрещивались и по целому ряду дел приводили его в контакт с самим собой. Так, он продавал самому себе со скидкой книги гимнов, вел с самим собой переговоры о покупке десятитысячного органа, назначив за него самую низкую цену в виде особого одолжения самому себе; как казначей университета, посылал самому себе неофициальный запрос, не знает ли он, ввиду окончания университетского бюджетного года с дефицитом приблизительно в шестьдесят тысяч долларов, какого-нибудь надежного дела, в которое можно было бы вложить запасные капиталы университета, требующие рачительного опекуна.

Всякий деловой человек, каких сейчас немало, хорошо знает, насколько подобные финансовые связи с самим собой выгоднее всяких других. Поэтому к кому же, как не к мистеру Ферлонгу-старшему, мог обратиться настоятель церкви св. Асафа со своими приходо-расходными балансами по церкви?

Наружную дверь настоятелю открыл мальчик с лицом, какие бывают только у церковных певчих епископальной церкви. В первой комнате конторы две елейные стенографистки с золотистыми волосами переписывали конфиденциальные письма на абсолютно бесшумных машинках.

В соседней комнате сидел доверенный клерк с совершенно белоснежными волосами, великолепный, как песнь царя Соломона. Он провел мистера Фарфорзса Ферлонга в кабинет отца.

— Здравствуй, Эдуард,— сказал мистер Ферлонг-старший, пожимая руку сына.— Я ждал тебя. Только что получил письмо от Филиппины. Она вернется с мужем недели через две-три. Письмо пришло из Египта. Она просит передать тебе, что едва ли ей удастся остаться твоей прихожанкой после возвращения на родину. Думаю, ты сам понимаешь это?

— Конечно,— ответил настоятель.— В делах веры жена должна следовать за мужем.

— Правильно! И особенно ввиду того, что родственники Тома, ее мужа, занимают определенную позицию по отношению...— При этом мистер Ферлонг-старший откинул назад голову и указал пальцем в ту сторону, где находилась церковь св. Осафа.

Братья Оверенд, родственники Тома, были главными столпами церкви св. Осафа. Они не были рождены в пресвитерианстве, но, как все люди, сами проложившие себе дорогу к богатству, не питали симпатий к таким учреждениям, как церковь св. Асафа. «Мы сами позаботились о своей карьере»,— любили они говорить, объясняя, почему не принадлежат к англиканской церкви. Они никогда не рассказывали, как старший брат, мистер Дик, работал днем, посылая младшего, мистера Георга, в вечернюю школу, а мистер Георг работал по ночам, посылая мистера Дика в утреннюю школу. Так, подобно двум акробатам, взбирались они рука об руку по лестнице, ведущей к успеху.

Как все люди, самостоятельно пробившие себе дорогу в жизни, они задались целью подрывать, где только возможно, влияние таких учреждений, как церковь св. Асафа. По тем же соображениям оба брата Оверенд поддерживали диссидентскую «Лигу молодежи», второй университет, враждовавший с первым, и т. д. На этом же основании они оказывали всяческую поддержку достопочтенному доктору Тийгу. Настоятель дошел до того,

что преподнес братьям экземпляр философской книги «Изложение теории Канта», и оба брата прочли ее целиком в своей конторе, посвятив этому делу утренние часы. Старший, мистер Дик, сказал, что никогда не встречал ничего подобного, а младший, мистер Георг, объявил, что человек, написавший подобную книгу, способен на все.

В общем, было ясно, что отношения между семьей Оверенд и пресвитерианской церковью таковы, что жене Тома Оверенд, урожденной мисс Ферлонг, ничего не оставалось, как сидеть по воскресным дням в церкви св. Осафа.

— Филиппина пишет,— продолжал Ферлонг-старший,— что в силу этих обстоятельств они рады будут сделать какое-либо пожертвование в пользу твоей церкви. Она предлагает преподнести, конечно в виде сюрприза, или новую купель, или резную кафедру, или чек. Она просит не спрашивать тебя прямо, а выведать, что будет тебе приятнее всего.

— О, мне кажется, чек,— сказал настоятель.— На деньги можно, в конце концов, сделать так много...

— Совершенно верно,— подтвердил отец. Он прекрасно знал, что на деньги можно сделать то, чего нельзя сделать с купелью.

— Итак, с этим покончено,— заявил мистер Ферлонг,— а теперь ты, вероятно, хочешь, чтобы я просмотрел твой церковный отчет, прежде чем ты передашь его церковному совету? Верно?

— Да,— ответил настоятель, вытаскивая из кармана пачку голубых и белых бумаг.— Я захватил кое-что с собой. Итоги у нас, кажется, блестящие, но не уверен, что мне удалось продемонстрировать это так ясно, как следовало бы.

Мистер Ферлонг-старший разложил бумаги перед собой на столе и поправил очки. Просмотрев документы, он снисходительно улыбнулся.

— Боюсь, из тебя никогда не выйдет хороший бухгалтер, Эдуард,— сказал он.

— Я тоже,— ответил настоятель.

— Итоги,— продолжал отец,— подведены тобой неправильно. Здесь, например в приходе, у тебя значится раздача каменного угля бедным, а дальше, в приход же, записана раздача Библий и наград учащимся воскресной школы. На каком основании? Разве ты не понимаешь, мой милый, что все это расход? Когда вы дарите

бедным Библии или топливо, они к вам не возвращаются. Это ваш расход. С другой стороны, церковные тарелочные сборы, плата за учение и прочее — чистый ваш доход. Принцип так ясен!

— Кажется, теперь я начинаю понимать,— сказал достопочтенный Эдуард.

— Помни одно: все, что мы даем, не получая обратно, есть расход, а все, что мы берем от других, ничего не давая им взамен, составляет наш приход.

— Да, да,— бормотал настоятель,— теперь я начинаю понимать...

— Ну и прекрасно. Не буду особенно придираться к форме твоего отчета, тем более что результаты вашей деятельности поистине блестящи. Не только уплачены в срок проценты по закладным и долговым обязательствам, но и многие из ваших предприятий дали значительный доход. «Девичье содружество», например, не только окупило себя, но смогло даже часть своих доходов уступить «Мужскому Библиотечному клубу». Великолепно! Значительную сумму из доходов церковной столовой вы, я вижу, перевели на счет настоятельских пикников. Поистине удачно! В этом отношении ваш отчет может послужить образцом для других церквей.

Мистер Ферлонг продолжал штудировать отчет.

— Очень хорошо, прекрасно,— бормотал он.— В итоге годовой доход в несколько тысяч долларов! Блестяще! Теперь возникает вопрос, куда вы намерены девать остатки. Сейчас я говорю с тобой не как секретарь нашей церкви, а как председатель «Общества по распространению книг духовного содержания». Как представитель общества, я уже написал себе письмо как секретарю церкви и получил вполне благоприятный ответ. Конечно, решать будет церковный совет, но позволь мне объяснить суть дела. «Общество по распространению книг духовного содержания» задумало как раз новое издание Библии. Для рынка нынешнее издание слишком тяжело, громоздко; публика наших дней ищет чего-либо более легкого, более портативного. Теперь...

Но что хотел сказать мистер Ферлонг-старший дальше, осталось неизвестным миру, так как в этот момент показался седовласый секретарь, который молча положил перед ним газету, указывая пальцем на заголовок одной из заметок.

Мистер Ферлонг прервал свою речь и пробежал глазами указанный заголовок.

— Какой ужас! — проговорил он.

— В чем дело? — спросил настоятель.

— Доктора Тийга,— ответил отец,— разбил паралич.

— Какое несчастье! — воскликнул пораженный настоятель.— Но когда? Ведь я видел его еще сегодня утром.

— Это случилось,— сказал отец, глотая заметку,— сегодня утром в университете... в аудитории во время чтения лекции. Какой ужас! Я должен сейчас же повидаться с президентом.

Мистер Ферлонг взялся уже за шляпу и трость, как вдруг кто-то постучал в дверь.

— Доктор Бумер,— с подобающей данному моменту торжественностью произнес старый клерк.

Доктор Бумер вошел, пожал руки присутствующим и сел.

— Вы уже слышали, должно быть, наши печальные вести? — сказал он, подчеркивая слово «наши», так как разговор происходил между президентом университета и почетным казначеем последнего.

— Как это случилось? — спросил мистер Ферлонг.

— Самым неожиданным образом,— ответил президент.— Доктор Тийг только что вошел в аудиторию (было около двенадцати минут одиннадцатого) и собирался начать чтение лекции, как вдруг один из студентов встал со своего места и задал ему вопрос. Это у нас практикуется,— продолжал доктор Бумер,— хотя само собой понятно, что мы не поощряем подобных вещей; должно быть, молодой человек был новичком. Как бы там ни было, он спросил доктора Тийга — по-видимому, совершенно внезапно,— как ему удалось примирить теорию трансцендентального имматериализма с учением грубого морального детерминизма. Доктор Тийг с изумлением взглянул на студента; рот его, как рассказывают студенты, перекосился. Студент повторил свой вопрос, и бедный доктор Тийг упал навзничь, разбитый параличом.

— Он умер? — спросил Ферлонг.

— Нет,— ответил президент,— но мы каждую минуту ждем его смерти. Сейчас у него доктор Слайдер, который делает все, что возможно.

— Во всяком случае, полагаю, что он вряд ли оправится настолько, чтобы быть в состоянии продолжать чтение лекций в университете,— сказал молодой настоятель.

— Вне всякого сомнения,— подтвердил президент.

— Тогда мы должны подумать о его заместителе,— заявил мистер Ферлонг-старший.

— Да,— согласился президент,— нужно будет об этом подумать. В первый момент я так был убит несчастьем, что не смог ничего предпринять. Я успел уведомить по телеграфу об освободившейся вакансии только два или три главных университета и послать несколько объявлений в газеты. Но трудно будет заменить доктора Тийга.— И президент начал произносить хвалебную речь, заранее готовясь, бессознательно конечно, к надгробному слову, которое ему предстояло бы сказать на могиле доктора Тийга.

После некоторой паузы мистер Ферлонг-старший заметил:

— А затем встает вопрос о замещении церковной кафедры.

— Да,— с благоговением сказал доктор Бумер,— и это делает нашу потерю еще более ужасной, просто непоправимой. Уверен, что мы никогда не увидим в церкви св. Осафа другого такого проповедника, как доктор Тийг. Напомните мне,— резко прервал он себя,— чтобы я дал сообщение в газеты о том, что послезавтра служба в церкви будет происходить как обычно и что смерть доктора Тийга ничего не меняет. Я должен сейчас же повидаться с кем-нибудь из репортеров.

. . . .

Сотрудники всех газет в ожидании смерти доктора Тийга спешно принялись за составление некрологов, чтобы быть готовыми, когда это событие последует.

«Смерть доктора Тийга,— писал сотрудник «Финансового подголоска» (пять лет тому назад газета почти открыто требовала его отставки),— непоправимая для нас потеря. Заменить его будет трудно, прямо-таки невозможно. И как философ, и как служитель алтаря он был абсолютно незаменим».

«Без колебания утверждаем,— писал сотрудник трехцентовой утренней газеты «Плуториан таймс»,— что смерть Тийга отзовется в Европе так же, как в Америке. В Германии известие о том, что рука, начертавшая «Краткое изложение философской теории Канта», выпустила перо, вызовет чувство горького сожаления. Во Франции...»

Здесь сотрудник остановился, рассудив, что ему еще хватит времени, чтобы решить, с какой стороны смерть доктора Тийга нанесет удар Франции.

Так, на словах и на бумаге, в течение трех дней составлялись некрологи о докторе Тийге.

За это время о нем было сказано и написано больше теплых слов, чем за все тридцать лет его деятельности.

Между тем к концу третьего дня состояние здоровья доктора Тийга обнаружило первые, еще слабые признаки улучшения.

Однако к тому времени мир уже настолько изменился, что совершенно забыл о его существовании.

Глава шестая

БОГОСЛУЖЕНИЕ ДОСТОПОЧТЕННОГО АТТЕРМАСТА ДАМФАРЗСИНГА

— Итак, господа, все согласны с намеченной кандидатурой?

Мистер Дик Оверенд окинул взором собравшихся за столом членов совета церкви св. Осафа. Они заседали в верхней комнате Мавзолей-клуба. Официальным местом собраний совета было обширное помещение церковной ризницы. Но несколько лет тому назад членам совета показалось, что там сквозит, и они перенесли свои совещания в клуб, где сквозняков не было.

Мистер Дик Оверенд сидел на председательском месте рядом со своим братом Георгом и доктором Бумером. Присутствовали еще мистер Баулдер, мистер Скипнер (глава конторы «Скипнер и Байтем») и остальные члены церковного совета.

— Итак, мы согласны остановить наш выбор на достопочтенном Аттермасте Дамфарзсинге?

— Согласны, согласны.

— Замечательный человек,— сказал доктор Бумер.— Я слышал его проповедь в церкви, где он сейчас служит. Она навела меня на мысли, которые не приходили мне в голову уже много лет. Мне никогда не приходилось слышать более здравой и научно обоснованной проповеди.

— Мне пришлось слышать его проповедь в Нью-Йорке,— сказал мистер Баулдер.— Обращаясь к бедным, он упрекал их в нечестном образе жизни. Никогда еще с кафедры шотландской церкви не раздавалось таких гневных инвектив.

— Он шотландец? — спросил один из членов церковного совета.

— Из древнего шотландского рода,— ответил президент университета.

— О! — пронеслось по залу. Затем последовало продолжительное молчание.

— Женат? — спросил кто-то из членов совета.

— Насколько я знаю,— ответил доктор Бумер,— он вдовец, и у него маленькая дочь.

— Ставит ли он какие-либо условия?

— Только два,— заявил председатель, просматривая заявление кандидата.— Требует абсолютной независимости и гарантированного жалованья. Во всем остальном предоставляет себя в наше полное распоряжение.

— А каков размер жалованья?

— Десять тысяч долларов в год, с выплатой вперед по четвертям.

— Очень хорошо! Прекрасно! Вот это человек! Как раз такой нам и нужен! — отвечали хором члены церковного совета.

— Уверен, господа,— сказал мистер Дик Оверенд,— что выражу общее мнение, если скажу, что мы не желаем иметь «дешевого человека». Некоторые претенденты на настоятельское место, чьи кандидатуры мы здесь обсуждали, во многих отношениях, особенно в религиозном, были бы вполне приемлемы для нас. Так, например, имя доктора Скуирта произносилось всеми присутствующими с большим уважением. Но он — «дешевый человек» и потому не нужен нам.

— Сколько получает доктор Дамфарзсинг на своем нынешнем месте? — спросил доктор Бумер.

— Девять тысяч девятьсот долларов,— ответил председатель.

— А доктор Скуирт?

— Тысячу четыреста долларов.

— Итак, решено,— с чувством облегчения вырвалось у всех.

Да иного решения и быть не могло.

— Полагаю,— сказал мистер Георг Оверенд, когда все начали подыматься,— что, приглашая доктора Дамфарзсинга, мы не совершили несправедливости, так как уверен, что доктор Тийг не будет в состоянии продолжать свою работу.— Я тоже абсолютно уверен в этом,— заявил доктор Бумер.— Бедный доктор Тийг! Я слышал от доктора Слайдера, что он делал сегодня утром безуспешные попытки сесть в постели. Сиделка еле-еле уговорила его лежать спокойно.

— Вернулась ли к нему способность говорить? — спросил мистер Баулдер.

— Фактически да, но Слайдер уверяет, что он не пользовался ею. Дело в том, что его мозг все еще не в порядке. Сиделка рассказывает, что сегодня утром он протянул руку за газетой и, по-видимому, хотел прочесть одну из передовых статей. Это так трогательно,— заключил доктор Бумер, качая головой.

Таким образом, вопрос был решен, и на следующий день весь город узнал о том, что в церковь св. Осафа приглашен настоятелем достопочтенный доктор Аттермаст Дамфарзсинг и что он принял это приглашение.

. . . .

Через несколько недель после заседания церковного совета достопочтенный Аттермаст Дамфарзсинг поселился в церковном доме и приступил к исполнению своих обязанностей. И он сразу сделался единственной темой разговоров среди обитателей Плутория-авеню.

— Видели ли вы нового настоятеля церкви св. Осафа?

— Слышали ли вы проповедь доктора Дамфарзсинга?

— Вы не были в церкви св. Осафа в воскресенье? О, вы непременно должны сходить туда!

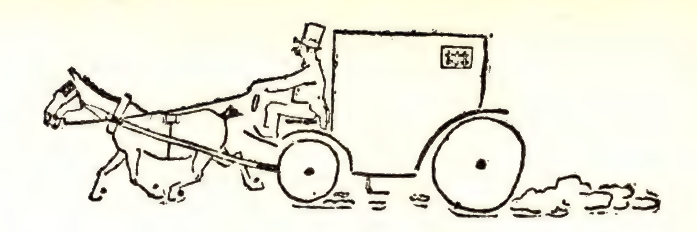
— Более интересной проповеди я никогда не слыхала!

Впечатление получилось сильное и определенное, в этом не могло быть никакого сомнения.

— Милая моя,— рассказывала мисс Бенкомхирст одной из своих подруг, описывая встречу с новым настоятелем,— я никогда не видела человека более замечательного. Сколько мощи в лице! Мистер Баулдер представил его мне на авеню, но он, кажется, даже не взглянул на меня, а только пошевелил бровями. Никто никогда не производил на меня столь сильного впечатления.

В первое же воскресенье Аттермаст Дамфарзсинг обратился к пастве с проповедью о вечном наказании, ожидающем грешников; при этом его черное одеяние развевалось, а сам он наклонялся вперед, грозя кулаком. Доктор Тийг за все тридцать лет своего служения никогда не грозил кулаком, а что касается достопочтенного Фарфорзса Ферлонга, то он просто не был способен на это.

Но достопочтенный Аттермаст Дамфарзсинг объявил своим прихожанам, что уверен: по крайней мере, семьдесят процентов из них обречены на вечные муки; он даже не употреблял выражения «вечные муки», а все время упорно твердил «ад». Между тем этого слова ни в одной

из церквей города не упоминали уже лет двадцать или тридцать. В следующее воскресенье число прихожан настолько возросло, что новый настоятель повысил число грешников до восьмидесяти пяти процентов, и все ушли домой из церкви в восторге. Молодые и старые толпами стремились в церковь св. Осафа. Спустя какой-нибудь месяц число молящихся в церкви св. Асафа настолько поредело, что тарелочный сбор, по подсчету мистера Ферлонга-старшего, не окупал даже расходов по его организации.

Присутствие в церкви большого числа молодежи, сплошной массой занимавшей ближайшие к входу ряды скамеек, вызывало со стороны достопочтенного доктора Дамфарзсинга нечто вроде одобрения.

— Сердце мое радуется,— говорил он членам церковного совета,— что в городе нашлось столько богобоязненных молодых людей, каковы бы ни были их отцы.

В действительности же молодые люди с Плутория-авеню интересовались вовсе не проповедью нового пресвитерианского священника, а кое-чем другим.

— Видели ли вы его дочь? — шептались они между собой.— Не видели? Так непременно посмотрите на нее!

Дело в том, что «маленький ребенок» доктора Аттермаста Дамфарзсинга, как его называли члены церковного совета, представлял собой особу, которая носила присланную прямо из Парижа маленькую круглую шляпку с развевающимся пером, шелковую юбку с четырьмя воланами и башмаки на таких высоких каблучках, что сердце Кальвина разбилось бы при виде их. Тем не менее она одна из всех обитателей Плутория-авеню нисколько не боялась достопочтенного Аттермаста Дамфарзсинга. Вопреки всем правилам, она даже присутствовала на вечерних службах в церкви св. Асафа, где внимательно слушала проповеди достопочтенного Эдуарда; более того, она утверждала, что ей никогда в жизни не приходилось слышать ничего более трогательного.

— Просто умираю от желания познакомиться с вашим братом,— сказала она однажды миссис Филиппине

Оверенд: — он полная противоположность отцу (для нее это была высшая форма похвалы): отцовские проповеди всегда были посвящены религиозным темам.

И Филиппина обещала устроить ей встречу со своим братом.

Но какой бы эффект ни производила Кэт Дамфарзсинг, нет никакого сомнения, что главной причиной изменившегося положения вещей в городе был все же сам доктор Дамфарзсинг.

Что бы он ни делал, все и всегда вызывало общее одобрение.

Он обращал иногда свою проповедь к богачам и говорил им, что они запутались в золотых тенетах, и им это нравилось; устроил ряд бесед специально для бедняков, которым советовал быть особо бдительными, чтобы не погибнуть; читал нравоучения рабочим и разносил их при этом в пух и прах; а в воскресной школе в один прекрасный день так горячо сказал детям о необходимости творить дела милосердия, и к тому же творить их добровольно и немедленно, что на блюдо Кэт Дамфарзсинг, собиравшей пожертвования в пользу воскресной школы, полился целый поток пенни, такой поток, какого не видали в церкви лет пятьдесят.

И в частных беседах доктор Дамфарзсинг оставался таким же. В присутствии других он открыто называл братьев Оверенд «людьми гнева» и приводил их этим в такой восторг, что они передавали его слова чуть ли не половине города. Лучшей деловой рекламы они не могли бы выдумать. Доктор Бумер был тоже увлечен этим человеком, который сыпал с кафедры целыми пачками греческих и древнееврейских изречений и без всякого труда тут же переводил их слушателям.

Студенты разделяли энтузиазм своего президента; особенно сильное впечатление произвела на них беседа, которую он устроил специально для них, чтобы доказать им всю бесцельность их научных занятий. Как только они услыхали его мнение о науке, они с таким рвением набросились на нее, что в жизни университета началась новая эра.

. . . .

Между тем на красивом лице достопочтенного Эдуарда Фарфорзса Ферлонга стало появляться выражение глубокой печали и тоски. На его глазах паства его перебегала из церкви св. Асафа в церковь св. Осафа, и он

был бессилен воспрепятствовать этому отливу. Его досада достигла своего апогея, когда он заметил, что даже черные дрозды покинули его вязы и в один прекрасный день устремились на запад к хвойным деревьям церкви-соперницы.

Он стоял и тоскливо смотрел на их измену.

— Эдуард,— крикнула ему однажды сестра, подъезжая в своем автомобиле,— как ты плохо выглядишь! Садись-ка ко мне в машину и поедем куда-нибудь за город, а приходские чаепития обойдутся сегодня без тебя.

Автомобилем правил муж Филиппины, а рядом с ней сидела какая-то особа, с которой его и познакомили, назвав ее мисс Кэт...— дальше он не разобрал. Они быстро выбрались из города и понеслись на лоно природы. День был такой прекрасный, а воздух такой кристально чистый, хотя и прохладный, что никому не хотелось заводить разговоров о церкви и церковных делах. Вместо этого велась беседа о новых танцах, о том, где остановиться, и о других подобных вещах. Затем Филиппина наклонилась вперед и принялась разговаривать через плечо со своим мужем, так что достопочтенный Эдуард и Кэт оставались tête-à-tête в течение всего того времени, которое потребовалось автомобилю, чтобы отмахать пятнадцать миль. Эдуарду и Кэт показалось, что не прошло и пяти минут.

Затем автомобиль покатил назад, въехал на Плуторияавеню и, к удивлению нашего настоятеля, остановился возле пресвитерианского церковного дома.

Кэт, выпорхнув из мотора, сказала:

— Мерси, мерси, Филиппина, поездка была прямотаки восхитительная.

— Разве ты не знал,— спросила Эдуарда сестра, когда они двинулись дальше,— что это была Кэт Дамфарзсинг?

. . . .

Когда достопочтенный Фарфорзс Ферлонг вернулся в свой настоятельский дом, он час или около этого провел в своем кабинете, размышляя о том, как добиться, чтобы Юлиана сотворила грех и нанесла визит дочери пресвитерианского священника.

— Юлиана,— сказал он при встрече с сестрой,— не думаешь ли ты, что, принимая во внимание брак Филиппины с Томом, тебе следовало бы нанести визит мисс Дамфарзсинг?

Юлиана, снимавшая в это время шляпу и перчатки, повернулась лицом к брату.

— Я как раз сегодня была там,— сказала она, и на лице ее появился румянец, которого он раньше никогда не замечал.

— И ее не было дома? — воскликнул он.

— Не было,— ответила Юлиана,— но зато был доктор Дамфарзсинг. Я разговаривала с ним некоторое время, поджидая ее.

Эдуард слегка свистнул или, вернее, выдул воздух, что для члена епископальной церкви является синонимом свиста.

— Не находишь ли ты его чересчур величественным? — спросил брат.

— Величественным? — переспросила сестра.— Поистине человек с таким призванием, как у него, имеет право быть величественным.

— Я не совсем точно выразился,— пояснил настоятель,— я хотел сказать, что его манера выражаться слишком резка и сурова.

— Эдуард,— воскликнула Юлиана,— как ты можешь так говорить! Доктор Дамфарзсинг резок? Доктор Дамфарзсинг суров? Что с тобой, Эдуард? Он — сама мягкость и вежливость. Я никогда не встречала человека, более проникнутого сочувствием и состраданием к горю ближних.

Лицо Юлианы пылало. Было очевидно, что она усмотрела в достопочтенном Аттермасте Дамфарзсинге то, чего не замечал никто другой.

Эдуард смутился.

— Я имел в виду не столько его лично, сколько его взгляды. Подожди лучше, пока услышишь его проповеди.

Юлиана покраснела еще сильнее.

— Я слыхала его в прошлое воскресенье вечером,— сказала она.

Настоятель молчал, а его сестра, словно ее кто-то подталкивал, продолжала говорить:

— Не понимаю, Эдуард, как могут люди называть его суровым человеком или фанатиком. Он только что проводил меня до самых наших ворот и говорил мне о грехе, царящем в мире, и о том, как мало людей спасается и как много их будет гореть в огне неугасимом, и так прекрасно говорил! О, Эдуард, он скорбит об этом, глубоко скорбит!

С этими словами Юлиана удалилась, а ее брат сел в кресло, и улыбка озарила его ангелоподобное лицо. Ведь только что он думал о том, возможно ли будет хоть

в отдаленном будущем уговорить сестру пригласить Дамфарзсингов в настоятельский дом на чашку чая (об обеде он и мечтать не мог), а теперь все великолепно устроилось само собой.

. . . .

Пока происходили или подготавливались все эти события, многие прихожане церкви св. Асафа, ввиду ее ухудшавшегося с каждым днем финансового положения, начали испытывать все большее и большее беспокойство. Ведь некоторые из них дали деньги в долг под обеспечение доходов от воскресной школы, а между тем школьные поступления понизились на шестьдесят процентов; другие дали деньги на покупку нового органа, но они все еще не окупились; третьи были еще более заинтересованы, так как являлись держателями закладных на церковную землю, оцененную в семь с половиной долларов за квадратный фут.

— Мне не нравится,— сказал мистер Лукулл Файш мистеру Ньюберри (оба были видными членами прихода),— не нравится положение вещей. Я купил целый пакет акций, выпущенных Ферлонгом при постройке дома Общества молодежи, которое казалось в свое время очень прочным. Уплата процентов была вполне обеспечена. А сейчас уже просрочен целый месяц в отношении уплаты процентов за последний квартал. Я начинаю бояться.

— И мне тоже не нравится положение вещей,— объявил мистер Ньюберри, покачивая головой.— Я очень скорблю о Фарфорзсе Ферлонге. Он прекрасный парень, Файш, поистине прекрасный! Воскресенье проходит за воскресеньем, а я все думаю, нельзя ли чем-нибудь ему помочь.

— Если говорить откровенно,— продолжал мистер Файш,— я начинаю спрашивать себя, годится ли Ферлонг для того поста, который он занимает?

— О, безусловно! — решительно возразил мистер Ньюберри.

— Как человек, он обаятелен,— продолжал мистер Файш,— но, будем совершенно откровенны, есть ли у него данные, чтобы руководить церковью? Прежде всего, он не деловой человек.

— Это верно,— сказал нерешительно мистер Ньюберри,— с этим я согласен.

— Очень хорошо; во-вторых, даже в религиозных вопросах всегда чувствуется, что он малоустойчив и слиш-

ком подвержен колебаниям. Он просто идет за веяниями времени, как начинают говорить о нем люди. Этого не должно быть, Ньюберри, не должно быть.

Как только мистер Ньюберри вернулся домой, он сейчас же написал Фарфорзсу Ферлонгу конфиденциальное письмо с приложением чека на уплату процентов мистеру Файшу и обещанием и впредь помогать настоятелю всем, чем сможет.

Когда достопочтенный Ферлонг получил и прочел записку мистера Ньюберри и увидал проставленную на чеке сумму, его душа наполнилась такой благодарностью, какой он не испытывал уже много месяцев, и он стал шептать про себя горячую молитву о спасении души жертвователя.

В довершение сердечной радости нашего настоятеля письмо было получено им в тот самый вечер, когда Дамфарзсинги — отец и дочь — были приглашены на чашку чая в церковный дом епископальной церкви. Около шести всякий желающий мог увидать, как оба они вышли из своего дома и направились к жилищу достопочтенного Эдуарда.

По дороге достопочтенный Аттермаст Дамфарзсинг имел возможность упрекнуть дочь за светский фасон ее шляпки (это была недорогая шляпка, которую она выписала из Нью-Йорка на школьные деньги, собранные ею в воскресенье, — короче, временный заем); несколько погодя он стал еще суровее бранить ее за зонтик, который был у нее в руке, а еще позже — за фасон ее прически, осуждавшийся Ветхим заветом. Из всех его слов Кэт заключила, что она выглядит прекрасно, и вошла в настоятельский дом, сияя.

Чай, конечно, очень неудачное угощение, а тут возникло еще затруднение, которое нелегко было преодолеть: кому читать застольную молитву? Дальше дело пошло еще хуже: когда достопочтенный мистер Дамфарзсинг наотрез отказался от чая, как гибельного напитка, вредно отражающегося на нервной системе, настоятель англиканской церкви оказался настолько несведущим в пресвитерианстве, что не догадался предложить ему виски шотландской марки.

Но во время чаепития были и светлые моменты. Настоятелю удалось втихомолку спросить Кэт, играет ли она в теннис, и получить от нее шепотом ответ: «Не позволено», с кивком головы в сторону отца, который в это время был отвлечен разговором с Юлианой на богослов-

ские темы. А затем, пока разговор еще не сделался общим, Эдуард успел назначить Кэт на следующий день свидание на теннисной площадке у Ньюберри, чтобы начать обучать ее игре в теннис, все равно — с разрешения ли отца или без оного.

Таким образом, чаепитие оказалось более или менее удачным. Нужно еще отметить, что Юлиана провела последующие дни за чтением «Правил» Кальвина (специально ей одолженных) и книги Дамфарзсинга «Вечное осуждение» (подарок), а также в молитвах о спасении души брата — задача явно безнадежная. Тем временем настоятель в белом фланелевом костюме и Кэт в белой полотняной юбочке и белой блузе носились по зеленой траве сада Ньюберри, называя друг друга «моя любовь», и держали себя при этом с таким бесстыдством, что даже сам Ньюберри подумал, что здесь кроется что-то неладное. Но все эти эпизоды были только прелюдией к грядущим событиям, потому что, когда лето сменилось осенью, а за нею пришла зима, члены совета церкви св. Асафа начали требовать, чтобы были приняты серьезные меры для устранения создавшегося положения.

. . . .

— Эдуард,— сказал отец настоятелю, ознакомившись с его очередным отчетом за последнюю четверть года,— не могу скрыть от тебя, что положение вещей очень серьезно. Отчет показывает резкое ухудшение по всем статьям. Уплата процентов производится не в срок; текущий счет совершенно исчерпан. При этих условиях крах неизбежен. Ваши кредиторы и залогодержатели, несомненно, пожелают наложить арест на церковное имущество, и если они это сделают, ты понимаешь, что никакие власти не смогут им помешать. При всем твоем слабом знакомстве с финансовыми операциями тебе, вероятно, известно, что нет власти, которая смогла бы пресечь законные претензии держателей первой закладной на недвижимое имущество.

— Боюсь, ты прав,— с горечью сказал достопочтенный Эдуард.

— Не находишь ли ты, что причина неуспеха лежит в тебе самом? В своих проповедях ты совсем не касаешься таких основных тем, как сотворение мира, смерть и загробная жизнь.

Результатом этого разговора явилась целая серия проповедей мистера Ферлонга о сотворении мира, в которых

он пытался соединить библейское сказание с последними данными науки, для чего усиленно работал в университетской библиотеке. Но когда он ее закончил, прихожане единогласно решили, что он пичкал их молоком, разбавленным водой, и издевался над их разумом. В довершение всех бед неделю спустя ту же тему избрал для своей проповеди достопочтенный доктор Дамфарзсинг, который при помощи семи библейских текстов разбил настоятеля вдребезги.

Единственным реальным результатом этого состязания было то, что Юлиана совершенно перестала посещать богослужения брата, и даже на вечерних службах ее можно было всегда видеть в церкви св. Осафа.

— Боюсь, что тема для проповедей была выбрана тобой неудачно,— объявил сыну мистер Ферлонг-старший.— Лучше было бы не останавливаться на этом вопросе. Надо искать выход в другом направлении. Должен сказать тебе по секрету, что некоторые члены церковного совета обдумывают способы, как разрубить этот гордиев узел.

И действительно, хотя достопочтенный Эдуард не имел об этом никакого представления, но в умах наиболее заинтересованных из прихожан церкви св. Асафа зародилась идея или план того, как выйти из беды.

Между тем наступила зима; число прихожан достопочтенного Фарфорзса с каждым месяцем все уменьшалось и уменьшалось, и соответственно росло число приверженцев церкви св. Осафа, так что они не могли уже поместиться внутри церкви и мерзли в боковых проходах и притворе.

Тем временем Юлиана читала под непосредственным руководством доктора Дамфарзсинга десятитомную «Историю разделения церквей в Шотландии», а Кэт Дамфарзсинг щеголяла в зеленой с золотом шубе, опушенной дорогими русскими мехами, и в балканской шапочке с черкесским пером. При каждом своем появлении на улице она производила смятение в сердцах молодых людей с Плутория-авеню. При этом, по необъяснимому совпадению, всякий раз, когда она показывалась на покрытой снегом авеню, ей непременно попадался навстречу достопочтенный Эдуард.

Было также замечено, что по улицам города стала прохаживаться изможденная фигура доктора Тийга, который тяжело опирался на палку и так ласково приветствовал встречных, что все решили, что в голове у него не все в порядке.

— Подумать только,— рассказывала одна из бывших его прихожанок,— он, стоя со мной по крайней мере с четверть часа, расспрашивал меня про детей, осведомлялся, как их зовут, скоро ли они начнут ходить в школу и так далее.

— Никогда раньше он не говорил о таких вещах. Бедный старик, боюсь, у него начинается размягчение мозгов.

— Да, да,— подтвердила ее собеседница,— его голова, безусловно, не в порядке. Он зашел к нам недавно, чтобы выразить соболезнование по поводу болезни моего брата. По тому, как он говорил, я сразу поняла, что его голова не пришла еще в нормальное состояние. Он потерял способность владеть собой. Он говорил о том, как сердечно отнеслись к нему люди после постигшего его удара, и на глазах у него при этом навернулись слезы. Подумать только, слезы!

Когда же зима постепенно начала уступать место весне, в городе стало известно, что затевается какое-то большое дело. Ходили слухи, что члены приходского совета церкви св. Асафа задумали найти сообща выход из создавшегося положения. Это была потрясающая новость. Все знали, например, что когда мистер Лукулл Файш стал действовать сообща с мистером Ньюберри, то в результате произошло слияние четырех акционерных обществ, вырабатывающих содовую воду. А это соединение повело к повышению цены на содовую воду на три умиротворяющих цента за каждую бутылку. Точно так же, когда совсем недавно мистер Ферлонг-старший стал работать сообща с мистером Россемейр-Брауном и мистером Скиннером, они фактически спасли страну от ужасов надвигавшегося угольного голода, и притом самым простым способом, а именно путем повышения цены на уголь на семьдесят пять центов за тонну, что вызвало обильный приток этого топлива.

Естественно поэтому, что, когда распространилась весть о том, что заправилы церковного совета, они же держатели закладных на землю церкви св. Асафа, соединились для совместных действий, все решили, что в ближайшее же время следует ожидать крупных событий.

В чьем из объединившихся умов зародилась великая идея, долженствовавшая разрешить все затруднения церкви св. Асафа, осталось невыясненным. Во всяком случае, окончательная формулировка ее дана была мистером Файшем.

— Единственное средство, Ферлонг, раз навсегда покончить со всеми затруднениями,— заявил он за ленчем в Мавзолей-клубе,— это соединить обе церкви. Две церкви не могут существовать при нынешних условиях взаимной конкуренции. Перед нами то же положение, какое было, когда в городе работали два завода, выделывавшие ром; выпуск их изделий превзошел спрос. Необходимо соглашение. Сейчас колесо фортуны повернулось в сторону церкви св. Осафа, но руководители последней — люди деловые; они понимают, что завтра счастье может улыбнуться нам. Предложим им деловое решение вопроса. Я имею в виду слияние.

— Я уже думал об этом,— сказал мистер Ферлонг-старший,— но возможно ли это?

— Возможно! — воскликнул мистер Файш.— Почему же нет? Каждый день происходят подобные слияния. Вспомните хотя бы компанию «Стандарт-Ойл».

— Ну разве можно сравнивать,— со спокойной улыбкой заметил мистер Ферлонг,— «Стандарт-Ойл» с церковью?

— Масштаб много меньше, но, по существу, одно и то же,— пояснил мистер Файш.— Что же касается трудностей, то мне незачем напоминать вам, как нам удалось преодолеть куда большие затруднения при соединении двух заводов, вырабатывавших ром. Вспомните, сколько людей не соглашалось тогда на слияние по принципиальным соображениям. Соединение же церквей — вопрос совершенно другого порядка. Фактически это господствующая идея нашего времени. Все с нею согласны. Требуется только применение обычных коммерческих принципов гармонического слияния... ограничения нормы выпускаемых продуктов и общей экономии в операциях.

— Прекрасно,— сказал мистер Ферлонг,— уверен, что если вы захотите сделать такую попытку, то мы все к вам присоединимся.

— Итак, решено,— заявил мистер Файш.— Я думаю поручить Скипнеру (главе конторы «Скипнер и Байтем») разработку формы слияния. Он, как известно, не только глубоко религиозный человек, но и имеет большой опыт в организации подобных объединений.

. . . .

Через день или два Скипнер уже приступил к работе.

— Я должен сначала получить точные сведения о том, на каком юридическом основании существуют обе церкви,— сказал он.

С этой целью он направился прежде всего к настоятелю церкви св. Асафа.

— Я хотел бы задать вам, мистер Ферлонг, один-два вопроса по поводу устройства вашей церкви. Что она собой представляет, простую ли корпорацию или?..

— Я полагаю,— глубокомысленно ответил настоятель,— что ее можно определить как невидимый духовный союз, проявляющий себя на земле.

— Совершенно верно,— прервал его мистер Скипнер,— но я имею в виду не религиозное, а реальное, житейское определение.

— Я вас не понимаю,— ответил настоятель.

— Позвольте мне в таком случае выразиться яснее,— сказал юрист.— Откуда черпает она свой авторитет?

— С неба,— смиренно ответил настоятель.

— Конечно,— заявил мистер Скипнер,— я в этом не сомневаюсь, но я подразумеваю авторитет в более точном смысле этого слова.

— Она опирается на святого Петра...— начал было настоятель, но мистер Скипнер снова прервал его.

— Я в этом уверен,— сказал он,— но, задавая этот вопрос, хотел узнать, откуда она получает полномочия, скажем, владеть собственностью, собирать долги, налагать арест на собственность ее должников, закладывать свои земли, возбуждать судебные дела против своих неплательщиков и так далее. Вы сейчас же ответите, что она получает власть прямо с неба. Все это верно, и ни один религиозный человек не станет этого отрицать. Но мы, юристы, предпочитаем более узкую, менее расплывчатую точку зрения. Итак, власть присвоена вашей церкви общегражданскими законами или же она зиждется на более высоком авторитете?

— О, конечно, власть дана ей высшею властью,— с жаром ответил настоятель.

На этом мистер Скипнер остановился; задавать дальнейшие вопросы не имело смысла, так как было очевидно, что мозги настоятеля не способны понять сути закона о корпорациях.

Зато от доктора Дамфарзсинга он сейчас же получил удовлетворительный ответ.

— Церковь св. Осафа,— сказал достопочтенный Аттермаст,— есть беспрерывно существующее общество, и, как таковое, оно — на основании общих законов государства — владеет собственностью и имеет право вчинять иски и налагать запрещение на имущество своих долж-

ников. Я говорю это с известной уверенностью, так как имел случай познакомиться с этим вопросом, когда был приглашен сюда на место настоятеля.

— Дело совсем несложное,— сообщил мистер Скипнер мистеру Файшу.— Одна из церквей является беспрерывно действующим обществом, а другая — просто корпорацией. Каждая из них обладает полным правом распоряжения своей собственностью при единственном условии соблюдения чистоты своего вероучения.

— А что значат последние слова? — спросил мистер Файш.

— Последний пункт имеет целью поддерживать абсолютную чистоту вероучения. Другими словами, если известная часть членов религиозного общества остается верной прежнему вероучению, а остальные изменяют ему, то оставшиеся верными сохраняют за собой право на всю церковную собственность. Подобные случаи происходят чуть ли не ежедневно в Шотландии, где существует, конечно, сильное стремление соблюдать чистоту доктрины.

— А как вы определяете чистоту доктрины? — спросил мистер Файш.

— Если между членами религиозной корпорации возникает спор,— ответил мистер Скипнер,— то вопрос решается судом, но всякая доктрина считается чистой, если все члены корпорации признают ее таковой. Таким образом, для слияния двух церквей нужно только общее согласие их советов.

. . . .

Предварительные шаги с целью достижения намеченного слияния осуществлялись обычным деловым порядком: путем сближения членов совета церкви св. Асафа с членами совета церкви св. Осафа. Прежде всего, мистер Лукулл Файш пригласил мистера Асмодея Баулдера из церкви св. Осафа на завтрак в Мавзолей-клубе. Расходы по завтраку, как это обычно водится, были отнесены на счет церкви св. Асафа. Во время завтрака они ни словом не обмолвились о церковных делах, иначе это было бы большой деловой бестактностью. Несколько дней спустя братья Оверенд обедали вместе с Ферлонгом-старшим; расходы легли на церковь св. Осафа. Затем мистер Скипнер и его коллега мистер Байтем отправились на весенние скачки, что было отмечено в приходо-расходных книгах церкви св. Асафа; одновременно Филиппи-

на Оверенд и Кэт Дамфарзсинг были приглашены в Большую Оперу (см. в книгах церкви св. Осафа под рубрикой: непредвиденные расходы), а оттуда на ужин.

Все это называлось на деловом языке «продвижением вопроса о слиянии» и было точной копией того, что было уже испытано на примере нескольких объединившихся между собой акционерных компаний.

Таким образом, начало предвещало благоприятный конец.

. . . .

— Как вы думаете, пойдут они на соглашение? — с тревогой спрашивал мистер Ньюберри мистера Ферлонга-старшего.— В конце концов, что им за польза от слияния?

— Все доводы за слияние,— ответил мистер Ферлонг.

— А какова позиция доктора Дамфарзсинга?

— В нем я не уверен. Здесь могут возникнуть затруднения. От него мы еще не слыхали ни слова, и член церковного совета церкви св. Осафа тоже не высказывал своего мнения. Как бы то ни было, скоро все выяснится. Скипнер созовет нас на следующей неделе для выработки проекта соглашения.

— А финансовые условия слияния у него подготовлены?

— Кажется, да,— сказал мистер Ферлонг.— Его мысль — организовать новое кооперативное общество «Объединенная церковь» (с ограниченной ответственностью) или что-либо вроде этого. Все нынешние закладные на недвижимое имущество церквей будут обращены в облигации; рента, то есть доход от предоставленных в пользование прихожан мест на церковных скамьях, будет капитализирована и обращена в привилегированные акции; дивиденд, который составляют церковные тарелочные сборы, будет распределен в виде обыкновенных акций между всеми членами общества в его нынешнем составе. Скипнер считает предполагаемую форму слияния обеих церквей просто идеальной и надеется, что она получит широкое распространение. Ее преимущество заключается в том, что она совершенно отодвигает на задний план все религиозные вопросы, которые на практике обычно являются главным препятствием к объединению церквей. Предлагаемая им форма сразу ставит вопрос о слиянии церквей на деловую основу.

— А как будет достигнуто соглашение по поводу

церковной доктрины, разницы в вероучении? — спросил мистер Ньюберри.

— Скипнер говорит, что он это устроит, — ответил мистер Ферлонг.

. . . .

Приблизительно через неделю после этого разговора члены церковных советов св. Асафа и св. Осафа собрались вместе и расположились вокруг большого овального стола в обширном зале Мавзолей-клуба. Они сидели вперемежку, как это часто бывало и раньше, например при возникновении «Объединенного акционерного общества по изготовлению оловянной посуды», и курили большие черные сигары, специально подававшиеся клубом в тех случаях, когда велись переговоры об образовании новых акционерных предприятий (пятьдесят центов за штуку; см. организационные расходы). Все собравшиеся были проникнуты искренним духом миролюбия, как и подобало людям, занятым разрешением трудной, но достохвальной задачи.

— Итак, — сказал мистер Скипнер, сидевший на председательском месте и заслоненный грудой документов, лежащих возле него на столе, — итак, полагаю, что финансовые условия объединения обеих церквей можно считать принятыми.

Шум одобрения пронесся по залу.

— Все параграфы этого соглашения были вами рассмотрены и подписаны. Остается только один второстепенный пункт. Я имею в виду церковную доктрину или вероучение вновь образуемого акционерного общества.

— А нужно ли вообще касаться таких вопросов? — спросил мистер Баулдер.

— Не всего вероучения, конечно, — пояснил Скипнер, — а только некоторых пунктов, где возможно расхождение между приверженцами обеих церквей. Таковы, например, — он стал просматривать документы — вопросы о сотворении мира, о спасении душ и другие им подобные.

Со всех сторон раздались возгласы одобрения.

— Итак, прежде всего коснемся вопроса о сотворении мира, — при этих словах он обвел всех присутствующих пристальным взглядом, чтобы привлечь их внимание. — Считаете ли вы возможным предоставить решение этого вопроса самим верующим или находите необходимым зафиксировать его здесь?

— Я полагаю, — взял слово мистер Георг Оверенд, — что не следует оставлять вопрос о создании мира неразрешенным.

— Прекрасно,— сказал мистер Скипнер,— тогда позвольте занести его в протокол в следующей форме: «К первому числу августа месяца нынешнего года вопрос о происхождении мира должен быть окончательно решен; при этом решение должно быть таково, чтобы оно было приемлемо для большинства держателей привилегированных и простых акций, которые должны будут высказать свое мнение путем простого голосования». Согласны?

— Принято, принято! — раздались голоса с разных сторон.

— Принято,— объявил Скипнер.— Теперь позвольте перейти к параграфу второму,— он заглянул в лежавшие перед ним бумаги,— к вопросу о вечном наказании. У меня есть следующее предложение: «Если до первого августа сего года возникнет какое-либо сомнение относительно существования вечных мук, то все подобные спорные вопросы должны быть в исчерпывающем объеме поставлены на обсуждение и окончательно решены путем простого голосования на собрании всех держателей простых и привилегированных акций». Согласны?

— Одну минуту! — сказал мистер Файш.— Думаете ли вы, что это будет справедливо по отношению к держателям облигаций? Ведь они являются, в скрытом виде, собственниками закладных на землю и потому больше всех заинтересованы в предприятии. Я предложил бы внести следующую поправку — я не формулирую ее сейчас точно, а только передаю ее смысл: «Решение вопроса о вечных муках должно быть предоставлено держателям закладных на недвижимое имущество церквей и владельцам облигаций».

Все зашумели. Одни одобряли поправку, а другие выражали неудовольствие. Несколько человек заговорили сразу. По мнению некоторых, владельцы акций, особенно привилегированные, имели такое же право участвовать в решении вопроса о вечных муках, как и держатели облигаций.

В эту минуту мистер Скипнер, который делал у себя на клочке бумаги какие-то заметки, поднял руку, призывая к молчанию.

— Господа,— сказал он,— предлагаю следующий компромисс. Мы сохраняем второй параграф в первоначальной редакции, но добавляем к нему следующие слова: «Однако никакое решение вопроса о вечных муках не может считаться принятым, если оно не соответствует желанию трех пятых всего количества владельцев облигаций».

— Принято, принято! — закричали все.

— Нам остается добавить еще один, последний параграф,— заявил Скипнер,— а именно: «Все другие пункты, касающиеся доктрины, вероучения или церковных догматов, могут быть свободно изменены, исправлены, отменены или совершенно уничтожены на каждом годовом общем собрании».

— Согласны, согласны,— хором ответили присутствующие, вставая со своих мест. Распрощавшись друг с другом, они закурили новые сигары и направились к выходу.

— Единственное, чего я не понимаю,— сказал мистер Ньюберри доктору Бумеру, с которым возвращался из клуба под руку (они могли позволить себе такую интимность с тех пор, как стали главными распорядителями «Объединенной компании по выделке рома»),— единственное, чего я не могу понять, так это почему доктор Дамфарзсинг дал согласие на слияние обеих церквей.

— Да разве вы не знаете?

— Ничего не знаю.

— И ничего не слыхали?

— Абсолютно ничего.

— А,— заметил президент университета,— теперь я вижу, что наши хорошо сохранили тайну; впрочем, это и понятно, ввиду нынешних обстоятельств. Дело в том, что достопочтенный Дамфарзсинг покидает нас.

— Оставляет церковь святого Осафа? — с крайним изумлением воскликнул мистер Ньюберри.

— Да, к нашему великому сожалению, он получил новое приглашение — увлекательное, по его словам, поле деятельности, блестящий случай. Они предложили ему десять тысяч сто в год, а мы платим ему сейчас только десять тысяч. Как только мы узнали об этом предложении, мы сейчас же выразили согласие платить ему десять тысяч триста. Конечно, для такого человека, как Дамфарзсинг, это не имело никакого значения. И действительно, он выжидал и не давал нам окончательного ответа. Тогда они предложили ему одиннадцать тысяч. На это мы не могли пойти. Это превышает наши средства, но утешением для нас служит сознание, что для такого человека, как Дамфарзсинг, деньги не играют никакой роли.

— И он принял приглашение?

— Да, принял сегодня. Он послал заявление мистеру Дику Оверенду, нашему представителю, что останется

на своем посту с горящим светильником в руке до половины третьего нынешнего дня и что если не получит к этому времени ответа, то перестанет возжигать свет веры в нашем храме.

— Значит,— сказал мистер Ньюберри с глубоким раздумьем,— значит, когда ваши члены церковного совета пришли на совещание...

— Вот именно,— подхватил доктор Бумер, и тень улыбки промелькнула по его лицу,— доктор Дамфарзсинг уже послал телеграмму о своем согласии занять новое место.

— Значит,— сказал мистер Ньюберри,— во время сегодняшнего совещания вы уже знали, что ваша церковь без настоятеля?

— Не совсем так. Мы уже пригласили новое лицо.

— Преемника мистеру Дамфарзсингу?

— Да. Об этом будет напечатано в завтрашних газетах. Дело в том, что мы предложили доктору Тийгу занять вакантное место настоятеля.

— Доктору Тийгу? — изумился мистер Ньюберри.— Но ведь говорили, что его разум...

— Совершенно верно,— прервал его доктор Бумер,— но зато его голова работает прекрасно, много лучше прежнего. Доктор Слайдер сообщил нам, что паралич мозга очень часто дает такой эффект: он очищает мозг, проясняет сознание.

— Вот как?! — сказал мистер Ньюберри.— А что с его университетскими лекциями по философии?

— Мы думаем, для него лучше будет прекратить их читать,— ответил президент.— Насколько мы уверены, что его голова будет великолепно разбираться в церковных вопросах, настолько мы боимся, что профессорские обязанности вредно отзовутся на нем. Принимая во внимание его замечательные дарования, мы решили выбрать его в правление университета. Здесь он гарантирован от всяких вредных для него потрясений. А если он остался бы в должности профессора, то всегда существовало бы опасение, что какой-нибудь студент снова обратится к нему с роковым вопросом, как это случилось недавно.

— Конечно,— согласился мистер Ньюберри.

. . . .

Так произошло объединение, или слияние, двух церквей — церкви св. Асафа и церкви св. Осафа,— рассматриваемое многими как начало новой эры в истории

современной церкви. Так или иначе, успех был достигнут выдающийся.

Соперничество, соревнование и вражда в вопросах догматического характера перестали существовать на Плутория-авеню. Прихожане обеих церквей могли придерживаться теперь любого из догматов по собственному выбору. Как любили говорить члены церковного совета, это не имело никакого значения. Все церковные поступления шли в одну, общую кассу и делались независимо от числа прихожан обеих церквей. Каждые полгода выпускался печатный отчет, который рассылался всем акционерам «Объединенной церкви»; по стилю и форме он ничем не отличался от годовых и полугодовых отчетов, выпускавшихся объединенными акционерными компаниями «Оловянная посуда» и «Железная посуда», а также другими подобными организациями.

«Директора правления,— сообщалось в последнем отчете,— счастливы уведомить вас о том, что, несмотря на продолжающуюся депрессию на промышленном рынке, поступления общества обнаруживают тенденцию к возрастанию... Полученный дивиденд будет распределен поровну между владельцами акций и облигаций...» И дальше: «Директора правления единодушно вынесли решение преподнести достопочтенному доктору Дамфарзсингу подарок по случаю его предстоящего бракосочетания».

«Предстоящее бракосочетание» было связано, конечно, с его помолвкой с Юлианой Ферлонг. Не было только известно, сделал ли он ей официальное предложение. Но говорили, что перед своим отъездом на новое место он в очень суровой форме дал ей понять, что раз дочь покидает его, то ему необходимо иметь кого-либо, кто смотрел бы за его домом; в противном случае он вынужден будет тратиться на оплату экономки. Он напомнил ей также, что она в таком возрасте, когда женщине не приходится быть особо разборчивой; кроме того, состояние ее души нельзя, дескать, признать очень надежным в смысле возможности спасения. Это пространное заявление достопочтенного настоятеля было признано (с точки зрения шотландских обычаев) равносильным предложению.

Кэт Дамфарзсинг не поехала с отцом на место его нового служения. Она осталась на несколько недель погостить у Филиппины Оверенд — сначала для того, чтобы уложить и запаковать свои вещи, а затем для того,

чтобы распаковать их. Последнее было вызвано ее разговором с достопочтенным Эдуардом Ферлонгом в укромном углу тенистого сада семьи Оверенд. Некоторое время спустя Кэт и Эдуард были повенчаны достопочтенным доктором Тийгом, глаза которого наполнились философскими слезами, когда он благословлял их на совместную жизнь.

Так церковь св. Асафа и церковь св. Осафа стоят бок о бок, живут друг с другом в мире и согласии. По воскресным дням их колокола любовно перекликаются между собой, а между ними самими царит такая гармония, что даже епископальные грачи, свившие себе гнезда на вязах, окружающих церковь св. Асафа, и пресвитерианские вороны, осевшие на ветвях сосен и елей, окаймляющих церковь св. Осафа, меняются местами каждое воскресенье.

Глава седьмая

ВЕЛИКАЯ БОРЬБА ЗА ОБНОВЛЕНИЕ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

— Что же касается городской думы,— сказал мистер Ньюберри, откидываясь на спинку кожаного кресла в Мавзолей-клубе и зажигая вторую сигару,— то надо признаться, она прогнила насквозь.

— Абсолютно никуда не годится,— подтвердил мистер Дик Оверенд, звоня в колокольчик, чтобы ему подали виски и содовой воды.

— Она подкупна,— заявил мистер Ньюберри в паузе между двумя клубами сигарного дыма.

— Полна хищений,— вторил ему мистер Оверенд, сбрасывая пепел в камин.

— Члены управы — взяточники,— продолжал мистер Ньюберри.

— Городской юрисконсульт — пьяница и бездельник,— сказал мистер Оверенд,— а казначей — отъявленный взяточник.

— Совершенно верно,— согласился мистер Ньюберри и затем, наклонившись вперед и внимательно оглядевшись, не подслушивает ли кто-нибудь, сказал вполголоса: — Главный же взяточник среди них — мэр. И что важнее всего,— добавил он, понизив голос до шепота,— сейчас настало время говорить об этом безбоязненно.

Мистер Оверенд в знак согласия кивнул головой.

— Настоящая тирания,— пробормотал он.

— Да, да,— вторил ему мистер Ньюберри.

. . . .

Так сидели они оба в тихом углу Мавзолей-клуба — дело было в воскресенье вечером — и занимались болтовней.

Сначала они распространялись о том, что федеральное правительство Соединенных Штатов никуда не годится; но говорили об этом без жара и не приводя никаких доводов, а только с грустью, с какой говорят стареющие люди, сидя в покойном кресле комфортабельного клуба и брюзжа на упадок нравов нынешнего поколения. Испорченность и бездеятельность федерального правительства возбуждали в них не гнев и не злобу, а только сожаление.

Они припоминали, что все было по-другому, когда они были молоды, когда вступали в жизнь. В дни юности мистера Ньюберри и мистера Дика Оверенда люди отправлялись на конгресс из одного только патриотизма. «В то время не было и речи о хищничестве и подкупах,— говорили они,— а что касается сената Соединенных Штатов...— здесь их голоса понижались почти до благоговейного шепота: — О, когда они были молодыми людьми, сенат Соединенных Штатов...»

Но они так и не докончили фразы, так как, очевидно, не могли найти подходящих слов для выражения своей мысли.

Они только несколько раз повторили: «Что же касается сената Соединенных Штатов...» — и всякий раз качали своими головами и усиленно глотали виски с содовой.

Разговор о федеральном правительстве, естественно, перешел в беседу о законодательном собрании Штатов. Как не похоже нынешнее законодательное собрание на прежние собрания в дни их юности! Не только в отношении чистоты и неподкупности, но и по калибру людей.

Он вспоминает, сказал мистер Ньюберри, как отец взял его, двадцатилетнего юношу, с собой на заседание послушать дебаты. О, он никогда не забудет этого дня! Перед ним были не люди, а гиганты. И само собрание напоминало скорее древнее Унтенагемот, чем нынешнее законодательное собрание. Он ясно представляет себе оратора — имени его, правда, не может вспомнить,— который гово-

рил... сейчас он не припоминает, о чем тот говорил и говорил ли «за» или «против», но дрожь пронизывала всех тогда от его слов. О, он никогда его не забудет. Тот стоит перед ним как живой, точно все это происходило только вчера.

Что же касается нынешнего законодательного собрания — здесь мистер Дик Оверенд с горечью кивнул головой, заранее соглашаясь с тем, что должен был услышать, — да, что касается нынешних законодателей, продолжал мистер Ньюберри, то он имел случай посетить столицу неделю назад в связи с подготовлявшимся новым железнодорожным законом, который он пытался... да, за который ему досадно было... короче говоря, просто в связи с новым железнодорожным законом... и когда он посмотрел на нынешних законодателей, то ему положительно стало стыдно за них; он иначе и выразиться не может: ему стало стыдно.

А разговор о подкупности федерального правительства привел мистера Ньюберри и мистера Дика Оверенда к разговору о подкупности городской думы. И оба они согласились вполне, что здесь дело обстоит отвратительно. В глубине души их более всего возмущало то, что они тридцать или сорок лет жили и работали, не замечая чудовищной испорченности городского самоуправления. Впрочем, они были так заняты!

В действительности же их разговор был отражением не столько их собственных взглядов, сколько охватившего весь город настроения.

Наступил момент, и по-видимому совершенно неожиданно, когда всех в одно и то же время осенила мысль, что городское самоуправление прогнило от основания до верхов. Определение резкое, но именно это слово гуляло по городу.

— Взгляните на членов управы, — говорил один обыватель другому, — они заплесневели от гнили! Взгляните на юрисконсульта — совсем прогнил! И сам мэр — тьфу!

Словно волной захлестнуло город это настроение. Жители удивлялись, как здравомыслящее население города могло терпеть над собой власть шайки негодяев, двадцати продажных олдерменов [1]. Их имена, толковали люди, стали во всей Америке синонимом уголовной преступности. Мнение это было так широко распространено по городу, что все накинулись на газеты, стараясь узнать из них, кто же

[1] Члены городской управы.

такие были эти олдермены. Запомнить двадцать фамилий — дело нелегкое, особенно учитывая, что до того момента, когда презрение к городской думе волной прокатилось по городу, никто не знал и не пытался узнать, кто такие были эти олдермены.

По правде говоря, олдерменами были в течение пятнадцати — двадцати лет почти одни и те же лица. Некоторые из них работали в продуктовом деле, другие были мясниками, двое — мелкими лавочниками; все они носили голубые в клетку жилеты и красные галстуки и с семи часов утра уже бродили по овощным и прочим рынкам. Никто ими не интересовался; говоря «никто», мы подразумеваем, конечно, обитателей Плутория-авеню. Иногда, просматривая газету, наши плуторианцы наталкивались на изображения каких-то лиц и с удивлением на секунду задумывались: «А кто бы это мог быть? Но, взглянув на подпись, они говорили: «Ах, олдермен!» — и переворачивали страницу.

— Чьи это похороны? — спрашивали порой плуторианцы прохожего.

— Кого-то из олдерменов хоронят,— отвечал тот, спеша по своему делу.

— Да, да, вижу! Прошу извинения... А я думал, что это хоронят какое-либо важное лицо,— и оба, улыбаясь, расходились.

. . . .

Где зародились этот гнев и негодование, до сих пор не вполне ясно. Говорили, что это только отплеск той большой очистительной волны, которая прокатилась по всей территории Соединенных Штатов. И действительно, не было ни одного округа, который бы она миновала. И каждый штат, каждая область приписывали себе честь ее зарождения. Но везде видели в этом явлении новое доказательство славного единства страны.

Поэтому если мистер Ньюберри и мистер Оверенд завели беседу об испорченности думы своего города, то они выразили этим только общее настроение, охватившее все население Соединенных Штатов. Действительно, сотни и тысячи остальных граждан города, которые раньше были так же мало заинтересованы в городских делах, как и они, приходили к тому же заключению. И по мере того, как обыватели начинали всматриваться в положение городских дел, они приходили в ужас от того, что там находили. Обнаружилось, например, что олдермен Шуфилдемф был гробовщиком. Подумать только! В управе города, где смерт-

ность составляла, а иногда и превышала сто пятьдесят человек в неделю, заседал гробовщик! Город, который собирался открыть новое кладбище и затратить на это четыреста тысяч долларов, допустил, чтобы в комитете по устройству кладбища принимал участие гробовщик! Но были дела и похуже. Олдермен Андеркатт был мясником. И это в городе, который еженедельно потреблял тысячу тонн мяса! А олдермен О'Ку́лиган, как это неожиданно раскрылось, был ирландцем. Вообразите: ирландец-олдермен принимает участие в полицейском комитете города, в то время как тридцать восемь с половиной процентов всей городской полиции состоят из ирландцев или их родственников!

В общем, все было мерзко, чудовищно и не подлежало сомнению, что, когда мистер Ньюберри твердил: «Хуже и быть не может!» — он отдавал себе ясный отчет в том, что происходило в городе.

. . . .

Как раз, когда мистер Ньюберри и мистер Дик Оверенд заканчивали свою беседу, позади их кресла показалась громадная, слоноподобная фигура мэра Грена. Он посмотрел на них сбоку — глаза его, резко выделявшиеся на рябом лице, напоминали две черносливинки — и, будучи прирожденным политиком, сразу догадался по их взглядам, что они разговаривали о том, о чем им говорить не полагалось. Но, будучи политиком, он сказал только: «Добрый вечер, господа!» — не обнаружив при этом ни малейшего признака неудовольствия.

— Добрый вечер, мистер мэр,— ласковым голосом сказал мистер Ньюберри, смущенно потирая руки.

Нет более печального зрелища, чем вид честного человека, захваченного на месте преступления, в тот момент, когда он смело и бесстрашно говорит о злодеяниях другого.

— Добрый вечер, мистер мэр,— отозвался эхом мистер Дик Оверенд, также потирая свои руки,— сегодня тепло, не правда ли?

Мэр вместо ответа издал какой-то нечленораздельный, похожий на хрюканье, звук, что на муниципальном языке обозначает нежелание вступать в разговор.

— Слышал ли он? — шепотом спросил мистер Ньюберри, после того как мэр покинул клуб.

— Меня ничуть не беспокоит, даже если слышал,— вполголоса ответил мистер Дик Оверенд.

Полчаса спустя мэр Грен вошел в трактир, находившийся на одной из отдаленных улиц Нижнего города, где в задней грязной комнате помещался клуб Томаса Джефферсона.

— Ребята,— сказал он олдермену О'Кýлигану и олдермену Фанферлю, которые играли в покер,— передайте вашим, что нужно держаться в тени и не вылазить. В городе по поводу предстоящих выборов много разговоров, которые мне не нравятся. Предупредите ребят, что сейчас такой момент, когда чем больше темноты, тем лучше.

Из клуба Томаса Джефферсона эти слова были переданы в клуб Георга Вашингтона, а оттуда в Эврика-клуб (цветной), в клуб Кошута (венгерский) и в прочие разнообразные патриотические центры Нижнего города. Вследствие этого там начала распространяться такая тьма, что даже честный Диоген со своим фонарем не смог бы осветить их дела.

— Если их корячит от желания поднять шум,— сказал мэру через день или два председатель клуба Георга Вашингтона,— то они никогда не смогут объяснить, отчего их пучит.

— Ладно,— внушительно сказал мэр, медленно и осмотрительно чеканя слова и пристально всматриваясь в лицо своего подручного,— вам нужно держаться сейчас осторожно, предупреждаю вас.

Взгляд, которым мэр окинул своего приспешника, очень напоминал взгляд морского разбойника Моргана, который тот бросил на своего помощника перед тем, как вышвырнуть его за борт.

. . . .

Между тем волна гражданского энтузиазма, отражаясь в разговорах на Плутория-авеню, росла с каждым днем.

— Дело скандальное,— сказал мистер Лукулл Файш.— Эти молодцы из городской думы — просто шайка негодяев. Мне пришлось на днях там побывать (в связи с обложением наших заводов по выделке содовой воды), и, знаете ли, я фактически убедился, что они берут взятки.

— Да, да,— сказал мистер Питер Спилликинс, с которым он беседовал,— совершенно верно!

— Это факт,— повторил мистер Файш,— они берут взятки. Я отвел казначея в сторону и сказал ему: «Мне нужно, чтобы вы сделали то-то и то-то», и при этом

сунул ему в руку пятидесятидолларовую бумажку. И этот субъект взял ее, и взял с молниеносной быстротой.

— Взял? — спросил мистер Спилликинс, тяжело дыша.

— Взял,— ответил мистер Файш.— А ведь это уголовное преступление!

— Совершенно верно,— воскликнул мистер Спилликинс,— за это их можно посадить в тюрьму!

— Но они дошли до еще более чудовищного нахальства. Вы только послушайте,— продолжал мистер Файш.— На следующий день я отправился туда же к секретарю (все по тому же делу), сказал ему, что мне нужно, а затем протянул в окошко пятидесятидолларовый билет. И что же? Он с гневом отшвырнул его назад, прямо мне в лицо! Вы подумайте: он отказался взять деньги!

— Отказался? — ахнул мистер Спилликинс.— Отказался?

Подобные разговоры заполняли все досуги и все перерывы между делами в кругу лучших людей города.

Но среди общей неопределенности положения одно было тем не менее вполне очевидно.

«Волна» нагрянула, несомненно, в очень удобный момент, так как помимо гражданских мотивов дело шло еще о четырех-пяти вопросах исключительной важности, которые предстояло решить новой думе. Во-первых, об отчуждении в пользу города транспорта «Акционерного транспортного общества», что пахло многими миллионами, и затем — об упразднении монополии «Городской осветительной акционерной компании» — самый жизненный вопрос; далее, предстояло ассигнование из городских средств четырехсот тысяч долларов на покупку земли под новое кладбище и т. д. Многие, особенно обитатели Плутория-авеню, почувствовали, что вспышка гражданского гнева в городе произошла в очень удобный момент, как раз тогда, когда все эти вопросы созрели для решения. Все акционеры городского «Транспортного общества» и «Осветительной компании» — а туда входили лучшие люди города, с наиболее возвышенными умами,— понимали, что необходим огромный моральный подъем, чтобы «поднять» население и увлечь его за собой; если же невозможно добиться полного успеха, то — полагали они — следует добиться хоть частичного, в пределах возможного.

— Какое трогательное пробуждение гражданских

чувств,— заявил мистер Файш (он был главным акционером и директором-распорядителем городской осветительной компании),— какое счастье, что по поводу возобновления монополии общества нам не придется иметь дело с шайкой продажных негодяев, подобных нынешним олдерменам. Знаете, Ферлонг, мы предложили им продлить монополию общества на сто пятьдесят лет, и они нам отказали. Они сказали, что срок слишком большой. Подумайте только! Сто пятьдесят лет (всего лишь полтора века) — слишком большой срок для монополии! Они хотят, чтобы мы понаставили наши столбы, протянули наши провода, установили наши трансформаторы на их улицах, а затем по истечении каких-нибудь ста пятидесяти лет уступили им все это за гроши. Конечно, мы хорошо понимаем, чего они хотят. Они хотят получить с нас по пятьдесят долларов на брата, чтобы положить их в свои мошеннические карманы.

— Беспримерная гнусность! — воскликнул мистер Ферлонг.

— Та же история с покупкой земли под кладбище,— продолжал мистер Лукулл Файш.— Если бы не возникло нынешнего движения против них, эти негодяи дали бы четыреста тысяч долларов своему хаму Шуфилдемфу за его пятьдесят акров. Вообразите себе только.

— Не думаю,— сказал задумчиво мистер Ферлонг,— чтобы четыреста тысяч долларов были слишком высокой платой за этот участок земли.

— Конечно нет,— спокойно и убежденно заявил мистер Файш, испытующе глядя на мистера Ферлонга,— это не высокая цена. Я, как человек, совершенно не заинтересованный в этом деле, могу решительно утверждать, что четыреста тысяч долларов за пятьдесят акров земли в пригороде были бы вполне справедливой ценой, если бы только этот участок соответствовал своему назначению. Если бы, например, речь шла о прекрасном участке в двадцать акров по другую сторону кладбища, который принадлежит, кажется, вашему обществу, я готов был бы признать, что цену в четыреста тысяч долларов нужно считать очень умеренной.

Мистер Ферлонг, начиная что-то соображать, кивнул головой.

— Вы не намеревались предложить его городу? — спросил мистер Файш.

— Мы собирались,— сказал мистер Ферлонг,— попросить за него как раз около четырехсот тысяч. Чуть

больше, чуть меньше — это не играет для нас никакой роли. Мы исходили из того соображения, что, ввиду такого почти священного назначения земли, можно ограничиться минимальной выгодой. Мы не рассматривали бы эту продажу как коммерческую сделку — удовлетворением для нас послужил бы самый факт уступки ее городу для подобной цели.

— Совершенно верно,— согласился мистер Файш.— К тому же ваш участок во всех отношениях предпочтительнее участка Шуфилдемфа. Земля Шуфилдемфа заросла кипарисами и плакучими ивами, которые делают ее совершенно не пригодной для кладбища. А ваш участок, насколько я помню, светлый, ровный, чистый песок, без всякой растительности; даже травы там почти нет.

— Да,— заявил мистер Ферлонг,— мы тоже думаем, что наш участок, рядом с которым тянутся кожевенные и химические заводы, был бы идеальным местом для...— он остановился, подыскивая подходящие слова для выражения своей мысли.

— Для мертвых,— подсказал ему мистер Файш с приличествующим почтением.

После этого разговора мистер Файш и мистер Ферлонг-старший отлично поняли друг друга и твердо определили свое отношение к начинавшемуся движению за обновление городского самоуправления.

— Россемейр-Браун с нами? — спросил мистера Файша несколько дней спустя кто-то из его единомышленников.

— Телом и душой,— ответил мистер Файш.— Он рвет и мечет, потому что эти негодяи, нынешние заправилы города, захватили в свои руки снабжение города углем. Он говорит, что город закупает уголь оптом на шахтах по пятьдесят три; но это совершенно негодный уголь, утверждает он. Он слыхал, что каждый из этих негодяев получает взятку от двадцати пяти до пятидесяти долларов за зиму, чтобы смотреть сквозь пальцы на эту операцию.

— Голубчики мои, вот так штука! — воскликнул собеседник.

— Чудовищно, не правда ли? — сказал мистер Файш.— Я задал мистеру Россемейр-Брауну вопрос: «Что можем мы поделать, если граждане сами не выказывают никакого интереса к городским делам? Возьмем для примера,— сказал я ему,— хотя бы снабжение города углем. Как могло случиться, что специалист в этой области не

приходит городу на помощь? Почему вы не снабжаете городские предприятия углем?» Он покачал головой. «Я не буду делать этого за пятьдесят три»,— ответил он. «Конечно нет,— возразил я ему,— но за пятьдесят пять?» Он с минуту смотрел на меня, а затем сказал: «Файш, я берусь за пятьдесят пять или чуть больше. Если у нас будет новое городское самоуправление, пусть оно назовет свою цену».— «Хорошо,— сказал я.— Надеюсь, что всех деловых людей охватит такое же воодушевление».

. . . .

Так занялась заря, которая залила все вокруг ярким светом. Люди стали задумываться о нуждах города, которых раньше никогда не замечали. Мистер Баулдер, в числе других предприятий владевший каменоломней, а также стоявший во главе асфальтовой компании, почувствовал сразу, что мостовые города никуда не годятся. Мистер Скипнер, глава конторы «Скипнер и Байтем», качал головой и говорил, что вся юрисконсультская часть города требует полной реорганизации.

— Она нуждается,— говорил он,— в притоке свежей крови. Но,— добавлял он почти безнадежно,— как можно найти надлежащего человека при жалованье в шесть тысяч долларов? Х о р о ш е г о человека (он делал ударение на этом слове) можно надеяться получить тысяч за пятнадцать, не меньше.

А в разговоре с мистером Ньюберри Скипнер пояснил, что новому юрисконсульту потребуется, конечно, соответствующее количество помощников, чтобы он был избавлен от всякой рутинной работы: выступлений в судах, подготовки докладов, консультаций, контроля над сборами, участия в делах об отчуждениях и вообще всей чисто юридической работы. Тогда у него будут развязаны руки, чтобы всецело посвятить себя тем вопросам, которые будут привлекать его внимание.

. . . .

В течение одной-двух недель общественное движение получило определенное направление и вылилось в форму особой организации — «Лиги обновления городского самоуправления».

Организационное собрание происходило, конечно, в Мавзолей-клубе и было негласным. Душой его был, понятно, мистер Файш, который и распределил все роли заранее. Почетным председателем был избран мистер Файш, почетным вице-председателем — мистер Баулдер, почет-

ным секретарем — мистер Ферлонг, почетным казначеем — мистер Скипнер.

Под гром аплодисментов мистером Файшем было объявлено, что все горожане, даже из самого низшего класса, приглашаются в Лигу, что все, даже самые бедные, могут внести свою лепту, что взносы от одного до пяти долларов будут приниматься казначеем, что самые бедные могут пожертвовать очень скромную сумму — всего лишь один доллар, но зато и самым богатым не разрешается давать больше пяти долларов.

— Лига,— заявил мистер Файш,— будет, разумеется. демократической, или ее не будет совсем.

— А не думаете ли вы,— спросил мистер Ньюберри,— что нужно предпринять кое-какие шаги, чтобы привлечь на нашу сторону газеты?

— Это очень, очень важно,— заявили многие из присутствующих.

— Как ваше мнение, доктор Бумер? — спросил мистер Файш президента университета.— Будут ли газеты за нас?

Доктор Бумер сомнительно покачал головой.

— Вопрос очень серьезный,— заявил он.— Не может быть сомнения в том, что мы сильно нуждаемся в поддержке честной, здоровой, не зараженной предвзятыми взглядами прессе, которую нельзя было бы подкупить и которая не зависела бы от чужих денег. Мой план — купить одну из здешних газет.

— А не проще и не лучше ли будет подкупить редакционно-издательский состав? — сказал мистер Дик Оверенд.

— Это тоже можно сделать,— согласился доктор Бумер.— Что продажность прессы — одно из самых главных и трудных препятствий на нашем пути,— это бесспорно. Но каким образом преодолеть это препятствие — покупкой ли газеты или подкупом сотрудников, сказать сейчас трудно.

— Предлагаю,— заявил мистер Файш,— предоставить решение этого вопроса Комитету. Пусть предпримет все шаги, какие найдет нужными, для оживления духа нашей печати. Я давно и искренно страдаю от того, что у нас установилась такая тесная зависимость городской политики от газет. Если нам удастся изменить это и влить новую струю в местную прессу, это будет важным достижением, сколько бы оно нам ни стоило.

Таким образом, «Лига обновления городского самоуправления» оказалась организованной и снабженной всеми необходимыми средствами для достижения поставленной задачи: у нее были касса, план действий и платформа. Последняя была очень несложна. По мнению мистера Файша и мистера Баулдера, всякая детализация была излишней. «Честность, чистота и неподкупность» — вот платформа Лиги. Этим сразу проводится резкая, точная и ясная грань между Лигой и всеми ее противниками.

Первое собрание было, конечно (как уже указывалось), конфиденциальным. Но все, что на нем было принято, повторилось с удивительной точностью — при всеобщем одобрении и без всякого принуждения — на многолюдном митинге, куда были приглашены все граждане города. Как на пример поразительного по своей неожиданности успеха можно указать хотя бы на следующий факт. Кто-то из задних рядов заявил: «Предлагаю выбрать председателем Лиги мистера Лукулла Файша», — на что мистер Файш поднял руку в знак протеста (понятно, собрание не приняло во внимание его протеста), так как это предложение было для него полной неожиданностью.

«Лига обновления городского самоуправления» начала свою деятельность борьбой с «когортами тьмы». Не было точно известно, где они находились, но все утверждали, что они где-то существуют. В речах митинговых ораторов Лиги они фигурировали как темные силы, действующие под землей, за сценой и т. д. Странно было только то, что никто не мог точно сказать, с кем или с чем ведет борьбу Лига. Указывалось лишь на то, что она борется за «честность, чистоту и неподкупность». Вот и все, что можно было установить.

Что же касается прессы, то при зарождении Лиги предполагалось, что продажность издаваемых в городе газет настолько велика, что необходимо будет купить одну из них. Но едва только были произнесены слова «обновление городского самоуправления», как все городские журналы и газеты оказались всецело на стороне обновления, словно годами стремились к нему.

Они даже соперничали друг с другом в пропагандировании новой идеи.

«Плуторианское время» поместило в левом углу первой страницы отрезной купон со следующим текстом: «Вы за обновление городского самоуправления? Если да, отправьте нам с этим купоном десять центов, вписав

в него вашу фамилию и адрес». «Плуторианский гражданин» пошел еще дальше. Он поместил купон с пояснением: «Вы всецело за обновление? Если да, то пошлите в контору журнала двадцать пять центов. Мы сами беремся использовать их».

Еще энергичнее действовали журналы. Изо дня в день они преподносили читателям разнообразные иллюстрации. То появлялся портрет мистера Файша с надписью: «Мистер Лукулл Файш, который говорит, что самоуправление должно создаваться народом, исходить от народа, оберегать народ и существовать для народа»; то преподносился портрет мистера Спилликинса с изречением: «Все люди рождаются свободными и равными»; то печатался снимок, под которым стояло: «Участок земли, который мистер Ферлонг любезно предлагает под кладбище», причем на заднем фоне видны были кожевенные заводы.

Понятно, что некоторые из прежних олдерменов были признаны вождями «когорты тьмы», о чем и было объявлено во всеуслышание. «Нам не нужны в городской управе люди, подобные олдермену Фанферлю и олдермену Шуфилдемфу; общественная совесть возмущается этими людьми. Они, как коршуны, слишком долго терзали распростертые тела наших сограждан». В таком духе писали все газеты города.

Беспокойство вызывала только неизвестность того, какие силы поддерживали на прежних выборах олдерменов Фанферля и Шуфилдемфа, потому что организации, которые, казалось, стояли тогда за них, проявляли теперь еще больше рвения в деле обновления городского самоуправления, чем сама Лига.

«Клуб Томаса Джефферсона стоит всецело на стороне обновленцев» — появилось сообщение в руководящих газетах города.

На следующий день: «Эврика-клуб (цветной) присоединился к Лиге. С тьмой покончено».

И дальше: «Сыны Венгрии принимают участие в деле обновления: клуб Кошута будет голосовать вместе с Лигой» — и т. д.

Но самым поразительным оказалось известие (подтвержденное затем мистером Лукуллом Файшем в официальном интервью), что сам мэр, мистер Грен, сочувствует идеям обновления и будет проходить на выборах по списку кандидатов Лиги. Факт на первый взгляд, безусловно, странный; но смысл его был бы ясен, если

бы широкая публика смогла подслушать следующий частный разговор между мистером Файшем и мистером Баулдером.

— Вы говорите,— спросил мистер Баулдер,— что необходимо включить мистера Грена в список наших кандидатов?

— Мы не можем обойтись без него,— ответил мистер Файш,— ведь семь участков в его руках. Если мы примем его предложение, он ручается за каждый из них.

— А можно положиться на его слова? — спросил мистер Баулдер.

— Мне кажется, он ведет с нами честную игру,— сказал мистер Файш.— Неделю тому назад мы дали друг другу честное слово, как джентльмен джентльмену. И с тех пор, по моему тщательному наблюдению, он держит себя безукоризненно.

— Каковы его требования? — поинтересовался мистер Баулдер.

— Он согласен выкинуть за борт Фанферля, Шуфилдемфа и Андеркатта, но настаивает на сохранении места за О'Ку́лиганом. Ирландцы, утверждает он, не интересуются обновлением: они желают иметь в городской управе ирландцев.

— Гм-м,— задумчиво сказал мистер Баулдер,— а на что претендует он в качестве компенсации за возобновление договора на освещение города и за отчуждение земли под новое кладбище?

Но ответ мистера Файша на этот вопрос был произнесен так тихо и невнятно, что даже птицам, сидевшим на ветвях вязов, окружавших здание Мавзолей-клуба, не удалось расслышать его. Неудивительно поэтому, что такие наивные господа, как мистер Ньюберри и мистер Спилликинс, никогда не узнали всех тайн «Лиги обновления».

. . . .

Каждая неделя, даже каждый день сопровождались новыми триумфами Лиги.

— Да, джентльмены,— заявил мистер Файш на ближайшем заседании Комитета обновления,— рад доложить вам о первой одержанной нами победе. Мистер Баулдер и я посетили на днях столицу и узнали, что наше законодательное собрание согласно изменить форму нашего городского самоуправления, заменив городскую управу прав-

лением. Мы беседовали с шефом нашего министерства внутренних дел (он был настолько мил, что согласился позавтракать с нами в Покахонтос-клубе), и он сказал нам, что наша просьба вполне осуществима и своевременна, что дни старозаветных управ сочтены и что управы везде будут заменены правлениями.

— Прекрасно! — воскликнул мистер Ньюберри.

— Он сказал,— продолжал мистер Файш,— что наше ходатайство будет удовлетворено. Председатель Центрального Демократического Комитета (он был так любезен, что пообедал с нами в Буканон-клубе) уверил нас в том же. Председатель Центрального Республиканского Комитета, который оказал нам честь своим присутствием в заказанной нами ложе Линкольн-театра, также обещал поддержать наше ходатайство. Очень приятно,— заключил свою речь мистер Файш,— сознавать, что законодательная власть готова оказать нам столь сердечную, чисто американскую поддержку.

— Вы вполне уверены,— решительно спросил мистер Ньюберри,— что глава министерства внутренних дел и другие лица, о которых вы упомянули, нас поддержат?

Мистер Файш с минуту помолчал, а затем совершенно спокойно ответил:

— Вполне уверен.— При этом он обменялся многозначительным взглядом с мистером Баулдером.

. . . .

— Я сознаю,— сказал мистер Ньюберри, возвращаясь с мистером Файшем из клуба,— что я — круглый невежда. Я следил в последнее время за политикой меньше, чем следовало бы. Но я буду вам очень благодарен, если вы мне объясните разницу между управой и правлением.

— Разницу между управой и правлением? — переспросил мистер Файш.

— Вот именно, различие между управой и правлением,— подтвердил мистер Ньюберри.

— Это не так-то легко объяснить,— произнес мистер Файш задумчиво.— Главное отличие правления, иначе называемого комиссией, заключается в большем окладе. Видите ли, оклад олдермена, или члена управы, в большинстве городов составляет тысячу пятьсот или две тысячи долларов, не больше. Жалованье же члена правления — десять тысяч. Это сразу создает новый класс людей.

Пока вы платите тысячу пятьсот долларов, вы наполняете вашу управу людьми, которые готовы производить всякого рода грязную работу за полторы тысячи долларов; если же вы платите десять тысяч, то получаете людей с более широкими взглядами.

— Так-так, понимаю,— сказал мистер Ньюберри.

— Если вы имеете дело с человеком, получающим тысячу пятьсот долларов, то можете в любой момент подкупить его пятидесятидолларовой бумажкой. Напротив, у человека с окладом в десять тысяч долларов более широкие горизонты. Если вы предложите ему пятьдесят долларов за то, чтобы он голосовал за ваше предложение на заседании правления, он рассмеется вам в лицо.

— Теперь мне все ясно,— заметил мистер Ньюберри.— Полуторатысячное жалованье настолько незначительно, что он побуждает множество граждан домогаться этого места единственно из-за оклада, связанного с ним?

— Совершенно верно! — ответил мистер Файш.

. . . .

Со всех сторон собирались силы, поддерживающие новую Лигу.

Женщины города — а в нем числилось пятьдесят тысяч гражданок, обладавших избирательным правом,— не пожелали отставать от мужчин.

— Мистер Файш,— сказала миссис Бенкомхирст, явившаяся к президенту Лиги и предложившая поддержку,— разъясните мне, что мы должны делать? Я представительница пятидесяти тысяч избирательниц этого города. (Это была любимая фраза миссис Бенкомхирст, хотя никто никогда не мог понять, кого она представляет и на каком основании.) Мы, женщины, желаем прийти вам на помощь. Вы знаете, мы любим проявлять инициативу. Укажите только, что нам делать.

После переговоров миссис Бенкомхирст с мистером Файшем стало известно, что женщины работают рука об руку с мужчинами.

— Должен вам сообщить,— заявил мистер Файш на одном из заседаний Комитета,— что женщины за нас; это является лучшим доказательством справедливости нашего движения. Участие женщин в политической жизни страны, несомненно, имеет глубокое облагораживающее значение. И я рад доложить вам, что миссис Бен-

комхирст и ее друзья сорганизовали всех женщин города, имеющих право голоса. Они известили меня, что потребуется всего пять долларов за голос. Часть женщин, иностранок из низших классов, у которых чувство политической морали еще недостаточно развито, удалось привлечь за такую ничтожную плату, как один доллар за голос. Но, разумеется, наши американские гражданки, более образованные и обладающие более развитым чувством морали, на такую мизерную плату не соглашаются. Этого мы не могли и ожидать.

Но Лигу поддерживали не одни только женщины.

— Господа,— заявил президент университета, доктор Бумер, на одном из заседаний Комитета обновления,— должен вам сообщить, что воодушевление, которое окрыляет нашу работу, охватило и студентов университета. Они по своему почину и за свой счет организовали «Лигу чистой игры», которая уже начала проявлять свою деятельность. До меня дошли слухи, что члены этой Лиги уже успели выкупать олдермена Фанферля в находящемся возле университета пруду. Насколько я знаю, сегодня вечером они будут охотиться за олдерменом Шуфилдемфом, которого они собираются кинуть в городской бассейн. Их лидеры, блестящая группа молодежи, поручились мне, что не сделают ничего, что могло бы наложить тень на университет.

— Если не ошибаюсь, прошлой ночью их голоса раздавались на улице,— сказал мистер Ньюберри.

— Должно быть, они устроили шествие,— сказал президент.

— Вот именно,— поспешил дополнить свое сообщение мистер Ньюберри.— Я слыхал, как они кричали: «Ура!-ра-ра! Новое правление! Новое правление! Ура-ра!-ра!»

— Они объединились в отряды,— продолжал доктор Бумер,— чтобы не допускать на улицах никаких безобразий и беспорядков, которые раньше сопровождали наши муниципальные выборы. Прошлой ночью они в знак серьезности своих намерений опрокинули два трамвайных вагона и телегу с молоком.

— Я слыхал, двое из них были арестованы,— заметил мистер Дик Оверенд.

— Только по недоразумению,— объяснил президент.— Произошла ошибка. Не было известно, что они студенты. Они колотили стекла трамвайного вагона своими хок-

кейными палками. Полицейский патруль принял их за бунтовщиков. Как только их доставили в полицейское управление, ошибка сразу обнаружилась. Начальник полиции принес университету по телефону свои извинения.

Ввиду столь решительных действий со всех сторон, оппозиция быстро заглохла сама собой. «Плуторианское время» с полным правом могло вскоре заявить, что все нежелательные кандидаты очистили поле сражения. «Олдермен Фанферль,— писала она,— который на прошлой неделе был брошен студентами в пруд и который и посейчас еще находится в постели, был интервьюирован нашим сотрудником. Мистер Фанферль заявил, что не выставит своей кандидатуры на предстоящих выборах. Он сказал, что с него довольно гражданских почестей, что он устал от них. Он чувствует, что наступил момент, когда нужно устраниться и уступить свое место другим, которые будут работать не хуже его».

. . . .

Нет никакой нужды подробно описывать блестящий триумф Лиги в день выборов. О них сохранилась память как о самых чистых, самых незапятнанных выборах за все время существования города. Организованные граждане образовали внушительную силу, чтобы обеспечить себе полное отсутствие противодействия. Банды студентов доктора Бумера, вооруженные хоккейными палками, окружили все избирательные киоски и строго следили за чистотой игры. Всякий гражданин, желавший опустить в урну «нечистый» бюллетень, оттаскивался от будки, а все «нечистые» граждане, пытавшиеся силой или наглостью проникнуть к избирательным урнам, беспощадно избивались. В Нижнем городе отряды добровольцев, набранных большей частью из подонков, поддерживали порядок при помощи мотыг. Во всех частях города разъезжали автомобили, в которых сидели городские дельцы, юристы и врачи, препятствовавшие незаконному подвозу к избирательным киоскам вражеских избирателей. Победа была полная, исчерпывающая. «Когорты тьмы» были уничтожены с корнем, так что нигде нельзя было найти и следа их. С наступлением сумерек улицы наполнились шумными, волнующимися толпами людей, восхвалявших славную победу «Лиги обновления городского самоуправления». Тем временем в окнах газетных редакций стали появляться, вызывая бешеный восторг среди зри-

телей, громадные световые портреты «мистера Грена, главы обновленного городского самоуправления», «О. Скиппера, народного правозаступника», и других кандидатов Лиги.

. . . .

По случаю победы был устроен торжественный бал в Мавзолей-клубе на Плутория-авеню — конечно, на средства города и, разумеется, по его настоянию.

Даже этот дом, средоточие утонченной роскоши, никогда раньше не видал в своих стенах подобного великолепия. По обширным коридорам клуба неслись звуки венских вальсов, которые наигрывал на тирольских флейтах венгерский оркестр, скрытый среди фикусовых деревьев. Многочисленные столы были уставлены бутылками с шампанским; бесшумно скользившие лакеи разливали его по бокалам, широким и плоским, как распустившиеся листья водяных лилий. По всем залам двигались пастушки́ и пасту́шки этой прекрасной Аркадии: пастушки́ — в смокингах, в белоснежных манишках, широких, как географические очертания Африки, в белых — без единого пятнышка — жилетах, опоясывавших их экваторы, с тяжелыми золотыми цепочками на животе и в лакированных туфлях, черных, как смертный грех; пасту́шки — во вздымающихся волнах шелка всех цветов радуги, в блестящих головных повязках или с белыми перьями в волосах (символ коммунальной чистоты).

Гости оживленно беседовали. Среди них, переходя от одной группы к другой, постепенно распространилась благая весть, что контракт на освещение города продлен на двести лет, чтобы дать возможность акционерной компании проявить все свои способности. При этом известии сумрачные лица благородных держателей облигаций засияли гордостью, а в нежных глазах перешептывавшихся акционеров отразилась радостная улыбка. Теперь все страхи и сомнения исчезли. Они почувствовали, что обновление городского самоуправления наступило. А что может дать городу акционерная компания, они знали очень хорошо. Так всю ночь нежные звуки рожков подъезжавших и отъезжавших автомобилей будили сонные листья вязов, принося радостные вести пирующим гостям. И всю долгую ночь в залитых светом коридо́рах клуба пенящееся шампанское шептало внимавшим ему фикусам о грядущем спасении города. Ночь длилась дол-

го, затем отступила. Занималась заря, и в ее дешевых, прозаических лучах потускнела красота искусственного света. И вот граждане города — самые лучшие из них — потянулись домой, где их ожидал вполне заслуженный ими сон, а в Нижнем городе остальные жители стали подниматься, собираясь на свою тяжелую работу

Юмористические рассказы

МОЯ БАНКОВСКАЯ ЭПОПЕЯ

Когда мне случается попасть в банк, я сразу пугаюсь. Клерки пугают меня. Окошечки пугают меня. Вид денег пугает меня. Решительно все пугает меня.

В ту самую минуту, как я переступаю порог банка и собираюсь проделать там какую-нибудь финансовую операцию, я превращаюсь в круглого идиота.

Все это было известно мне и прежде, но все-таки, когда мое жалованье дошло до пятидесяти долларов в месяц, я решил, что единственное подходящее для них место — это банк.

Итак, еле передвигая ноги от волнения, я вошел в зал для операций и начал робко озираться по сторонам. Мне почему-то казалось, что, перед тем как открыть счет, клиент должен непременно посоветоваться с управляющим.

Я подошел к окошечку, над которым висела табличка «Бухгалтер». Бухгалтер был высокий хладнокровный субъект. Уже один его вид испугал меня. Голос мой внезапно стал замогильным.

— Не могу ли я поговорить с управляющим? — спросил я. И многозначительно добавил:— С глазу на глаз.

Почему я сказал «с глазу на глаз», этого я не знаю и сам.

— Сделайте одолжение,— ответил бухгалтер и пошел за управляющим.

Управляющий был серьезный, солидного вида мужчина. Свои пятьдесят шесть долларов я держал в кармане, так крепко зажав их в кулаке, что они превратились в круглый комок.

— Вы управляющий? — спросил я, хотя, видит бог, я нисколько в этом не сомневался.

— Да,— ответил он.

— Могу я переговорить с вами... с глазу на глаз?

Мне не хотелось повторять это «с глазу на глаз», но иначе все было бы слишком обыденно.

Управляющий взглянул на меня не без тревоги. Видимо, он подумал, что я собираюсь открыть ему какую-то страшную тайну.

— Прошу вас,— сказал он; потом провел меня в кабинет и повернул ключ в замке.— Здесь нам никто не помешает. Присядьте.

Мы оба сели и уставились друг на друга. Внезапно я почувствовал, что не могу выдавить из себя ни одного слова.

— Вы, должно быть, из агентства Пинкертона? — спросил он.

Мое загадочное поведение навело его на мысль, что я сыщик. Я понял это, и мне стало еще хуже.

— Нет, я не от Пинкертона,— сказал я наконец, как бы намекая на то, что явился от другого, конкурирующего агентства.— По правде сказать...— продолжал я, словно до сих пор кто-то заставлял меня лгать.— По правде сказать, я вообще не сыщик. Я пришел открыть счет. Я намерен держать в этом банке все свои сбережения.

У управляющего, видимо, отлегло от сердца, но он все еще был настороже. Теперь, очевидно, он решил, что перед ним сын барона Ротшильда или Гулд-младший [1].

— Сумма, должно быть, значительная? — спросил он.

— Довольно значительная,— пролепетал я.— Пятьдесят шесть долларов я намерен внести сейчас же, а в дальнейшем буду вносить по пятьдесят долларов каждый месяц.

Управляющий встал, распахнул дверь и обратился к бухгалтеру.

— Мистер Монтгомери! — произнес он неприятно громким голосом.— Этот господин открывает счет и желает внести пятьдесят шесть долларов... До свидания.

Я встал.

Справа от меня была раскрыта массивная железная дверь.

— До свидания,— сказал я и шагнул прямо в сейф.

— Не сюда,— холодно произнес управляющий и указал мне на другую дверь.

---

[1] Джей Гулд (1836—1892) — один из крупнейших американских миллионеров.

Подойдя к окошечку, я сунул туда комок денег таким судорожным движением, словно показывал карточный фокус.

Лицо мое было мертвенно-бледно.

— Вот,— сказал я,— положите это на мой счет.

В тоне моих слов как бы звучало: «Давайте покончим с этим мучительным делом, пока еще не поздно».

Клерк взял деньги и передал их кассиру.

Потом мне велели проставить сумму на каком-то бланке и расписаться в какой-то книге. Я уже не сознавал, что делаю. Все расплывалось перед моими глазами.

— Готово? — спросил я глухим, дрожащим голосом.

— Да,— ответил кассир.

— В таком случае я хочу выписать чек.

Я предполагал взять шесть долларов на текущие расходы. Один из клерков протянул мне через окошечко чековую книжку, а другой начал объяснять, как заполнять чек. У всех служащих банка, очевидно, создалось впечатление, будто я какой-нибудь слабоумный миллионер. Я что-то написал на чеке и подал его кассиру. Тот взглянул на чек.

— Как? — с удивлением спросил он.— Вы забираете все?

Тут я понял, что вместо цифры шесть написал пятьдесят шесть. Но дело зашло слишком далеко. Теперь уже поздно было объяснять то, что случилось. Все клерки перестали писать и уставились на меня.

С мужеством отчаяния я ринулся в бездну.

— Да, все,— ответил я.

— Вы берете из банка все ваши деньги?

— Все, до последнего цента.

— И в дальнейшем тоже не собираетесь что-нибудь вносить? — с изумлением спросил кассир.

— Никогда в жизни.

У меня вдруг блеснула нелепая надежда — а не подумали ли они, будто я на что-то обиделся, когда писал чек, и только поэтому раздумал держать у них деньги? Я сделал жалкую попытку притвориться человеком необычайно вспыльчивого нрава.

Кассир приготовился платить мне деньги.

— Какими вы желаете получить? — спросил он.

— Что?

— Какими вы желаете получить?

Ах, вот он о чем... До меня наконец дошел смысл его вопроса, и я ответил, уже не понимая, что говорю:

— Пятидесятидолларовыми билетами.

Он протянул мне билет в пятьдесят долларов.

— А шесть? — спросил он сухо.

— Шестидолларовыми билетами,— сказал я.

Он дал мне шестидолларовую бумажку, и я ринулся к выходу. Когда тяжелая дверь медленно затворялась за мной, до меня донеслись раскаты гомерического хохота, которые сотрясали своды здания.

С той поры я больше не имею дела с банком. Деньги на повседневные расходы я держу в кармане брюк, а свои сбережения — в серебряных долларах — храню в старом носке.

ДАНТИСТ И ГАЗ

— Я думаю,— проговорил зубной врач, вытаскивая зонд из моего рта,— будет лучше, если я применю газ.

Насвистывая опереточный мотивчик, он подошел к стоявшему в стороне столику и стал разминать цемент.

Я выпрямился на кресле пыток и откинул салфеточку для слюны.

— Что примените? — спросил я.

— Газ,— повторил он,— или эфир, или серный анестетикум, или обработку дубиной до наступления бесчувствия, или электричество в три тысячи вольт. (Может быть, он выразился и не так, но смысл я передаю верно.)

Подумать только, я ведь сам виноват, что стал жертвой своей собственной непростительной оплошности! Откидываться с повязанной вокруг рта салфеточкой на стуле зубоврачебных пыток, прислушиваться к щебетанию птиц за окном, закрывать глаза в сладкой дремоте — все это настолько вошло у меня в привычку, что я совершенно утратил чувство страха. Первое время от избытка осторожности я вздрагивал каждые пять минут, как будто мне было больно. Но и от этого я отвык, погрузившись наконец в полное и высокомерное безразличие.

Конечно, врачу это совсем не нравилось, и он решил еще раз употребить власть. Ничто, кроме газа, не могло вывести меня из апатии, и потому негодяй решил применить газ или какое-нибудь сильное одуряющее средство.

Как только он выговорил «газ», все мои чувства тотчас же взбунтовались.

— Когда вы хотите это сделать? — спросил я в ужасе.

— Немедленно, если вам угодно,— отвечал он.

И глаза его кровожадно засверкали. Все зубные вра-

чи кровожадны. Я знал, что, если отведу от него глаза хоть на одно мгновение, он бросится на меня с газовой бомбой и приведет меня в беззащитное состояние.

— Нет, только не теперь,— объявил я.— Теперь мне некогда. У меня назначено свидание. У меня целый ряд свиданий. У меня куча деловых свиданий, чрезвычайно важных, самых важных, какие я когда-либо назначал! — И с этими словами я стал отвязывать салфеточку.

— Хорошо, в таком случае завтра! — воскликнул зубной врач.

— Завтра я не могу, завтра суббота. А суббота — день, в который я просто не выношу газа, даже самой крохотной дозы.

— Ну так в понедельник.

— В понедельник я тоже не могу, к сожалению! Понедельник у меня тяжелый день — такой тяжелый, что вы не можете себе представить!

— А вторник? — спросил зубной врач.

— Нет, вторник совсем не годится! Во вторник у меня церковное собрание. Я должен там быть!

Уже десяток лет я не посещал церковных собраний, но тут вдруг ощутил непреодолимую потребность побывать в церкви.

— В среду,— с какой-то бурной торопливостью прибавил я,— у меня дело в яхт-клубе, а в четверг даже целых два: мне нужно на хоровую спевку и на похороны. В пятницу у меня другие похороны. Суббота — базарный день. В воскресенье я принимаю ванну, в понедельник я моюсь...

— Хватит! — решительным тоном воскликнул зубной врач.— Вы придете завтра! Я запишу вас на десять часов.

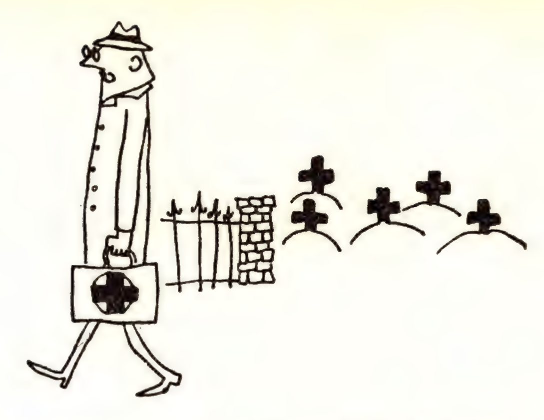
Я думаю, он меня загипнотизировал: не успев опомниться, я уже сказал «да»!

Я вышел вон на улицу и встретил знакомого.

— Усыпляли ли вас когда-нибудь у зубного врача веселящим газом? — спросил я его.

— Ну разумеется! — отвечал он.— Ведь это такой пустяк!

В этот день я повыспросил человек двенадцать, и все они сказали, что это «совершеннейший пустяк». Даже когда я им объяснил, что «это» состоится завтра, они не выразили ни малейшего сочувствия. Я искал в их чертах следы тревоги, но не нашел ни малейших.

Все они утверждали, что мне не будет больно и что это вообще «ничего»! И я был рад узнать, что газ — «пустяки». Мне казалось, что, в сущности, даже не стоит из-за такого пустяка тащиться через весь город к врачу. Но я все-таки пошел.

Врач с двумя ассистентами уже поджидал меня. На всех трех были белые халаты — такие же страшные, как флотские мундиры. Не помню, были ли у них револьверы. Их спокойное мужество ни с чем не могло сравниться.

Меня посадили на стул пыток и крепко привязали. По-моему, привязали, но возможно, прибили гвоздями. Это был в общем-то сущий пустяк. Я только почувствовал, что оказался во власти троих мужчин, вооруженных щипцами.

Затем возле меня поставили газометр с насосом, а ко рту и к носу крепко привинтили несколько каучуковых трубок. Тот, кого не усыпляли веселящим газом, даже представить себе не может, как это до смешного просто!

Затем меня стали накачивать газом. К сожалению, не могу описать своих ощущений в этой стадии эксперимента, ибо уснул, как только они начали расходовать на меня газ. Я, собственно, не знаю почему. Вероятно, я переутомился. А может быть, подействовала уютная, незатейливая обстановка, окружавшая меня, тихое, усыпляющее жужжание газового насоса, зубные врачи, чирикавшие на деревьях... Что я сказал? На деревьях? Ну конечно, они не сидели на деревьях! Ха, ха, ха! Представьте себе: зубные врачи на деревьях! Ха, ха, ха! Да снимите же маску с моего лица, чтобы я мог засмеяться по-настоящему, мне хочется смеяться, только смеяться!.. Да, вот что я чувствовал...

Тем временем меня оперировали.

Этого я, разумеется, не чувствовал. Я ощутил только, что кто-то нанес мне кузнечным молотом страшный удар по лицу. Потом кто-то взял мотыгу и раздробил мне челюсть.

Но это были совершеннейшие пустяки. Я понимаю, что человек, возражающий против двух-трех легоньких ударов мотыгой по физиономии, отличается чрезмерной чувствительностью.

Я не просыпался до тех пор, пока они не окончили своего дела. И, таким образом, проспал всю операцию.

Ассистенты ушли. Зубной врач размешивал цемент и мурлыкал про себя опереточный мотивчик совершенно так же, как прежде.

Я пошел домой без зубов. Я хотел вырвать себе только один, но мне казалось, что их вырвали все до единого. И тем не менее мне было все равно.

Вскоре после этого я получил счет. Бесстыдство врача просто ошеломило меня: за усыпление газом — столько-то, за вырывание зуба — столько-то и т. д.

Вместо ответа я послал ему свой контрсчет:

Доктору Чарльзу Скуловороту

За душевные терзания	50	долларов
За наглое вранье о безболезненности газа	100	»
За оглушение веселящим газом	50	»
За удовольствие, полученное вами от моего оглушения .	100	»
За хорошие мысли, которые появились и исчезли у меня во время наркоза	100	»
Итого	400	долларов

Зубной врач обжаловал мой счет, и теперь он находится у моего поверенного. Дело поступит в суд, и я буду бороться до самой последней инстанции. Если случится, что у кого-нибудь из судей во время процесса заболят зубы, я, несомненно, выиграю дело!

В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

— Были вы вчера в «Арене»? — шепотом спросил меня парикмахер.

— Был,— ответил я.

Из этого он сделал вывод, что я еще в состоянии говорить, и заботливо залепил мне лицо еще более толстой салфеткой, а потом спросил:

— И как вам понравилось?

Но он просчитался: я еще мог издавать звук сквозь толщу ткани. Поэтому он накинул мне на лицо еще три-четыре салфетки потолще и вдобавок зажал мне рот всей пятерней. Густой пар поднимался вокруг меня. Слабо доносился голос парикмахера и шорох бритвы, которую он правил.

— Да, сэр,— продолжал он своим спокойным деловым тоном под аккомпанемент шуршания бритвы,— я еще в самом начале понял, что ребята должны выиграть, когда увидел, что шайба у Джимми.

Этого не смог вынести парикмахер, возившийся у соседнего стула.

— Джимми? — воскликнул он, энергично мазнув намыленной кисточкой по лицу лежавшего под ним человека.— Сущий увалень! Нет, ребята...— И он обратился к восьми другим цирюльникам, опиравшимся локтями на физиономии своих клиентов и слушавшим его со все возраставшим волнением. Даже маникюрша заволновалась и крепко вцепилась белоснежными пальчиками в пухлую красную руку клиента.— Нет, ребята, он так же скверно играет в хоккей, как...

Мой цирюльник вдруг рассвирепел и забарабанил кулаком по мокрым платкам, закрывавшим мою голову.

— Эй ты, баранья голова! — кричал он.— Ставлю пять долларов, что Джимми лучше бегает на коньках, чем кто бы то ни было во всей Америке.

— Джимми — на коньках? — фыркнул другой, пустив струю горячего пара в лицо своему клиенту.— Он так же ловок, как старая тряпка!

И он накинул еще одну салфетку на физиономию клиента.

Все парикмахеры пришли в сильнейшее возбуждение и закричали разом:

— Разумеется, он хорошо бегает!

— Нет, он и понятия не имеет, как это делать!

— Ставлю один против десяти!..

Возбуждение росло. Они уже начали лупить своих клиентов по лицу мокрыми полотенцами и напихивать им в рот мыльной пены. Мой парикмахер навалился на меня всей своей тяжестью. Еще мгновение — и кто-нибудь из них, чего доброго, дал бы своему клиенту затрещину.

И вдруг все стихло.

— Сам,— проговорил один из подмастерьев.

Хотя видеть я не мог, но почувствовал, что позади меня из коридора выдвинулась величественная фигура в белом халате. Стало сразу тихо. Слышно было лишь равномерное жужжание аппарата для сушки волос и тихое журчание текущей воды. Парикмахер поснимал с моего лица одну за другой мокрые салфетки. Он делал это с профессиональной ловкостью египтолога, раскутывающего мумию. Освободив мое лицо, он внимательно оглядел его.

— У кого это вы побывали в лапах?

Чистосердечное признание показалось мне наилучшим исходом. Я поступил неправильно, открывшись ему во всем:

— Я брился сам!

Мой парикмахер с ужасом отскочил. Все остальные насторожились. Один с досадой швырнул мокрое полотенце в угол, другой неожиданно брызнул своему клиенту с презрительной миной душистую воду прямо в глаза. Мой парикмахер продолжал с презрением разглядывать меня.

— Чем же вы бреетесь?— спросил он наконец.

— Безопасной бритвой,— ответил я.

Он начал было намыливать меня, но вдруг остановился. Мой ответ поразил его как громом, ибо для парикмахера безопасная бритва все равно что красная тряпка для быка.

— На вашем месте,— продолжал он, размазывая мыльную пену по моему лицу,— я бы ни за что не позво-

лил бы себе этого. Безопасная бритва сдирает кожу и вырывает волосы с корнем! — И он в точности продемонстрировал это своей бритвой.— Да, эти орудия могут изрезать в куски лицо! — И он придавил тут же сделанный порез квасцами.— А что касается здоровья, опрятности, гигиены... Да я и за миллион не позволю приблизить к своему лицу такую штуку!

Я ничего не отвечал. Я заслужил то, что со мной делали, и молчал.

Парикмахер успокоился не скоро. При других обстоятельствах он бы не замедлил рассказать мне о весеннем собрании в клубе игроков в бейсбол, или сообщить последние новости о джексонвилльских гонках, или какие-нибудь другие новости, которые всякий посетитель охотно выслушивает между завтраком и работой. Но теперь я был недостоин этого.

Окончив бритье, он снова заговорил, но уже иным, почти умоляющим тоном:

— Массаж? — спросил он.

— Нет, благодарю.

— Вымыть голову шампунем? — прошептал он.

— Нет, спасибо.

— Причесать волной? — вкрадчиво настаивал он.

— Нет, благодарю.

Он сделал еще одно усилие.

— А вы знаете, у вас лезут волосы! — шепнул он

мне прямо в ухо.— Я вам натру немножко шампунем кожу головы. Это укрепит фолликулы, иначе...

— Нет, благодарю,— сказал я.— В другой раз.

Этого парикмахер не перенес. Он понял, что я один из тех пропащих людей, которые приходят в парикмахерскую побриться и уносят с собой, как свою собственность, все побочные парикмахерские доходы — от фолликулов, шампуня и пульверизаторов.

Резким движением он столкнул меня со стула.

— Следующий! — возгласил он.

Проходя мимо других подмастерьев, заглушавших стрекотом ножниц шум моего постыдного изгнания, я прочел в их глазах глубочайшее презрение ко мне.

ЧАЕВЫЕ

— Здравствуйте! — говорит лакей, когда я выхожу из своей комнаты.

— Здравствуйте,— отвечаю я.— Нельзя ли вам вручить тридцать пять сантимов?

— Здравствуйте, мсье! — говорит управляющий гостиницей, когда я спускаюсь по лестнице.— Чудесная нынче погода, мсье!

— Настолько чудесная,— отвечаю я,— что я должен просить вас принять от меня сорок пять сантимов.

— Великолепный день! — говорит, потирая руки, главный кельнер.— Надеюсь, вы, мсье, хорошо выспались?

— Превосходно,— отвечаю я,— и прошу вас поэтому принять от меня семьдесят пять сантимов. Пожалуйста, не возражайте! Когда я хорошо высплюсь, у меня появляется потребность раздавать деньги направо и налево.

— Мсье слишком добр!

Добр? Я думаю, нет. Если бы заведующий гостиницей, официант и десяток человек разной другой челяди, подающей мне кофе стоимостью в пятнадцать центов, могли читать в моем сердце, они бы увидели в нем бездну самой черной злобы. Взрослые люди, уже с восьми часов облачившиеся в черные фраки, берут медные деньги да еще гнутся в три погибели! Когда они вам докладывают, что «нынче хорошая погода», вы должны им дать за это два цента. Если вы их спросите, который час, то и этот вопрос мгновенно облегчит вас на два цента. Если же вы заведете с ними разговор, то каждое их слово обойдется вам по крайней мере в полтора цента.

И так в течение целого дня. «На чай», «на чай», «на чай» — пока голова у вас не станет как пивной котел — не оттого что вам жалко денег, но от вечного арифметического напряжения.

Никакое удовольствие не бывает полным, как не бывает роз без шипов. Шипы поездки в Париж — это постоянная необходимость раздавать на чай целой банде бездельников. Не то чтобы чаевые, если даже собрать их воедино, составляли значительную сумму. Ни один рассудительный человек не станет жаловаться, если ему каждое утро будут присчитывать за завтрак определенный процент к счету. Но необходимость вечно раздавать мелочь действует на нервы! Вечно приходится набивать себе карманы медяками, сумма которых в канадских деньгах составит, вероятно, каких-нибудь двадцать пять центов. Утром, в полдень, вечером — всегда американец должен шарить руками в кармане и вытаскивать оттуда медяки. За ним по следам тянется непрекращающийся поток меди.

При такой системе вечных чаевых часто не знаешь, сколько их нужно давать, и поэтому отказываешься от ряда развлечений. Так, например, у меня было рекомендательное письмо к самому президенту Французской Республики. Я не хочу этим хвастаться. Профессор университета всегда может получить нужные ему рекомендательные письма. Однако каждый знает, что извлечь из них какую-нибудь пользу очень трудно. Я так и не вручил своего письма президенту. Зачем? Я наперед знаю, к чему бы это привело. Он ожидал бы от меня крупных чаевых, и я должен был бы дать ему на чай по меньшей мере двадцать пять центов. Кроме того, завидя американца, забрела бы еще какая-нибудь парочка министров в надежде, что и им что-нибудь перепадет. Скажем так: три министра, каждому по пятнадцати центов — это составит сорок пять центов, а всего семьдесят центов за десять минут разговора с французским правительством; и это считается еще большими чаевыми!

Во всем Париже имеется только одно место, где не берут на чай, а именно посольство Великобритании. Здесь не позволят себе унизиться до чаевых не только бухгалтер и секретарь, но даже и сам посол, который не принимает никакой денежной благодарности. Так уж исстари заведено. Поэтому я вдвойне горжусь тем, что нарушил этот обычай.

Я отправился в это посольство по той простой причине, что посол был мой личный друг. До прибытия в Париж я об этом совершенно не знал и вовсе не скрываю этого. Я желал получить разрешение на вход в Национальную библиотеку, которая открыта для всех францу-

зов и для тех иностранцев, которые имеют честь состоять личными друзьями кого-либо из посланников. По молчаливому уговору каждый иностранец является другом посла своей страны, и если он потрудится зайти в свое посольство, то немедленно получит документ, подтверждающий это в письменном виде. Таким образом я и сделался другом английского посла. Приведет ли наша дружба к сердечным и тесным взаимоотношениям, от меня уже не зависит.

Итак, я отправился в английское посольство. Молодой человек, с которым я вступил в переговоры, по-видимому, был секретарем. Он (это видно было сразу) представлял собой совершенный образец «английского джентльмена». Если не считать клуба игроков в бейсбол, я редко где видел такое любезное обращение. Он взял мою карточку и оставил меня на полчаса одного. Потом он вернулся и заметил, что нынче прекрасная погода. Я так часто слышал в Париже это выражение, что полез в карман и нащупал монетку в десять центов. Но молодой человек вел себя с таким достоинством, что я удержался и только ответил, что день в самом деле великолепный.

— Именно великолепный! — и с приветливой улыбкой он вышел и вернулся уже с рекомендательным письмом в руках.

Какая предупредительность! Они отпечатали на машинке все письмо до последней буквы — за исключением фамилии! Там значилось буквально все о после и о его дружбе со мной и о его желании, чтобы мне разрешили заниматься в Национальной библиотеке. Я взял письмо и подумал, что наступил удобный момент сделать в свою очередь что-нибудь приятное молодому человеку. Но он так тупо, без всякого ожидания, смотрел на меня, что я колебался. Тем не менее я вытащил наконец из кармана десятицентовую монету, подержал ее у него перед глазами, так что она блеснула на солнце, и проговорил:

— Мой юный друг, я не хочу вас оскорбить. Вы, как я вижу по вашим манерам, чистокровный английский джентльмен. Я тоже джентльмен, хотя, может быть, по моему виду это и незаметно. Ах, не родись я в Торонто, я тоже мог бы стать таким, как вы! Но бросим сентиментальничать. Нельзя ли предложить вам эти десять центов?

Он замялся и окинул взглядом комнату. Я видел, какой борьбы это ему стоило! Дух Парижа боролся с

лучшими сторонами его джентльменской натуры. Искушение терзало его, но он не поддался.

— Мне очень жаль, сэр! Я охотно принял бы, но боюсь, что не должен делать этого.

— Молодой человек,— растроганным голосом отвечал я.— Уважаю ваши чувства! Вы оказали мне услугу! Если когда-нибудь вам придет охота получить место в канадском кабинете министров или мандат в нашем сенате, немедленно уведомите меня об этом.

Я распрощался с ним. В передней я по странной случайности наткнулся на самого посла. Он стоял у двери, готовясь настежь распахнуть ее передо мной. Несомненно, это был сам посол! Его треуголка, медные пуговицы и блестящая цепь через всю грудь подтверждали его высокое звание. Элегантный размашистый жест, с которым он распахнул двери, сняв в то же время шляпу, изобличал в нем испытанного дипломата.

Наступил решительный момент. Я все еще держал в руках свои десять центов.

— Ваше превосходительство! — проговорил я.— Я знаю, что вы в вашем положении единственный человек в Париже, не принимающий чаевых. Тем не менее я должен на этом настоять!

И я сунул ему в руку монету.

— Премного благодарен, мсье! — проговорил посол, и инцидент, выражаясь языком дипломатов, был исчерпан.

ПИСЬМА К НОВЫМ ВЛАСТИТЕЛЯМ ДУМ

№ 1. К секретарю Лиги наций

Уважаемый сэр! Как и все в моем родном городе, я с нескрываемым удовольствием узнал о новой конвенции, только что заключенной вами в отношении колчакского Гинтерланда округа Оксус. Насколько наш город понял, здесь дело идет об установлении определенного «модуса вивенди» между монгольскими колчаками и татарскими медососами.

Конвенция создаст новую сферу влияния, границ которой мы еще покуда не можем проследить на железнодорожных и пароходных картах мира в нашем новом Союзном депо, но которые, мы уверены, будут простираться по меньшей мере на пятьдесят миль в обе стороны и остановятся только там, где им будет нужно.

Как граждане великой страны, мы преисполнены гордости при мысли, что весь этот Гинтерланд, и спереди и сзади, теперь откроется для прозелитизма, христианизации, интернационализации, пенетрации и фумигации под мандатом этой страны, сиречь Англии.

Вы сделали великое дело, сэр, и как подумаешь, что для этого вам понадобилось всего шесть лет, то исполняешься энтузиазмом по поводу того, что вам еще предстоит совершить! И это еще не единственный результат ваших многолетних трудов. Жители нашего города с восхищением и интересом следят за каждой стадией ваших подвигов. Вы мастерски расправились с притязаниями Формозы на участие в управлении Хо-ханским каналом.

Получив известие, что вам удалось передать на арбитраж претензии голландских акционеров Пекин-Ханькоуской железной дороги, наши граждане высыпали на улицы и устроили факельное шествие по Главной улице. Когда пришла весть, что вы успешно сварганили статус-кво на задворках Верхнего Конго, на наших улицах царили энтузиазм и возбуждение, невиданные со времени так называемых «серебряных выборов» 1896 года.

Я уверен, уважаемый сэр, что вы при сих обстоятельствах не посетуете на несколько слов — не скажу протеста, но дружеской критики. Наш город охотно при-

знает, что вы много сделали для нас. Мы вполне признаем, что вы возвысили нас до более широкой атмосферы. Оглядываясь на узкий политический горизонт нашего города в прошлом (вы помните, конечно, как мы отправили в тюрьму олдермена Мак-Гинниса и банду Джонсона), мы просто диву даемся.

Отрадно думать, что ныне наша политика затрагивает такие великие и важные мировые вопросы, как колчаки и интернационализация Камчатского залива. Вам полезно было бы, дорогой сэр, послушать мастерские дебаты в нашем Институте механиков, имевшие место на прошлой неделе, по вопросу об установлении контроля шести наций над трамвайной линией из Иерусалима в Иерихон.

Но должен сказать откровенно: в нашем городе царит опасение, что это дело чересчур продвинуто вперед! Мы хотим быть интернациональны не хуже других. Наши граждане так же способны дышать атмосферой свободы, как камбоджийцы или кто бы то ни было.

Нас беспокоит только вопрос, интернационализируются ли и эти другие народы. Мы чувствуем, что вашей Лиге не мешало бы, употребляя метафору, играть поближе к дому если не во все игры, то по крайней мере в некоторые. У нас в городе масса дел, которые, думается нам, имеют право претендовать на ваше внимание. Не знаю, известно ли вам состояние наших сточных труб и необходимость разрыть всю, в сущности, Главную улицу и произвести новую их укладку. Я думаю, что в этом деле нам могли бы прийти на помощь колчаки. А если бы вы проработали с камбоджийцами Гинтерланда Суматры вопрос об их участии в ирригации огородов Мэрфи — как раз за тем участком, где, помните, стоял дом старика Мэрфи? — так это могло бы повсюду создать отрадное настроение.

Короче говоря, сэр, наша критика ваших достижений сводится к тому — и мы говорим это с наилучшими чувствами,— что ваша Лига хорошее учреждение, но только труды и средства ее направлены не туда, куда следует!

№ 2. К неутешному королю

Дорогой Карл Мария Август Феликс Сигизмунд!

Вы простите меня, надеюсь, за фамильярность моего обращения к Вам. В данную минуту я не могу припомнить прочих Ваших имен.

Едва ли нужно мне говорить, как польщен и восхищен я был получением от Вас письма, писанного Вашей собственной рукою, и, как я сразу заметил, Вашим собственным правописанием. Пожалуй, Вы сделали промах, не наклеив на конверт достаточного числа знаков почтовой оплаты. Но я не могу забыть, что Вы были королем; это ведь не сразу забывается!

Письмо Ваше было написано в явно подавленном настроении. Вы сообщаете, что в Шлицен-Бад-унтер-Вейне — если я верно разобрал — ведете самую неприхотливую жизнь. Предав забвению свой королевский титул, Вы проживаете инкогнито в звании наследственного графа Зальценшплица. У Вас один-единственный лакей и никакой свиты. Завтракаете Вы ежедневно самым скромным образом — бутылка рейнвейна и яйцо, а на обед съедаете простую котлетку, запивая ее двумя квартами Рудесбергера. Спать Вы укладываетесь, по-видимому, после немудрящего ужина — горсточка макарон да полстакана старого шнапса.

Из всего многотысячного народа, кормившегося за Вашим столом во дни Вашего царствования, ни один, по Вашим словам, не желает делить с Вами теперь скромную трапезу. Это ужасно! Если бы им удалось залучить Вас с Вашим столиком в Нью-Йорк, Вы увидели бы себя в шеренге друзей протяжением от Зимнего дворца до Батареи. Но это в скобках.

Главное в том, что Вы ужасно безутешны. Вы пишете, что временами помышляете о самоубийстве. В другие моменты у Вас почти складывается решение взяться за какой-нибудь полезный труд.

И то и другое достаточно плохо, и я прошу Вас, мой дорогой Сигизмунд, чтобы Вы, прежде чем прибегнуть к той или другой альтернативе, послушались спокойного, скромного совета и смирно сидели себе в Шлицен-Бад-унтер-Вейне, пока на свете не прояснится.

Если я не ошибаюсь, милый мой Карл Мария Феликс, мир еще с Вами окончательно не разделался, и едва ли скоро учинит расчет. С грустью должен констатировать, что наш мир — куда более глупое место, чем мы воображали. Помните утро, когда Вы улепетывали из Вашей наследственной монархии, спрятанный в упаковочном ящике и прикрытый сверху охапками сена?

Весь мир покатывался тогда со смеху, потешаясь над Вашим недостойным и трусливым бегством. Как-то сразу Вы превратились в самую комическую фигуру. Ваше глу-

пое малюсенькое достоинство, мундиры, в которые Вы облачались, переодеваясь раз по двадцать на дню, медали, которые Вы жаловали самому себе, учрежденное Вами знамя Утиного Пера — все это внезапно стало забавным.

Нам казалось уже, что Европа взялась за ум и разделалась с такими абсурдными титулами, как самодержцы и короли.

Скажу Вам откровенно, Карл Мария Феликс: не успели смести Вас и созданные Вами мыльные пузыри в сорную кучу, как тысячи других безумств заступили Ваше место.

Веселые чехословаки и «ирредентные», неискушенные итальянцы взвалили целую гору налогов и поборов на мирных жителей вроде меня. Мне пришлось внести свою лепту на экспедиции в Киев, Баку, Тегеран и Тимбукту. Генерал Чуденич повел крупные операции против генерала Горфинского в Эстонии, а я даже не могу припомнить, какой там был генерал о т н а с, и где, собственно, находится Эстония.

Я оккупировал Анатолию, а она мне и не нужна. Я учредил в Албании международную жандармерию — по-моему, это свора собак, грызущихся между собой за счет меня, обывателя.

Что же касается Болгарии, Буковины и Бессарабии, то я выражу, мне кажется, чувства миллионов свободно рожденных налогоплательщиков, если скажу: берите их себе, Карл Феликс, они нам не нужны!

Боюсь, близится время, когда новая шайка ослов разыщет Вас в Вашем изгнании в Шлицен-Бад-унтер-Вейне, напялит на Вас фельдмаршальский мундир, посадит в блиндированный автомобиль и привезет в Ваш наследственный дворец. Будет объявлено, что Вы совершили чудеса храбрости.

Вы опять будете надевать по двадцати мундиров в день, подадите двугривенный слепому попрошайке, и Вас провозгласят отцом народа.

Предупреждаю Вас, Мария Август, что, если это случится, я пальца не подниму, чтобы остановить Вас! Ибо глупое человечество, у которого еще не зажили синяки от недавней кровавой драки, неспособно к прогрессу, а может только вертеться в порочном кругу.

ГОГЕНЦОЛЛЕРНЫ В АМЕРИКЕ

Глава I

ПАРОХОД «АМЕРИКА». СРЕДА

Я очень рада, что посадка окончена — и мы в море. Сердце разрывалось при виде бедного дяди Вильгельма, дяди Генриха, кузена Вилли и кузена Фердинанда Болгарского: с сундуками на спине они тащились по сходням; их трудно узнать в простой, грубой одежде. Дядя Вильгельм одет в старую синюю рубаху с красным платком на шее, волосы у него всклокочены, усы запачканы, щеки не бриты, водянистые глаза беспокойно блуждают, а сухая рука кажется какой-то жалкой. Неужели он всегда был таким?

Ступив на сходни, он, с поклажей на спине, остановился и сказал: «Вот она, дорога на остров Святой Елены» [1]. Помощник капитана крикнул ему с палубы: «Эй, дедушка, нельзя ли попроворней?» — а какие-то молокососы, показывая на дядю, пересмеивались: «Посмотрите-ка на старикашку в красном платке. Вот умора-то!»

Передняя палуба, куда нас пустили, была вся запружена эмигрантами с сундуками, ящиками и узлами. Дядя сидел на своем сундуке; и хотя мне было его не видно, но я слышала смех и знала, что над ним потешаются так же, как и раньше в эмигрантских бараках. Я слышала, как дядя сказал: «Пусть подадут вина, я что-то ослабел».

— Сейчас придет лакей! — сказал кто-то из толпы, и все разразились хохотом.

Кузен Вилли проскользнул со своей поклажей на нижнюю палубу. По-моему, с его стороны было неблагородно бросить отца одного. Я только теперь замечаю, какая у кузена Вилли неприятная физиономия. Раньше, в мундире кронпринца, у него был совсем другой вид; сейчас же, одетый в поношенное платье, среди грубой

[1] Остров, бывший местом изгнания Наполеона I.— *Прим. ред.*

толпы, он кажется неузнаваемым. Он ходит согнувшись, взгляд у него бегающий, точно он высматривает что-то. Я видела, как один из матросов следил за ним пристально и подозрительно.

Кузена Карла Австрийского и кузена Рупрехта Баварского нет с нами. Мы думали, что встретимся с ними на пароходе, но их здесь нет, и мы едва поверили своим глазам, когда увидели, что пароход отчалил, не дождавшись их.

Я постаралась вывести дядю Вильгельма из толпы зевак и свела его вниз. Он был очень рад уйти с палубы, словно опасался смотреть на море. Когда мы вошли в общую каюту под лестницей, дядя схватился за дверь и прошептал: «Помоги мне закрыть дверь, чтобы я не слышал плеска воды».

Сгорбившись, он сел на лавку и забормотал: «Не могу слышать плеска моря, не могу». Глаза его уставились в одну точку, и мне показалось, что ему не по себе, точно он в припадке; но, когда вошли дядя Генрих, кузен Вилли и кузен Фердинанд, дядя несколько успокоился. В своем странном, длиннополом пальто с откидными рукавами и маленькой круглой шляпе кузен Вилли очень походил на еврея. Он выменял этот костюм на один из наших пустых сундуков. Я никогда раньше при поездках в Софию не замечала, с каким акцентом говорит кузен Фердинанд и как он при этом жестикулирует. Он называет дядю Вильгельма и дядю Генриха «мистер» и рассказал, что познакомился на палубе с двумя «благородными джентльменами», которые торгуют платьем в Нью-Йорке. У них-то он и выменял пальто. Кузен Фердинанд взял в свое распоряжение всю нашу кассу, так как дядя Вильгельм и кузен Вилли не умеют считать на американские деньги. Средств у нас, конечно, немного, но кузен Фердинанд говорит, что нужно сложить их вместе и тратить сообща. Дядя Генрих, рассмеявшись, вывернул карманы, и оказалось, что у него нет ни гроша; тогда кузен Фердинанд сказал, что в таком случае придется вести дело «на акциях». Он объяснил, что это значит, но я ничего не могла понять. Пока он объяснял, я заметила, что кузен Вилли схватил и опустил в карман монету из общей кучки; по крайней мере, мне так показалось, но он сделал это так быстро, что я не совсем уверена, не ошиблась ли я.

Раздался звонок, и мы пошли в столовую — большую каюту, битком набитую самой заурядной публикой. Нам

подали что-то отвратительное, и я не могла проглотить ни куска, но дядя Вильгельм, очевидно, очень проголодался. Я с ужасом смотрела, как он, низко нагнувшись над тарелкой и пачкая усы, жадно глотал покрытое салом тушеное мясо.

— Рагу восхитительно,— сказал он,— передайте старшему повару мою благодарность.

Кузен Фердинанд сидел не с нами, а со своими новыми друзьями. Склонившись друг к другу, они оживленно беседовали о чем-то вполголоса. Я и не подозревала, что кузен Фердинанд умеет говорить на жаргоне. Помню, как он, верхом на коне, в Софии обращался с речью на болгарском языке к отходящим на фронт войскам. Он говорил, как ему тяжело, что он не может идти с ними в бой, что, если бы не «дела в Софии», он пошел бы на передовые позиции. Все тогда удивлялись его храбрости.

Когда мы встали из-за стола, пароход немного качало. Стюард сказал, что мы вышли в открытое море. Дядя Вильгельм просил передать капитану благодарность за то, что мы благополучно прошли канал. Молодой человек пристально посмотрел на дядю и сказал добродушно: «Хорошо, сэр, непременно передам». Когда дядя отвернулся, он обратился ко мне: «Ваш папаша не совсем здоров, не правда ли, мисс Гоген?» Я не поняла, что он хотел сказать, и ответила, что дядя Вильгельм мне не отец, а только дядя. Нужно сказать, что мы здесь известны под именем Гоген. Молодой человек сообщил мне, что он, собственно, не стюард, а поступил на эту должность только на один рейс. Мне показалось, что я видела его где-то раньше, и я спросила, не встречались ли мы с ним при каком-нибудь дворе, но он ответил, что он продавец льда и живет в Нью-Йорке. Он добавил, что очень рад познакомиться с нами, мне кажется, что я в первый раз в жизни разговаривала с продавцом льда. Он мне очень напоминал кого-то из Романовых, из великих князей младшей линии, но он уверял, что не имеет ничего общего с ними. Его фамилия Питерс. Здесь нет готского альманаха, и я, к сожалению, не могу справиться о его родословной.

ПАРОХОД «АМЕРИКА». ЧЕТВЕРГ

Мы провели очень тревожную ночь. Дядя Генрих разбудил меня и сообщил, что дядя Вильгельм заболел. Я накинула старую шаль и пошла к нему. Пароход силь-

но качало, он трещал и скрипел. Каюта была тускло освещена, снаружи доносился вой ветра и грохот разбивавшихся о борта волн.

Дядя Вильгельм, укрытый рваным серым одеялом, полулежал на жесткой койке. С расширенными от ужаса глазами он судорожно хватался руками за постель.

— Море, море,— повторял он,— я не могу выносить шума моря. Это их голоса. Слышите? Они ломятся сюда. Спасите меня от них, спасите!

На минуту он затихал, но при новом всплеске волн в борта парохода снова начинал стонать:

— Генрих, брат мой Генрих, не пускай их сюда. Они стащат меня в море. Я не хотел их гибели. Генрих, брат мой, не давай им утопить меня.

Так бредил он целый час. Мы старались успокоить его. Кузен Вилли куда-то исчез. Кузен Фердинанд лежал на своей койке, повернувшись к нам спиной.

— Дайте вы мне уснуть,— ворчал он.— Послушайте, мистер, будет этому конец или нет?

Но никто не обращал на него внимания.

На рассвете дядя заснул. Лицо его побледнело и посерело, а жилы сухой руки, судорожно вцепившейся в рубашку, выпирали из-под кожи.

Он спал; казалось странным, что нет ни лейб-медика, ни бюллетеней, которые оповестили бы весь мир о состоянии его здоровья.

Утром я видела, как капитан и судовой врач, оба в форменных мундирах с золотым шитьем, делали обход.

— У вас, кажется, было неспокойно ночью?— спросил капитан.

— Нет, все в порядке,— отвечал врач,— какой-то пассажир в передней каюте бредил, вот и все.

Около полудня буря затихла. Море стало гладким,

как стекло. Мы с дядей Генрихом вывели дядю Вильгельма на палубу. Мистер Питерс, стюард, о котором я, кажется, уже говорила, достал поломанное кресло, выброшенное из первого класса, и дядя Вильгельм уселся спиной к морю. Он дрожал как в лихорадке и выглядел очень усталым и бледным, но говорил совершенно спокойно и разумно о нашем переезде в Америку, о том, что нам всем придется работать, так как каждый человек обязан трудиться. Сам дядя Вильгельм собирался стать во главе Гарвардского университета в Нью-Йорке, а дядя Генрих, который у нас адмирал, будет, вероятно, работать адмиралом в одном из штатов, может быть в Миссури, а может в Колорадо.

Приятно было слушать, как покойно и разумно говорил дядя Вильгельм, точно в Берлине, и с такой же уверенностью. Он взволновался только раз, когда стал уговаривать дядю Генриха пойти к капитану и взять на себя командование судном. Дядя Генрих замечательный моряк и во всех наших выступлениях в Балтийском море всегда сам разрабатывал план действия, кроме вычислений конечно, так как это было ниже его достоинства.

Дядя Генрих засмеялся (он всегда в отличном настроении) и объяснил, что он вовсе не хочет быть адмиралом всю жизнь. Дядя Вильгельм продолжал настаивать, и дядя Генрих сказал, что он постарается сделать все, что от него зависит.

ПАРОХОД «АМЕРИКА». ПЯТНИЦА

Сегодня, как и вчера, море спокойно, и мы можем сидеть на палубе. Я очень рада этому, так как со мной помещаются еще три женщины и каюта расположена ниже уровня воды, очень тесна и неудобна. Когда море неспокойно, мне приходится сидеть с работой в проходе, где очень мало света и очень плохой воздух.

Кузен Фердинанд очень мужественно переносит все неудобства. Он, по-видимому, не обращает ни малейшего внимания на грязь, и его новые друзья (мистер Шеган и мистер Мозенгаммер) тоже отлично ее переносят. Дядя Генрих перед каждой едой умывается у корабельного насоса; он делает это очень шумно, разбрызгивая воду. Кузен Фердинанд говорит, что мыться у насоса он не желает. Он находит, что умывание теперь ни к чему, и жалеет о том, что важные государственные дела помешали ему пасть во главе войск на фронте.

Я видела кузена Карла Австрийского — значит, ему все же удалось попасть на пароход. Он стоял на верхней палубе, отведенной для пассажиров первого класса (один угол ее виден нам с нижней палубы). Кузен Карл был одет, как официант, и подавал что-то двум пассажирам, сидящим в креслах. Не знаю, заметил ли он меня, но если и заметил, то не подал вида. Я уверена, что не ошиблась: когда один из пассажиров протянул ему монету, кузен Карл поклонился особенным, одному ему свойственным раболепным поклоном, точно так, как он кланялся в Вене своему кузену Францу Фердинанду и милому старому дяде Францу Иосифу.

Мы, женщины, всегда были того мнения, что кузена Франца Фердинанда убил в Сараеве не кто другой, как кузен Карл. Помню, мы подговорили кузину Зиту, жену Карла, спросить дядю Вильгельма, так ли это было в действительности. Дядя Вильгельм отнесся к вопросу очень серьезно, сказал, что это не наше дело, что если Карл и пошел на это, то, конечно, не из-за личных выгод, а из «государственных соображений».

Зита спросила дядю Вильгельма, правда ли, что Карл отравил милого, старого дядю Франца Иосифа. Некоторые из самых близких друзей Карла уверяли, что так и было, но дядя Вильгельм решительно сказал: «Ничего подобного! Милый, старый дядя не нуждался ни в каком яде, а умер самым естественным образом под руководством моего лейб-медика».

Кажется, это было давным-давно. Увидя кузена Карла на верхней палубе, я вспомнила невинную болтовню, которой забавлялись мы, молодые девушки, в доброе старое время.

ПЯТНИЦА, ПОСЛЕ ОБЕДА

Сегодня после обеда я видела на палубе кузена Вилли. Вчера он целый день не показывался, точно избегал нас. Глаза у него налиты кровью; я уверена, что он пил. На мой вопрос, где он был во время шторма, когда дядя Вильгельм плохо себя чувствовал, он, как-то странно подмигнув, сказал: «Там, наверху» — и указал пальцем на первый класс. Потом он отвел меня в сторону в угол, где никто не мог нас видеть, и показал золотую брошку и два бриллиантовых кольца, причем велел мне никому об этом не говорить ни слова. Он крепко сжал мне руку и хотел обнять меня, но я вырвалась и отошла подальше. Я не понимаю, где он мог достать брошку и кольца?

ПАРОХОД «АМЕРИКА». СУББОТА

Сегодня, выйдя на палубу, я увидала дядю Генриха, но еле узнала его: он был одет в старую матросскую фуфайку и чистил тряпкой решетку. На мой вопрос, почему он так оделся, дядя засмеявшись ответил, что он сделался адмиралом американского флота. Я сразу не поняла, что он хотел сказать,— я вообще не понимаю, когда говорят загадками,— но он объяснил, что нанялся в экипаж матросом. Я нахожу, что синяя фуфайка идет ему гораздо больше, чем шитый золотом мундир, который он надевал, когда был адмиралом германского флота. Уверена, что дядя окажет незаменимые услуги капитану, помогая ему управлять пароходом.

Кузен Фердинанд, появившись на палубе со своими новыми друзьями, мистером Мозенгаммером и мистером Шеганом, отнесся с большим интересом к тому, что дядя нашел заработок. Кузен Фердинанд предложил занять под дядино жалованье деньги у мистера Шегана и присоединить к нашему общему капиталу. Он высчитал, что дядя за четыре дня заработает четыре доллара с четвертью. (Он вообще необыкновенно быстро считает в уме.) При этом он прибавил, что удержит небольшую сумму за комиссию и скажет потом, сколько останется дяде из жалованья. Дядя Генрих сказал: «Хорошо» — и продолжал свою работу.

ПАРОХОД «АМЕРИКА». ВТОРНИК

Сегодня конец нашему путешествию, чему я очень рада. Нам сказали, чтобы мы собирали вещи и готовились сойти на берег. Я достала из сундука для дяди Вильгельма старый сюртук; рукава немного обтрепаны и кое-где продырявились, но я их заштопала. Дядя надел сюртук и серые брюки, воротничок из целлулоида (их, повидимому, носят все американские джентльмены) и повязал красный галстук, который я ему связала.

Море так спокойно, что дядя больше не боится его; он даже подошел к борту и стоял выпрямившись, согнувши сухую руку, несколько напоминая прежнего дядю Вильгельма на палубе «Метеора» в Балтийском море. «Генрих, вашу руку»,— сказал он, обращаясь к дяде Генриху, и оба они стали прохаживаться по палубе. Я заметила, что пассажиры смотрели на них, и это внимание доставляло дяде удовольствие. Какие-то молодые

бездельники пересмеивались: «Посмотрите-ка на этого старого немчуру!» Дядя Генрих решил высадиться на берег в своей матросской фуфайке, но кузен Фердинанд надел большой красный галстук, который мистер Мозенгаммер одолжил ему на три часа. Кузен Вилли появился на палубе в последнюю минуту и старался незаметно проскользнуть в толпе пассажиров. Мне кажется, что это желание остаться незамеченным имеет отношение к брошке и кольцам, которые он мне показывал. У него были красные, налитые кровью глаза, я уверена, что он опять напился.

Пишу последние строчки, сидя на палубе. Пароход наш только что прошел мимо огромной статуи, поднимающейся из воды; кто-то сказал, как она называется, но я забыла, так как раньше никогда не слыхала этого слова. Через несколько минут мы будем в Америке.

Глава II

НЬЮ-ЙОРК. ВТОРОЕ АВЕНЮ

Мы сошли на берег третьего дня вечером и после длинного переезда остановились на Второй авеню в пансионе, или, как здесь называют, в меблированных комнатах. Кузен Фердинанд и кузен Вилли поехали с вещами на ломовике, а мы на извозчике.

Дом, в котором мы живем, очень большой, а улица грязная и шумная от грохота подвод и крика уличных торговцев. По-моему, было бы лучше, если бы дома с меблированными комнатами выходили бы не прямо на улицы, а строились бы в глубине садов с большими вязами, с фонтанами, с лужайками, где прохаживались бы павлины.

Дядя Вильгельм и дядя Генрих заняли на третьем этаже комнату с окнами, выходящими во двор; я поместилась в маленькой комнатке с окнами на улицу. Раньше я не видала таких помещений: это спальня и в то же время приемная. Таких комнат не было ни в Сан-Суси, ни в других наших дворцах. Кузен Вилли живет в верхнем этаже, а кузен Фердинанд — в нижнем.

Хозяйка меблированных комнат очень высокого роста и немного похожа на герцогиню Зонденбург-Августенбург; только манеры у нее еще более властные. Вряд ли они в родстве, так как хозяйку зовут мисс О'Хэллорэн — кажется, это шотландская фамилия.

Мы приехали перед самым обедом и сейчас же сошли

в столовую, где было очень тесно, шумно и чадно. Дядя Вильгельм вошел в столовую так же, как входил когда-то в большой зал Потсдамского нового дворца; он поднял руку и сказал: «Пусть никто не встает». Я помню, что на большом обеде в Киле эти слова произвели сильное впечатление. Теперь же никто и не собирался вставать; все продолжали есть. Я заметила какого-то бедно одетого молодого человека, который посмотрел на дядю с усмешкой и сказал соседу: «Какой потешный, не правда ли?»

Кушанья были такие простые и грубые, что я с трудом их ела, но дядя, кажется, не замечал, что он ест. Поставленную перед ним жалкую еду он принимал за деликатесы, подававшиеся нам когда-то в Потсдаме и Сан-Суси. «Это фазан?» — спросил он, когда ему передали тарелку с мясом. Я слышала, как бедно одетый молодой человек пробормотал: «Едва ли». Когда подали рубленое мясо, дядя сказал: «Ах, сальми [1],— отлично». Хозяйка мисс О'Хэллорэн, сидевшая на другом конце стола, осталась этим, по-видимому, очень довольна.

Трудно привыкнуть к нашему новому положению. Я очень удивилась, что все как ни в чем не бывало продолжали разговор, когда дядя сел за стол. В Потсдамском дворце во время обеда никто не заговаривал первый, и если дядя обращался к кому-нибудь, то нужно было ограничиться легким поклоном или несколькими словами, чтобы не прерывать потока дядиного красноречия. Обыкновенно дядя один говорил, а все остальные слушали. По общему мнению, он говорил великолепно. Принцы, адмиралы, епископы, артисты и ученые в один голос заявляли, что дядя выказывал удивительные познания во всех науках и обладал замечательным красноречием. Сначала мне было несколько обидно, что присутствующие продолжали свои разговоры, вместо того чтобы слушать дядю, и подозрительно поглядывали на него и обменивались замечаниями. Но скоро дядя привлек общее внимание — все понемногу замолкли и стали внимательно слушать. Дядя говорил об Америке и почти слово в слово повторил чудесную речь, сказанную им в Берлине по случаю обмена профессурой с Америкой. Американцы, слышавшие эту речь, уверяли, что почерпнули такие сведения о своей родине, о каких они раньше не имели понятия. Я очень обрадовалась, когда дядя начал объяснять присутствующим, какое блестящее будущее

---

[1] Сальми — рагу из дичи под винным соусом.— *Прим. ред.*

ожидает их страну. Он картинно описывал им обширные степи Коннектикута, гавани Питтсбурга, нефтяные источники Колорадо, табачные плантации Айдахо. Он говорил, что в случае войны с индейцами, предпринятой в целях обратить их в христианство, течение Миссисипи, реки такой же широкой, как Везер, может быть отведено в сторону. Обедающие, красные от еды и спертого воздуха, слушали, посмеиваясь и кивая друг другу головами: «Какую чушь он несет». А между тем я отлично помню, что после дядиной речи в Берлине турецкий посланник заявил, что он так много узнал об Америке, что может спокойно умереть, а шах персидский написал дяде письмо, где только самые трудные слова написаны были не собственноручно. В этом письме он сообщал, что велел напечатать дядину речь об Америке и разослать всем школьным учителям, которым под страхом смертной казни приказано прочесть ее персидским школьникам. Почти все учителя исполнили приказание шаха.

ВТОРНИК

Сегодня утром нас постигло большое разочарование. Еще на пароходе дядя Вильгельм собирался взять на себя руководство Гарвардским университетом. Дядя Генрих, кузен Фердинанд и Вилли изъявили тогда свое согласие, и мы думали, что дело окончательно решено. Оказывается, ничего подобного. Во-первых, Гарвардский университет находится вовсе не в Нью-Йорке, как мы думали. Я помню, как дядя Генрих, вернувшись из путешествия по Америке, сказал, что Гарвардский университет находится в Нью-Йорке. Эти сведения были сообщены даже в департамент тайной полиции.

Оказывается, Гарвардский университет где-то в другом месте, здешний же университет называется Колумбия. Дядя решил, что станет в нем ректором. Когда-то все профессора уверяли, что если бы дядя не был императором, то по своим дарованиям он мог бы быть выдающимся ученым. Дядя соглашался, хотя ему и не совсем нравилось, что его приравнивают к каким-то ученым.

Очень досадно, что дядю постигла неудача. Я сопровождала его в университет, и не могу понять, почему он получил отказ. Мы отправились пешком, причем я несла сверток со всеми дядиными почетными дипломами Оксфордского и других университетов. Всю дорогу дядя

говорил о значении науки, о том, что он сделает, когда будет ректором университета, и как все профессора будут ему повиноваться. От возбуждения он иногда останавливался посреди улицы и так жестикулировал, что прохожие подозрительно на нас оглядывались. Раньше, в Потсдаме, мы не замечали, что он всегда был в приподнятом состоянии; в мундире, с бряцающей при каждом шаге саблей, он имел совсем иной вид. Здесь же, на улице, в потертом сюртуке, с пылающим лицом и блуждающими глазами, он казался помешанным.

Вероятно, он произвел неблагоприятное впечатление в приемной университета, так как пришел в еще большее возбуждение от своих слов. «Позовите ректора»,— сказал он повелительно двум молодым людям, одетым в черные сюртуки, по-видимому секретарям. Затем он повернулся ко мне: «Ваше высочество, мои дипломы». Он выхватил бумаги из свертка и швырнул на стол. Все дожидавшиеся в приемной смотрели на него с удивлением. Молодые люди взяли дядю под руки и увели в другую комнату, а я вышла в коридор и стала ждать. Вскоре один из молодых людей вышел и сказал, что мне нечего ждать, так как дядю отвезли домой с провожатым. Молодой человек был очень учтив и показал, как пройти к воздушной железной дороге. Я слышала, как кто-то сказал о дяде:

— Это тот самый старичок-немец, который ехал на пароходе; у него мания величия или что-то в этом роде; он воображает себя бывшим германским императором. Мне пришлось видеть раз кайзера в Берлине на смотру. Совсем не похож.

Глава III

Давно не дотрагивалась я до дневника; не хотелось писать, потому что все шло из рук вон плохо. После того как дядю постигла неудача в университете, он с дядей Генрихом и кузеном Фердинандом, который не живет больше в наших меблированных комнатах, но часто навещает нас по вечерам, обсуждали, не взять ли дяде на себя руководство Гарвардским университетом. Кузен Фердинанд справлялся в книжечке, какой оклад получает ректор университета, и нашел, что соглашаться не стоит. У кузена Фердинанда завелись книжки, в которых можно справиться о жалованье любого служащего в Америке; по его мнению, эти справочники гораздо

полезнее нашего готского альманаха в Европе. Кузен Фердинанд говорит, что если он вернется на болгарский престол, то он введет в стране такие же справочные книжки. Он заразился американскими идеями и находит, что прежде всего нужно знать, каким кредитом пользуется человек, а вовсе не то, какие у него были предки. По его мнению, короли в Европе совершенно не умели извлекать выгод из своего положения, между тем как они могли бы наживать миллионы. Я забыла сказать, что друзья кузена Фердинанда, мистер Шеган и мистер Мазенгаммер, приняли его в свое торговое дело кем-то вроде компаньона. Они находят, что он умеет носить платье; когда он, одетый по последней моде, расхаживает в магазине, то это производит сильное впечатление на покупателей. Конечно, все короли умеют одеваться, но раньше об этом никто из нас не думал. Кузен Фердинанд уверяет, что королям следовало бы не стремиться быть военными, а становиться во главе торговых предприятий, особенно готового платья. Он очень желал бы выписать сюда несколько прежних своих болгарских генералов в синих мундирах с черным мехом. С такой рекламой он сумел бы хорошо заработать на зимних мужских костюмах.

Теперь кузен Фердинанд хорошо одет, и я замечаю, что он производит сильное впечатление на нашу квартирную хозяйку, мисс О'Хэллорэн. Я очень этому рада, потому что мы до сих пор не могли заплатить ей за комнаты, и я боялась, что она скажет нам что-нибудь неприятное по этому поводу. Странно, что и дядя Вильгельм, и дядя Генрих стали иначе относиться к кузену Фердинанду, с тех пор как у него появились хорошие костюмы. Дядя Генрих в своей синей фуражке выглядит простым матросом, а дядя Вильгельм в старом сюртуке кажется очень жалким; у него всегда какое-то растерянное, удивленное выражение лица. Теперь, когда кузен Фердинанд входит в комнату, они встают, подвигают ему стул и обо всем с ним советуются.

Итак, как я сказала раньше, кузен Фердинанд справлялся об окладе ректора Гарвардского университета и высказался против занятия дядей этой должности. Но дядя Вильгельм был другого мнения. Эта должность, говорил он, подходит ему больше других, и он может принести Гарварду такую же пользу, как принес Германии. На большом листе бумаги дядя составил список того, что он называет «главнейшими нуждами Америки». Дядя

всегда находит себе занятие и никогда не сидит без дела. Я забыла, что было в списке, тем более что он менялся каждый день в зависимости от того, как относились к дяде прохожие на улице. Знаю, что во главе списка всегда стояли культура, религия, просвещение. Дядя говорил, что Гарвардский университет — наилучшее место, где он может проводить свою программу в жизнь. В конце концов он решился, вопреки советам кузена Фердинанда, стать во главе университета и просил дядю Генриха упаковать все дипломы, послать их в Гарвард и написать, что он сам не замедлит вскоре прибыть. Каково же было разочарование, когда дипломы были возвращены по почте с письмом. Дядя разорвал его в клочки и растоптал. Он кричал, что американские университеты погибли безвозвратно; я никогда не видала дядю в таком приступе гнева. Он стал пересчитывать по пальцам всех американских профессоров, которых он когда-то принимал в Берлине; некоторые из них получали одно блюдо, некоторые два — у дяди поразительная память на такие вещи,— и вот их благодарность. Он метался по комнате и говорил так дико и бессвязно, что, если бы самые высокие научные авторитеты Германии не уверяли, что дядин мозг — идеал уравновешенности, я подумала бы, что он помешался.

Наконец он успокоился и сказал, что американские университеты могут гибнуть, если им угодно. Он умывает руки. Он пойдет в монастырь и проведет остаток дней в молитве, созерцании и поклонении, если найдет кому поклоняться, хотя последнее довольно затруднительно в его положении. Через полчаса он развеселился — удивительно, как быстро меняется дядино настроение,— и заявил, что монастырь для него слишком спокойное место и что он предпочитает занять пост губернатора одного из штатов. В Америке нет недостатка в губернаторах, и дядя целыми днями писал им письма. Когда приходили ответы (некоторые не отвечали вовсе), дядя приходил в такую же ярость, как при получении извещения от Гарвардского университета. Каждый день приносил новое разочарование. Мною овладело уныние, но вчера наше положение несколько улучшилось.

Мы все, конечно, знали, что дядя Вильгельм — великолепный художник, но никому не приходило в голову предложить ему продавать свои картины; ни один принц никогда этого не делал. Все-таки я не могла не порадоваться, когда дядя принял решение извлекать из своего

искусства средства к существованию. Дядя Вильгельм, конечно, гениальный художник. Помню, как все восхищались его картинами в Берлине. Лучшие художники признавались, что они стояли в восторге перед его полотнами. Один знаменитый художник даже сказал дяде в Потсдамской галерее: «Которая же из двух картин ваша, а которая Микельанджело? Я не в состоянии отличить». Дядя пожаловал ему за это орден Красного Лебедя. Другой художник говорил, что дядя был бы величайшим мастером своего времени, если бы его дарование получило надлежащее развитие. Дядя очень сердился и говорил, что его дарование достаточно развито.

Перед нами возник вопрос: может ли человек благородного происхождения продавать что бы то ни было за деньги? Дядя говорит, что Тинторетто, великий итальянский живописец, был наполовину благородного происхождения, а Веласкес — на три четверти.

К счастью, мы захватили с собой дядин мольберт и краски. Он употребляет особые кисти, а краски у него не в тюбиках, а, как обычно у художника, в банках; кисти большие, так что он может работать очень быстро. Хорошо, что три дядины картины, свернутые в трубку, уложены на дне сундуков. Он продаст сначала эти картины, а потом будет писать новые по одной или по две в день. Одна из картин называется «Прогресс». На ней изображен прогресс, выходящий из облака, на заднем плане, а на переднем — стоит дядя. Вторая картина называется «Современная наука». Наука на заднем плане во мраке, а впереди в ярком освещении изображен дядя. Третья картина называется «Ночь в Шварцвальде». На эту картину дядя истратил банку черной краски и не больше пяти минут времени. Говорят, что картина получилась импрессионистская.

Весь вечер дядя Вильгельм проговорил с дядей Генрихом о своих планах. Он велел мне достать его синюю блузу, уложенную с принадлежностями для рисования, надел ее поверх платья и с длинной кистью в руках стал прохаживаться по комнате. «Мы, художники, милый мой Генрих,— сказал он,— не должны быть гордецами. Америка нуждается в искусстве. Она и получит его».

Конечно, дяде претила необходимость брать за свои картины деньги; он придумал следующий выход из неприятного положения: он напишет большое, очень большое полотно и пожертвует его в картинную галерею. Дядя уже придумал сюжет; картина будет называться:

«Гений Америки». На заднем плане будет изображен гений Америки; дядя еще не придумал, что будет на переднем плане, но говорит, что у него уже есть идея. Он возьмет за свою картину ровно столько, сколько она стоит.

Итак, сегодня утром дядя свернул свои картины, взял их под мышку и отправился их продавать. Я очень рада, так как у нас мало денег — одно только жалованье дяди Генриха. Кузен Вилли очень удивляет и огорчает меня. Он почти не показывается у нас и куда-то исчезает по ночам, а днем спит, я уверена, что он пьет. Однажды утром, вернувшись домой, он показал мне целую пригоршню денег, но ни за что не хотел сказать, где он их достал. Я попросила у него денег, чтобы заплатить за квартиру, но он рассмеялся и ответил, что они нужны ему самому. В другой раз, в его отсутствие, я вошла в его комнату и увидала целую кучу серебряных вещей, спрятанных в углу буфета: серебряные кубки и приборы; вместе с ними были спрятаны револьвер и нож. Я подозреваю, что он просто украл все эти вещи, хотя это чудовищно для принца. Несколько раз я заговаривала с дядей Вильгельмом, но он выходил из себя и не хотел слушать. Дядя вообще не любит говорить ни о ком, кроме себя, — это его утомляет. Он сказал, что сделал для Вилли все, что мог. Три раза он сажал его в крепость, четыре раза запрещал показываться на глаза в продолжение месяца, дважды отправлял его в отдаленное поместье на шестинедельный срок. Свой отцовский долг по отношению к сыну он выполнил. Я высказала ему свои опасения, что кузен Вилли занимается воровством, и рассказала о серебре, спрятанном в буфете. Дядя Вильгельм разразился целой речью. Государи никогда не воруют. Сын его, может быть, собирает вещи на память о своем пребывании в Америке. Все Гогенцоллерны всегда собирали сувениры: большая часть художественных вещей в Потсдаме и Сан-Суси взята его предками на память во Франции пятьдесят лет тому назад. Если бы великая война кончилась так, как ей следовало, и войска не подвели бы нас, позволив себя истребить, то мы собрали бы больше сувениров, чем наши предки. После своей речи дядя быстро выбросил из головы предмет нашего разговора. Я не знаю никого, кто бы так легко и быстро выкидывал все из головы, как дядя Вильгельм.

ВЕЧЕР ТОГО ЖЕ ДНЯ

Сегодня под вечер, сойдя вниз, я очень удивилась, встретив мистера Питерса, молодого человека, бывшего с нами на пароходе. Он привез лед и складывал его в подвальном этаже. Мистер Питерс сейчас же узнал меня. «Добрый вечер, мисс Гоген»,— сказал он (нас знают здесь под этой фамилией).— Как поживают ваши?»

Я рассказала ему, как дядя старался найти заработок и как это трудно, как, наконец, он решил зарабатывать деньги живописью. Мистер Питерс сказал, что это превосходное занятие,— здесь большая нужда в живописцах вывесок и малярах. У него много друзей, которые занимаются этим ремеслом и зарабатывают от шестидесяти до семидесяти пяти центов в час. Как странно, что им платят по часам! Разве художникам платят так? Хорошо, если бы дядя познакомился с друзьями мистера Питерса. Он спросил, можно ли зайти за мной как-нибудь в воскресенье. Я ответила, что спрошу дядю Вильгельма, дядю Генриха, кузенов Вилли и Фердинанда, если они ничего не будут иметь против, то охотно пойду погулять с ним.

Да, я забыла сказать, что дядя Генрих нашел работу на другой же день по приезде. Он нанялся грузчиком в доках. Я полагаю, что он распоряжается всем портом. Без сомнения, его прежняя адмиральская служба очень ему пригодилась. Он надеется скоро стать командиром баржи, но для получения свидетельства нужно сдать очень трудный экзамен, и дядя Генрих готовится к нему по вечерам, после работы.

Глава IV

Дядины планы потерпели крушение. Только два дня тому назад я писала в дневнике, как меня радует мысль, что дядя будет зарабатывать на жизнь живописью. Какое разочарование! Не знаю даже, как это случилось: дядя ничего не рассказывает толком; мысли у него мелькают слишком быстро. Однажды он вернулся со своим свертком под мышкой, совершенно взбешенный, стал бегать по комнате и разразился проклятиями.

Немного спустя он успокоился и объявил, что американцы — болваны и что искусство им недоступно. Дядя уверял, что вовсе не хочет бранить американцев, но они просто-напросто свиньи. Он не сердится, и душа его сво-

бодна от мстительного чувства, но ему хотелось бы хотя на минуту наступить им всем на горло. При этих словах он так страшно зарычал, и лицо его так исказилось, что мне стало страшно. Но вскоре он развеселился и заявил, что ему, как гостю американского народа, может быть, и не следовало бы так дурно о них отзываться. Странно, что дядя, несмотря на то что живет на плохой улице и в убогой обстановке, считает себя гостем американского народа. За обедом в столовой дядя называл себя не иначе как «гостем американского народа». Что может требовать Америка за свое гостеприимство? Конечно, ничего! Я заметила, что наша хозяйка, мисс О'Хэллорэн, не любит подобных разговоров, так как мы ёще не платили ей за квартиру, о чем она не раз напоминала мне при встрече в коридоре. Когда дядя произносит речи за обедом, я уверена, что в его глазах грязная столовая преображается в дворцовый зал, тусклые лампы кажутся люстрами, а постояльцы — придворными, и он говорит и говорит, не умолкая. Он называет дядю Генриха «брат, мой адмирал», меня — «принцесса». Некоторые из обедающих начинают пересмеиваться и перешептываться, у других же, напротив, лица делаются сочувственными и грустными.

Во время моего разговора с дядей кто-то постучал, и в дверях показалась мисс О'Хэллорэн. Я догадалась, зачем она пришла, так как она уже не раз грозилась. Я очень смутилась, когда она стала говорить, что счет наш слишком велик и нам нужно как можно скорее расплатиться с ней. Дядя Вильгельм не сразу понял, в чем дело, но когда понял, с ледяной вежливостью обратился к хозяйке: «Позвольте просить вас, сударыня,— начал он,— пояснить мне, что вам угодно сказать. Должен ли я понять, что ваши слова означают, будто расходы на наше содержание подлежат оплате?» Мисс О'Хэллорэн ответила утвердительно.

«Позвольте мне уяснить вашу мысль,— сказал ей дядя,— точно ли я понял, что вы считаете меня вашим должником?» Мисс О'Хэллорэн ответила, что это именно так и есть. «Позвольте мне,— продолжал дядя,— насколько возможно яснее понять смысл того, что вам угодно сказать. Верно ли я понял, что должен заплатить деньги по счету?» Мисс О'Хэллорэн опять ответила: «Да», но я заметила, что она очень смущена. В дядином обращении было что-то леденящее; соблюдая утонченную вежливость, он давал понять мисс О'Хэллорэн, что ее про-

ступок совершенно непозволителен. Дядя Вильгельм сказал мне после, что в присутствии коронованного лица упоминать о деньгах недопустимо, что ни один Гогенцоллерн никогда не позволял произносить при себе слово «счет», что он сам в данном случае, не нарушая законов вежливости, хотел дать этой женщине возможность исправить свою оплошность, и что только после того, как она не воспользовалась этой возможностью, он сделал ей выговор. Конечно, он дал ей хороший нагоняй, решительно заявив, что вопрос о деньгах покончен раз навсегда и что всякий разговор на эту тему недопустим. Он не хочет быть невежливым, но должен заявить самым решительным образом, что при первой же попытке возобновить этот разговор он вынужден будет покинуть дом. Пока дядя Вильгельм говорил, мисс О'Хэллорэн все сильней и сильней смущалась, а когда дядя открыл перед ней дверь, она, медленно отступая, с растерянным видом вышла и очутилась в коридоре. Немного погодя я слышала, как она громыхала блюдами и громко ворчала, что она ничем не хуже «иных-прочих».

Сцена с хозяйкой подействовала на дядю самым успокоительным образом. «Ваше высочество, принесите мне флейту»,— сказал он мне. Я подала ему инструмент; он уселся и, высунувшись в окно, заиграл наши милые немецкие мелодии. Он играл, пока кто-то со двора не бросил в него сапогом. Здешние жители, по-видимому, немузыкальны.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

Сегодня у нас случилось ужасное происшествие: полиция увела кузена Вилли. Теперь он сидит в тюрьме, которая называется «Могилой»; мистер Питерс полагает, что его переведут скоро в другую тюрьму. Кузен Вилли обвиняется в грабеже и в нанесении раны с целью убийства.

Я была рада, что дяди Вильгельма не было дома, когда пришли за кузеном Вилли. Это случилось утром, дядя ушел в какое-то судостроительное общество с предложением стать его председателем. Я убирала комнаты, так как мисс О'Хэллорэн не позволяет негритянке оказывать нам услуги, пока мы не заплатим по счету. По крайней мере, она так сказала мне, потому что не посмела сказать это дяде; я убираю комнаты сама, втайне от дяди.

Занимаясь уборкой, я вдруг услышала, как хлопнула наружная дверь, и кто-то вбежал по лестнице. Через минуту кузен Вилли ворвался в комнату, страшно взволнованный, испуганный и бледный. Он бормотал: «Спрячь меня, спрячь меня» — и, совершенно растерявшись, перебегал из одной комнаты в другую, истерически плача и задыхаясь. Я бы спрятала его, если бы могла, но не успела. В комнату вошло несколько рослых, крепких, одетых в синюю форму полицейских. Каждый из них одним пальцем легко свалил бы с ног кузена Вилли. Несчастный метался, как пойманная крыса, двое из вошедших схватили его; тут он от страха окончательно потерял голову и вцепился зубами в руку державшего его человека. Один из полисменов ударил деревянной палкой кузена Вилли по голове — и он упал без чувств. Его стащили с лестницы, я сошла за ними, но ничем не могла помочь. Его бросили в черный фургон, стоявший у дверей дома. Кругом собралась толпа возбужденных людей, смотревших на происшествие, как на зрелище. Кузена Вилли увезли, и я вернулась наверх, села в дядиной комнате, но не могла уже снова приняться за работу.

Немного погодя появился мистер Питерс. Не знаю, зачем он очутился здесь, не по своему делу во всяком случае, так как на нем была не та одежда, в которой он развозит лед. Он вошел в комнату, сел и заговорил со мной о случившемся. Может показаться странным, что я приняла его просто, в дядиной спальне, но я была так расстроена, что не подумала об этом. Мистер Питерс, оказывается, был на улице со своим фургоном и видел все, что произошло. Хотя я и не заметила его в толпе, но он видел меня в дверях дома. Вероятно, он пошел домой, переоделся и вернулся сюда; впрочем, я ни о чем его не расспрашивала.

Он сообщил мне, что кузен Вилли ранил мальчика, служившего в ювелирном магазине; рана опасная, и мальчик может умереть. По словам мистера Питерса, кузен Вилли занимался кражей драгоценностей чуть ли не с самого приезда сюда. Полиция следила за ним, но он не знал этого и так осмелел, что сегодня утром, среди белого дня войдя в ювелирный магазинчик, где не было никого, кроме мальчика-калеки, хотел схватить вещи и выскочить на улицу, но мальчик заметил это и закричал; кузен Вилли бросился к дверям, а мальчик лег поперек порога. Тогда кузен Вилли ударил его ножом (тем самым,

который я видела у него в шкафу) и выбежал на улицу, но его заметили, дали знать полиции и побежали за ним.

Мистер Питерс обещал сделать все, что можно, для кузена Вилли, но не казался очень огорченным. Когда он ушел, я задумалась о происшедшем, и мне пришло в голову, что кузену Вилли не повезло в жизни. Обыкновенные люди с детства привыкают не делать ничего противозаконного, кузен же Вилли воспитывался как принц и считал для себя все дозволенным. Во всяком случае, когда его схватили полисмены, он казался очень жалким и ничтожным.

Когда дядя Вильгельм вернулся домой, мне пришлось ему сообщить о случившемся. Я боялась, что это его очень расстроит, но он принял мое сообщение гораздо спокойнее, чем я думала. Я сказала ему, что кузен Вилли арестован. «Ага, значит, он в крепости?» — спросил дядя. Я ответила, что, вероятно, да. Потом он спросил, был ли кузен Вилли в военной форме, а когда я ответила отрицательно, то пробормотал: «Будет трудно уладить дело». Кузен Вилли не носит военной формы в Америке и не может носить, но я замечаю, что дядя Вильгельм начинает смешивать нашу прежнюю жизнь с теперешней; мысли его путаются; во всяком случае, так может казаться посторонним. Он завел длинный разговор о происшедшем, рассказал, что когда-то был прецедент этому «инциденту» (так он называл случившееся), что тогда офицер тоже принужден был ткнуть саблей какого-то калеку. По словам дяди, он ткнул его только раз для того, чтобы проложить себе путь по боковой аллее. Дядя рассказал еще о многих других «инцидентах», когда военным приходилось прокалывать штатских, но, по его мнению, первый случай наиболее интересен.

Вечером пришли дядя Генрих и кузен Фердинанд. Дядя Генрих был очень расстроен и молчалив, зато кузен Фердинанд казался очень возбужденным и рассерженным. Какую пользу ему принесет его бескорыстие и честность в торговле, говорил он, если его ближайший родственник сидит в тюрьме? Если об этом узнают, это принесет ему большие убытки. Впрочем, успокоившись, он заметил, что тюремное заключение близкого родственника может стать хорошей рекламой и привлечь покупателей, особенно если узнают, что он отказался чем-либо помочь кузену Вилли и порвал всякие отношения со своей родней. Его образ действий может вызвать одобрение и даже восхищение. Уходя, он сказал, что мы

больше не увидим его. Конечно, если все обойдется благополучно, то он возобновит с нами родственные отношения.

Глава V

Уже давно, около трех месяцев, я не вела свой дневник. По правде сказать, здесь очень трудно писать мемуары, и никто этого не делает. Мисс О'Хэллорэн говорила мне, что ей никогда в голову не приходила мысль вести дневник. В Потсдамском дворце мы все писали мемуары: Евгения фон Плессе, Цецилия. У нас были особые тетради с серебряными замочками и ключиками. Нам внушали, что писать дневники необходимо, так как это помогает уяснять себе, какое важное значение имеют все наши поступки и какое значение придают им окружающие. Тогда нам каждый день приходилось встречать таких великих людей, как принц Расельвиц-Виндишкопф, герцог Шлиц-на-Майнце, фельдмаршал Топов, главнокомандующий армией, Шварцбург, Рудольштадт. Таких персон не встретишь в Америке.

У меня была еще другая причина не писать дневник: все идет из рук вон плохо. Дядя Вильгельм все еще не нашел работы; он опускается и становится все болтливее. Он очень обносился, несмотря на мои старания держать его вещи в порядке, но цветистое красноречие его и манеры нисколько не изменились. Некоторые из жильцов прозвали его «императором»; это кажется им смешным прозвищем. Они вставляют это слово в разговоры с дядей и при встрече отвешивают ему низкие поклоны, на которые дядя отвечает с большим достоинством. Многие из живущих на соседних улицах переняли их манеру, и когда дядя показывается, они отдают ему честь. По-видимому, дяде это доставляет большое удовольствие, он краснеет и отвечает чем-то вроде легкого поклона.

Во время прогулки дядя бывает счастлив и доволен; он указывает тросточкой, какие перемены собирается сделать при перестройке Нью-Йорка и как отвести течение Гудзона в сторону, но, вернувшись домой, впадает в уныние, и по ночам я слышу, как он ходит взад и вперед по своей комнате. Иногда, когда дует сильный ветер с океана, с ним бывают припадки, такие, как во время путешествия на пароходе.

Понятно, что при отсутствии заработка мы совсем обнищали: кузен Вилли заключен в тюрьму, а кузен Фер-

динанд не хочет знать нас, хотя дела его, по слухам, идут прекрасно и он собирается открыть большой магазин готового платья. Кузен Карл стал теперь третьим помощником главного официанта в ресторане «Король Георг» и вращается в таких сферах, что ему невозможно признать нас своими родственниками. Не знаю, что бы мы делали, если бы дядя Генрих не давал нам часть своего жалованья на уплату за квартиру и стол. Дядя Генрих сдал экзамен и получил звание командира баржи. Удостоверение, что он бывший адмирал германского флота, оказалось ни на что не годным.

Я очень рада, что дядя командует судами в каналах, а не в открытом море; это напоминает Германию. В Кильском канале за четыре года войны дядя мог приобрести большой опыт, который, конечно, теперь ему пригодился. Теперь он отправляется в длинные путешествия, иногда на две или на три недели. На своей барже он исполняет все обязанности — от командира до матроса. Дядя перевозит кирпичи, иногда песок. По его словам, он чувствует, что на нем лежит большая ответственность, чем раньше в Германии, где он рисковал только жизнью моряков; по словам дяди Вильгельма и дяди Генриха, их было сколько угодно, здесь же с кирпичами и песком дело обстоит хуже. Дядя Генрих говорит, что, если с его баржей случится несчастье, он потеряет работу. Это гораздо ответственней, чем быть адмиралом.

Зато дядя Вильгельм терпит одну неудачу за другой. После того как продажа картины не удалась, он скрепя сердце решил поступить на службу. Он принял это решение после долгих и скорбных размышлений, так как всякая служба для него унижение. Нужно получать деньги за свою работу, на что, по словам дяди, ни один принц не может согласиться. Наконец после долгих колебаний дядя сказал: «Жребий брошен». Сел за стол и написал в С.-Американский стальной трест, предлагая себя в председатели. Мы провели несколько тревожных дней, ожидая ответа. Дядя Вильгельм сохранял твердость духа и повторял: «Раз я взялся за дело, я доведу его до конца». Но я знаю, что его огорчала необходимость принять этот пост, а потому мы вздохнули облегченно, когда пришел ответ (очевидно, там долго думали, как поступить). Из треста ответили, что они решили «тянуть лямку одни по-прежнему». Дядя объяснил мне, что значит «тянуть лямку», и очень восхищался их решимостью. С тех пор мы больше не заводили речи о поступлении на службу.

Немного спустя дядя Вильгельм изрек, что мне необходимо выйти замуж, чтобы поправить наши обстоятельства, и решил обратиться с предложением к губернатору какого-нибудь штата. Он спросил, есть ли у меня в виду какой-нибудь штат; я ответила отрицательно. По правде сказать, мне вовсе не хотелось выходить замуж за губернатора, но я сознавала свой долг относительно дяди и потому не противоречила. Дядя взял карту Соединенных Штатов и выбрал почему-то Техас. Он дал мне две недели срока, чтобы привести в порядок хозяйственные дела и приготовить приданое, и написал письмо губернатору. Он показал мне это письмо, написанное в духе его прежних императорских писем и подписанное «Ваш брат Вильгельм». Может быть, поэтому губернатор нам ничего не ответил. Дядя, по-видимому, скоро забыл о своем плане, а я была очень рада, что мне не пришлось ехать к техасскому двору.

Мистер Питерс очень хорошо к нам относится. Он каждый день привозит сюда лед; иногда, когда дядя Генрих дома, он заходит вечером покурить. Раз он принес пучок хризантем дяде Вильгельму, в другой раз — прехорошенький букет фиалок дяде Генриху. Однажды в воскресенье он пришел к нам, думая, что дядя Вильгельм и дядя Генрих дома, но не застал их. Он держал себя как-то странно и натянуто, точно собирался что-то сказать. Это волновало меня и смущало. Наконец он сказал, что хочет о чем-то спросить меня, но боится, что я сочту это за вольность. У меня захватило дух, и я не смогла ничего ответить. Он попросил разрешения дать нам взаймы двадцать пять долларов. Он сильно покраснел и, сидя на диване, стал отсчитывать деньги; я никак не ожидала, что он заговорит о деньгах, и заплакала. Я сказала мистеру Питерсу, что мы не можем допустить мысль пользоваться его деньгами, и умоляла его взять их обратно; потом я стала рассказывать, как трудно нам приходится, просила его достать работу дяде Вильгельму, но слезы мешали мне говорить.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

Мистер Питерс приходил сегодня утром и сказал, что нашел работу дяде Вильгельму. Я была в восторге. Он говорит, что из дяди Вильгельма выйдет превосходный разносчик; ассортимент вещей для него уже приготовлен, и есть «территория», на которой дядя может дей-

ствовать. Я сначала не понимала, от кого зависит назначение «разносчиков» и что такое «территория», которой можно пользоваться, но мистер Питерс объяснил, что один его знакомый прекратил свое дело, и дядя может занять его место. Он показал мне плоскую картонку с карандашами, шнурками для башмаков, пуговицами, значками с разными надписями и сказал, что это называется ассортиментом, предназначается дяде и что дядя может на этом отлично заработать.

Я долго не понимала, в чем дело, так как мистер Питерс говорил очень неясно, что дядя будет зарабатывать деньги продажей вещей на улице. Как только я поняла, в чем дело, я испугалась, что дядя рассердится и не захочет заниматься торговлей, так как это не менее унизительно, чем быть председателем стального треста. К моему удивлению, дядя, вернувшись, посмотрел на дело совершенно с другой точки зрения. Он взглянул на коробку со значками, пуговицами и всякой мелочью и сказал: «Ах, ордена, знаки отличия. Отличная мысль!» Вынув белую пуговицу с надписью «Добро пожаловать в Нью-Йорк», он заметил: «Великолепно, это орден первой степени». Ложечку с надписью «На память о Нью-Йорке» он назвал орденом второй степени. Он долго перебирал и перекладывал вещи в коробке, точно ордена в Потсдаме. Только те были действительно драгоценными, как, например, орден Красного Пера или Черного Орла, здесь же перед ним лежали оловянные погремушки. Я видела, что дядя не замечал разницы, он дрожащими пальцами перебирал грошовые вещички и, как ребенок, не мог дождаться завтрашнего дня, чтобы поскорее приняться за дело.

Глава VI

Прошел год, или около года, с тех пор, как я писала дневник. Сейчас я делаю последнюю приписку, так как случились события, после которых вряд ли я снова примусь опять за мемуары. Мистер Питерс и я поженились осенью. Он сделал мне предложение в тот день, когда положил руку на мое кресло в меблированных комнатах, где мы тогда жили. Сначала я не надеялась, что дядя Вильгельм согласится на наш брак из-за разницы в происхождении. Но оказалось, что здесь не было затруднения. Дядина голова устроена так, что он всегда находит выход из всякого положения. Он пожаловал ми-

стеру Питерсу орден, который сделал его равным мне по происхождению.

Я очень рада, особенно теперь, когда бедного дяди Вильгельма уже нет в живых, что мой брак состоялся с его согласия.

Несмотря на это, я долго медлила выходить замуж. С самого начала дела дяди пошли отлично. По утрам он уходил из дому со своим товаром, прохожие, завидя его, говорили: «Вот идет император», «Вот старик немец», и часто вокруг него собиралась кучка покупателей. Дядя продавал вещи, считая, что он раздавал ордена и знаки отличия; были некоторые любимые пуговицы и жетоны, которыми он награждал в виде особой милости. Дела шли так хорошо, что кузен Фердинанд решил, что можно возобновить с дядей знакомство; он пришел к нему, помирился и забрал с собой всю дядину выручку в медных монетах, сказав, что поместит эти деньги в дело. В самое утро нашей свадьбы дядя пожаловал моему супругу орден, чем я очень гордилась. Это было год тому назад; с тех пор мы живем в собственной квартире из четырех комнат и галереи. Я сама готовлю обед и делаю все по хозяйству. Не работала я только те дни, когда родился наш мальчик. Мы с мужем думаем, что это удивительный ребенок. Сначала я хотела, чтобы он, как Гогенцоллерн, носил следующие имена: Вильгельм Фридрих Карл Мария Август Франц Феликс, но потом мы передумали и назвали его просто Джо Питерс. По-моему, это гораздо красивее. Дядя Вильгельм взял с меня от имени Джо подписку, что он отказывался от притязаний на прусский престол. Мне было немного грустно, но дядя сказал, что все Гогенцоллерны, отрекшись от престола, принесли не меньшую жертву, чем Джо. Муж говорит, что по конституции Джо может стать президентом Соединенных Штатов и это, пожалуй, лучше, чем быть императором.

На прошлой неделе произошел несчастный случай, послуживший причиной дядиной смерти. Дядя сошел со своей «территории» и направился к Грит-Парку, так как в хорошую погоду весной он любил бродить по улицам. Он подошел к месту, где большая толпа собралась смотреть на открытие памятника в честь «Лузитании», потопленной германской подводной лодкой. Во время торжества открытия моряки рядами стояли на улицах, разъезжали конные отряды. При виде толпы и солдат дядей овладело любопытство; он подошел, но, увидев белое по-

лотно, которое упало возле памятника, и прочитав надпись: «Лузитания», бросился прочь и попал под лошадей конного отряда. Его отвезли в больницу, но он уже не мог говорить и умер на следующий день в полном одиночестве. Мой муж не пустил меня в больницу, потому что дядя был уже без сознания, и мое присутствие не могло принести пользы, но позволил посмотреть на дядю Вильгельма в гробу. Мертвый, он казался очень жалким и ничтожным, невозможно было предположить, что он задал всему свету так много хлопот. Я была уверена, что после смерти дяди Вильгельма появятся длинные статьи в газетах. Однако я не нашла ничего, кроме маленькой заметки, которую я вырезала из вечерней газеты:

«ИМПЕРАТОР» УМЕР...

«Интересная фигура, знакомая всем жителям западной стороны города, исчезла с наших улиц со смертью Вильгельма Гогена. Он скончался в четверг в больнице для чернорабочих вследствие несчастного случая, происшедшего с ним на открытии памятника «Лузитании». Гогену было около шестидесяти пяти лет, он эмигрировал из Германии после войны. С год тому назад он появился на улицах, где торговал жетонами и всякой мелочью. Старик, по-видимому, был жертвой безвредной галлюцинации: он считал себя коронованной особой, а мелочной товар в коробке принимал за ордена и знаки отличия. Благодаря сходству с бывшим кайзером его прозвали «императором», чем он немало гордился. Знавшие Гогена уверяют, что его сходство с бывшим повелителем Германии было чисто внешнее. Увы, для спокойствия всего мира нельзя не пожалеть, что судьба не поставила Вильгельма Гогенцоллерна на место простого и трогательного в своей наивности уличного торговца».

БЕНЗИНОВОЕ ПРОЩАНИЕ

Что было бы с великими историческими личностями, если бы автомобиль был изобретен раньше

В доавтомобильную эру, когда человек прощался, он пожимал руки и уходил. Если ему предстояло ехать верхом, он кратко прощался с каждым в отдельности, обменивался рукопожатиями, вскакивал на лошадь и уезжал.

Теперь, когда автомобиль превратился в привычное орудие нанесения визитов, этого не бывает. Люди говорят «прощайте», садятся в свой автомобиль — и не уезжают. Они горячо прощаются, а затем сидят в автомобиле, поглядывая в стекла его окошек, между тем как машина фыркает — «фт... фт... банг!» — и... остается на месте.

Чем драматичней расставание, чем трогательней прощание, тем упрямее машина фырчит: «фт... фт... банг!» — и отказывается тронуться с места.

Вот, например, Джонсы прощаются со Смитами в шесть часов вечера в воскресенье в каком-нибудь загородном месте, где отдыхают горожане. Джонсы приехали в собственной машине — игрушка, а не машина! — и провели все послеобеденное время со Смитами, у которых имеется летняя дачка, именуемая ими «Открытый дом», куда, вследствие принятых мер, никому не удается попасть в час обеда.

Когда Джонсам приходит пора уезжать, они сбиваются в одну кучу со Смитами; все говорят друг другу «прощайте», обмениваются рукопожатиями и восклицают: «Ну и славно же мы провели время!» Потом Джонсы влезают в автомобиль, глава семейства садится за руль, гости высовывают головы из окон автомобиля, говорят: «Прощайте! Будьте здоровы!» — и машут руками.

Автомобиль начинает:

— Вхррррррррр!.. фт! банг!

Вырывается облако редкого голубого дыма, и когда

оно рассеивается, Джонсы оказываются сидящими на том же месте в абсолютной неподвижности. Автомобиль не сдвинулся ни на дюйм.

Джонс, сидящий у руля, тычется головой о рычаги и рукоятки и говорит: «Полагаю, она немножко простыла», а Смиты отвечают: «Да, иногда она не берет сразу». Следует пауза, потом мотор вдруг начинает громко и весело гудеть:

— Прррррррр!

Тут Смиты и Джонсы вновь разражаются прощальными возгласами и говорят, перебивая друг друга:

— Приезжайте скорей...

— Обязательно приедем... Вот славно повеселились!..

— Кланяйтесь же от нас Альфу!..

— Обязательно поклонимся... Ах, какая у вас славная дача!..

— Да, лимонад был чудесный... прощайте... прощайте... прощайте...

Автомобиль жужжит:

— Гуирррррррррр! фтт! банг!

Опять вырывается клуб голубого дыма, и когда дым расходится — что там под ним? Те же Джонсы, сидящие в своем автомобиле.

Когда машина хлопает: «Банг!» — все Джонсы, сидящие в автомобиле, и все Смиты, стоящие у дороги, безмолвствуют несколько секунд. Потом Джонс бормочет: «Должно быть, неладно с зажиганием», а другой кто-нибудь прибавляет: «Верно, подача плохая», потом целым хором: «О, она немножко остыла, надо прогреть мотор!» — «Она через минуту тронется».

Машина опять заводит свою музыку — на этот раз

с сумасшедшей скоростью, около миллиона оборотов в минуту:

— Гуирррррррррррр... Рррр!

При этом сладком звуке хор прощаний усиливается:

— Прощайте! Будьте осторожны... Передайте Минни, что мы будем у нее в пятницу... Прощайте!.. Вот славно мы...

— Банг!

Опять все умолкают.

На этот раз Джонс решает не трогать машину после старта. Теперь уже не будет ложных тревог. «Пускай она сама разойдется»,— советуют ему. И когда машина опять начинает гудеть, Джонс уже не бросается к рычагам и рукояткам, предоставляя мотору гудеть и фыркать сколько угодно. Все теперь уверены, что старт действительно состоится, и вновь раздается хор возгласов.

Шум все громче и громче, слова смешиваются с фырканьем машины: «фт! фт! фт!» — и вдруг раздается громоподобное: «Бах!» — вырывается клуб синего дыма, и когда он рассеивается — где наши Джонсы?

Уехали, скрылись начисто, словно сквозь землю провалились! Вам удается мельком разглядеть их машину аршинах в двухстах, а потом она исчезает в облаках дыма.

— Они уехали! — бормочут Смиты, и тягостной сцене конец.

Обдумывая все это, я не могу удержаться от мысли: какое счастье для истории, что автомобиль не был изобретен в более раннюю эпоху! Ведь такое множество великих драм истории сводилось к прощаниям и отъездам, что иные из романтичнейших эпизодов прошлого были бы безнадежно испорчены, замешайся в них бензин.

Возьмите, например, общеизвестный случай с Наполеоном, когда он прощался со своими офицерами и солдатами в Фонтенбло перед отъездом в ссылку. Павший император стоял возле своего жеребца, на которого уже собирался садиться, потом на минуту обернулся и бросил своим преданным товарищам слова, которые до сих пор эхом отдаются в ушах всей Франции. Но представьте себе, что те же слова он произнес бы, сидя в маленьком одноместном автомобиле и высунув голову из окна. Как это нелепо звучало бы:

— Прощайте, мои храбрые товарищи — фт! фт! — мы делили с вами труды и тяготы сотен походов — фт! банг!.. фт...— нам надлежит забыть, что мы покорили Европу —

гуирр! фт! — что орлы наши вздымались над всеми столицами — банг! — я покидаю вас ныне ради изгнания, но сердце мое вечно пребудет — гррр! фтт! — погребенным в земле Франции — банг!

Или возьмите аналогичный случай знаменитого прощания с нацией Георга Вашингтона, создателя американской республики.

О генерале Вашингтоне, если бы в его дни существовал бензиновый двигатель, сообщалось бы, что он высунулся из окна своего автомобиля и произнес такую речь:

— Да бережет и лелеет Америка дружбу в мире — фт! фт! — сохраним мир и дружбу со всеми — гуиррр! — и не будем вступать в союзы ни с кем — банг! Я уже состарился на службе родине, и с моим зажиганием что-то неладно. Всем и каждому из вас я говорю теперь последнее прости!

— Гуиррр!

— Прощайте!

— Фт! Фт! Фт! Фт!

— Прощайте!

— Банг!

РАСКОЛ В КАБИНЕТЕ, ИЛИ СУДЬБА АНГЛИИ

Современный политический роман

ГЛАВА I

— От этого зависит судьба Англии,— промолвил сэр Джон Эльфинспун, устало опускаясь в кресло. В тот момент, когда он произнес «Англии», глаза баронета блеснули, и уши вызывающе приподнялись; но как только он перестал говорить, взор его утратил свой блеск и уши устало опустились.

Леди Эльфинспун с тревогой глядела на своего супруга. Она не могла скрыть от себя, что лицо его, когда он опустился в кресло, казалось лет на десять старше, чем было лет десять тому назад.

— Вы рано нынче вернулись домой, Джон,— промолвила она.

— Палата разошлась рано, моя дорогая,— отвечал баронет.

— Из-за всеанглийского матча по пинг-понгу?

— Нет, из-за собачьей выставки. Премьер-министр почувствовал, что кабинету необходимо присутствовать на ней. Он сказал, что присутствие наше на выставке привяжет к нам колонии. Насколько я понимаю, у него и свой щенок на выставке. Он взял с собой весь кабинет.

— А вы, почему же не вы?— спросила леди Эльфинспун.

— Вы забываете, дорогая,— отвечал баронет,— что мое присутствие на выставке в качестве министра иностранных дел может обидеть персидского шаха. Другое дело, если бы это была кошачья выставка...

Баронет умолк и в мрачном раздумье покачал головой.

— Джон,— сказала его жена,— я чувствую, что это не все. Не случилось ли чего-нибудь в палате?

Сэр Джон кивнул утвердительно.

— Да, плохо,— проговорил он.— Билль о границах

Вазучистана прошел третьим чтением нынче вечером.

Утверждали, что во всей Англии нет женщин с большей политической проницательностью, чем леди Эльфинспун.

— Третьим чтением! — раздумчиво повторила она. — А сколько чтений еще будет?

Сэр Джон повернул голову и простонал.

— Вам дурно? — вскричала леди Эльфинспун. — Дайте я позвоню, чтобы принесли чаю!

Баронет покачал головой.

— Яйцо, Джон! Позвольте мне взбить для вас яйцо!

— Да, да, — проворчал сэр Джон рассеянно, — взбейте его, дорогая, взбейте его!

Леди Эльфинспун, невзирая на свое высокое положение жены министра иностранных дел Великобритании, не считала для себя унизительным оказывать супругу простые домашние услуги. Она позвонила и потребовала яйцо. Буфетчик разбил его, выпустил в высокий стакан, наполненный старым хересом, и леди собственными руками взбила яйцо. Для ветерана политики, официальные обязанности которого редко оставляли ему время поесть, яйцо было провосходным средством — принятое в стакане хереса, либо в кружке рома, либо в полулитре виски, оно всегда восстанавливало его силы.

Действие яйца тотчас же сказалось и привело к прояснению его глаз и удлинению ушей.

— А теперь объясните мне, что же случилось? Что это за билль о границах?

— Его не собирались проводить, — ответил сэр Джон. — Его внесли только для успокоения общественного мнения. Билль этот определяет наши границы таким образом, что наш протекторат распространяется на всю пустыню Эль Скруб. Вазусы утверждают, что это их пустыня. Горные племена волнуются. Если мы попыта-

емся пойти в наступление, вазусы восстанут! Если мы отступим, это нанесет удар нашему престижу!

Леди Эльфинспун содрогнулась. Продолжительная политическая тренировка научила ее тому, что ничего нет для Англии более рокового, как понести ущерб в своем престиже.

— А с другой стороны,— продолжал сэр Джон,— если мы отойдем в сторону, огулии, смертельные враги вазусов, ударят нам в тыл!

— В тыл?— вскричала леди Эльфинспун страдальческим голосом.— О, Джон, мы должны идти вперед! Взбить еще яйцо?

— Мы не можем,— простонал министр иностранных дел.— Есть причины, которых я не могу вам сообщить, Каролина, государственные причины, абсолютно препятствующие нам наступать в Вазучистане. У нас связаны руки. Между тем, если вазусы восстанут, мы погибли. В кабинете тотчас произойдет раскол.

— Раскол в кабинете!— с тревогой повторила леди Эльфинспун. Она хорошо знала, что после удара престижу раскол кабинета едва ли не самое худшее, что может постигнуть Великобританию.— О, Джон, кабинет нужно сохранить в целости во что бы то ни стало. Неужели ничего нельзя сделать?

— Все, что только можно было сделать, сделано. Премьер-министр обхаживает их сейчас, в данную минуту, на собачьей выставке. Нынче вечером канцлер казначейства поведет их в кино, а на завтра — это государственная тайна, дорогая, но утром она будет всем известна — мы купили места для всего кабинета в цирке. Если мы сможем удержать кабинет в целости — все будет хорошо; но если он расколется — мы погибли... Между тем наши затруднения все растут. Перед самым проведением билля один из новых членов, из рабочих — шахтер, дорогая, совершенно невоспитанный человек,— задал вопрос...

— Ну?— спросила леди Эльфинспун.

— Он просил министра колоний,— сэр Джон задрожал,— сообщить ему, где находится Вазучистан. Хуже того, дорогая,— добавил сэр Джон,— он п о т р е б о в а л, чтобы тот немедленно сказал ему, где он находится!

— И что же вы сделали? Конечно, он не имеет права требовать информации такого рода!

— Мы висели на волоске. К счастью, загонщики спасли нас. Они выманили министра из палаты и увлек-

ли его в Британский музей. Когда он вернулся, он ответил, что ответит на этот вопрос через месяц, считая от пятницы. Взрыв аплодисментов был нам наградой; но мы еле вывернулись. Но погодите, я должен немедленно переговорить с Пауэрсом. Где же моя шкатулка с телеграммами? Вот она. Да куда же девался молодой Пауэрс? Ему нужно сейчас же взяться за работу.

— Мистер Пауэрс находится в оранжерее с Анджелой,— сказала леди Эльфинспун.

— С Анджелой!— вскричал сэр Джон, и легкая тень неудовольствия омрачила его рот.— Опять с Анджелой! Считаете ли вы приличным, дорогая, чтобы Пауэрс постоянно находился с Анджелой?

— Джон,— отвечала жена,— вы забываете, мне кажется, кто мистер Пауэрс! Я уверена, что Анджела слишком хорошо сознает достоинство своего ранга и свое собственное, чтобы видеть в мистере Пауэрсе что-нибудь большее, чем полезного товарища. И я замечаю, что с тех пор, как мистер Пауэрс поступил к нам в секретари, ум Анджелы стал много острее. Эта девушка уже удивительно понимает иностранную политику. Только вчера я слышала, как за ленчем она спрашивала премьер-министра, намерены ли мы распространить наш Сенегамбийский протекторат на фузийцев. Он был в восторге!

— А! Очень хорошо, очень хорошо,— проговорил сэр Джон, и, позвонив в колокольчик, он позвал лакея.

— Попросите мистера Пауэрса,— сказал он,— оказать мне любезность и зайти в библиотеку!

ГЛАВА II

Анджела Эльфинспун стояла с Перритоном Пауэрсом среди бегоний в оранжерее. Те же вести, которые так взволновали сэра Джона, камнем лежали на их сердцах.

— Неужели вазусы восстанут?— спрашивала Анджела, ломая руки, в то время как ее большие глаза искали лицо молодого человека и нашли его.— О, мистер Пауэрс, скажите мне, неужели они восстанут? Это слишком страшная перспектива! Думаете ли вы, что вазусы восстанут?

— Это весьма вероятно,— отвечал мистер Пауэрс. Они стояли, глядя друг другу в глаза и мыслями сосредоточившись на вазусах.

Анджела стояла на фоне бегоний, являя собой образ, который мог прельстить любого художника, даже маляра. Рослая блондинка, типичная англичанка по своему складу, она напоминала в состоянии покоя свою надменную и изящную мать, движениями же походила на отца.

Перритон Пауэрс был еще выше Анджелы. Превосходное сложение и суровые черты секретаря сэра Джона придавали его облику выразительность. Но он, скажем откровенно, происходил из народа и не скрывал этого. Отец его был просто зажиточным лондонским врачом, получившим дворянство только лишь за какие-то научные открытия. Дед его был всего лишь успешным банкиром, скопившим состояние путем успешных занятий банкирским делом. Но в Оксфорде юный Пауэрс обогнал всех своих товарищей. Он занимал место, даже переднее место, в одной из гоночных лодок, получил все награды и высокие отметки за санскритский язык и арифметику.

Он успел уже порядком поездить по Востоку, бегло говорил на языке урду и гуду, а став секретарем сэра Джона Эльфинспуна, имел в перспективе место в палате. Он ступил твердой ногой на лестницу успеха.

— Да,— задумчиво повторил Пауэрс,— они могут восстать. Из наших конфиденциальных депеш видно, что с некоторого времени они тайно раздают круглые пакетики с дрожжами. Все племя находится в брожении.

— Но ведь мы рискуем нашей сферой влияния!— ответила Анджела.

— Рискуем,— подтвердил Пауэрс.— По правде говоря, вот уже свыше года мы живем просто модусом вивенди.

— О, мистер Пауэрс!— вскричала Анджела.— Что за ужасная жизнь!

— Мы все испробовали,— говорил секретарь,— мы предлагали вазусам кондоминиум над пустыней Эль Скруб — они отклонили его.

— Но ведь это наша пустыня! —с гордостью промолвила Анджела.

— Наша. Но что же мы можем поделать? Самое большее, на что мы можем надеяться,— это что Эль Буб согласится сохранить статус-кво.

В этот момент в дверях оранжереи появился слуга.

— Мистер Пауэрс, сэр Джон ждет вас, сэр, в библиотеке, сэр!

Пауэрс обернулся к Анджеле с серьезным по-новому лицом.

— Мисс Эльфинспун,— промолвил он,— мне кажется, я знаю, что будет! Не подождете ли вы меня здесь? Через полчаса я вернусь.

— Я буду ждать,— отвечала девушка. Она села и стала ждать среди бегоний; мыслями она вся была с вазусами. Ее пылкая натура была напряжена до последней степени. «Можно ли будет удержать модус вивенди?» — бормотала она про себя.

Через полчаса Пауэрс вернулся. Он нес свою шляпу и легкое пальто, а на ремешке вокруг шеи у него висела жестяная коробка с белой наклейкой: «Британское министерство иностранных дел. Конфиденциальные депеши. Осторожно. Этой стороной вверх».

— Мисс Эльфинспун,— сказал он, и новые нотки послышались в его голосе.— Я покидаю Англию ночью.

— Ночью? — задыхаясь, вымолвила Анджела.

— С секретным поручением.

— В Вазучистан? — воскликнула девушка.

— В Вазучистан,— отвечал он,— да, но этого никто не должен знать. Я вернусь через месяц — или вовсе не вернусь. Если я паду,— с напускным равнодушием проговорил он,— то в горах прибавится еще одна могила. Если же я добьюсь успеха, то кабинет будет спасен, а вместе с ним и судьба Англии.

— О, мистер Пауэрс! — вскричала Анджела, вставая и приближаясь к нему.— Как это великолепно, как благородно! Для вас не найдется достаточной награды!

— Моя награда,— отвечал Пауэрс — и с этими словами схватил обе руки девушки в свои руки,— да, вот моя награда! Могу ли я явиться сюда и потребовать ее?

С минуту он глядел ей прямо в глаза.

В следующую минуту он исчез, и Анджела осталась одна.

— Его награда! Что он хотел этим сказать? Его награда, которую он потребует... В чем она может заключаться?..

Но она не могла угадать этого. Она призналась себе, что не имеет об этом ни малейшего представления.

ГЛАВА III

В последовавшие дни вся Англия содрогнулась до основания, когда разнеслось известие, что вазусы могут восстать каждую минуту.

— Неужели вазусы восстанут? — этот вопрос был у всех на устах. В Лондоне люди уходили в свои конторы с тяжелым чувством. За ленчем они едва могли есть. Сознание неминуемой катастрофы охватило все слои общества.

Сэра Джона на пути в палату и из палаты останавливали на улицах.

— Неужели вазусы восстанут? — спросил один честный земледелец. — Помоги нам всем, Боже, если они восстанут!

Сэр Джон, глубоко тронутый, бросил шиллинг в шляпу честного малого.

На Даунинг-стрит, 10[1], женщины из рабочего класса, с детьми на руках, стояли, ожидая известий.

Биржа находилась в возбуждении. Консоли упали на два пункта в двадцать четыре часа. Даже повышение банковского учета и страховки и закрытие дверей принесли лишь временное облегчение.

Рассказывали, что лорд Глэмп, величайший финансовый эксперт в Лондоне, обмолвился, что если вазусы восстанут, то Англия станет банкротом в сорок восемь часов.

Между тем правительство, к замешательству всей нации, не делало ничего. Кабинет, казалось, был парализован.

С другой стороны, пресса поднимала все больше шума. Лондонский «Таймс» настаивал, что необходимо тотчас же послать экспедицию. Газета доказывала, что двадцатипятитысячные войска территориальной службы должны быть посланы вверх по Евфрату или по Гангу, или куда-нибудь еще без промедления. Если пересадить их на плоскодонки, перетащить их через горы на мулах и перебросить через реки пращой, то их можно будет после этого перевезти через пустыню на ослах. Они могут достигнуть Вазучистана через два года. Другие газеты рекомендовали умеренность. «Манчестер Гардиан» напоминала о том обстоятельстве,

[1] Здесь помещается резиденция британского премьера. — *Прим. перев.*

что вазусы — христианский народ. Газета указывала, что их вождь Эль Буб принял христианство с детской простотой и спросил: «Нельзя ли еще?» «Спектэйтор» утверждал, что вазусы, или, вернее, вазии, вероятно, являются потомками иранского, а может быть, уржумского, племени. Газета предлагала учредить стипендию имени Родса и предвидела момент, когда вазусы появятся в Оксфорде. Делу помогло бы присутствие хотя бы одного вазуса, или, точнее, одного ваза.

Вести с каждым днем становились все тревожнее. В прессе сообщалось, что один вазус, воспламененный «ги» или «бхонгом», забежал в горы и отказался спуститься. Рассказывали, что Шрик-Уль-Фузлум, религиозный глава племени, сорвал с себя подтяжки и отослал их в Мекку.

В этот самый день «Иллюстрированный еженедельник» поместил иллюстрацию «Воины вазусов переходят реку с криками «го», и всеобщее замешательство достигло своего апогея.

Тем временем для сэра Джона и его коллег основным вопросом момента стал вопрос, можно ли удержать кабинет в единении. К этому прилагались все усилия. Сообщение, что кабинет видели в полном составе в цирке, немного успокоило нацию. Но затем распространился слух, будто первый лорд адмиралтейства заявил, что клоуны ни к черту не годятся. Радикальная пресса утверждала, что если он так думает, то он должен подать в отставку. В роковую пятницу запрос, о котором выше упоминалось, был сформулирован для ответа. Друзья правительства рассчитывали, что ответ восстановит доверие. К смущению всех, ожидаемый ответ не был дан. Министр колоний поднялся со своего места, явно нервничая.

— Министров спрашивают,— сказал он,— где находится Вазучистан. В настоящей весьма деликатной стадии переговоров они не готовы ответить на это. От ответа зависит больше, чем министры имеют право разглашать. Они могут только апеллировать к патриотизму нации. Единственное, что они могут сказать, так это что Вазучистан, где бы он ни находился (это «где бы» он произнес с пафосом)... правительство берет на себя полную ответственность за нахождение его в том самом месте, где он находится.

Среди всеобщего смятения палата отсрочила свое заседание.

Среди дам, сидевших за решеткой дамской ложи, находилась леди Эльфинспун. Ее безошибочный инстинкт подсказал ей правду. Приехав домой, она нашла своего супруга в библиотеке, где он сидел совершенно подавленный.

— Джон,— сказала она, падая на колени и беря руки супруга в свои собственные,— правда ли это? Неужели это страшная правда?

— Я вижу, вы угадали ее, Каролина,— грустно отвечал государственный муж.— Мы не знаем, где находится Вазучистан.

— Но, Джон, как же это могло случиться?

— Мы думали, что министр колоний знает. Мы были уверены, что он знает. Министр колоний утверждал, что он существует. Но потом оказалось, что он имеет в виду Саскачеван. Разумеется, министерство думало, что мы знаем. А мы все думали, что казначейство должно знать. Нам было известно, что оно должно было собрать подушную подать за десять лет.

— А разве оно не собрало ее?

— Ни пенса. Вазусы живут в палатках.

— Но ведь вы могли все узнать,— настаивала леди Эльфинспун.— Разве у вас не было карты?

Сэр Джон покачал головой.

— Мы тотчас же об этом подумали, дорогая. Мы перерыли весь Британский музей. Раз нам показалось, что мы достигли цели, но это был Висконсин.

— Но карта в «Таймсе» — ее вы видели?

Баронет вновь покачал головой.

— Лорд Саутклиф сочинил ее у себя в редакции,— отвечал он.— Кажется, он всегда так делает.

— Но ведь вы могли послать кого-нибудь посмотреть?

— Мы сделали это. Мы послали Перритона Пауэрса разузнать, где находится Вазучистан. У нас был месяц в запасе. Это был только вопрос времени. Пауэрс потерпел неудачу, и мы погибли. Завтра вся Англия узнает правду, и правительство падет!

ГЛАВА IV

Перед домом на Даунинг-стрит, 10, собралась такая густая толпа, что уличное движение пришлось приостановить. В исторической комнате, где кабинет заседал за длинным столом, царило полное спокойствие. По спокойным лицам государственных мужей вряд ли

кто-нибудь угадал бы, что судьба империи висела на волоске.

Премьер-министр, сидевший во главе стола, беззаботно просматривал книгу о бабочках в ожидании начала конференции. Возле него министр по ирландским делам насаживал мух на крючки от удочки, а канцлер казначейства сидел, склонившись своим ясным лицом над рукоделием. По правую руку премьер-министра сэр Джон Эльфинспун, уже не взволнованный, но спокойный, полностью сознавая свою ответственность, играл в бирюльки.

Часики, стоявшие на каминной полке, пробили восемь. Премьер-министр закрыл свою книгу о бабочках.

— Ну, джентльмены,— начал он,— очевидно, наше заседание не затянется. Мне кажется, что мы безнадежно разошлись во мнениях. Вы, сэр Чарльз,— продолжал он, обернувшись к первому лорду адмиралтейства,— все еще стоите за морскую экспедицию?

— Немедленно отправьте ее,— проговорил сэр Чарльз.

— Куда? — спросил премьер.

— Куда угодно,— отвечал старый морской волк.— Она уж попадет куда надо.

Вокруг стола послышались негромкие протестующие голоса.

— Я категорически высказываюсь против экспедиции,— сказал канцлер казначейства.— Я стою за конвенцию со шриками. Пусть шрики подпишут конвенцию, признающую существование верховного существа, и получат от нас в благодарность миллион фунтов стерлингов.

— А где вы найдете шриков? — сказал премьер-министр.— Полно, полно, джентльмены, я боюсь, что мы не можем продолжать этой комедии! Правда заключается в том,— добавил он с характерной для него небрежностью,— что мы не знаем, где находится это проклятое место. Мы не можем предстать завтра перед палатой. Мы безнадежно раскололись. Наше существование как правительства пришло к концу.

Но в этот самый миг с улицы донесся шум и крики. Премьер-министр поднял руку и потребовал молчания.

— Послушайте! — сказал он.

Один из министров подошел к окну и раскрыл его, и крики стали еще громче:

— Королевский посол! Очистить дорогу королевскому послу!

Премьер спокойно повернулся к сэру Джону.

— Перритон Пауэрс,— проговорил он.

Еще через мгновение Перритон Пауэрс стоял перед министрами.

Лицо его, бронзовое от тропического загара, можно было узнать только по уверенному взгляду. Афганский бурнус был откинут с его головы и плеч, а его властная фигура была завернута в длинный чубук. Пара пистолетов и кривой ятаган виднелись у него за поясом.

— Итак, вы попали-таки в Вазучистан? — спокойно вымолвил премьер.

— Я пробрался туда через Баруду,— ответил Пауэрс.— В течение многих дней я не мог пересечь ее. Река вздулась от дождей. Переходить ее значило бы подвергнуться верной смерти.

— Но вы в конце концов перешли,— продолжал премьер.— А затем?..

— Я направился через пустыню Фагури. Целые дни, ослепленный солнцем, погребенный в песках, я находился в отчаянии.

— Но все для вас счастливо окончилось. А после этого?

— Первой моей заботой было переодеться. Вымазав себя с головы до ног соком бетелевого ореха...

— Чтобы быть похожим на жука,— продолжал премьер.— Ну, так вы попали в Вазучистан? Где же он и что это такое?

— Милорды! — сказал Пауэрс, выпрямляясь и повысив голос.— Я попал туда, где предполагалось его местонахождение, но там его нет!

Весь кабинет вздрогнул от изумления.

— Его там нет? — повторили министры.

— А Эль Буб? — спросил канцлер казначейства.

— Такого лица не существует.

— А Шрики или Эль Фузлум?

Пауэрс покачал головой.

— Но неужели вы хотите сказать,— с изумлением выговорил премьер,— что не существует вазусов? В этом вы наверное ошибаетесь! Правда, мы в точности не знаем сейчас, где они находятся. Но наши депеши дали нам слишком много данных о мятежной деятельности вазусов, и мы не можем не верить этому. Где-нибудь вазусы существуют — они должны существовать!

— Вазусы,— сказал Пауэрс,— существуют, но они ирландцы. Огулии тоже; и те и другие — ирландцы.

— Но какого же черта они улизнули отсюда? — спросил премьер. — И почему же они бунтуют?

— Ирландцы, милорд, — перебил его главный секретарь по делам Ирландии, — находятся повсюду, и это уж их специальность — бунтовать.

— Несколько лет тому назад, — продолжал Пауэрс, — несколько ирландских семейств выселилось отсюда. Огулиев следовало бы по-настоящему называть «О'Гулиями». Слово «вазу» просто означает «Мак Гинни» на языке урду. Эль Буб на языке урду равнозначно ирландскому «Эль Папа» или «Папа». Только мое знание урду, агглютинирующего языка...

— Совершенно верно! — проговорил премьер. Потом он повернулся к своему кабинету: — Ну, джентльмены, задача наша теперь упростилась! Если это ирландцы, то, я думаю, мы знаем, что нам делать. Я полагаю, — продолжал он, повернувшись к Пауэрсу, — что они хотят чего-нибудь вроде гомруля?

— Хотят, — подтвердил Пауэрс.

— И, конечно, отделения графств О'Гули от Вазу?

— Да, — ответил Пауэрс.

— Ну что ж, дело самое простое. А какой же взнос они сделают имперскому казначейству?

— Никакого.

— Но оплатят ли они наши расходы?

— Это они как раз и отказываются сделать.

— Так. Все это очень просто. Разумеется, там нужна полиция! Лорд Эдвард, — продолжал премьер, поворачиваясь теперь к военному министру, — сколько у вас отнимет времени послать туда несколько сот полицейских? Я думаю, они сами ждут этого. Это их право!

— Давайте подумаем, — проговорил лорд Эдвард, быстро и с военной точностью производя в уме расчеты. — Если послать их через Баруду в ведрах, а затем через горы в корзинах, — я думаю, около двух недель.

— Отлично, — проговорил премьер. — Джентльмены, завтра мы соберемся в палате. Сэр Джон, не составите ли вы билль об аннексии? А вы, молодой человек, не так плохо справились с вашим делом! Его величество увидит вас завтра. Я рад, что вы здоровы и невредимы.

— На пути домой, — проговорил Пауэрс со спокойной скромностью, — я подвергся нападению льва...

— Но вы его отбили, — сказал премьер, — именно так. Спокойной ночи.

ГЛАВА V

Вечером следующего дня сэр Джон Эльфинспун представил билль об аннексии вазусов переполненной и замершей в ожидании палате.

Кто знает палату, тот знает, что у нее есть свои капризы. То она бывает спокойна, серьезна, глубокомысленна. Иногда она отдается эмоциям, поднимающим ее как на волне. В другое же время она просто сидит на месте, как набитое чучело. Но все согласны, что никогда еще в палате не царило такое безмолвие, как при чтении сэром Джоном Эльфинспуном билля об аннексии Вазучистана. И когда в конце своей великолепной речи он повернулся благодарить человека, спасшего нацию, и прогремел восторженному уху своих слушателей:

— «Мужа воспой мне, о муза, смирившего вазов»,— а затем со словами «Англия, Англия!» на устах пал навзничь и был вынесен на носилках,— палата разразилась бурными неудержимыми рукоплесканиями.

ГЛАВА VI

На следующий день сэр Перритон Пауэрс — ибо король возвел его после завтрака в дворянское достоинство — стоял в оранжерее дома на Карлтон-Террас.

— Я пришел за обещанной наградой,— сказал он.— Получу ли я ее?

— Получите,— проговорила Анджела.

Сэр Перритон заключил ее в объятия.

— На пути домой,— начал он,— я подвергся нападению льва. Я пытался отбить его...

— Молчите, дорогой! — прошептала она.— Пойдемте к отцу.

ПОЧЕМУ Я ВЫШЕЛ ИЗ «ГИЛЬДИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ»

В нашем городе недавно возникла (как возникла, полагаю, во всех городах американского Севера) организация, именующая себя «Гильдией общественных работников». Идея заключалась в том, чтобы делать добро окружающим нас членам общества. Мы намеревались отправлять детей из трущоб на взморье, а оттуда отвозить их в школы. Если бы нам попалась бедная вдова, живущая в подвале с дюжиной ребятишек и ежегодно получающая подарок в виде нового «бэби», мы бы оставили у нее на пороге корзину игрушек. Если бы слесарю случилось остаться без работы и почти впасть в отчаяние, наш агент был бы тут как тут со сломанной печкой для починки. Всякий, кто испытывал на себе очарование этой работы, сразу смекнет, что я имею в виду.

Самое лучшее во всем этом было то, что расходы на эту деятельность должны были покрываться из выручки от забав и развлечений, организуемых «Гильдией», так что мы, в сущности, отдавали бы свои деньги, не ощущая этого и получая при этом удовольствие в полной мере.

Я не хочу сказать ни слова осуждения в адрес самой идеи организаций вроде нашей. Цель у них, без сомнения, самая благородная. Но так как лично я вынужден был решительно и навсегда прекратить свое членство в такой «Гильдии», считаю необходимым объяснить причины этого путем опубликования моей переписки с мистером Дж. Брэзилом Нотом, секретарем Лиги, или, вернее, ряда писем, посланных мне мистером Брэзилом Нотом.

Письмо № 1

«Дорогой сэр!

Честь имею уведомить Вас, что комитет «Гильдии» обнаружил весьма бедственное положение одной семьи,

прибывшей сюда с Кипра два года тому назад и желающей вернуться на родину, но не имеющей возможности сделать это. Сейчас они живут в небольшой квартирке, о которой мы должны сказать, что она не только не имеет ни одного окна, выходящего на юг, но в этом доме, насчитывающем три этажа, нет даже лифта, притом состояние крыльца весьма плачевно, а дверной колокольчик, по-видимому, постоянно испорчен. К сожалению, домовладелец упорно отказывается снести постройку.

Отец семейства — хороший работник и охотно готов работать. По специальности он погонщик верблюдов, но ему до сих пор не удалось найти ни одного верблюда. Однако он говорит, что если бы раздобыл денег, то вернулся бы на Кипр, где у него есть на примете верблюд.

Наш комитет, считая этот случай заслуживающим внимания, решил устроить танцы в клубе «Гильдии общественных работников» в ближайшую субботу вечером.

Предполагается нанять оркестр Бимбасти, организовать легкий ужин, столики для которого можно заказать по телефону.

Цена билетов, каковых я осмеливаюсь послать Вам два,— десять гиней за штуку, причем билет дает право съесть ужин или уйти, не съевши его,— как кому заблагорассудится.

Истинно преданный Вам
Дж. Брэзил Нот,
Секретарь Г. О. Р.».

Письмо № 2

«Дорогой сэр!

С большим удовольствием благодарю Вас за щедрую подписку на два билета на танцы и ужин, организованные на прошлой неделе «Гильдией» для помощи бедному семейству с Кипра. Уведомляю Вас, что дело было организовано и проведено с большим успехом, к немалому удовольствию всех участвовавших. В танцах принимало участие до пятидесяти пар, и весь ужин или, по крайней мере, семьдесят пять процентов его был съеден на месте.

К сожалению, расходы по организации оказались значительнее предполагавшихся. Принимая во внимание гонорар оркестру Бимбасти и стоимость убранства, цветов

и ужина у нашего комитета образовался дефицит в сумме около ста фунтов. Некоторые из дам комитета предложили отдать весь дефицит семейству с Кипра или попытаться купить ему на эти деньги верблюда.

Но общее настроение таково, чтобы покрыть этот дефицит неофициальным водевильным спектаклем, устроив таковой в помещении «Гильдии» в ближайшую субботу вечером. Ввиду высокой оплаты гастролера, которого надо пригласить, мы решили поставить цену на билеты в пять гиней или двадцать фунтов за три. Решаюсь препроводить Вам пять билетов, каковые Вы вольны оставить у себя, прислав мне деньги, или же, если предпочтете, можете вернуть билеты вместе с деньгами.

Между прочим, должен Вам с сожалением сообщить, что наш полевой комитет донес еще о двух крайне бедственных случаях. У нас на руках человек, искусный механик по профессии, мастер по выделке паяльников и, по-видимому, безнадежный алкоголик. Наши работники нашли чрезвычайно затруднительным в нынешних условиях добыть ему спирт. Но если бы ему можно было устроить морскую поездку в Южную Америку, то он не терпел бы нужды в алкоголе, по крайней мере, до возвращения. Наш комитет озабочен также необходимостью раздобыть средства на покупку деревянной ноги одному профессиональному нищему, которому она нужна для дела. По-видимому, он по неосторожности потерял ногу, имевшуюся у него раньше. С неделю назад он после работы уложил свою ногу в чемодан и отнес, как всегда, домой. Но она каким-то образом исчезла.

Теперь нам предлагают оплатить все эти случаи специальным водевильным спектаклем, и я надеюсь, что Вы возьмете по меньшей мере пять билетов.

Искренне преданный Вам
Дж. Брэзил Нот,
Секретарь Г. О. Р.».

Письмо № 3

«Дорогой сэр!

Благодарю Вас за более чем благородную подписку на пять билетов на водевильный спектакль «Гильдии» от прошлой субботы и хочу уведомить Вас, что спектакль имел беспримерный успех. Хотя он немножко запоздал

и начался без четверти одиннадцать, причем его вскоре пришлось прервать на некоторое время из-за прекращения подачи тока на полчаса,— все же он доставил всем большое удовольствие. Любительские упражнения нашего казначея, мистера Джонса, с гирями — совершенно такой же тяжести, как любые гири на сцене,— были признаны изумительными, а женский христианский хор «Общественной гильдии» был принят за профессиональный хор из мюзик-холла.

К сожалению, приглашенные участники стоили нам слишком дорого, и получился дефицит гиней этак в четыреста.

Чтобы вкладчику избежать значительных материальных потерь, наш комитет предполагает устроить через три недели закрытую кермессу, или базар, который продлится три дня. Предполагается снять здание арсенала и разделить нижний этаж на будки с перегородками из простынь, устроить ресторан и танцевальный зал. На кермессе будут продаваться разнообразнейшие товары, которые будут закуплены заблаговременно на средства, пожертвованные различными членами «Гильдии» — выборными патронами и сочувствующими. Подразумевается, что сочувствующий может авансировать «Гильдию» тысячью гиней, получая их обратно из прибылей; патрон же имеет то преимущество, что вносит две тысячи гиней. Рад сообщить, что Вы единогласно избраны патроном.

Наша потребность в прибылях от этой кермессы тем острее, что случаи, о которых сообщают наши работники, учащаются и становятся более серьезными. Например, случай с семейством из Гонолулу, недавно приехавшим сюда и жалеющим об этом. Они охотно поехали бы в Тугутигальпу в Гондурасе или же в Виннипег. У нас есть еще искусный механик, очень достойный, специальность которого заключалась в изготовлении окуляров для перископов германских субмарин и который не может найти работы.

Но мы с уверенностью ждем успеха нашей предстоящей кермессы, которая поможет нам поставить дело на широкую ногу.

Искренно преданный Вам
Дж. Брэзил Нот».

Письмо № 4

«Дорогой сэр!

Уведомляя Вас о катастрофической неудаче устроенного «Гильдией» базара, патроном которого Вы записаны, мы испытываем потребность сказать, что неуспех отнюдь не может быть отнесен на счет недостатка интереса или энтузиазма со стороны наших сочленов. Тщательный просмотр наших отчетов экспертами показывает как будто, что финансовый неуспех обусловливался главным образом тем фактом, что предметы, выставленные на базаре, были проданы за гораздо меньшую цену, чем была за них заплачена. Некоторые из наших лучших экспертов согласны, что это могло повлечь за собой убытки. Но другие отмечают, что мы понесли убытки и оттого, что нам пришлось платить за аренду помещения, отопление и освещение, равно как за электричество и газ.

Но все согласны, что убытков не было бы, если бы помещение было просторнее, ресторан — вместительнее, музыка громче, толпы многочисленнее и дефицит больше. Теперь я докладываю нашему комитету мой план устройства зимнего фестиваля, который будет продолжаться месяц. Он будет организован в одном из крупнейших отелей, все помещение которого будет снято для этой цели. Мы займем также один из железнодорожных вокзалов, одну из боен и два-три продовольственных склада.

Как и прежде, мы избираем патронов, которые имеют право подписать, или ассигновать, или гарантировать нам любую сумму свыше десяти тысяч гиней. Все эти суммы будут возвращены жертвователям в последний день фестиваля.

Весьма преданный Вам
Дж. Брэзил Нот».

Письмо № 5

(На этот раз от почетного председателя общества — мистера Тридаута Солидхеда, одного из самых видных наших дельцов.)

«Дорогой сэр!

Отказываясь примириться с Вашим уходом из «Гильдии общественных работников», имею честь уведомить

Вас, что мы решили пока отказаться от плана устройства зимнего фестиваля, предложенного мистером Дж. Брэзилом Нотом. Вместо этого мы приняли прошение мистера Нота об увольнении с поста секретаря и предполагаем поднести ему золотые часы с цепью и брелоком в знак нашего уважения. Подношение состоится на обеде, который будет дан мистеру Ноту перед его отъездом туда, куда он отправится. Я уверен, что Вы с удовольствием подпишетесь на обед (один шиллинг) и стоимость часов (шесть пенсов с человека).

Наш новый комитет рассмотрел несколько неотложных случаев и распорядился по ним. По-видимому, семейство с Кипра имело в виду деревню Кипр (в Думбартоне), и мы предложили им пройтись туда пешком. Что касается человека с Гонолулу, то мы наняли негра, который учит его играть на гавайской укулеле, а человеку с деревянной ногой нашли место в дровяной компании.

Вопрос об оставшемся дефиците мы поручили рассмотреть группе деловых людей. Они предлагают ликвидировать его устройством небольшого дивертисмента, во время которого (по специальному разрешению муниципалитета) будет пущена в ход рулетка и устроен банчок с продажей холодных напитков — всем этим будет заведовать особо выбранный деловой комитет. Теперь они ищут подходящего помещения для устройства всего этого, площадью двенадцать на пятнадцать футов.

Мы надеемся, что Вы пересмотрите Ваше решение об отставке. Это дело общественной благотворительности сейчас изучается некоторыми из наших лучших дельцов. Они уже склоняются к мысли, что, если повести его в надлежащем духе и с надлежащей энергией и самоотвержением, оно может дать доход.

С искренним уважением
А. Тридаут Солидхед».

НЕОТРАЗИМАЯ ВИННИ, ИЛИ ИСПЫТАНИЯ И ИСКУШЕНИЯ

Глава I

ВЫБРОШЕННАЯ НА УЛИЦУ

— Мисс Винифред,— проговорил старый адвокат, ласково глядя из-под мохнатых бровей на прелестную молодую девушку, сидевшую перед ним,— вам сегодня исполнился двадцать один год.

Винифред Клэр подняла свою густую черную вуаль, потупила взор и скрестила руки.

— Сегодня утром,— продолжал мистер Бонгед,— кончилась моя опека над вами.

В голосе сурового старого адвоката послышалось нечто вроде чувства, в глазах его на мгновение блеснуло нечто вроде слез, которые он вытер чем-то вроде носового платка.

— Я пригласил вас нынче,— продолжал он,— для того, чтобы дать вам финансовый отчет.

Он бросил взгляд на молодую девушку и, протянув руку, дернул несколько раз за шнурок звонка.

Вошел старый клерк.

— Вы звонили? — спросил он.

— Конечно, звонил,— ответил адвокат.— Будьте добры, Аткинсон, принести все бумаги по наследству покойного майора Клэра.

— Вот они,— сказал клерк, положил на стол связку измятых голубых бумаг и вышел.

— Мисс Винифред,— начал опять старый адвокат,— теперь я приступлю к отчету по вашим делам. Вот этот документ относится к двум тысячам фунтов, оставленным вам вашим почтенным дядей. Они потеряны.

Винифред наклонила голову.

— Пожалуйста, будьте внимательны, я постараюсь объяснить вам, как это произошло.

— О, сэр! — воскликнула Винифред.— Я всего лишь бедная девушка, неопытная в житейских делах; я знаю только французский язык и музыку и боюсь, что деловые

подробности будут мне непонятны. Если деньги потеряны,— значит, они пропали!

— Так и есть,— подтвердил мистер Бонгед.— Я потерял их, вложив в акции одной несостоявшейся нефтяной компании. Я думаю, это ничего вам не говорит?

— Увы! — вздохнула Винифред.— Ничего.

— Прекрасно,— продолжал адвокат,— вот еще документ на тысячу фунтов, оставленных вам по завещанию бабушкой с материнской стороны. Я потерял их в Монте-Карло. Но не стану утомлять вас подробностями.

— Прошу вас, пропускайте их! — воскликнула девушка.

— И наконец, последний документ на 15 тысяч фунтов, завещанных вам дядей. Я потерял их на скачках. Эта лошадь,— с внезапным воодушевлением начал старый адвокат,— должна была выиграть! Она шла молодцом, но... ах, моя дорогая, вы должны простить меня, если одно воспоминание об этом приводит меня в ярость! Достаточно сказать, что лошадь пала. Я сохранил для вас все счета и использованные билеты. Вы найдете здесь все в сохранности.

— Сэр,— воскликнула Винифред, в то время как мистер Бонгед продолжал перелистывать бумаги.— Я только бедная, невинная девушка, совсем не опытная в делах; но скажите мне, пожалуйста, что осталось от денег, данных вам на хранение?

— Ничего,— ответил адвокат.— Все пропало. И мне очень жаль, мисс Клэр, что на меня возложена тяжелая обязанность сделать вам дальнейшие неприятные сообщения. Они касаются вашего рождения.

— О боже! — воскликнула Винифред с внезапной женской проницательностью.— Это касается моего отца?

— Да, мисс Клэр. Ваш отец не был вашим отцом.

— О, моя бедная мать! Как она должна была страдать!

— Ваша мать не была вашей матерью,— сурово продолжал старый адвокат.— Нет, нет, не спрашивайте меня! Ваше рождение покрыто глубокой тайной.

— О небо! — простонала Винифред, ломая руки.— Я, значит, одна на свете и без гроша?

— Да,— подтвердил мистер Бонгед, глубоко тронутый.— Вы, к несчастью, выброшены на улицу. Если вам когда-нибудь понадобится помощь или совет, не стесняйтесь, приходите ко мне. Особенно за советом,— прибавил он.— Все-таки скажите мне, чем вы думаете зарабатывать на жизнь?

— У меня есть моя игла,— ответила Винифред.

— Покажите мне ее!

Винифред вынула и показала ему иглу.

— Боюсь,— сказал адвокат, покачав головой,— вы немногого добьетесь ею.

Он позвонил.

— Аткинсон,— обратился он к клерку,— проводите мисс Клэр и покажите ей дорогу на улицу!

Глава II

ВСТРЕЧА

Не успела Винифред Клэр сойти с лестницы, ведшей из конторы адвоката в сени, как ей загородила дорогу чья-то фигура. Это был крупный, аристократического вида мужчина, с мрачным лицом, встречающимся только у английских дворян. Благообразное на первый взгляд, его лицо носило на себе отпечаток всех дурных человеческих страстей.

О, если бы невинная молодая девушка знала, что это лицо принадлежит лорду Винчгету, одному из презреннейших сынов высшей аристократии Британии!

— Ха, ха! — воскликнул развратный аристократ.— Кого мы здесь видим? Стой, красавица, дай мне посмотреть на милое личико, скрывающееся за этой вуалью!

— Сэр,— произнесла Винифред, гордо выпрямляясь,— прошу вас, дайте мне пройти!

— О нет,— отвечал Винчгет, хватая за руку обреченную жертву,— не раньше, чем увижу цвет этих глаз и запечатлею поцелуй на этих нежных губках!

С грубым смехом потянул он к себе сопротивлявшуюся молодую девушку. Еще минута — и негодяй успел бы сдернуть вуаль с лица несчастной девушки, как вдруг раздался громкий голос, кричавший: «Стой! Беги! Брось! Держи! Лови!»

С этими словами громадный, атлетического вида мужчина, очевидно, привлеченный криками девушки, вбежал с улицы в сени. Сложением он смахивал по меньшей мере на греческого бога, лицо его, хотя и искаженное яростью, было отмечено благородством.

— Спасите! Спасите меня! — кричала Винифред.

— Я это и делаю! — ответил незнакомец, подбегая к лорду Винчгету с поднятой тростью.

Но трусливый аристократ не стал ждать нападения.

— Ты все же будешь моей! — прошипел он на ухо Винифред и, отпустив свою жертву, кинулся мимо спасителя на улицу.

— О, сэр! — восклицала Винифред, благодарно сложив руки и падая на колени. — Я только бедная, беззащитная девушка; но если молитва той, которая ничего другого не может дать своему благодетелю, может прибавить счастья тому, на кого оно, по-видимому, и так в изобилии пролито, — пусть знает он, что за него молятся!

— О нет, — воскликнул незнакомец, помогая вспыхнувшей девушке подняться, — умоляю, не преклоняйте предо мной колен! Если я сделал что-нибудь, заслуживающее благодарности той, которая, кто бы она ни была, останется навсегда ярким воспоминанием в душе человека, у которого так мало таких воспоминаний, он будет этим щедро вознагражден! Если она это сделает, он будет благословен!

— Она сделает! Он будет благословен! — воскликнула Винифред, глубоко тронутая. — Здесь, на коленях, она благословляет его! А теперь, — прибавила она, — мы должны расстаться. Не пытайтесь следовать за мной. Тот, кто помог бедной девушке в беде, будет уважать ее желания, когда она скажет ему, что, одинокая и побежденная жизнью, она просит оставить ее...

— Он оставит! — вскричал незнакомец. — Он оставит! Он уже оставляет!

— Оставьте меня, да, оставьте! — кричала Винифред.

— Я оставляю, — отвечал незнакомец.

— Оставьте, оставьте! — рыдала расстроенная девушка. — Нет, подождите одну минуту! Пусть та, которая

получила так много от своего благодетеля, узнает, по крайней мере, его имя.

— Он не может, он не должен называть себя,— воскликнул незнакомец.— Его рождение... но довольно!

Он вырвал руку у крепко державшей его девушки и выбежал на улицу.

Винифред Клэр осталась одна.

Глава III

ДРУЗЬЯ В НЕСЧАСТЬЕ

Винифред поселилась в одной из бедных квартир беднейшей части Лондона. Простая спальня и столовая вполне удовлетворяли ее. Здесь сидела она на своем сундуке, мужественно строя планы будущего.

— Мисс Клэр,— произнесла хозяйка, постучавшись в дверь,— попробуйте съесть что-нибудь. Вы должны беречь свое здоровье. Я принесла вам копченую селедку.

С преисполненным благодарностью сердцем, Винифред съела селедку. С новыми силами вышла она на улицу на бесплодные поиски работы. Две недели искала Винифред работу, снисходя до самой простой. Бесплодно предлагала она свою иглу в разные швейные мастерские. При взгляде на нее ей отказывали.

Тщетно предлагала она разным издателям услуги своего пера. Они холодно экзаменовали ее и отказывали.

Столь же безуспешно пыталась она устроиться агентом для поручений. Разные банки и конторы, в которые она обращалась, отклоняли ее услуги. Со столь же малым успехом печатала она объявления о желании взять на воспитание маленькую девочку. Никто не хотел поручать ей девочек.

Небольшой запас денег, оставшийся у нее, когда она покидала контору мистера Бонгеда, почти весь истощился.

Каждый день несчастная девушка приходила домой, изнемогая от разочарований и усталости.

Но в невзгодах своих она не была одинока.

Каждый вечер, когда она возвращалась домой, в дверь ее раздавался тихий стук.

—Мисс Клэр,— слышался голос хозяйки,— я принесла вам печеное яйцо, скушайте его. Вы должны беречь свои силы!

Однажды утром молодую девушку ожидало страшное искушение.

— Мисс Клэр,— сказал ей агент, к которому она обратилась,— я рад, что могу предложить вам нечто определенное. Пошли бы вы на сцену?

На сцену!

Стыд и негодование охватили девушку. Неужели дошло до этого? Как ни была неопытна Винифред, она все же слишком хорошо знала весь ужас, всю несправедливость, всю глубину падения, прикрываемого этим словом.

— Да,— продолжал агент,— вот у меня письмо, в котором меня просят рекомендовать подходящую особу на роль Элизы в «Хижине дяди Тома». Вы согласны?

— Сударь,— проговорила с достоинством Винифред,— ответьте честно на мой вопрос. Если я пойду на сцену, смогу ли я в роли Элизы остаться такой же невинной и простодушной, как сейчас?

— Нет, не сможете,— отвечал агент.

— В таком случае, сударь,— сказала Винифред, поднимаясь с места,— позвольте мне сказать вот что. Ваше предложение сделано, несомненно, из хороших побуждений. Человек вашего положения и ваших убеждений не мог иметь в виду ничего дурного. Но позвольте бедной девушке, одинокой и беспомощной, сказать вам, что лучше она умрет с голода, чем дойдет до такого падения!

— Очень хорошо,— отвечал агент.

— Я ухожу умирать! — вскричала Винифред.

— Прекрасно! — произнес агент.

Дверь захлопнулась за ней. Винифред Клэр, опять выброшенная на улицу, упала в обморок на крыльце.

Но в этот момент провидение, всегда бдящее над невинными и беззащитными, обратило свой взор прямо на Винифред.

В то самое мгновение, когда наша героиня падала в обморок, по улице проезжала изящная коляска, запряженная парой великолепных вороных.

Сразу видно было, что она принадлежит к тем экипажам, в которых разъезжают только сливки высшей аристократии. Карета была покрыта гербами со щитами и разными другими эмблемами. Большая золотая корона под пучком брусники, нарисованная в углу картофельного поля, указывала на то, что владелец носит по меньшей мере титул маркиза. Кучер и два грума сидели спереди, а два лакея сзади кареты, и по их неподвижным позам и меланхолическим физиономиям видно было, что они взирают на все окружающее с исключительной и аристократической важностью.

Седоков в экипаже — ибо мы отказываемся к таковым причислять челядь — было двое, женщина и мужчина, оба в преклонном возрасте. Их белые как снег волосы и благосклонные физиономии показывали, что они принадлежат к тому редкому классу людей, которых титул и богатство лишь укрепляют в стремлении к благородным целям. Горячее человеколюбие озаряло их лица, а глаза с жадностью искали среди низменных предметов улицы новые объекты для благодеяний.

Люди, знакомые с высшим светом, сразу узнали бы в них маркиза Мэдлнета и его жену, маркизу Мэдлнет.

Маркиза первая увидела Винифред Клэр, лежавшую на пороге дома.

— Стой, подожди, остановись! — возбужденно вскрикнула она.

Лошадей осадили назад, под колеса подложили тормоза, и с помощью трех слуг и мощного рычага экипаж был остановлен.

— Смотри! Гляди! — вскричала маркиза.— Она в обмороке! Давай скорей, Вильям, твою фляжку! Поспешим к ней на помощь!

Через минуту благородная маркиза стояла, наклонившись над распростертым телом Винифред Клэр, и лила ей в рот коньяк.

Винифред открыла глаза.

— Где я? — беззвучно спросила она.

— Она говорит! — воскликнула маркиза.— Дай ей еще фляжку!

После второй фляжки девушка села.

— Скажите мне,— вскричала она, ломая руки,— что случилось? Где я?

— С друзьями,— отвечала маркиза.— Но не разговаривайте больше, выпейте вот это! Вам нужно беречь свои силы. А мы пока отвезем вас домой.

Трое слуг осторожно усадили Винифред в экипаж. Тормоз был отпущен, и экипаж покатил дальше.

По дороге Винифред по настоянию маркизы рассказала ей свою историю.

— Мое бедное дитя,— воскликнула маркиза,— как вы страдали! Но теперь, благодарение Богу, это все кончилось. Завтра же мы приедем за вами и отвезем вас в наш замок Мэдлнет Чэз.

Увы! Могла ли она знать, что еще до рассвета перед нашей героиней предстанут новые, еще большие опасности? Но о них в следующей главе.

Глава IV

АЗАРТНЫЙ КАРТЕЖ В СЕНТ-ДЖЕМС КЛОЗЕ

Мы должны теперь попросить читателя — если он сам не догадался этого сделать — поднять занавес над апартаментами лорда Винчгета в Сент-Джемс Клозе. Девять часов вечера. Перед нами картина разгульной пирушки, столь характерной для английской аристократии. Комната полна густого синего дыма гаванских сигар, обычно употребляемых знатью. На зеленом карточном столе в беспорядке разбросаны фишки и карты — тузы, короли, двойки и пр.

За столом сидят шестеро мужчин, одетых по последней моде, в белых воротничках и галстуках, в крахмальных сорочках, с печатью всех, или почти всех, человеческих пороков на лицах.

Лорд Винчгет — ибо это он сидел во главе стола — поднялся, выругался и швырнул карты на стол.

Все прочие, также с ругательствами, повернулись к нему.

— Будь они прокляты, Догвуд! — воскликнул он с новым ругательством, обращаясь к человеку, сидевшему рядом с ним.— Бери деньги! Я нынче больше не играю. Мне не везет.

— Ха, ха! — захохотал лорд Догвуд, безобразно ругаясь.— У тебя на уме не карты! Кто эта последняя красотка, что так завладела тобой? Я что-то слышал, в городе болтали о какой-то твоей неудаче...

— Догвуд,— прервал его Винчгет, сжимая кулаки,— будь осторожнее, не то ты узнаешь длину моей шпаги!

Оба дворянина смотрели друг другу в лицо, сжимая рукоятки шпаг.

— Милорды, милорды! — примиряюще проговорил благородного вида мужчина средних лет, сидевший по другую сторону стола. Всякий знакомый с дипломатическим миром узнал бы в нем прекрасного маркиза де Фрогвотер, английского посла в Сиаме.— Не надо ссориться. Бросьте, Винчгет, плюньте, Догвуд,— продолжал он, грязно ругнувшись.— Уберите ваши шпаги! Было бы позорно тратить теперь силы на личные ссоры. Они могут понадобиться в Кохинхине или, если хотите знать,— с грустью прибавил он,— в Камбодже, или в Голландской Гвиане.

— Фрогвотер,— проговорил юный лорд Догвуд, вспыхнув благородным румянцем,— я был не прав! Винчгет, твою руку!

Оба дворянина пожали друг другу руки.

— Друзья мои,— обратился к гостям лорд Винчгет,— прекращая игру,— я имел в виду нечто другое. Я попрошу вашей помощи в сердечном деле.

— А, превосходно! — воскликнули благородные гости.— Мы всем сердцем и душой с вами!

— Я предполагаю с вашей помощью сегодня ночью увезти молодую девушку.

— Увезти силой? — сурово воскликнул посланник.— Винчгет, я не могу принять в этом участия!

— Вы меня дурно поняли,— возразил лорд Винчгет.— Я действительно хочу увезти ее, но не имею в виду ничего бесчестного. Я твердо решил предложить ей руку.

— В таком случае я с вами! — воскликнул маркиз.

— Джентльмены! — закончил Винчгет.— Все готово! Карета ждет внизу! Я приготовил маски, пистолеты и черные плащи! За мной!

Через несколько минут можно было увидеть карету с опущенными занавесками, подъезжавшую к убогому дому, где обитала Винифред Клэр. В карете скрывалось шестеро благородных дворян, вооруженных до зубов. Но о том, что произошло дальше, мы сообщим в следующей главе.

Глава V

ПОХИЩЕНИЕ

Было без двадцати минут десять вечера, описанного в предыдущей главе.

Винифред Клэр сидела, еще совершенно одетая, в своей спаленке, глядя в окно на огромный город.

В дверь послышался легкий стук.

— Если это яйцо,— тихо вымолвила Винифред,— так не нужно. Я ела вчера.

— Нет,— раздался голос хозяйки,— вас ждут внизу.

— Меня? — воскликнула Винифред.— Внизу?

— Да, вас,— ответила хозяйка,— внизу. Компания молодых людей спрашивает вас.

— Молодых людей? — Винифред в удивлении схватилась за голову.— Спрашивают меня? В такой поздний час? Здесь? Вечером? В этом доме?

— Да,— повторила хозяйка,— шесть молодых людей. Они приехали в закрытой карете. Все они в масках

и вооружены с головы до ног. Они просят вас немедленно сойти вниз.

— О боже! — воскликнула несчастная девушка.— Неужели они хотят увезти меня?

— Да, хотят,— подтвердила хозяйка,— так они говорят.

— Увы! — вскричала Винифред.— Я беспомощна. Скажите им...— она помедлила.— Скажите, что я сейчас сойду. Не пускайте их наверх! Задержите их под каким-нибудь предлогом внизу! Покажите им альбом! Пусть они посмотрят золотых рыбок! Все, что угодно, только не пускайте сюда! Я буду готова через минуту.

Лихорадочно начала она одеваться. Поспешно стерла следы слез с лица и набросила на себя театральное манто и легкий венецианский шарф, наполовину скрывший красоту ее волос и лица.

— Похищена! — шептала она.— И шестерыми! Кажется, она сказала шесть? О ужас! — Немного пудры на щеки, краски на брови — и храбрая девушка была готова.

Лорд Винчгет и его товарищи — это были они, как известно,— сидели внизу в гостиной и рассматривали альбомы.

— Эй, женщина,— обратился Винчгет к хозяйке с ругательством,— поторопите ее! Мы уже все пересмотрели! Мы не можем больше ждать!

— Я здесь! — произнес приятный голос у двери, и Винифред предстала перед ними.— Благородные лорды — ибо я догадываюсь, кто вы и зачем вы явились,— увезите меня, причините мне какое хотите зло, но пощадите, о, пощадите эту скромную подругу моих бедствий!

— Ладно! — ответил Догвуд с грубым смехом.

— Довольно! — воскликнул Винчгет и, схватив Винифред за руку, потащил ее из сеней на улицу.

Но что-то в его грубом и жестоком поведении пробудило на мгновение человеческие чувства, какие остались у его товарищей.

— Винчгет,— воскликнул юный лорд Догвуд,— здесь что-то неладно, я сомневаюсь, джентльменское ли это дело. Я более не участвую в нем.

Хор одобрительных голосов товарищей поддержал его. На мгновение все заколебались.

— Нет,— воскликнула Винифред, повернувшись к замаскированным молодым людям,— идите дальше в ваших гнусных намерениях! Я здесь! Я беззащитна! Пусть ничьи мольбы не остановят вашу руку! Продолжайте!

— Кончайте дело! — ревел Винчгет, грубо выругавшись.— Тащите ее в карету!

Но в этот самый момент послышался чей-то топот и раздался звонкий, мелодичный мужской голос:

— Держи! Стой! Подожди! Берегись, титулованный негодяй, или я сшибу тебя наземь!

Крупная аристократическая фигура вынырнула из темноты.

— Джентльмены,— вскричал Винчгет, отпуская испуганную девушку,— измена! Спасайтесь! В карету!

В одно мгновение шесть благородных аристократов прыгнули в карету и скрылись.

Винифред, почти бесчувственная от страха, повернулась к своему спасителю и увидела перед собой фигуру и черты незнакомца, нынче вторично избавившего ее от беды. В полуобмороке она упала в его объятия.

— Дорогая леди,— вскричал он,— успокойтесь, вы в безопасности! Позвольте проводить вас домой!

— Этот голос! — вскричала Винифред, приходя в себя.— Это мой благодетель!

Она опять упала бы в обморок, но незнакомец взял ее в охапку и понес наверх, где прислонил к двери.

— Прощайте! — грустно промолвил он.

— О, сударь! — залилась слезами несчастная девушка,— позвольте той, которая так обязана тому, кто спас ее от беды, узнать, наконец, ваше имя!

Но незнакомец с печальным прощальным приветствием исчез так же быстро, как появился.

Чтобы объяснить причину его исчезновения, мы должны попросить читателя запастись терпением до следующей главы.

Глава VI

НЕЗНАКОМЕЦ

Занавес поднят, и мы можем посмотреть, что делается в Мэдлнет Чэзе через две недели после событий, описанных в последней главе.

Винифред находится в замке в качестве гостьи маркиза и маркизы. Здесь ее израненная душа обрела покой.

Что касается замка, то это было одно из тех типичных поместий, которые составляют — или до недавнего прошлого составляли — славу Англии. Дорога к замку ле-

жала через двадцать миль прекрасного леса, в котором водился в изобилии красный зверь. Само здание, построенное при Плантагенетах, было окружено рвом с водой, покрытой кувшинками и зеленой тиной. Великолепные павлины расхаживали по террасе, а из кустов доносилось воркование горлинок, голубей, писк летучих мышей, уханье сов.

Здесь, на террасе, сидела Винифред целые дни, восстанавливая свои силы под заботливым надзором маркизы.

Каждый день девушка убеждала благородную хозяйку, что ей надо уехать.

— Нет,— говорила с милой настойчивостью маркиза,— оставайтесь еще с нами! Ваша душа изранена! Вам необходимо отдохнуть!

— Увы! — восклицала Винифред.— Кто я, чтобы пользоваться отдыхом? Одинокая, беззащитная, обиженная судьбой — какое право имею я на вашу доброту?

— Мисс Клэр,— отвечала благородная леди,— подождите, пока вы окрепнете! Мне нужно сообщить вам нечто.

И в один из ближайших дней, когда температура Винифред упала до нормы, маркиза заговорила.

— Мисс Клэр,— сказала маркиза дрожащим от волнения голосом,— Винифред, если я смею так называть вас, лорд Мэдлнет и я имеем нечто предложить вам. Наше пламенное желание, чтобы вы вышли замуж за нашего сына!

— О,— воскликнула Винифред, и слезы показались на ее глазах,— это невозможно!

— Не говорите так,— отвечала маркиза.— Наш сын, лорд Мордонт Мэдлнет, молод, хорош собой, как только может пожелать молодая девушка. После многомесячных странствий он нынче возвращается домой. Наша заветная мечта — видеть его женатым и устроенным. Мы предлагаем вам его руку!

— Право,— отвечала Винифред, и слезы ручьем полились из ее глаз,— может показаться, что я отплачиваю злом за вашу доброту! Увы! Мое сердце принадлежит не мне!

— А кому же? — вскричала маркиза.

— Оно не в моей власти. Тот, чьего имени я не знаю, завладел им!

Но в это мгновение веселые, быстрые шаги послышались на террасе. Звучный мужской голос, сразу прон-

зивший сердце Винифред, воскликнул: — Мама! — и через секунду лорд Мордонт Мэдлнет — это был он — прижимал к сердцу маркизу.

Винифред встала с бьющимся сердцем. Одного взгляда было довольно. Пришедший лорд Мордонт был не кто иной, как незнакомец, тот самый, кому она дважды была обязана жизнью.

С диким воплем Винифред бросилась на лестницу и помчалась в парк.

Глава VII

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Они стояли под деревьями старинного парка, где лорд Мордонт одним прыжком догнал Винифред. Все вокруг них сияло блеском раннего июня.

Лорд Мордонт стал на колени в траве и движением, в котором уважение и преданность были смешаны с глубочайшим и мужественнейшим чувством, взял указательным и большим пальцем пальчик девушки, затянутый в перчатку.

— Мисс Клэр,— произнес он голосом, полным любви, и, несмотря на то, с глубоким уважением,— мисс Клэр Винифред, выслушайте меня, умоляю!

— Нет,— простонала она, тщетно пытаясь высвободить кончик своей перчатки из крепко державших ее пальцев молодого человека,— о нет! Куда могу я убежать? Я не найду дороги через лес, и там дикие звери! Я не привыкла к ним! Лорд Мордонт, умоляю вас, пусть слезы той, которая так малоопытна в притворстве...

— Нет,— прервал ее молодой лорд,— не убегайте! Выслушайте меня!

— Дайте мне убежать! — молила несчастная девушка.

— Вы не должны убегать! — умолял Мордонт.— Позвольте мне здесь, на коленях, выразить чувства преклонения и любви, такой страстной и глубокой, какая только может пылать в человеческом сердце. Винифред, будьте моей женой!

— О сэр,— рыдала Винифред,— если благодарности и признательности той, которая всегда будет хранить в своем сердце, как сокровище, сладкое воспоминание о том, кто сделал для нее все, чего только можно пожелать,— если этого достаточно для скромной награды, пусть

он возьмет ее. О, мое происхождение, глубокая тайна моего рождения запрещает мне...

— Нет,— вскричал Мордонт, вскакивая на ноги,— с вашим рождением все обстоит благополучно! Я самолично убедился в этом. С ним так же нормально — или почти так же благополучно,— как с моим. Пока я не убедился в этом, мои уста были скованы. Предполагая, что ваше рождение ниже моего, я был обязан молчать. Но идемте в дом. Со мной прибыл некто, который объяснит вам все.

Рука об руку влюбленные — ибо они теперь были таковыми — вернулись в замок. В большом зале их ждали маркиз и маркиза, готовые к встрече.

— Дитя мое! — воскликнула благородная леди, прижимая Винифред к своему сердцу.

Затем она обратилась к сыну.

— Пусть она узнает все! — воскликнула она.

Лорд Мордонт подошел к портьере, отдернул ее, и оттуда вышел мистер Бонгед, старый адвокат, выбросивший Винифред на улицу.

— Мисс Клэр,— сказал адвокат, приближаясь и нежно пожимая руку девушки,— наступило время все объяснить вам. Ни теперь, ни раньше вы не были бедной девушкой, как вы думаете. Только по желанию вашего отца я должен был разыграть роль и выбросить вас на улицу. Это было желание моего клиента, и я обязан был подчиниться ему. Я сообщил вам, и совершенно правильно, что поместил часть ваших денег в одно нефтяное дело. Мисс Клэр, теперь этот нефтяной источник дает миллион галлонов бензина в месяц.

— Миллион галлонов! — воскликнула Винифред.— Мне столько никогда не понадобится!

— Подождите, пока у вас будет автомобиль,— сказал адвокат.

— Стало быть, я богата? — воскликнула пораженная девушка.

— Свыше всех ваших мечтаний,— отвечал адвокат.— Мисс Клэр, вам безраздельно принадлежит почти половина Техаса — я думаю, это Техас, либо же Род-Айленд, либо какая-нибудь другая часть Америки. Больше того, я увеличил ваше состояние со дня смерти вашего отца настолько, что по уплате налогов — подоходного, поимущественного, с наследства, собачьего и с увеселений — вам останется еще полпроцента на ваши личные расходы.

Винифред всплеснула руками.

— Я знал это давно,— сказал лорд Мордонт, заключая девушку в объятия,— я узнал это все у этого доброго человека.

— Мы это тоже знали,— сказала маркиза.— Простите ли вы нам, милочка, этот маленький заговор против вас? Если бы мы не поступили так, Мордонт помчался бы за вами в Америку и гнался бы за вами вокруг Ньюпорта и Наррангасета, а это стоило бы очень дорого.

— Как смогу я отблагодарить вас? — воскликнула Винифред. Но вдруг с беспокойством спросила: — А мое рождение, мое происхождение?

— Здесь тоже все в порядке,— отвечал старый адвокат.— Оно первосортное. Ваш отец, умерший до вашего рождения, совсем незадолго, принадлежал к знатнейшему аристократическому роду Уэллса. Вы происходите по прямой линии от Клэр-ап-Клэра, который убил Оуэна Глендауэра. За происхождением вашей матери мы тоже проследили. Ее имя связано с Флойд-ап-Флойдом, который убил принца Ллевеллина.

— О, сэр,— воскликнула благодарная девушка,— я могу только выразить надежду быть достойной их!

— Еще не все,— произнес лорд Мордонт, и, подойдя к другой портьере, он отдернул ее и вывел оттуда лорда Винчгета.

Винчгет стоял перед Винифред, и мужественное раскаяние разливалось по его чертам, которые были бы даже приятными, если бы на них изгладились следы дурных страстей.

— Мисс Клэр,— проговорил он,— простите меня! Я хотел похитить вас. Больше я не буду этого делать! Но прежде чем мы расстанемся, позвольте сказать вам, что знакомство с вами сделало меня лучше, я стал больше, шире и, надеюсь, глубже!

С глубоким поклоном лорд Винчгет удалился.

Глава VIII

НАКОНЕЦ ЖЕНАТЫ

Лорд Мордонт и Винифред вскоре повенчались в приходской церкви Мэдлнетского замка. На деньги Винифред осушили ров, отремонтировали замок и выгнали всех зверей из парка. У них шесть детей — пока; они пользуются почетом и уважением во всей округе радиусом в двадцать миль.

СЛОМАННЫЕ ПРЕГРАДЫ, ИЛИ ЖГУЧАЯ ЛЮБОВЬ НА ГОЛУБОМ ОСТРОВЕ

Светлым августовским вечером в Саутгемптоне я вступил на борт парохода «Патагония», который направлялся в Вест-Индию, в гавань Нового Орлеана.

В ту пору у меня не было ни малейших предчувствий катастрофы. Помню, когда мои вещи принесли в каюту, я заметил корабельному казначею, что никогда еще за время всех своих странствий не отправлялся в путь с таким полным отсутствием дурных предчувствий.

— Очень хорошо, мистер Борус,— отвечал он.— Ваша каюта находится на штирборте справа!

Отчетливо помню мое замечание капитану, что никогда еще в своих многочисленных путешествиях я не видал моря таким прозрачно-голубым. Вспоминаю, что он настолько согласился со мной, что даже и не побеспокоился ответить.

Если бы в этот светлый летний день кто-нибудь сказал мне, что через какую-нибудь неделю наше судно потерпит крушение среди островов Драй-Тортугас, я бы его высмеял. Скажи мне кто-нибудь, что я окажусь один на плоту в Караибском море, я закатил бы истерику.

Едва мы вступили в воды Караибского моря, как над нами разразился шторм небывалой силы. Даже капитан, по его словам, никогда не видал ничего подобного. Два дня и две ночи мы мужественно выносили на себе всю ярость разбушевавшейся водной стихии. Суповые чаши приходилось укреплять на столе стойками и прикрывать крышками. В курительной мы вынуждены были ставить стаканы в подставки и с минуты на минуту ждали, что носивший нам кушанья официант вот-вот будет смыт за борт.

Утром третьего дня, тотчас же после рассвета, наше судно столкнулось не то с плавучей скалой, не то с одним из Тортугасских островов. Оно потеряло

свои четыре трубы, бугшприт сломался, винт отвалился начисто. Капитан — после кратких консультаций — решил покинуть судно. Спустили шлюпки и, так как море теперь успокоилось, пассажиров погрузили в шлюпки.

Не могу сказать, каким образом я остался. Я беседовал со вторым штурманом, рассказывая ему примерно о таком же случае, бывшем со мною в Китайском море, причем я держал его за борт пальто; неожиданно он схватил меня за плечи и, втащив в опустевшую курительную комнату, сказал:

— Сидите здесь, мистер Борус, пока я не вернусь за вами!

Он проговорил это таким угрожающим тоном, что я почел за благо согласиться. Когда я вышел на палубу, никого уже не было на корабле. По счастливому случаю на палубе лежал еще один из корабельных плотов. Я собрал вещи, какие мне могли пригодиться, и умудрился, уж не знаю каким образом, спустить плот на воду.

На следующее утро я сидел на своем плоту, чистил башмаки и разговаривал сам с собой, как вдруг заметил какой-то предмет, плывший в море у самого плота. Судите о моих чувствах, когда я увидел, что это безжизненное тело девушки! Наскоро докончив чистку башмаков и прекратив разговор с собой, я кое-как умудрился подтащить к себе несчастную девушку крючком.

После нескольких безуспешных попыток мне наконец удалось ухватиться за платье девушки и втащить ее на плот.

Она все еще была без сознания. Тяжелый спасательный круг, в который она была продета, помешал ей (как я догадался) утонуть. Одежды ее насквозь промокли — как я сообразил — от морской воды. На платке, торчавшем из-за пояса ее платья, я разглядел вышитые буквы. Понимая, что колебаться не время, и что жизнь девушки зависит от того, прочту ли я ее имя, я выдернул платок, на нем значилось: «Эдит Кройден».

Я немедля принялся изо всей силы растирать ее руки. Цель моя отчасти заключалась в том, чтобы восстановить ее кровообращение. Потом я снял ее башмаки, теперь сделавшиеся негодными — так я рассуждал — от морской воды, и начал растирать ей ноги.

Я уже раздумывал, что бы еще такое снять, как девушка открыла глаза и сказала:

— Перестаньте тереть мои ноги!

— Мисс Кройден, — сказал я, — вы заблуждаетесь насчет моих намерений!

Я поднялся с чувством обиды, которого не старался скрыть, и перешел на другой конец плота. Повернувшись спиной к девушке, я стал глядеть на свинцовые воды Караибского моря.

На горизонте ничего не было видно.

Я все еще осматривал горизонт, как услышал на плоту за собой робкие шаги, и легкая ручка легла на мое плечо:

— Простите меня! — сказала девушка.

Я обернулся. Мисс Кройден стояла за мной.

Она сняла — так я понял — свои чулки и теперь стояла босая.

Должен сознаться, что в женщине с босыми ногами есть что-то задевающее меня за живое. Девушка с инстинктивным женским вкусом вплела цветок водоросли в свои волосы. Водоросли, по общему правилу, выводят меня из душевного равновесия. Но я взял себя в руки.

— Мисс Кройден,— сказал я,— мне нечего вам прощать!

При упоминании ее имени девушка на мгновение покраснела и, видимо, собиралась еще что-то сказать, но сдержалась.

— Где мы находимся? — спросила она.

— Не знаю,— отвечал я как можно веселее.— Но я узнаю это.

— Какой вы мужественный! — вскричала мисс Кройден.

— Нисколько,— отвечал я, вложив в свой голос как можно больше веселости.

Девушка с интересом следила за моими приготовлениями.

С помощью согнутой булавки, поднятой на высоком шесте, я без труда определил нашу широту.

— Мисс Кройден,— сказал я,— я сейчас собираюсь определить нашу долготу. Для этого я должен спуститься в море. Не тревожьтесь, пожалуйста, не волнуйтесь, я скоро вернусь!

С помощью длинной веревки я глубоко погрузился в море, пока мне не удалось определить хотя бы приблизительно нашу долготу. Дрожь пробежала по мне при мысли, что эта долгота будет нашей долготой — ее и моей. Поднимаясь вверх, я увидел большую акулу, поглядывавшую на меня. Поняв, что этот прожорливый хищник может оказаться опасным, я, не теряя времени, взобрался вверх по веревке.

Девушка ждала меня.

— О, как я рада, что вы вернулись! — вскричала она, стискивая руки.

— Это пустяки,— промолвил я, выливая воду из ушей, голосом, в который вложил как можно больше мелодичности.

— Определили ли вы наше местонахождение? — спросила она.

— Да,— отвечал я,— наша широта нормальна; но долгота наша, боюсь, по крайней мере на три градуса отклоняется от отвеса. Я боюсь, мисс Кройден,— добавил я унылым голосом,— что вам придется примириться с необходимостью провести со мной несколько дней на этом плоту!

— Неужели дела так плохи? — пробормотала она, устремив взгляд на море.

Весь последующий долгий день я занимался работой на плоту, оставляя девушку по возможности в покое. Я рассудил, что абсолютно необходимо дать ей почувствовать, что под моей охраной она находится в полной безопасности. Иначе она, чего доброго, соскочит с плота, и я лишусь ее.

Я рассматривал свои банки и жестянки, проверил масло в моем хронометре, аккуратно разложил канаты, веревки и приборы и держал свою сковороду в полной готовности на всякий случай. В съестном мы пока не нуждались.

С приближением ночи я понял, что необходимо как-нибудь устроить девушку. При помощи двух отвесных шестов я растянул свое шерстяное одеяло поперек плота, устроив перегородку.

— Мисс Кройден,— сказал я,— этот конец плота ваш. Здесь вы можете спать спокойно.

— Как вы добры! — воскликнула она.

— Здесь никто вам не будет мешать; даю вам слово, что я ничем не стесню вас.

— Какой вы рыцарь! — сказала она.

— Отнюдь нет,— отвечал я как можно музыкальнее.— Поймите меня: я теперь просовываю свою голову за перегородку в последний раз. Если вам что-нибудь нужно, скажите сейчас.

— Ничего,— отвечала она.

— Возле вас спички и свеча. Если вам что-нибудь понадобится ночью, тотчас же позовите меня. Помните, что я в любую минуту буду здесь! Обещаю это!

— Спокойной ночи,— отвечала она. Через несколько минут тихое мерное дыхание подсказало мне, что она спит.

Я пошел к себе, сел на ведро с дегтем и, прислонившись головой к мачте, постарался заснуть.

Но в течение некоторого времени — почему, не знаю — сон бежал от меня.

Эдит Кройден наполняла мою душу. Тщетно говорил я себе, что она мне чужая, что, кроме ее долготы, я ничего о ней не знаю. Каким-то непонятным образом эта девушка полонила меня и властно царила над моими чувствами.

Ночь была тихая. Огромные звезды сияли в бархатном небе. Во тьме я слышал, как вода плескалась о край плота.

Так я сидел в глубоком раздумье, все глубже и глубже погружаясь в ведро с дегтем. Погрузившись до дна, я понял, что влюбился в Эдит Кройден.

Тут я со смущением вспомнил о своей жене. Наш злополучный брак был заключен за три года до описываемых событий. Мы принесли друг другу молодость, богатство и положение. Но брак мой был неудачен. Жена — по какой причине, не знаю — находила мое общество скучным. Тщетно я пытался занять ее рассказами о моих путешествиях. Они — каким образом, я не мог угадать — утомляли ее. «Оставь меня на минутку, Гарольд,— говорила она (я забыл упомянуть, что меня зовут Гарольдом Борусом),— у меня шея болит!» По ее же предложению я предпринял кругосветное путешествие. Когда я вернулся, она уговорила меня пуститься во второе. Я уже в третий раз объезжал земной шар, когда крушение парохода прервало мою поездку.

Должен со своей стороны признаться, что поведение моей жены вызывало во мне чувство обиды, чтобы

не сказать — сознание несправедливости. Я отнюдь не тщеславный человек. Но ее поведение оскорбляло меня. Бывало, я только начну: «Когда я в Гималайских горах охотился на гумпо — горбатых буйволов», как она перебивала меня словами: «О, Гарольд, не сойдешь ли ты вниз? Я, кажется, забыла свои папиросы под бильярдным столом». А когда я возвращался, ее уже не было в комнате.

По взаимному соглашению мы решили развестись. По моем возвращении из третьего путешествия мы должны были встретиться в Новом Орлеане. Клара собиралась плыть туда на другом пароходе, предоставив мне выбирать любую дорогу.

Встреть я Эдит Кройден двумя месяцами позже, я был бы свободным человеком, мог бы ухаживать за ней и пленить ее. Теперь же я был связан. Нужно зажать свои чувства в железные тиски. Я должен надеть на себя маску. Веселый, услужливый и словоохотливый, я все же не должен был проронить ни слова о любви к этой беззащитной девушке.

После великой борьбы с собой, я поднялся наконец с ведра с дегтем, почувствовав себя если не повеселевшим, то, по крайней мере, духовно очищенным.

Уже занимался рассвет. Я огляделся. Когда внезапно вспыхнувший луч тропического солнца озарил гладкое море, я увидел прямо перед собой, в какой-нибудь сотне шагов, остров. Песчаный берег переходил в скалистую возвышенность, поросшую кустарником и лесом. Среди скал, в отдалении, прыгал ручей. Я торопливо подогнал плот к берегу, пока он не сел на мель на глубине каких-нибудь десяти дюймов.

Я спрыгнул в воду.

При помощи толстого каната я крепко привязал плот к камню. Потом, обернувшись, увидел, что мисс Кройден стоит на плоту уже одетая и смотрит на меня. Утреннее солнце играло в ее волосах, и ее темно-синие глаза были нежны, как само Караибское море.

— Не вздумайте идти вброд, мисс Кройден! — встревоженно вскричал я.— Не делайте ничего необдуманного! Эти воды просто кишат бациллами!

— Но как же я попаду на берег? — спросила она с улыбкой, обнажившей все — или почти все — ее жемчужные зубки.

— Мисс Кройден! — сказал я.— Есть только один способ: я должен перенести вас!

Еще через минуту я был на плоту и взял ее в свои объятия так нежно и почтительно, как если бы она была моей сестрой — даже больше чем сестрой.

Она показалась мне необычайно легкой. Когда я таким образом беру на руки девушку, я просто не чувствую ее веса! На короткий момент, когда я заключил ее в свои объятия, острая дрожь пробежала по мне.

Донеся девушку по песку до ручейка, я поставил ее на ноги. К моему удивлению, она мешком рухнула на песок.

Девушка лишилась чувств.

Я понял, что колебаться нельзя.

Подбежав к ручью, я наполнил свою фуражку водой и выплеснул ее ей в лицо. Затем я схватил горсть грязи и швырнул ею в девушку изо всей силы. После этого я стал колотить ее своей шляпой.

Наконец она открыла глаза и села.

— Должно быть, я лишилась чувств,— сказала она, вздрагивая.— Мне холодно! О, если бы можно было развести костер!

— Я постараюсь развести, мисс Кройден,— отвечал я как можно энергичнее.— Я посмотрю, нельзя ли развести его при помощи двух сухих палочек.

— Сухими палочками? — спросила девушка.— И вы можете добыть огонь таким способом? Удивительный вы человек!

— Я часто видел, как это делается,— глубокомысленно отвечал я,— когда охотился на гумпо или горбатых буйволов в Гималайских горах,— это был наш обычный прием.

— Вы в самом деле охотились на гумпо? — спросила она, широко раскрыв глаза.

— В самом деле охотился,— отвечал я.— Но вам нужно отдохнуть, я расскажу вам потом.

— Я бы хотела, чтобы вы рассказали сейчас! — сказала она, испустив легкий стон.

Тем временем мне удалось отобрать в куче наплавного леса на берегу две палки, казавшиеся абсолютно сухими. Тщательно сложив их вместе на индейский манер, я зажег спичку и без труда заставил их разгореться.

Через несколько мгновений девушка грелась у жаркого костра.

Мы вместе позавтракали на берегу у костра, обсуждая планы на будущее, как добрые товарищи.

Потом я встал.

— Я оставлю вас ненадолго,— сказал я.— Я займусь разведкой.

Без всякого труда я продрался сквозь кусты и поднялся на каменистую возвышенность, закрытую от меня раньше горизонтом.

Когда я вернулся, мисс Кройден все еще сидела у костра, положив голову на руки.

— Мисс Кройден,— сказал я,— мы находимся на острове!

— Он обитаем? — спросила она.

— Когда-то — может быть; но не теперь. Это один из немногих ключей к Вест-Индии. Здесь в старые пиратские дни морские корсары высаживались и килевали свои корабли.

— Как же это они делали? — спросила она в восхищении.

— Я не совсем уверен,— ответил я,— думаю, с помощью известки. Во всяком случае, она давала хорошую килевку. Но потом этот остров сделался приютом одних морских чаек, морских уток и альбатросов.

Девушка вздрогнула.

— Какая пустыня! — сказала она.

— Пустыня это или нет,— сказал я со смехом (к счастью, я умею говорить со смехом, когда это нужно),— а мне необходимо взяться за работу!

Я принялся разбирать и устраивать наши вещи. При помощи нескольких камней я смастерил грубый стол и табуретки. При этом я старался возможно чаще смеяться и шутить за работой. Закат застал меня еще в хлопотах.

— Мисс Кройден, я должен теперь устроить вам место для сна!

При помощи четырех кольев, глубоко вбитых в землю, и одеял, натянутых на них, я устроил нечто вроде грубого шатра, без крыши правда, но хорошо защищенного.

— Мисс Кройден,— сказал я, когда все было готово,— войдите сюда!

И затем ремешками, прикрепленными к одеялу, я почтительно застегнул ее.

— Спокойной ночи, мисс Кройден! — сказал я.

— А вы? — воскликнула она.— Где вы будете спать?

— О,— отвечал я как можно беспечнее,— я буду спать на земле! Но смотрите, разбудите меня при малейшем постороннем звуке!

После этого я ушел и лег среди кактусов.

Не стоит останавливаться на подробностях тяжелых дней, полных труда, которые последовали за нашей высадкой на остров. У меня было много работы. Каждое утро я измерял нашу широту и долготу. Покончив с этим делом, я выверял свои часы, варил кашу и собирал цветы, пока не выходила мисс Кройден.

Каждый день девушка появлялась из своего обиталища, как некий сюрприз, во всем сиянии красоты. В одно утро она укрепила надо лбом гроздья дикой толокнянки. В другой раз обвязала свою талию венком из вьюнков. В третий раз завернулась в плетенку из камышей.

Босоногая, в диких камышах, она казалась пещерной женщиной, и глаза ее блестели отражением Караибского моря. Я трепетал всем существом при взгляде на нее, иногда мне хотелось сорвать с нее камыши и побить ветками. Но я сдерживался, протягивая ей камень, на котором она могла бы усесться, и подносил ей кашу на конце лопаты со спокойной дружеской вежливостью.

После завтрака у меня начинались более серьезные труды. Я вытаскивал камни и валуны, из которых намеревался построить дом ко времени дождей. Набрав кое-какие принадлежности с плота, я сделал себе что-то вроде сбруи, которой припрягал себя к валунам. Заставив мисс Кройден лупить меня по спине палкой, я довольно быстро усовершенствовался в таскании тяжестей.

Несмотря на этот тяжкий труд для нашего общего благополучия, я неотвязно был занят мыслью об Эдит Кройден. Я знал, что стоит только сломаться преградам — и все будет сметено прочь. Одному небу известно, каких это усилий мне стоило! Временами только самая суровая решимость могла сдерживать мои дикие импульсы. Однажды я застал девушку пишущей что-то на песке палкой. Я полюбопытствовал узнать, что она пишет, и прочел свое имя — «Гарольд». С диким воплем я кинулся в море и нырнул до самого дна. Выплыв, я немного успокоился. Эдит прибежала ко мне, и хотя с меня ручьями лила вода, она положила свои руки на мои плечи.

— Как вы величественны! — сказала она.

— Да,— ответил я и добавил: — Мисс Кройден, ради бога, не трогайте меня за ухо! Этого я не вынесу! — Я отвернулся от нее и стал глядеть в морскую даль. Вдруг я услышал рядом с собой нечто вроде стона.

Девушка бросилась на песок и свернулась обручем.

— Мисс Кройден! — сказал я.— Ради бога, не сворачивайтесь обручем!

Я побежал к берегу и растер себе лицо гравием.

В такой обстановке, когда дикие взрывы чередовались с моментами самообладания, наша жизнь на острове проносилась быстро, как сон. Если бы я не догадался отмечать дни зарубками на палке и затем обмазать эту палку смолой, я не замечал бы течения времени. Наше платье износилось, и это грозило создать нам серьезные затруднения. Но, по счастью, я увидел бродившую среди скал большую черно-белую козу и гнал ее до тех пор, пока она не пала. Из ее шкуры Эдит смастерила нам платье. Нашу обувь мы заменили обувью из крокодиловой кожи. По счастливому случаю я нашел на взморье аллигатора и, обвязав его за шею веревкой, привел к нашему лагерю. Потом я отравил его рыбными консервами и снял с него кожу.

Теперь наш наряд вполне гармонировал с окружающей средой. Лично я, облаченный в козью шкуру мехом наружу, с крокодиловыми сандалиями на ногах и бакенбардами в добрых шесть дюймов длины, без сомнения, представлял собой прекрасный .идеал пещерного мужчины. Жизнь на открытом воздухе влила как бы новые силы в мой организм. Одним прыжком в моих крокодиловых сандалиях я умел теперь вспрыгнуть на кокосовое дерево.

Что касается Эдит Кройден, могу только сказать, что когда она стояла рядом со мной на взморье в одеянии из черной козьей шкуры (она отобрала себе черные пятна), то бывали моменты, когда я готов был схватить ее в порыве страсти и швырнуть в море. Мех всегда действует на меня таким образом.

Пошла пятая неделя нашей жизни на острове, когда новое изумительное событие дало новый оборот нашему приключению. Дело началось благодаря некоторому любопытству, впервые проявленному со стороны Эдит Кройден.

— Мистер Борус,— сказала она в одно прекрасное утро,— я хотела бы видеть остальную часть острова! Можно?

— Увы, мисс Кройден,— отвечал я,— боюсь, что смотреть там не на что. Наш остров, насколько я могу судить, представляет собой лишь один из необитаемых островов Вест-Индии. На нем только камни, песок и дикий

кустарник. Жизни на нем нет. Боюсь,— продолжал я как можно более веселым тоном,— что, если нас не снимут с него, мы обречены на нем оставаться.

— Я все-таки хотела бы осмотреть его,— настаивала она.

— Что ж, пойдемте, если так,— отвечал я.— Если вы умеете лазить, мы можем бросить взгляд со скалистого хребта, на который я взошел в первый день!

Мы пошли по песчаному взморью среди камней, продираясь сквозь густую чащу кустарника; горизонт был от нас скрыт возвышенностью из шершавых валунов. Когда мы поднялись на вершину этой возвышенности, перед нами открылось необъятное море. Остров поднимался на порядочное расстояние к востоку, постепенно расширяясь, и видеть его целиком нельзя было благодаря тому, что взгляд упирался в такой же, но еще более высокий хребет.

Но наше внимание привлек к себе передний план. Эдит схватила меня за руку.

— Смотрите, смотрите! — вскричала она.

Как раз под нами, справа, тянулось взморье, подобное тому, которое мы оставили. На нем была воздвигнута хижина и кругом валялись разные предметы.

На камне, повернувшись спинами к нам, сидели мужчина и женщина. Мужчина был одет в козью шкуру, и бакенбарды его, насколько я мог видеть сбоку, были, по меньшей мере, так же пышны, как мои. Женщина была в белом мехе, с сеткой из морских водорослей на голове.

Они сидели близко друг к другу, словно вели серьезную беседу.

— Пещерные люди! — прошептала Эдит.— Аборигены этого острова!

Но я ничего не ответил. Что-то в контуре сидящей женщины приковало мой взор. Жестокое предчувствие пронзило мне сердце.

В волнении я толкнул ногой камень, который с шумом покатился по скалам. Этот шум привлек внимание тех, что сидели за ними. Они обернулись и испытующе оглядели место, в котором мы прятались. Теперь их лица можно было ясно видеть. И когда я разглядел женщину, я почувствовал, что сердце мое перестало биться, и краска сбежала с моего лица.

Я взглянул в лицо Эдит. Оно было так же бледно, как мое.

— Что это значит? — прошептала она.

— Мисс Кройден,— сказал я,— Эдит... Это значит вот что. У меня не хватило мужества сказать вам. Я женат. Женщина, сидящая там, моя жена — а я люблю вас!

Слегка вскрикнув, Эдит протянула вперед свои руки и обняла меня за шею.

— Гарольд! — прошептала она.— Мой Гарольд!

— Неужели я поступил дурно? — прошептал я.

— Так же, как и я,— отвечала она.— Я замужем, Гарольд, и мужчина, сидящий там, внизу,— это Джон Кройден, мой муж!

С диким воплем, какой может испустить только пещерный человек, я вскочил на ноги.

— Ваш муж? — вскричал я.— В таком случае, клянусь богом, он или я, но кто-нибудь из нас не уйдет отсюда живым!

Он видел, что я бегу по скалам к нему. В одно мгновение он вскочил на ноги. Он не испускал криков. Он не задавал вопросов. Он стоял выпрямившись, как пещерный человек, ожидающий врага.

И здесь, на песках, у моря, мы дрались без оружия, голыми руками. Мы дрались, как дрались бы пещерные люди.

Некоторое время мы кружились друг около друга с рычанием. Четыре раза обошли мы круг, выжидая каждый своей минуты. Потом я схватил горсть песку и швырнул ему прямо в глаза. Он схватил кокосовый орех и запустил им мне в живот. Потом я схватил скрученную прядь мокрой морской водоросли и нанес ему удар в ухо. Он зашатался, и прежде чем он успел прийти в себя, я кинулся вперед, схватил его за волосы, дал ему раза два по физиономии и укрылся за скалу. Выглядывая сбоку, я видел, что Кройден, полуослепленный, нащупывает предмет, которым можно было бы бросить в меня. К своему ужасу, я увидел в его руке огромный камень. Возле меня же не было ничего. Я уже считал себя погибшим, но в этот момент услышал голос Эдит, говорившей за моей спиной:

— Лопату! Скорей! Лопату!

Благородная девушка успела сбегать в наш лагерь и принесла мне лопату.

— Трахни его этим! — кричала она.

Я схватил лопату и с ревом раненого быка — или почти с таким ревом — выбежал из-за скалы, размахивая лопатой над головой.

Но боевой пыл уже соскочил с Кройдена.

— Не бейте! — сказал он.— Я сдаюсь! Я не могу выдержать удара такой штукой!

И он, обмякнув, сел на песок. В этой позе он казался совсем меленьким человечком, а отнюдь не пещерным человеком. Одеяние из козьей шкуры как-то съежилось на нем. Я слышал его прерывистое дыхание.

— Я сдаюсь,— сказал он.— Берите обеих женщин! Они ваши!

Я стоял над ним, опираясь на лопату. Обе женщины придвинулись к нему.

— Я полагаю, что вы ее муж, не правда ли? — продолжал Кройден.

Я кивнул.

— Я так и думал. Берите ее!

Тем временем Клара пододвинулась ко мне. Она была очень хороша собой в сиянии золотых волос, горевших на солнце, и в белых мехах, драпировавших ее тело.

— Гарольд! — вскричала она.— Гарольд, это ты? Какой у тебя странный, властный вид. Я и не знала, что ты так силен!

Я с серьезным видом повернулся к ней.

— Когда я находился один,— начал я,— в Гималайских горах, охотясь там на гумпо или горбатого буйвола...

Клара всплеснула руками, заглянув мне в лицо.

— Да! — промолвила она.— Расскажи мне об этом!

Тем временем Эдит, я заметил, подошла к Джону Кройдену.

— Джон,— сказала она,— не сиди на мокром песке, ты простудишься! Дай, я помогу тебе встать!

Я глядел на Клару и Кройдена.

— Как это случилось? Расскажите мне!

— Мы плыли на одном и том же корабле,— начал Кройден.— Налетела страшная буря. Даже капитан никогда не видел...

— Знаю! — перебил я его.— Наш тоже!

— Корабль наткнулся на скалу, и с него сбило все четыре трубы...

— С нашим тоже было так,— кивнул я.

— Бушприт сломался, а кухонную кладовую унесло. Капитан отдал приказ покинуть корабль...

— Довольно, Кройден,— сказал я,— я все теперь понимаю. Вы остались на борту, когда лодки отплыли,— по какой случайности, вы сами не знаете.

— Не знаю,— подтвердил Кройден.

— Кое-как вы смастерили плот, но с такой поспешностью, что на него удалось поместить лишь немного предметов...

— Совершенно верно,— сказал он,— хронометр, секстант...

— Я знаю,— продолжал я,— два квадранта, ведро воды и громоотвод. Я полагаю, вы подобрали Клару из моря?

— Подобрал,— продолжал Кройден.— Она была без сознания, когда я, вытащив ее на берег, стал растирать...

— Кройден! — сказал я, поднимая лопату.— Об этом молчок!

— Прошу извинения,— сказал он.

— Все в порядке. Но продолжать не надо. Для меня совершенно ясна остальная часть ваших приключений.

— Ну, для меня они кончились,— мрачно проговорил Кройден.— Делайте, что хотите. Что касается меня, то в нашем лагере остался мой приличный костюм; я его высушил и выгладил и теперь надену его.

Он устало поднялся, и Эдит стала рядом с ним.

— Мало того, Борус,— сказал он,— я вот что скажу вам: этот остров вовсе не необитаем.

— Не необитаем? — вскричали Клара и Эдит в один голос. Я видел, что каждая из них бросила быстрый взгляд на свой наряд из козьих шкур.

— Вздор, Кройден! — сказал я.— Этот остров — один из островов Вест-Индии. Сюда обычно высаживались пираты. Здесь они килевали свои суда...

— Что делали с ними? — переспросил Кройден.

— Килевали их от края до края,— сказал я.— Здесь они запасались водой и зарывали свои сокровища, но потом этот остров стал лишь пристанищем диких чаек и морских уток.

— Все верно,— ответил Кройден,— но это не то, что вы думаете. Это настоящий вест-индийский остров, и на другом конце его, не далее как в двух милях, имеется летний отель.

— Летний отель! — вскричали мы.

— Да, отель. Я все время подозревал это. В первый же день я подобрал на берегу ракетку для тенниса. Потом я перебрался через хребет и лесные чащи и увидел крышу отеля. Но только,— добавил он, немножко стыдясь,— мне не хотелось говорить ей.

— Ах вы, трус! — вскричала Клара.— Мне хочется побить вас!

— Не смейте! — вступилась Эдит.— Я уверена, что вы знали это так же хорошо, как и он. Во всяком случае, я знала. На берегу я подобрала в корзинке для ленча номер газеты от прошлой недели и скрыла его от мистера Боруса. Я не хотела оскорблять его чувств.

В этот момент Кройден с криком указал на море.

— Смотрите,— сказал он,— ради бога, смотрите!

Мы обернулись. Не далее как в четверти мили мы увидели большую моторную шлюпку, огибавшую мыс. На палубе виднелся светлый навес, яркие платья и зонтики...

— Великий боже! — вскричал Кройден.— Я знаю эту шлюпку. Это шлюпка Эппин-Джонсов.

— Эппин-Джонсов? — вскричала Клара.— Да ведь мы тоже с ними знакомы! Неужели ты не помнишь, Гарольд, воскресенья, которое мы провели вместе с ними на Гудзоне?

Все мы инстинктивно кинулись за скалы, чтобы спрятаться.

— Как нам быть? — вскричал я.

— Нужно достать наши вещи,— отвечала Эдит Кройден.— Джон, если твой костюм готов — побеги, достань его и задержи шлюпку. Мисс Борус, мистер Борус и я выправим наше платье, пока ты будешь занимать их разговором. Мой костюм почти готов. Во всяком случае, я так и предполагала, что кто-нибудь приедет. Мистер Борус, не будете ли вы любезны сбегать и принести мои вещи? Они в узелке. А если у вас, мисс Борус, найдется зеркало и несколько булавок, так я пойду с вами и переоденусь!

В тот же вечер мы с комфортом расположились на веранде отеля «Христофор Колумб». Эппин-Джонс настоятельно потребовал, чтобы ему позволили быть нашим хозяином, и мы многократно рассказывали повесть наших приключений восхищенной аудитории под аккомпанемент сигар и замороженного шампанского. Только одну деталь мы опустили, по общему инстинктивному побуждению. И Клара и я чувствовали, что было бы совершенно излишне объяснять, что мистер и мисс Кройден были в разных палатках.

Нет также необходимости рассказывать о нашем благополучном и легком возвращении в Нью-Йорк.

Мы с Кларой нашли в мистере и мисс Кройден очаровательных спутников, хотя, пожалуй, не очень огорчились, когда наступил момент расставания.

— Слово «прощайте»,— заметил я Кларе, когда мы уезжали,— всегда тягостно. Странно, но когда я охотился на гумпо или горбатого буйвола в Гималайских горах...

— Расскажи об этом, дорогой! — сказала Клара, прижимаясь ко мне в автомобиле.

РОЖДЕСТВО ХОУПА МАК-ФИГГИНА

Россказням о Санта-Клаусе давно уже никто не верит. Это подлая, возмутительная ложь, и чем скорее ее публично разоблачат, тем лучше.

Родители совершают недостойный, по-настоящему недостойный поступок, когда встают с кровати и под покровом тьмы дарят мальчику, мечтавшему получить часы за десять долларов, десятицентовый галстук, а потом еще уверяют его, что это дело рук Санта-Клауса.

Я получил хорошую возможность понаблюдать, как устраивают подобное рождество, когда снимал квартиру у родителей маленького Хоупа Мак-Фиггина.

Хоуп — добрый, набожный парнишка. Он давно уже понял, что его отец и мать ничего не получат от Санта-Клауса, поскольку святые не имеют обыкновения что-либо дарить взрослым. Поэтому Хоуп откладывал всю мелочь, которую получал на карманные расходы, и купил отцу коробку сигар, а матери семидесятипятицентовую брошь с блестящими камнями. Сам же он надеялся, что его осчастливит Санта-Клаус. Он молился, каждый вечер молился, чтобы тот подарил ему пару коньков, щенка, игрушечное пневматическое ружье, велосипед, санки и барабан, то есть ожидал подарков на общую сумму примерно в полторы сотни долларов.

Когда настало рождественское утро, я зашел в комнату Хоупа. Мне казалось, что дальнейшие события будут не лишены интереса. Я разбудил мальчика; он присел в постели и со сверкающими глазами стал выуживать подарки из своего чулка.

Первый сверток был большим и неказистым; он был весьма небрежно увязан и выглядел довольно странно.

— Ха! Спорю на что угодно,— весело вскричал Хоуп, развязывая веревку,— это щенок, которого завернули в бумагу!

И что, это был щенок? Вовсе нет! Это оказалась пара прекрасных крепких башмаков со вдетыми шнурками и наклейкой «Хоупу от Санта-Клауса». На подошве Санта-Клаус приписал: «Цена девяносто пять центов за вычетом скидки».

От восторга у мальчика исказилось лицо.

— М-да, башмаки,— пробурчал он и снова запустил руку в чулок.

Когда он вытаскивал второй пакет, на лице его снова была написана надежда. На этот раз ему попалась небольшая круглая коробка. Хоуп с лихорадочной поспешностью содрал с нее бумагу и встряхнул. Внутри что-то глухо затрещало.

— Часы с цепочкой! Это часы с цепочкой! — закричал Хоуп и снял крышку.

И что, это были часы с цепочкой? Нет! В коробке лежала дюжина прекрасных, новеньких целлулоидных воротничков, совершенно одинаковых, подобранных как раз по размеру для Хоупа.

Парнишка был так доволен, что у него отвисла челюсть.

Выждав несколько минут, пока пройдет приступ радости, он сделал новую попытку. На сей раз сверток был твердым, продолговатым и имел коническую форму.

— Это игрушечный пистолет!— воскликнул мальчик, дрожа от возбуждения.— Вот здорово! Там наверняка еще куча патронов! Стрельну-ка я сейчас пару раз, чтобы папа проснулся!

Нет, бедное дитя, не разбудить тебе папу с помощью этого предмета. Вещь это, конечно, полезная, но к ней не нужны патроны или пули, да и не произведешь с ее помощью шума, достаточного, чтобы разбудить спящего человека. Ибо это зубная щетка, блестящая новенькая зубная щетка из настоящей белой кости с ярлычком «Хоупу от Санта-Клауса».

На лице парнишки опять появилось выражение душераздирающей радости; слезы благодарности брызнули из его глаз. Он смахнул их зубной щеткой и снова взялся за чулок.

Очередной сверток был очень велик и содержал нечто объемистое и мягкое; он, очевидно, не поместился в чулок, и его привязали снаружи.

— Любопытно, что же это такое? — размышлял вслух Хоуп, не торопясь вскрывать пакет. Но вот у него дрогнуло сердце, и он забыл обо всех предыдущих

подарках в предвкушении нового: — Это барабан! — выдохнул он.— Барабан, завернутый в тряпку!

А вот и нет! Это были штаны, чудесные короткие штанишки, желтовато-коричневые, в клеточку. Санта-Клаус не забыл и к ним прикрепить ярлык «Хоупу от Санта-Клауса. Цена полтора доллара за вычетом скидки».

Внутри, однако, было завернуто что-то еще. Ах да, это пара подтяжек с маленькими стальными пряжками, чтобы штаны при желании можно было подтянуть аж до самой шеи.

Парнишка хлюпнул носом от удовольствия, потом достал последний подарок.

— Это книжка,— сказал он, разворачивая пакет.— Интересно, сказки там или приключения? Ох, надеюсь, что приключения! Я буду читать ее все утро.

Нет, Хоуп, это не совсем приключения, это маленькая семейная Библия.

Хоуп еще раз оглядел свои подарки, затем встал и оделся. Ему еще предстояло получить удовольствие от игры новыми игрушками, что, как известно, больше всего радует детей в рождественское утро.

Сначала он поиграл со своей зубной щеткой. Налив в стакан воды, он почистил зубы. Это было восхитительно.

Потом он поиграл с воротничками. Ему удалось испытать ни с чем не сравнимое удовольствие, когда он, отчаянно ругаясь, вынимал их один за другим из коробки, а затем, ругаясь не менее отчаянно, складывал обратно.

После этого он использовал в качестве игрушки новые штаны. Он надевал их, затем снимал и каждый раз пристально в них вглядывался, пытаясь определить, где у них перед, а где зад.

Потом он достал книжку и до самого завтрака читал некоторые приключения из «Книги Бытия».

Наконец он спустился вниз и поцеловал отца и мать. Отец курил сигару, а на матери сверкала новая брошь. Вид у Хоупа был весьма задумчивый; казалось, на него снизошло некое озарение. Скажу вам по секрету: я не удивлюсь, если к следующему рождеству он прибережет свои деньги для собственных нужд и не будет особенно надеяться на Санта-Клауса.

МОЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ДЯДЮШКА

Самым замечательным человеком, которого я когда-либо знал в жизни, был мой дядюшка Эдуард Филипп Ликок, известный огромному множеству людей в Виннипеге пятьдесят или шестьдесят лет назад как Э. Ф.

Когда я был шестилетним мальчиком, мой отец перевез все семейство на отдаленную ферму в провинцию Онтарио. Двумя годами позже в наше уединение вторгся мой непоседливый дядя Эдуард, младший брат отца.

В том же 1878 году в Канаде состоялись всеобщие выборы. Э. Ф. в мгновение ока погрузился в избирательную кампанию по самое горло. За один день он изучил историю и политическое положение Верхней Канады, а за неделю познакомился со всеми жителями нашей округи.

— Подождите-ка, подождите-ка,— говаривал он какому-нибудь деревенскому оборванцу, оказавшемуся рядом с ним со стаканом в руке,— если ваша фамилия Фрамли, вы конечно же должны быть родственником моего дорогого старого друга генерала сэра Чарльза Фрамли из конной артиллерии?

— Может быть,— отвечает польщенный субъект.— Полагаю, это вполне возможно. Я не слишком внимательно следил за своими родственниками в Старом Свете.

— О боже! Я обязательно должен рассказать сэру Чарльзу, что повстречался с вами. Он будет так доволен...

Таким способом за две недели Э. Ф. оделил почестями и титулами половину населения района Джоржина. Они теперь жили в окружении генералов, адмиралов и графов. Голосовать? За кого же еще могли они, люди такого знатного рода, голосовать, кроме как за консерваторов?

Само собой разумеется, что в политике тогда, как и всегда, Э. Ф. был на стороне консерваторов, то бишь

аристократов, но одновременно поддерживал приятельские отношения с последними бедняками. Это был инстинкт. Демократ не может снизойти до бедняков — он сам находится внизу. Но когда до них снисходит консерватор, это покоряет.

Победа на выборах конечно же досталась легко. Э. Ф. мог остаться, чтобы пожинать плоды. Но он прекрасно понимал, что ему следует делать. Провинция Онтарио в те дни предоставляла слишком малые возможности. Это были тяжкие времена для фермеров Онтарио.

Э. Ф. и мой отец отправились на Запад. Они достигли Виннипега (столицы провинции Манитоба) в самом начале бума, и Э. Ф. сразу вошел в роль и взлетел на гребне волны.

Его деятельность была разносторонней. Он был президентом банка (который так никогда и не открылся), директором пивоваренного завода (судя по замыслу, явно предназначенного для того, чтобы переварить всю Красную реку) и сверх всего секретарем-казначеем железнодорожной компании «Виннипег — Гудзонов залив — Северный Ледовитый океан», которая получила право на строительство железной дороги тогда, когда она сочтет это целесообразным. У компании не было железнодорожных путей, но ее руководители напечатали фирменные бланки и пропуска для бесплатного проезда по несуществующей дороге. И, разослав их правлениям всех железных дорог континента, Э. Ф. в ответ получил пропуска для бесплатного проезда по железным дорогам всей Северной Америки.

Но главным его коньком оставалась политика. Он сразу же был избран в законодательную палату провинции.

Естественно, политические взгляды Э. Ф. оставались консервативными.

Своему аристократизму Э. Ф. придавал оттенок особой значительности, создавая впечатление, что постоянно находится в ожидании срочного вызова, который неминуемо должен вскоре последовать. Если кто-нибудь спрашивал: «Будете ли вы в Виннипеге всю зиму, мистер Ликок?» — он отвечал: «Это будет в значительной мере зависеть от того, что произойдет в Западной Африке». Вот так! Западная Африка убивала всех наповал.

Затем наступило крушение. Манитобский бум лопнул. Простые люди, как мой отец, вылетели в трубу за один

день. Но с Э. Ф. все было иначе. Крах поднял его, как удар большой волны поднимает сильного пловца. Он продолжал двигаться вперед. Я думаю, что в действительности он был полным банкротом. Но это ничего не изменило для него.

Сначала он без труда держался на гостиничном кредите, займах и неоплаченных счетах. Банкир, особенно банкир в провинциальном городке, был его естественной мишенью и жертвой. Такой субъект, когда Э. Ф. входил, вздрагивал, как курица при виде ястреба. Способ Э. Ф. был чрезвычайно прост, это было все равно что показать фермеру карточную игру в три листика. Входя в запасную комнату при кабинете банкира, он восклицал: «Послушайте! Так вы рыболов? Конечно же это удилище на стене из гринхартского дерева?» (Э. Ф. знал точные названия всех предметов.) Через несколько минут банкир, ублаженный и охваченный гордостью, демонстрировал удилище, показывал заготовленных для наживки мух в коробочке, извлеченной из выдвижного ящика письменного стола. Уходя, Э. Ф. уносил с собой сотню долларов. Никаких гарантий не требовалось.

Аналогично он разделывался с долгами, счетами из гостиниц, магазинов и от владельцев конюшен за прокат лошадей. Все всегда попадались на его приманку. Он совершал покупки с расточительной щедростью, никогда не спрашивая цены. Он никогда не заговаривал об уплате за покупки до последней минуты. Уже при выходе из магазина он ронял: «Кстати, пришлите, пожалуйста, мне счет поскорее. Мне, может быть, придется уехать.— А затем в мою сторону, как если бы это не предназначалось для магазина: — Сэр Генри Лох снова прислал каблограмму из Западной Африки». И удалялся. Они никогда не видели его ни раньше, ни потом.

Процедура с гостиницей была иной. Провинциальная гостиница была, конечно, легкой добычей, даже слишком легкой. Э. Ф. иногда оплачивал такой счет наличными, подобно тому как истый охотник-спортсмен не стреляет в сидящую куропатку. Но крупная гостиница была совсем другим делом. Э. Ф. при отъезде — то есть когда он был совсем готов к отъезду: пальто, саквояж и все остальное — подходил к конторке за счетом. При виде счета он разражался приступом умиления по поводу его умеренности.

— Только подумай! — говорил он мне как бы в сторону.— Сравни это с ценами в отеле «Криллон» в Париже.

У хозяина гостиницы не было возможности сравнивать: он просто осознавал, что содержит дешевую гостиницу.

Затем следовала еще одна реплика «в сторону»:

— Напомни мне, чтобы я рассказал сэру Джону, как прекрасно нас принимали здесь; он приезжает сюда на следующей неделе.

«Сэр Джон» — так звали нашего премьер-министра. Хозяин гостиницы не знал, что он приезжает сюда, тем более что он и не собирался приезжать... Затем следовал последний аккорд.

— Погодите-ка... семьдесят шесть долларов... семьдесят шесть... Вы дадите мне,— и Э. Ф. устремлял решительный взгляд на хозяина гостиницы,— дадите мне двадцать четыре доллара, чтобы я не забыл выслать вам ровно сотню.

Руки хозяина тряслись, но он отсчитывал эту сумму.

Это совершенно не значит, что Э. Ф. был мошенником или бесчестным человеком. Долги по счетам для него были «отсроченными платежами», как английские долги Соединенным Штатам. Конечно, это не могло продолжаться бесконечно. Кредит рушится. Вера слабеет. Кредиторы становятся безжалостными, а друзья отворачиваются. Постепенно Э. Ф. опускался все ниже. Смерть жены сделала его вдовцом — жалким, потрепанным, волочащим ноги субъектом, который вызывал бы сострадание, если бы не его упорная самонадеянность.

Вскоре даже его обширные возможности путешествовать иссякли. Железнодорожные компании обнаружили наконец, что не существует никакой «Железной дороги Ледовитого океана», типография перестала печатать ее бланки.

Только еще один раз умудрился он приехать «на Восток» — это было в июне 1891 года. Я встретил его,

стремительно шагающего по Кинг-стрит в Торонто, несколько потрепанного, но в цилиндре с широкой траурной креповой лентой.

— Бедный сэр Джон,— сказал он.— Я почувствовал, что просто обязан прибыть на его похороны.

Тогда я вспомнил, что умер премьер-министр, и понял, что этот добрый порыв объяснялся бесплатным проездом.

Это был последний раз, когда я видел Э. Ф. Вскоре кто-то оплатил его обратный проезд в Англию. Он получил от какого-то опекуна, которому было доверено имущество нашего семейства, небольшой доход, что-то около двух фунтов стерлингов в неделю. На это он жил со всем достоинством, на которое был способен, в затерявшейся в Вустершире деревушке. Он рассказывал односельчанам — как я узнал позднее,— что его пребывание там в значительной мере зависит от того, что произойдет в Китае. Но в Китае ничего не происходило, и время его пребывания там продолжалось годы и годы.

Однако оказалось, что в той части Англии, из которой происходило наше семейство, имеется древнее религиозное братство с собственным монастырем и развалившимися древними усадьбами. Однажды Э. Ф. нагрянул в монастырь: братья казались ему легкой добычей, каковой они в действительности и являлись. Э. Ф. заглянул в финансовые документы братства, и его живой ум обратил внимание на старинные претензии братства к английскому правительству, довольно существенные и, вне всякого сомнения, обладающие законной силой.

В мгновение ока Э. Ф. оказался в Вестминстере в качестве представителя интересов братства. Он абсолютно точно знал, как обращаться с английскими чиновниками. Это было даже легче, чем уговаривать содержателей гостиниц в Онтарио. Достаточно было намека на изумительное предприятие за океаном. Они никогда не ездят туда, но помнят, как упустили Иоганнесбург и опоздали захватить персидскую нефть. Вот когда пригодилась Э. Ф. его железная дорога к Северному Ледовитому океану.

— Когда вы приедете, я просто должен буду показать вам нашу железную дорогу. Я серьезно подумываю, что, как только мы доберемся до реки Коппермайн, мы должны будем поместить акции здесь: это дело слишком грандиозно для Нью-Йорка...

Братья получили целую кучу денег. В благодарность они пригласили Э. Ф. стать постоянным управляющим их делами. И вот он оказался в положении, позволявшем ему наслаждаться покоем, удобствами и изобилием.

Дядюшка кончил свои дни в монастыре — каблограмма, вызывающая его в Западную Африку, так и не пришла. Много лет назад я думал об Э. Ф. как о хвастуне и притворщике. Сейчас, оглядываясь назад, я больше ценю непоколебимость его духа — качество, которое принято теперь считать присущим британской расе.

Если есть рай, я уверен, он попадет туда. У ворот он скажет:

— Питер? Тогда, конечно, вы должны быть родственником лорда Питера из Тичфилда?

Но если это ему не удастся, тогда — как говорят в таких случаях испанцы — «пусть земля ему будет пухом».

ЧЕЛОВЕК В АСБЕСТЕ

Прежде всего я должен сказать, что сделал это нарочно. Отчасти, может быть, даже из зависти.

Несправедливо, чтобы только некоторые писатели пользовались преимуществом погружаться по желанию в глубокий сон, продолжающийся целых четыреста или тысячу лет, и делаться свидетелями отдаленного будущего и всех его диковин.

Вот почему я решил добиваться во что бы то ни стало такого же продолжительного сна.

Я всегда был страстным исследователем социальных задач. Тот мир, в котором мы сейчас живем,— с его гудящими машинами, напряженным, тяжелым трудом рабочих масс, с его непрерывной борьбой, бедностью, войнами, жестокостями — меня всегда несказанно пугал.

Мне хотелось думать о времени, которое должно будет рано или поздно наступить, о времени, когда человек выйдет победителем из своей борьбы с природой, и человеческая раса, измученная непосильным трудом, сможет наконец отдохнуть.

Да, мне доставляло несказанное удовольствие об этом думать, и я жаждал все это увидеть.

Для этого необходимо было заснуть по меньшей мере на двести или триста лет, чтобы, проснувшись, увидеть себя окруженным всеми чудесами будущего.

Не откладывая дела в долгий ящик, я принялся за все необходимые приготовления ко сну.

С этой целью я скупил все юмористические журналы и газеты, какие только мог найти, включая сюда также и иллюстрированные. Потом я купил паштет, несколько дюжин пирожных и, вернувшись в отель, где я жил, сначала плотно закусил, а потом улегся в постель и при-

нялся читать один за другим юмористические журналы. Вскоре я почувствовал, что мной овладевает летаргический сон. Тогда я протянул руку за одним из номеров «Тайма» и поднес к глазам передовую статью... Это было равносильно самоубийству — я это прекрасно знал. И тем не менее я это проделал...

Еще минута, и я начал терять сознание. В комнате — напротив через коридор — громко пел какой-то баритон. С каждым мгновением его пение доносилось до меня все менее и менее явственно, и вскоре я погрузился в такой глубокий сон, какой уже не могли потревожить никакие звуки внешнего мира. Я только смутно чувствовал, как тянулись один за другим дни, месяцы, годы, целая вереница столетий.

Внезапно — точно меня кто-то толкнул — я проснулся и, приподнявшись на постели, оглянулся кругом.

— Где это я? — с удивлением спросил я себя.

Я лежал или, вернее, сидел на широком ложе в большой полутемной комнате. Судя по длинным стеклянным ящикам, в которых находились какие-то фигуры, можно было заключить, что эта комната представляла собой что-то вроде музея.

Рядом со мной сидел человек. По его совершенно гладкому, без всякой растительности, лицу трудно было определить его возраст. Одет он был в странное платье матово-серого цвета, сделанное из какого-то необыкновенного материала, напоминающего собой затвердевший пепел от сгоревшей бумаги.

Незнакомец смотрел на меня очень спокойно, без тени удивления или любопытства.

— Скажите мне, где я,— обратился я к нему,— и кто вы? и какой сейчас год? Может быть, уже трехтысячный или что-нибудь в этом роде?

Незнакомец вздохнул, и на его лице появилось скучающее выражение.

— Какая у вас смешная, возбужденная манера говорить! — сказал он.

— Я прошу вас сказать, какой сейчас год? Трехтысячный?

— Мне кажется, я понимаю, что, собственно, вы хотите сказать,— проговорил он.— Но я абсолютно не имею об этом ни малейшего понятия. Вы говорите: трехтысячный? Вероятно, что-нибудь около этого, без нескольких столетий. Здесь никто этим не интересуется, не следит за временем.

— Не следит за временем! — повторил я, пораженный.— У вас нет летосчисления?

— Раньше было,— сказал незнакомец.— Я отлично помню, как сто или двести лет назад еще находились такие люди, которые следили за временем. Но скоро они это занятие забросили вместе со многими другими, подобными же, ни на что не нужными вещами. Какой смысл во всех этих летосчислениях? Зачем это нужно? С тех пор как мы упразднили смерть...

— Упразднили смерть?! — вскричал я.— Ах боже...

— Что?! Повторите, что вы сейчас сказали. Ваше последнее слово? — попросил незнакомец.

— О боже! — сказал я.

— О! — воскликнул он.— Никогда раньше не слыхал такого слова. Так вот, как я уже вам сказал: после того как мы упразднили смерть, пищу и всякие перемены, мы практически отстранились от всех событий и...

— Подождите! — прервал я его, чувствуя, что в голове полнейший сумбур.— Подождите! Расскажите мне обо всем по порядку!

— Однако! — проговорил он.— Долгонько же вы, я вижу, спали! Ну, делать нечего! Задавайте мне в таком случае вопросы. Только, пожалуйста, задавайте их в ограниченном количестве и, главное, не увлекайтесь, и не возбуждайтесь.

Не знаю почему, но первый вопрос, который я ему задал, был:

— Из чего, скажите, сделано ваше платье?

— Из асбеста,— ответил незнакомец.— Такие платья могут служить столетия. У нас у каждого по такому, и здесь лежит их еще целая груда, на случай, если кому-нибудь понадобится. Вам, например...

— Благодарю вас,— ответил я.— Ну а теперь скажите, где я в данную минуту нахожусь?

— В музее. Все эти фигуры в ящиках такие же существа, как и вы. Если же вы хотите познакомиться во всех подробностях с новой для вас эпохой, то выйдемте отсюда и пройдемся по Бродвею...

Я встал и последовал за ним. Когда мы проходили по мрачному, полному пыли зданию, я с любопытством смотрел на находившиеся в стеклянных ящиках фигуры.

— Клянусь Юпитером! — воскликнул я, глядя на одну из них, одетую в синий мундир с ременным поясом и с палкой в руке.— Это наш полицейский!

— В самом деле? — переспросил мой новый знакомый.— Я все же не понимаю, кто это, собственно. Скажите, для чего же они употреблялись?

— Для чего «употреблялись»? — повторил я, удивленный таким вопросом.— Они стояли на углах и перекрестках улиц.

— Ах, так! Понимаю! — сказал он.— Стояли на углах и стреляли в народ... Вы должны извинить мою полную неосведомленность в некоторых социальных обычаях вашего прошлого. Когда я учился, меня оперировали на социальную историю, но материал, который они для этого употребили, был тогда еще далеко не совершенен...

Я абсолютно не понял, о чем, собственно, он говорил, у меня не было времени его расспрашивать, так как в эту минуту мы дошли до Бродвея, и я остановился в изумлении.

— Бродвей! Возможно ли?!

Перемена в полном смысле потрясающая! Там, где раньше все кипело жизнью, теперь царила полная тишина. Грандиозные здания превратились под натиском бурь и непогод, бушевавших здесь в течение многих столетий, в форменные руины, поросшие грибами и мхом. Нигде не раздавалось ни звука. Тишина мертвая! Вдоль всей улицы ни единого автомобиля; в воздухе, над головой, никаких проволок; нигде никаких признаков жизни. Только несколько человеческих фигур, одетых в такое же асбестовое платье, как и мой новый знакомый, с такими же гладкими, без признаков растительности, лицами, медленно двигались взад и вперед по улице.

Милосердное небо! И это та самая эпоха, эпоха «завоевания человеком природы», на которую я возлагал столько надежд! Почему-то мне всегда казалось, что человечеству суждено идти все вперед и вперед. Картина этого полнейшего запустения на развалинах нашей цивилизации так меня поразила, что я не в состоянии был произнести ни слова.

На улице кое-где виднелись полусгнившие скамьи. Мы сели.

— Большие улучшения, не правда ли, с тех пор, как вы здесь были в последний раз? — спросил человек в асбесте.

Он произнес эти слова с видимой гордостью.

Я с трудом мог заставить себя проговорить:

— А где же экипажи, трамваи, автомобили?

— О! С ними давно уже покончили,— сказал он.— Воображаю, какой это был ужас! Этот отчаянный шум, который они все производили...

Он вздрогнул с видимым отвращением, и его асбестовое платье зашелестело.

— Но как же вы без них обходитесь?

— Нам они совершенно не нужны. К чему? Куда нам двигаться? Не все ли равно, где жить: здесь или в другом каком-нибудь месте?

Сказав это, он взглянул на меня с бесконечно скучающим выражением.

Тысячи вопросов зашевелились в моем мозгу. Я выбрал наиболее простой:

— Но каким же способом вы отправляетесь на работу и возвращаетесь домой?

— На работу? — переспросил он.— Никакой работы нет. Последняя работа закончена несколько столетий назад.

Я взглянул на него с раскрытым от изумления ртом. Потом, постаравшись собраться с мыслями, я сказал себе, что если мне суждено разобраться во всех чудесах этого нового мира, то я должен действовать систематически, шаг за шагом.

— Я вижу,— проговорил я, помолчав,— что после меня на свете произошли удивительные вещи! Я бы хотел, чтобы вы разрешили мне задать вам ряд вопросов. Систематически. Чтобы вы все мне разъяснили постепенно, одно за другим. Прежде всего: что вы подразумеваете под словами: «нет работы»?

— Очень просто,— ответил мой странный знакомый.— Она исчезла сама собой. Ее убили машины. Если я не ошибаюсь, значительное количество машин было уже и в ваше время. Вы, насколько я помню, очень хорошо справлялись с паром, основательно задействовали электричество, но что касается радиации, то ее энергия в ваше время, кажется, совершенно не использовалась.

Я утвердительно кивнул головой.

— И все-таки это применение пара и электричества вас не удовлетворяло. Чем совершеннее были ваши машины, тем интенсивнее вы работали. Чем больше вы имели, тем больше вам хотелось. Темп жизни все ускорялся и ускорялся. Вы тщетно старались его остановить; вы возмущались, кричали, но все было напрасно. Вы оказались захваченными зубчатыми колесами ваших машин. И никто из вас конца этому не видел.

— Все это совершенная правда,— сказал я.— Но как вы все это узнали?

— О! — сказал человек в асбесте.— Эта сторона моего образования была оперирована превосходно... Я вижу, мои слова вам непонятны? Позднее я все вам объясню. Так вот: столетия два спустя после той эпохи, в которую вы жили, началась эпоха «великого завоевания природы», эпоха заключительной победы, достигнутой человеком и его машинами...

— И они победили? — спросил я быстро, чувствуя, что все мое существо снова охватил трепет былых надежд.

— Победили? Разумеется! События следовали одно за другим с необычайной быстротой, и через какое-нибудь еще столетие все было закончено. В сущности, с того момента, как человечество направило всю свою энергию на то, чтобы уменьшить круг своих потребностей, а не на то, чтобы увеличивать круг своих желаний,— все стало сразу чрезвычайно легко и просто. И прежде всего на сцену явилось химическое питание. О! До чего это удобно и просто! А в ваше время миллионы людей корчевали, пахали, рыли, копали землю с утра до позднего вечера? Да? Я видел несколько таких экземпляров. Они назывались у вас крестьянами — не правда ли? Один из них до сих пор еще сохраняется в нашем музее. После того как была изобретена химическая пища, мы в течение одного года сделали такие запасы, что нам хватит ее на многие столетия. С земледелием, таким образом, все было кончено. Одновременно было покончено и со всем тем, что имело отношение к прежнему виду питания: со всякой домашней работой, со всеми хозяйственными заботами. В наши дни каждый из нас проглатывает раз в год одну сконцентрированную питательную пилюлю, и все. Пищеварительный аппарат — такой, каким вы его знали,— представлял собой грубую, неуклюжую штуку, которая от постоянной работы раздувалась, как волынка.

Я не мог удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Так неужели же ни у кого из вас нет желудков и никаких пищеварительных аппаратов вообще?

— Разумеется, они у нас есть,— ответил он.— Но мы употребляем их для разных других, более разумных целей. Мой, например, наполнен образованием... Но я опять забегаю вперед. Лучше буду продолжать с той последовательностью, с какой начал. Итак, как я уже сказал, прежде всего явилось химическое питание. Оно сдела-

ло ненужным две трети прежних работ. Затем появилась асбестовая одежда. Это тоже в своем роде нечто изумительное. За один год человечество сделало столько платьев, что их хватит на миллион лет. Разумеется, таких блестящих результатов нельзя было бы достигнуть, если бы этому не помогли возмущение женщин и гибель моды!

— Разве мода погибла? — спросил я.— Эта нездоровая, нелепая, экстравагантная идея, которая...

Я уже готов был разразиться одной из моих прежних, негодующих тирад по адресу бессмысленных модных костюмов, но в этот момент мой взгляд упал на медленно двигающиеся фигуры в асбестовых платьях, и я не произнес ни слова.

— Погибла без возврата,— сказал человек в асбесте.— Потом, вслед за модой, мы уничтожили перемены климата. Я не думаю, чтобы в ваше время отдавали себе отчет в том, насколько ваша работа находилась в зависимости от того, что у вас принято было называть «погодой». Это требовало наличности специальных одежд, жилищ, а в связи с ними и целой массы специальных работ. Как, должно быть, были ужасны в ваши дни все эти ветры, бури, эти громадные мокрые массы (облака? — так, кажется, их называли?), которые плавали по воздуху! А эти насыщенные солью океаны, покрытые белой пеной вздымаемых ветром волн. А снежные ураганы, дожди, туманы!.. О, до чего все это было ужасно... ужасно!

— Но порой, и даже очень часто, это было удивительно красиво,— сказал я.— Интересно, как же вы могли все это изменить?

— Убили погоду, вот и все,— сказал человек в асбесте.— Ничего не могло быть проще: предоставили выпущенным на свободу стихиям природы наброситься друг на друга и изменили состав моря, так что верхние слои воды сделались в большей или меньшей степени студенистыми... Хорошенько я не могу вам этого объяснить, так как операция такого рода во время учебных занятий мне сделана не была. Я знаю только, что в результате всех этих перемен и небо и море приняли совершенно ровный, серовато-свинцовый колорит. И сразу оказалось совершенно лишним и ненужным множество всевозможных работ.

Он на мгновение умолк. Я начал понемногу отдавать себе отчет о ходе происшедшей эволюции.

— Таким образом,— сказал я,— прямым последствием

«завоевания природы» явилось полное прекращение всякой работы?

— Да.

— Продовольствия, то есть пищи, хватает теперь на всех?

— С избытком,— ответил мой новый знакомый.

— Жилищ и одежды также?

— Безусловно,— сказал человек в асбесте и, протянув руку, указал на лежащие на улице груды серых одеяний.— Вот они... Берите себе, сколько пожелаете. Разумеется, они постепенно изнашиваются, но очень медленно. Во всяком случае, их хватит еще на много столетий.

Услыхав это, я в первый раз отдал себе ясный отчет, какая тесная связь существовала между старой жизнью и работой, какое значение имел труд.

Машинально взглянув в эту минуту вверх, я увидал на одной из заросших мхом крыш полуразрушенных зданий нечто похожее на обрывок телефонной проволоки.

— А куда же девались все эти вещи? — спросил я.— Телеграфы, телефоны и все вообще средства сообщений?

— А! — воскликнул человек в асбесте.— Так телефон служил вам для этого?! Я знаю только, что он был упразднен много столетий тому назад. Объясните мне, пожалуйста, кому и для чего, собственно, он был нужен?

— Как?! — возразил я с горячностью.— Разве вы этого не знаете? Посредством телефона мы могли говорить с кем угодно и на каком угодно расстоянии.

— И всякий мог вас в любую минуту позвать и с вами говорить? — спросил человек в асбесте с выражением ужаса на лице.— Какое несчастье! В какое мучительное время вы жили! Нет, телефон и все подобного рода вещи давно уже не существуют. Все это или запрещено или уничтожено, так как во всем этом нет никакого решительно смысла... Вы, может быть, еще не отдаете себе отчета в том, насколько люди после вас с каждым столетием становились все благоразумнее и благоразумнее. Взять хотя бы железную дорогу. На что она? Для того чтобы перевозить из одного города в другой кучи людей, которые никому не нужны? Вот поэтому-то, когда всякая работа остановилась, в пище не было уже никакой надобности и с погодой было покончено, передвижение абсолютно не имело никакого смысла. Тем более,— прибавил он с выражением страха на лице,— тем

более что все эти передвижения были далеко не безопасны.

— Вот как! — сказал я.— Не безопасны! Но разве у вас еще существует такое понятие — «опасность»?

— Если хотите — да...— сказал он,— всегда есть опасность разбиться...

— Что вы под этим подразумеваете? — спросил я.

— По всей вероятности, то же, что подразумеваете вы под словом «умереть». Собственно, под смертью — в том смысле, в каком вы ее понимаете,— мы покончили уже давно, много столетий тому назад. Болезни и смерть представляли собой особый вид микроба. Мы их находили один за другим. Мне думается, что и в ваши дни часть их была уже найдена, из самых, разумеется, крупных, простых. Не правда ли?

Я утвердительно кивнул головой.

— Да, помнится, что в ваши дни были найдены уже микробы тифа и дифтерита и вы производили опыты с разного рода прививками: прививали оспу, скарлатину. Но о громадном большинстве микробов вы тогда не имели еще никакого понятия. После вас мы всех их нашли и уничтожили один за другим. Странно, что никому из вас не пришло в голову, что старость тоже не что иное, как микроб, и даже один из простейших. Но проявления его были до такой степени разнообразны, что это вас пугало.

— Неужели же вы хотите сказать,— воскликнул я, изумленный до крайности,— что вы дошли до того, что будете жить вечно?! Неужели?!

— Я бы очень хотел,— сказал человек в асбесте,— чтобы вы бросили эту странную, раздражающую манеру вести разговор... Вы говорите так, точно все это очень важно. Ну разумеется,— продолжал он,— мы живем вечно, если только случайно не разобьемся. Это иногда случается. Мы можем вдруг откуда-нибудь свалиться или удариться обо что-нибудь твердое и треснуть... Дело в том, что мы все еще несколько хрупки,— вероятно, в нас еще сильны остатки первобытного человека. И нам надо держаться в высшей степени осторожно. Должен сказать, что такого рода неприятные случайности представляли собой довольно частое явление в первые времена нашей цивилизации, до тех пор пока мы не сумели уничтожить все, чем такие случаи вызывались, и в первую очередь уличное движение, уличную торговлю, железные дороги, аэропланы и прочее. Я могу

себе представить, скольким опасностям вы подвергались в ваше время. Что только не грозило вашему существованию! Ваша жизнь представляла собой один сплошной риск,— сказал он, вздрагивая всем своим асбестовым платьем.

— Да, опасностей всякого рода было действительно немало,— сказал я, в первый раз в жизни испытывая гордость за свое поколение,— но мы считали, что наш долг — долг каждого смелого народа...

— Да, да,— нетерпеливо перебил меня человек в асбесте.— Я знаю... Только прошу вас — не горячитесь. Я знаю, что вы хотите сказать. Но это было неразумно. В высшей степени неразумно.

Я ничего не ответил, и мы сидели некоторое время молча. Я смотрел на обвалившиеся здания, на серо-свинцовое небо, на унылую, пустынную улицу... Я мог воочию убедиться в достигнутых результатах. Здесь исключена всякая работа, здесь нет уже ни голода, ни холода, никакой борьбы, никаких болезней, уничтожена сама смерть. И тем не менее я определенно чувствовал, что тут что-то неладно... Все это навело меня на серьезное раздумье, и я решил задать еще несколько быстрых, непосредственно следовавших один за другим вопросов.

— Скажите, как обстоит у вас дело с войной?

— С этим покончено давным-давно. Все международные споры были разрешены при помощи специальной машины, после чего все сношения с заграницей кончились. Для чего нам все это? Каждый смотрит на чужеземцев с ужасом и отвращением.

— Но газеты у вас есть?

— Газеты?! А на что они нам, скажите на милость? Если бы кому-нибудь захотелось на них взглянуть, то пожалуйста — вот здесь лежат целые груды старых газет. Что, собственно, в них печаталось? Сведения о том, что случалось? О войнах, о разного рода событиях, работах, болезнях, смертях? Но раз всего этого больше не существует, то естественно, что нет смысла и в газетах. Послушайте,— продолжал человек в асбесте,— насколько я могу судить, вы представляете собой нечто вроде социального реформатора, а между тем вы совсем еще не уяснили себе сущности новой жизни. Вы не понимаете, до чего бесследно исчезло все прежнее. Уясните себе все по порядку. Скажите мне, как в ваше время люди проводили первые, ранние периоды своей жизни?

— Первые пятнадцать лет нашей жизни у нас обычно уходили на наше образование и на ученье,— сказал я.

— Совершенно верно. Обратите теперь внимание на то, как мы все это усовершенствовали. В наши дни ученье производится операционным путем, при помощи тех или других хирургических операций. Удивительно, что в ваше время никто не додумался до того, что это самый естественный и простой способ. Точно вы не желали понять, что вся ваша деятельность в этой области сводится к тому, чтобы постепенно изменить, придать другой изгиб, другую форму внутренней части вашего мозга путем крайне длительных и болезненных умственных усилий. Все, что вы учили, воспринимали, отпечатывалось в вашем мозгу, производя в нем те или другие физические изменения. Вы все это прекрасно знали, но не отдавали себе ясного отчета во всех возможностях. Потом уже, значительно позже вас, было изобретено хирургическое образование. Необыкновенно простая система! В черепе делается разрез, и в него вкладывается кусочек особым образом препарированного мозга. Вначале для этого пользовались мозгами умерших... Это было ужасно, конечно...

Сказав это, человек в асбесте задрожал, как осиновый лист, потом продолжал:

— Очень скоро сумели, однако, обходиться специально изготовленными составами, которым придавали требуемую форму. И чем дальше, тем эта процедура все более совершенствовалась. В настоящее время это совсем уже просто: достаточно пяти минут для того, чтобы вложить в череп любого человека то, что требуется: поэзию, иностранные языки, историю — безразлично что... Вот взгляните сюда,— прибавил он, отстраняя от своего лба прядь волос и обнаруживая под нею маленький шрам.— Видите, именно здесь и был произведен разрез, через который мне и вложили мою сферическую тригонометрию. Операция небезболезненна, конечно, но другие предметы, как, например, английская поэзия или история, вкладываются несравненно проще, не причиняя никакой боли. Теперь всякий раз, когда я думаю о ваших варварских мучительных способах обучения через уши, меня охватывает дрожь. И до чего мы все это упростили! Знаете, как ни странно, но некоторые предметы, например философию, метафизику и прочее, мы вкладываем теперь уже не в череп, а в то, что прежде у вас назы-

валось пищеварительным аппаратом. Это необыкновенно удобно.

Помолчав немного, он продолжал:

— А теперь скажите мне, как вы проводили время по окончании вашего образования?

— Тогда у нас наступала пора работать,— сказал я,— а притом нужно признаться, что бо́льшая доля и нашего времени и наших чувств была посвящена другому полу — любви и поискам женщины, которая могла бы разделить с нами наше существование.

— Да!— воскликнул человек в асбесте, и в голосе его в первый раз прозвучало что-то похожее на оживление. Я ни разу не слышал о ваших «сделках» с женщинами, никогда хорошенько этого не понимал. Скажите, правда, что вы выбирали себе одну определенную женщину?

— Правда.

— И она становится вашей — как это вы называли — женой?

— Да.

— И вы работали на нее?— спросил асбестовый человек с нескрываемым изумлением.

— Конечно!

— А она не работала?

— Нет,— отвечал я.— В большинстве случаев нет.

— И ей принадлежала половина того, что вы имели?

— Да.

— И она имела право жить в вашем доме и пользоваться вашими вещами?

— Разумеется,— ответил я.

— Какой ужас!— воскликнул человек в асбесте.— До этой минуты я еще не сознавал достаточно ясно всю гнусность вашей эпохи.

Он вздрогнул и несколько минут просидел молча, с выражением боязни и отвращения.

Внезапно я обратил внимание на тот факт, что все эти медленно двигавшиеся на улице фигуры были похожи, как капли воды, одна на другую.

— Скажите, пожалуйста,— обратился я к своему собеседнику,— у вас женщин, по-видимому, нет? Их тоже упразднили?

— О, нет,— ответил он.— Их здесь очень много. Столько же, сколько и раньше. Среди этих фигур, на которые вы сейчас смотрите, добрая половина — женщины. Но вы понимаете, в связи со всеми совершив-

шимися переменами переменились и они. Отчасти это было следствием их великого возмущения, их стремления ничем не отличаться от мужчин. Все это, кажется, началось еще в ваше время. Не правда ли?

— Только отчасти,— отвечал я.— Они тогда начинали требовать себе права голоса на выборах.

— Вот именно,— подтвердил мой новый знакомый,— я забыл, как это называлось. Вообще, насколько я могу судить, женщины вашей эпохи были в полном смысле этого слова чудовищными созданиями. Покрытые шкурами и птичьими перьями, вымазанные яркими красками, они беспрестанно хохотали — не правда ли? И у них были такие дурацкие зубы!.. И в любую минуту они могли привлечь вас к заключению с ними одного из этих ужасных контрактов...

Он опять вздрогнул.

— Асбестос!— с негодованием воскликнул я (я не знал, как его иначе назвать) — Асбестос! Неужели же вы думаете, что все эти фигуры, похожие больше на какие-то студни, чем на живых людей, могут сравниться с нашими женщинами, с женщинами двадцатого века?!

Внезапно новая мысль мелькнула у меня в голове.

— А как же дети?— воскликнул я.— Где они? Есть они у вас?

— Дети?— переспросил он.— Нет! Вот уже целое столетие, как я ничего о них не слышал. Но я их себе представляю. Странные, маленькие существа с громадными физиономиями и несмолкаемым плачем. И они все росли — не правда ли? Как грибы? Становились с каждым годом все длинней, все длинней...

Я встал. Меня душила злоба.

— Асбестос!— воскликнул я.— Так это ваша пресловутая цивилизация? Это скучное, мертвое существование? Уничтожена борьба, нет больше работы, а вместе с ними уничтожено и все радостное, светлое в жизни. Прежнюю борьбу у вас заменил полный застой, полное закоснение, а опасности и смерть — томительная тоска и ужас от сознания бесконечности такого прозябания. Нет, нет! — закричал я, простирая руки к серо-свинцовому небу.— Я не хочу вашей цивилизации. Верните мне обратно мою прежнюю, старую жизнь с ее борьбой за существование, с ее тяжелым трудом, разочарованиями, с ее сердечной тоской. Я узнал ей настоящую цену... Мне не нужно покоя! Не нужно! — громко закричал я...

— Вам не нужно, но вы должны дать покой другим,— донесся из коридора чей-то сердитый голос.

Я проснулся.

Я опять увидел себя в своей комнате, в отеле. Меня окружало жужжанье и гул старой жизни, полной кипучей, интенсивной деятельности, и до моего слуха снова ясно донесся возмущенный голос из коридора:

— Да прекратите же, наконец, ваше дурацкое мычанье! Замолчите! Проснитесь! Вернитесь к действительности!

И я вернулся.

РАДИО

Что такое радио?

Я был бы счастлив, если бы кто-нибудь из моих читателей сумел объяснить мне в простых и ясных словах: что такое радио?

Но я наперед должен вас предупредить, что бесполезно говорить мне, будто у себя дома я имею возможность, удобно откинувшись в кресле, внимать по радио звукам питтсбургского оркестра. Я этого вовсе не хочу! Незачем также сообщать мне, что я могу, удобно откинувшись в кресле, слушать речь У. Дж. Брайана. Мне это тоже не нужно. Я уже много раз слышал его речи.

Не удовлетворяют меня объяснения вроде «первичный круг», «реостат» и «вариометр». Подобные слова ничего мне не говорят. Я уже пытался с ними разобраться и недалеко ушел. Я прочел книгу под заголовком «Радио для начинающих» и ничего в ней не понял. Теперь я выписал себе другую книгу — с успокоительным названием «Радио для детей», но и на нее возлагаю очень мало надежд. Я наперед знаю: в ней тоже будет сказано, что благодаря радио в настоящее время даже младенец, откинувшись на своем детском креслице, может внимать звукам питтсбургского оркестра.

Без сомнения, в ней будут также «указания», как устраивать антенну и проч. Все эти названия очень смахивают на ругательные слова, которыми мы еще мальчишками перебрасывались между собой.

Мало действуют на меня также россказни об удивительной скорости эфирных волн. Было бы совершенно бесцельно рассказывать мне, что герцовские волны делают в секунду 3 000 000 000 000 колебаний. Я верю, что цифры приведены правильные, но вовсе не нахожу эту скорость такой уж огромной. С тех пор как я который уж год читаю статистические данные о репарациях,

которые должна заплатить Германия, и о падении европейских валют, меня никакими астрономическими цифрами не проймешь. Все, что я думаю о радио, сводится вот к чему: для бедного человечества изобрели новое бремя. Прибавили еще один пункт к ужасающе длинному списку вещей, которых я не понимаю. Мне понятны теперь чувства древних вавилонян, когда они повесили человека, изобретшего первую точку... Короче говоря, радио еще больше углубило пропасть, отделяющую меня от современной жизни.

Насколько я мог узнать из газет, радио, по-видимому, находится главным образом в руках детей. Еще на прошлой неделе я читал, что маленький мальчик из технической школы в Шенектеди смастерил себе радио из пустой коробки из-под сардин и кусочка тонкой проволоки. Славный, должно быть, мальчишка! Так и хочется его придушить! И я уже вижу, как другой славный мальчишка (в литературе по радио их всегда называют не иначе как «славные ребята») устроил себе радио в своей спальне.

Воздушные провода у него, наверное, были длиной в семьдесят четыре фута, и, без сомнения, он пользовался также плоскоостроконечным индуктором. Бедный мальчик! Я уже забыл, для чего он использовал свое радио,— вероятно, тоже для того, чтобы внимать звукам питтсбургского оркестра. Такие мальчики большей частью этим и занимаются.

Между тем радиолюбительство приобрело размеры массового движения. Каждый день возникают новые радиокружки, радиожурналы, радиомагазины и радиоконкурсы. Поистине радио стало всеобщим увлечением и мужественно отвоевывает себе место рядом с запрещением спиртных напитков, психоанализом и подсознанием. В скором времени оно проберется в кино и на сцену, заберется в наши будуарные романы и, стало быть,— в самое сердце изящной словесности.

Недавно я прочел (или это мне приснилось) одну радионовеллу, начинавшуюся приблизительно так:

«Анджелина сидела в своей комнате, трубка приклеилась к ее ушам, а глаза привычно вперились в искатель направлений. Удобно откинувшись в кресле, она слушала питтсбургский оркестр, между тем как герцовские волны мечтательно проносились рядом с ее ухом со скоростью трех триллионов метров в секунду. Вдруг молодая девушка заметила среди волн одну, от которой ее сердце быстро забилось. Это была волна Эдуарда! Привычный

и любимый призыв: Шнукки. Она бы везде узнала его! В нем таилась романтика, от которой закипала кровь молодой девушки!.. Шнукки! Она проворно подключила усилитель, настроила искры на лучшую чистоту слышимости и открыла соединитель конденсаторов.

— Эдуард,— искрометнула она,— это я. Где ты находишься?

— Я здесь,— донесся ответ.— Удобно откинувшись в своем кресле, я слушаю речь одного из наших величайших парламентских ораторов.

Эти слова он произнес, конечно, на языке радио.

— Включи себя, моя дорогая, и мы сможем слушать вместе.

— С восторгом, мой любимый! — отвечала она.

Прекрасная молодая девушка (она только недавно получила диплом Высшей технической школы в Шенектеди) настроилась в далеком эфире на такую же частоту, какую Эдуард всасывал в свою пустую трубку. Как радостно было девушке сознавать, что их антенны связаны одной и той же волной и что теперь и ее, и его амплитуда настроены пропорционально квадрату расстояния! Так слушали они речь оратора, и антенны их невольно сблизились!»

Хотите — верьте, хотите — нет, но дойдя до этого места новой радионовеллы, я вспомнил старый забытый рассказ, который читал много лет назад.

Там было написано приблизительно следующее:

— «Так слушали они речь проповедника с кафедры, и руки их невольно сблизились».

Не правда ли, какое сходство? Стало быть, новый мир вовсе не так нов, как кажется. В общем, должен сказать, что я лично все же предпочитаю антенне руку.

Однако применяемый таким образом новый любовный радиометод имеет большие преимущества. Когда-то, прежде чем Джон Шенкопф (так назывался герой старинной новеллы, а, впрочем, может быть, его звали Вальтер Эйзенгерц) — прежде чем он залучал девушку в церковь, где мог держать ее за руку, ему приходилось отмахать миль восемь верхом по лесу, удирая от преследовавших его медведей, а по окончании богослужения он должен был накидывать ей на плечи шаль, провожать ее мили за четыре домой и кушать с ее мамашей плампудинг.

А теперешний Эдуард со своей антенной?

Ему ничего подобного не нужно! Никаких хлопот с провожанием домой, никаких расходов, решительно ничего! Ему необходимо только включить себя, и это делается очень просто:

«Он чувствовал, что колебания радиоприемника девушки становятся все слабее и слабее.

— Устала, любимая моя? — прошептал я. (Зззз! — шепот отмечается четырьмя синими искрами.)

— Немножко,— вздохнула она в свой усилитель.

— В таком случае выключимся,— искрометнул Эдуард,— и завтра вечером, в восемь часов, удобно откинувшись в наших креслах, будем внимать звучанию питтсбургского оркестра.

— Ах, как это будет чудесно, милый мой! — отвечала она.

Невинное дитя (она слушала лекции по высшей математике и физике в технической школе в Шенектеди) искрометнуло в приемник и удалилось на покой».

Из рассказа следовало бы вывести какую-нибудь мораль.

Пока я писал, она вертелась у меня на языке, но под конец исчезла. Я объясняю это торопливостью и сумятицей нашей современной жизни, переполненной чудесными открытиями и изобретениями, которые в итоге не оставляют в голове ни одной здравой мысли.

КРАТКОЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПОСОБИЕ

Предлагаю вниманию читателей отрывки из небольшой книжицы, которую я готовлю к публикации.

В голове у каждого из нас есть что-то вроде чердака, где хранится всякая всячина. Чем ее больше, тем более образованным считается человек. В моей книге вкратце излагаются все те сведения, которые в виде смутных воспоминаний остаются нам на память о годах учебы.

Различают три вида образования: всестороннее, классическое и среднее. Всесторонне образованны обычно лишь очень старые люди. Человек, получивший классическое образование, практически уже больше не годен ни на что. Среднее образование — это вообще не образование.

Для того чтобы получить образование, нужно шесть лет упорно заниматься зубрежкой в колледже. Если записать приобретенные в результате знания, они уместятся на десяти листках из небольшого блокнота. Но, даже получив образование, люди часто не знают, что с ним потом делать.

Когда выйдет в свет моя маленькая книжечка, каждый сможет носить свои знания в кармане брюк. Те, кому не удалось посвятить свою юность зубрежке, смогут после нескольких часов внимательного чтения достичь уровня образованных людей.

Публикуемые отрывки из книги выбраны наугад.

I. СВЕДЕНИЯ ПО АСТРОНОМИИ

Астрономия — наука о том, как правильно обращаться с Солнцем и планетами. Их надо насадить на тоненькие палочки и вращать друг вокруг друга. От этого возникают приливы и отливы. Следует помнить: то, что на концах палочек, находится очень далеко от нас. Орбита планеты — это расстояние, которое палочка проходит за

один оборот. Если число планет превышает число палочек, значит, вы обнаружили новую планету.

Астрономия — захватывающая наука. Лучше всего заниматься ею по ночам, в высокой башне где-нибудь на Шпицбергене. Там уж вашим занятиям не помешает никто. По-настоящему хороший астроном может предсказать приближение кометы по усиливающемуся шуму трения палочек.

II. СВЕДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ

АЦТЕКИ. Мифическая раса, полулюди, полулошади. Знамениты тем, что насыпа́ли курганы. Расцвет их совпал по времени с появлением ранних кохинхинцев. После себя повсюду оставили невероятных размеров идолов, являющихся их точными скульптурными портретами.

ЖИЗНЬ ЦЕЗАРЯ. Знаменитый римский генерал, последний, кому удалось высадиться в Британии, минуя таможню. После возвращения в Сабинское поместье (очевидно, с целью припрятать добычу) был заколот Брутом и умер, успев сказать: «Пришел, увидел, взвесил, поделил...» Остальные слова застряли в глотке. Суд присяжных вынес вердикт: «Смерть от удушья».

ЖИЗНЬ ВОЛЬТЕРА. Француз, очень остроумен.

ЖИЗНЬ ШОПЕНГАУЭРА. Немец, очень тонок, однако одежда того времени это почти скрывала.

ЖИЗНЬ ДАНТЕ. Итальянец, познакомил человечество с бананами и с шарманкой нового типа, известной под названием «Дантов ад».

Петр Великий Альфред Великий Фридрих Великий Джон Великий Том Великий Джим Великий Джо Великий и т. д. и т. п.	Запомнить, кто был кем, занятому человеку почти невозможно. Среди них встречаются короли, апостолы, боксеры и прочие в том же роде.

III. СВЕДЕНИЯ ПО БОТАНИКЕ

Ботаника — наука о растениях. Среди последних различают деревья, цветы и овощи. Опытный ботаник скажет, что перед ним дерево, как только его увидит. Чтобы

отличить дерево от овоща, ему достаточно просто приложить к нему ухо.

IV. СВЕДЕНИЯ ПО ЕСТЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Предметом изучения естественных наук являются движения и силы. Со многими из них мы часто встречаемся в жизни.

Например:

а) чем сильнее вы толкаете автомобиль, тем быстрее он едет. Занимаясь этим достаточно долго, вы хорошо поймете, что такое естественные науки;

б) если вы падаете с высокой башни, вы летите все быстрее, быстрее, быстрее... Хорошо выбрав башню, можно достичь любой скорости;

в) если вы всунете палец между спицами крутящегося колеса, он будет вращаться, вращаться, вращаться, пока наконец ваши подтяжки не остановят колесо. Это называется механикой;

г) электричество бывает двух типов: положительное и отрицательное. Разница между ними, на мой взгляд, в том, что одно чуть дороже, но более долговечно, а другое несколько дешевле, но притягивает мошек.

ОЧЕРКИ ОБО ВСЕМ

Пособие для занятых людей

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последние несколько лет показали, что в наше время университет становится совершенно ненужным учреждением. Обучение в колледжах постепенно вытесняется самообразованием по таким замечательным кратким пособиям, как «Общеобразовательные беседы у очага», «Всемирная библиотека-малютка», «Конические сечения для школьников» или «Рассказы о сферической тригонометрии для малышей». Благодаря этим книгам наша молодежь, к какому бы слою общества она ни принадлежала, больше не будет томиться неутоленной жаждой знаний. Теперь эту жажду можно утолить за один присест. Точно так же любой деловой человек, если ему хочется следить за основными течениями в развитии истории, философии и радиоактивности, вполне может заниматься этими предметами во время переодевания к обеду.

Таким путем всю массу человеческих знаний, оказывается, можно сжать до очень небольшого объема. Но, думается, даже и теперь еще есть пути к дальнейшему ее уплотнению. Ведь даже самые краткие из существующих пособий все еще слишком длинны для современного делового человека. Нельзя забывать, что он очень занят. А если не занят, то устал. У него не столько свободного времени, чтобы он мог позволить себе читать целых пять страниц печатного текста только для того, чтобы узнать, например, когда Греция достигла расцвета и когда пришла в упадок. Если грекам хотелось, чтобы все это дошло до него, им надо было проделать это побыстрее. И уж конечно, сейчас и в голову никому не придет читать какую-нибудь пространную статью с таблицами и диаграммами, повествующую о том, как в течение двадцати миллионов лет плейстоцена простейшие превращались в беспозвоночных. Человек не располагает двадцатью миллионами лет. Этот процесс

явно длился слишком долго. Нынче нам нужно что-нибудь покороче и поживее, что-нибудь более осязаемое.

Исходя из вышесказанного, я подготовил серию «Очерков обо всем», охватывающую все области науки и литературы. Каждый отдельный очерк написан с таким расчетом, чтобы дать деловому человеку достаточные — и притом совершенно достаточные — сведения по любой отрасли знания. Как только я замечаю, что он получил достаточно, я немедленно останавливаюсь. Предоставляю самому читателю судить, насколько точно определен мною предел полного насыщения.

Том I

ОЧЕРКИ О ШЕКСПИРЕ

(Предназначаются для подготовки научных работников в течение пятнадцати минут. Прочитавшему гарантируется присвоение ученой степени доктора философии)

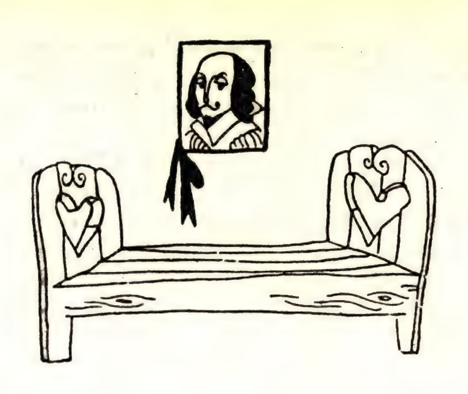
Жизнь Шекспира. Нам ничего не известно о том, где и когда Шекспир родился. Тем не менее он умер.

Косвенные данные, полученные из посмертного анализа его произведений, позволяют утверждать, что в разные периоды жизни он перепробовал профессии юриста, моряка и писца; кроме того, ему пришлось быть актером, трактирщиком и конюхом. Можно предположить, что именно за трактирной стойкой он и приобрел столь характерное для него поразительное знание людей и нравов (ср. «Генрих V», V, 2: «Теперь скажите, господа, что вам подать?»).

Вместе с тем разносторонняя эрудиция, о которой свидетельствует каждая его строка, несомненно, доказывает, что Шекспир прошел также интеллектуальную подготовку, необходимую для адвоката (ср. «Макбет», VI, 4: «Что мне с того?»), а ряд отрывков наводит на мысль о том, что поэт был весьма близко знаком и с жизнью моряков («Ромео и Джульетта», VIII, 14).

Однако, судя по тому, что он сделал из английского языка, он никогда не учился в колледже.

Всевозможные возможности. Согласно общераспространенной версии, Шекспир был весьма посредственным актером. Полагают, что он исполнял роль

призрака, а также, возможно, роли: «Входит горожанин», «Слышен звук фанфар», «Раздается собачий лай» или «Из дома слышится звон колокольчика». (Примечание. В бытность автора членом студенческого драматического общества ему тоже случалось выступать в роли фанфар, колокольчика, собаки и так далее.)

Наши соображения о личности Шекспира, или, как теперь принято говорить, о Шекспире-человеке, лучше всего выражает цитата из превосходного исследования, выполненного, насколько нам известно, профессором Гилбертом Мерри, хотя, возможно, некоторое участие в этой работе принимал, между прочим, и Брандер Мэтьюз:

«Шекспир, вероятно, был гениален. По-видимому, он любил своих друзей и, возможно, проводил много времени в их обществе. Он, очевидно, был человеком добродушным и беспечным, причем, весьма возможно, у него был дурной характер. Известно также, что он пил (ср. «Тит Андроник», I, 1: «Чего б тут выпить?»), но, по всей вероятности, не слишком много (ср. «Король Лир», II, 1: «Довольно!»; также «Макбет», X, 20: «Довольно! Стойте!»). По всей видимости, Шекспир любил детей и собак, однако нет никаких указаний на то, как он относился к дикобразам.

Нетрудно представить себе такую картину: в таверне «Митра» сидит Шекспир со своими закадычными друзьями. Может быть, он вместе со всеми поет песни, возможно осушая при этом кружку-другую пива. Время от времени он погружается в глубокую задумчивость, и его мысленному взору является величественный призрак Юлия Цезаря».

К этому превосходному анализу нам хочется добавить

всего лишь несколько слов: нам совсем нетрудно представить себе, как великий писатель сидит в любом другом месте,— и в этом-то, по существу, и заключается главная прелесть исследований о Шекспире.

Единственное достоверное сведение о нем: он завещал жене свою старую кровать.

После смерти Ш. город, где он родился,— то ли Стрэтфорд-на-Эйвоне, то ли какой-то другой,— стал местом паломничества всех просвещенных туристов. Когда нынче попадаешь на тихую улочку этого провинциального городка, испытываешь странное чувство при мысли, что именно здесь или где-то в другом месте действительно некогда жил и мыслил великий английский бард.

Творчество Шекспира. Прежде всего следует остановиться на сонетах, которые, как утверждает профессор Мэтьюз, были написаны, весьма возможно, еще при жизни Шекспира, уж во всяком случае не после его смерти. Красота сонетов настолько поражает читателя, что совершенно лишает его возможности запомнить, о чем в них, собственно, идет речь. Однако для современного делового человека достаточно назвать следующие: «Пью за здравие Мери», «Тише, мыши, кот на крыше» и «Приголубь, приласкай!». Этого вполне достаточно на все случаи жизни.

Среди величайших произведений Шекспира следует назвать его исторические хроники: «Генрих I», «Генрих II», «Генрих III», «Генрих IV», «Генрих V», «Генрих VI», «Генрих VII», «Генрих VIII». Предполагают, что смерть прервала его работу над пьесой о Генрихе IX. Существует мнение, будто Шекспир считал, что раз напав на жилу, надо разрабатывать ее до конца.

Авторство отдельных частей его исторических драм или даже целых драм окончательно еще не установлено. Так, наши самые авторитетные критики утверждают, что, например, в «Генрихе V» сто первых строк написаны Беном Джонсоном, последующие двести — самим Шекспиром (кроме половины строки в середине, которая, несомненно, принадлежит Марло), следующие сто — опять Джонсоном, но с помощью Флетчера, а далее идут строки, написанные поочередно Шекспиром, Мэссинджером и Марло. Установить авторство оставшейся части драмы практически невозможно, и каждый исследователь придерживается тут своей версии.

Однако сами мы нисколько не заблуждаемся относительно того, что действительно принадлежит перу Шекспира, а что — нет. В строках, написанных самим Шекспиром, есть нечто неуловимое, безошибочно подсказывающее, что перед нами Шекспир. Так, слова: «Раздается звук фанфар... Входит Глостер с возгласом: «Эй, вы, там, о-го-го-о!» — могут принадлежать только Шекспиру, потому что только Шекспир мог до этого додуматься. В самом деле, только Шекспир сумел ввести в свои драмы нечто совершенно новое, например: «Входит Кембридж, за ним следует Топор» или «Входит Оксфорд, за ним следует Факел». Его менее прославленные собратья по перу никогда не могли добиться такой изысканности и тонкости выражения, и, прочитав строку: «Входит граф Ричмонд, за ним следует щенок», всякий сразу поймет, что перед ним жалкая мазня.

Есть еще один признак, по которому можно судить, была ли данная историческая драма написана Шекспиром. Мы имеем в виду форму обращения персонажей. У Шекспира они обращаются друг к другу не по имени, а по названию места жительства: «Что скажет наш французский брат на это?», или — «Ну, бельгиец, решай, что лучше?», или — «Так, продолжай, бургундец, мы ухо к тебе склоняем».

Нам тоже пришло однажды в голову попытаться использовать этот прием в жизни, но, надо сказать, неудачно. Друзья почему-то не хотели, чтобы мы обращались к ним таким образом: «Как дела, ты, из квартиры Б, Гровнер-сквер?» или — «Ну-ка, давай, ты, с Марлборо, верхний этаж, квартира шесть...».

Великие трагедии. Каждый образованный человек должен иметь общее представление о великих трагедиях Шекспира. Если при этом исходить из того, что обычно хранит в памяти рядовой зритель или читатель, получить это общее представление можно без особых усилий. Например:

Гамлет (не путать с «Омлетом» Вольтера), принц Датский, жил в изумительной обстановке и носил черный бархатный костюм. То ли потому, что он был ненормальный, то ли наоборот, но он постоянно находился в мрачном настроении. Он убил своего дядю и еще каких-то людей, имен которых обычно никто не помнит.

Это так потрясло Офелию, что она решила покончить с собой, но, как это ни странно, бросившись в реку,

не пошла ко дну, а медленно поплыла по течению, распевая песни и что-то крича. В самом конце Гамлет закалывает Лаэрта, а потом и себя. После этого все прыгают в его могилу, пока она не наполняется до краев. Тут занавес падает. Лица, способные удержать все это в памяти, по праву смотрят на других несколько свысока.

Шекспир и сравнительное литературоведение. Современная наука внесла значительный вклад в изучение творческого наследия Шекспира и способствовала пробуждению интереса к его произведениям, исследовав источники, из которых он черпал сюжеты для своих пьес. Оказывается, все они восходят к седой старине. Нетрудно проследить, что сюжет Гамлета заимствован из древневавилонской драмы под названием «Хамлид», которая, в свою очередь, по-видимому, является всего лишь вариантом древнеиндийской трагедии «Жизнь Уильяма Джонсона».

Вполне возможно также, что тема «Короля Лира» восходит к древнекитайской драме «Ли-по», а «Макбет», как показали новейшие исследования наших ученых, обнаруживает явные следы шотландского происхождения.

По сути дела, вместо того чтобы сидеть и придумывать сюжеты для своих пьес, Шекспир рылся в старых сагах, мифах, сказаниях, легендах, архивах и фольклоре, на что у него, вероятно, уходили целые годы.

Внешность. Шекспира обычно изображают с остроконечной бородкой, волосами, подстриженными ежиком, и широкими залысинами над лбом, большими диковатыми глазами, крупным носом и скошенным подбородком. При этом на лице его написано полное отсутствие мысли, граничащее со слабоумием.

Выводы. Из всего вышесказанного следует запомнить, что произведениям Шекспира присущи следующие черты: величие, грандиозность, вкус, гармоничность, возвышенность, широта, размах, протяженность, а также понимание, глубина, сила и ясность, темперамент и мощь.

Заключение: Шекспир был очень хорошим писателем.

Том II

ОЧЕРКИ ОБ ЭВОЛЮЦИОННОМ УЧЕНИИ

(Пересмотрены и рекомендованы в качестве пособия для всех: специально переработаны для школ штата Теннесси)

За последнее время наши школы, по-видимому, вновь оказались перед рядом серьезных трудностей, возникших в связи с преподаванием эволюционного учения. Одно из двух: либо этот предмет преподается совершенно неправильно, либо с ним самим не все обстоит благополучно. Нам казалось, что положения эволюционной теории уже давным-давно повсеместно получили безоговорочное признание, а потому потеряли всякую притягательную силу для широкой публики. Их давно изучают наравне со сферической тригонометрией и сравнительной историей религий, и никому не приходило в голову придавать эволюционной теории значение большее, чем, скажем, антропологии.

И вдруг что-то случилось. В одной из школ Канзаса ученик швырнул на пол книгу и заявил, что, если его еще раз назовут простейшим, он не станет ходить на занятия. Какой-то папаша из Остабула (Оклахома) подал местному школьному начальству заявление о том, что не может допустить, чтобы его детей учили, будто они произошли от обезьяны, ибо это бросает тень на его репутацию. Волна протестов прокатилась по всем школам.

Ученики высыпали на улицы с плакатами, на которых было написано: «Разве мы павианы? Обезьянам — ура!»

Ротари-клубы разных городов один за другим стали выносить решения о том, что они не могут поддержать (или понять?) учение о законах биогенеза и предлагают его упразднить.

В Уиноне (Юта) женский клуб «За культуру» потребовал, чтобы в учебниках их штата имя Чарлза Дарвина было заменено именем У. Дж. Брайена. «Общество борцов против пивных» постановило, чтобы количество учебных часов, отводимое в школах на дарвинизм, не превышало половины процента общего их числа.

Предлагаемые «Очерки об эволюционном учении» были задуманы и написаны именно в связи с создавшимся затруднительным положением. Автор ставил себе целью пересмотреть и переработать железные законы эволюционной теории таким образом, чтобы сделать ее приемлемой для всех без исключения.

Совершенно очевидно, что начинать подобный курс надо с изложения того, какой вид имела эволюционная теория до появления первых протестов. В то время у каждого из нас еще со школьных лет в общих, может быть несколько расплывчатых, но все же вполне определенных чертах хранились в памяти основные положения дарвинизма.

Некоторые смутные воспоминания об эволюционном учении, вынесенные из школы. Мы все произошли от обезьяны, но это было так давно, что теперь этого можно больше не стесняться, примерно две или три тысячи лет тому назад, и, должно быть, после, а не до Троянской войны.

Не надо забывать, что существует много пород обезьян: обыкновенная обезьяна, которую мы часто видим на улицах с шарманкой (communis monacus); бабуин, гиббон (не Эдуард!); умный, веселый крошка шимпанзе; волосатый длиннорукий орангутанг. Возможно, нашим предком был именно он.

Однако происхождением человека от обезьяны вопрос далеко не исчерпывается. На более ранней ступени развития человек не был даже обезьяной. Начинал он, вероятно, с простого червя, потом перешел в устрицу, из устрицы — в рыбу, а потом — в змею, из змеи — в птицу, из нее — в летучую белку и уже только тогда — в обезьяну.

Так же развивались и все остальные животные. Все они произошли друг от друга. Оказывается, лошадь — это на самом деле птица, совершенно такая же, как ворона, и разница между ними чисто внешняя. Если бы

у вороны были бы еще две ноги и не было перьев, она отличалась бы от лошади только величиной.

Все эти изменения были вызваны так называемым естественным отбором. Змея, которая жалила злее других змей, имела больше шансов выжить. Все живое должно было или приспособиться, или погибнуть.

Так, жираф разработал себе шею. Еж отрастил иголки. Аист развил ноги. Вонючка тоже приобрела особые полезные качества. Словом, все животные, каких мы привыкли видеть вокруг нас: вонючка, жаба, осминог, канарейка,— исключительно отборная публика.

Это изумительное открытие было сделано Чарлзом Дарвином. Вернувшись в Англию после пятилетнего плавания на «Бигле» по южным морям в качестве натуралиста, Дарвин написал книгу, известную под названием «Sartor Resartus», в которой доказал происхождение человечества от метрической системы обезьян.

Нельзя не признать, что в таком виде теория Дарвина едва ли могла серьезно оскорбить чьи-либо чувства. Поэтому естественно было бы предположить, что недавние ожесточенные нападки были вызваны не теорией как таковой, а тем, как ее изложил сам Дарвин. Но и это предположение едва ли верно. У меня сейчас нет под рукой книг Дарвина, но, в общем, я достаточно хорошо помню, что́ он писал, и могу легко все пересказать.

ЧТО ПИСАЛ ОБ ЭТОМ САМ ДАРВИН

(Мои личные воспоминания о труде великого естествоиспытателя)

«На Антильских островах у обыкновенной вороны, или декапода, две лапы, тогда как у вида, обитающего на Галапагосских островах,— три. Однако, по-видимому, третья лапа используется не для передвижения, а для переговоров. Во время пребывания на Галапагосских островах доктор Андерсон, служивший на «Невыразимом», видел на дереве двух ворон. Одна была явно крупнее другой. В Эквадоре доктор Андерсон видел также ящерицу, у которой не хватало одного пальца. В общем, он приятно провел время.

Конечно, нельзя утверждать, что ворона и ящерица — это одна и та же птица, хотя тем не менее нет никакого сомнения в том, что последний шейный позвонок ящерицы имеет строение, сходное с зачаточным спинным плавником вороны. Однако я говорю об этом весьма осторожно и

полностью отдаю себе отчет во всех возможных роковых последствиях подобного утверждения.

Я позволю себе заметить, что, когда мне самому довелось в 1923 году посетить на «Невозможном» Пищеводные острова, я своими глазами видел стаю пернатых, получивших у моряков название подхвостников, которые сидели, держась лапами за снасти. В общем, я наблюдал множество интереснейших явлений подобного рода.

Помнится, плавая на «Бигле», мы однажды высадились на Маркизских островах, где наш капитан и его помощники побывали в гостях у губернатора, который угощал их цыплятами и бататами. После пиршества несколько туземок стали танцевать хула-хула, а я пошел бродить по лесу и собрал неплохую коллекцию жаб.

На другом острове, пока капитан и офицеры смотрели, как танцуют хичи-хичи, мне удалось поймать несколько весьма примечательных экземпляров ящериц и набрать полный карман колорадских жуков».

Ознакомившись с этим ясным и четким изложением того, что писал сам Дарвин (или, по крайней мере, того, что запомнилось автору), всякий, безусловно, согласится, что нет никакой необходимости лишать этого ученого права на его великие открытия.

Но, чтобы внести в вопрос еще большую ясность, напомним читателю, в какой форме эволюционная теория преподается у нас в школах. У меня в руках изложение основных принципов этого учения, которое было сделано по требованию прессы одним выдающимся биологом в то время, когда полемика была в самом разгаре. То, что он говорит, сводится к следующему или примерно к следующему:

«Оставив в стороне спорные вопросы, мы должны, во всяком случае, признать существование продолжительного морфологического видоизменения протоплазмы...» (Я со своей стороны считаю, что это совершенно справедливая, смелая констатация объективного факта...) «Цитология пока еще не вышла из младенческого состояния...» (Это, конечно, плохо, но ведь она еще вырастет.) «Но она, по крайней мере, допускает возможность основных соответствий, что устраняет всякие априорные затруднения, которые встают на пути эволюции».

Что и требовалось доказать. Теперь, во всяком случае, всем станет ясно, что больше в школах не будет никаких недоразумений по этому вопросу.

П е р и о д р а з в и т и я. Хотя мы и пришли к опреде-

ленному мнению относительно характера процесса, в результате которого на Земле зародилась и постепенно развилась жизнь, вопрос о продолжительности этого процесса все еще остается открытым. Какими единицами времени он измеряется? Иными словами, как однажды в минуту столь характерного для него мгновенного прозрения поставил этот вопрос Анри Бергсон,— сколько это заняло времени?

Согласно первым данным ученых-эволюционистов, возраст человека исчисляется примерно в 500 000 лет. Это до смешного мало. За это время человек не успел бы по-настоящему развиться. Гексли смело увеличил эту цифру до 1 000 000 лет. Лорд Келвин при всеобщем одобрении довел ее до 2 000 000 лет. Но едва смолкла буря восторгов, как сэр Рей Лэнкестер снова поразил Вселенную, заявив, что человеку ни больше ни меньше как 4 000 000 лет. Спустя два года какой-то профессор из Смитсоновского научно-исследовательского института увеличил возраст человека до 5 000 000 лет. Затем эта цифра была, в свою очередь, пересмотрена и увеличена до 10 000 000 лет. Но и эта последняя из года в год возрастает при бурном одобрении всего мира.

Согласно недавним сообщениям, некий ученый из Высшей технической школы в Скенектеди установил, что возраст человека равен 100 000 000 лет. Таким образом, деловой человек не сделает грубой ошибки, если в качестве рабочей гипотезы (для чисто практических целей) примет, что современному человеку примерно от 100 000 000 до 1000 000 000 лет. Ночные сторожа, возможно, несколько старше.

П о с л е с л о в и е. Н о в е й ш и е п о п р а в к и к т е о р и и Д а р в и н а. Ко всему вышесказанному мы с большим удовлетворением должны добавить, что еще бóльшую ясность в дискуссию по вопросам эволюционной теории внесло то обстоятельство, что современные ученые-биологи принимают, оказывается, отнюдь не все положения Чарлза Дарвина. Мне удалось установить, что они жаждут внести в его эволюционное учение значительное количество поправок.

Теперь становится ясным, что Дарвин придавал чрезмерно большое значение так называемому естественному отбору и борьбе за существование. Современные ученые полагают, что ни то, ни другое не имело существенного значения. Далее, Дарвин, по-видимому, переоценил роль наследственности. Более того, сама идея измен-

чивости видов была в корне ошибочной. Вполне возможно также, что у него было совершенно неправильное представление об обезьяне. Кроме того, сомнительно, совершил ли он в самом деле путешествие именно на «Бигле». Может быть, это был «Финеас К. Флетчер» из Дулута. Наконец, пока еще не установлено, действительно ли фамилия великого натуралиста была Дарвин.

Том III

ОЧЕРКИ ОБ АСТРОНОМИИ

Мир, или Вселенная, где мы устраиваем свои дела, состоит из бесчисленного количества — может быть, сотни биллионов, а, впрочем, может быть, и нет — сверкающих звезд, звездочек, комет, темных планет, астероидов, метеоров, метеоритов и пылевых облаков, вращающихся по огромным орбитам во всевозможных направлениях, со всевозможными скоростями. Мы не знаем, какие из этих тел пригодны для жизни, и в какой мере они могут быть использованы в деловом аспекте.

Свет, излучаемый этими звездами, преодолевает такие огромные расстояния, что в основном он до нас еще не дошел. Но об этом не стоит жалеть, так как из-за этих непомерно больших расстояний свет звезд не имеет промышленного значения. Достаточно взглянуть ясной ночью на звездное небо, чтобы убедиться в полной их бесполезности.

Весь свет, тепло и энергию, имеющие практическое значение, дает нам Солнце. Хотя солнце очень невелико, оно испускает невероятно много тепла. Деловой человек может составить некоторое представление об интенсивности солнечных лучей, вообразив на минуту, что все лампы осветительной сети любых двух крупных американских городов слились в одну; такая лампа окажется лишь очень не намного ярче Солнца.

Земля вращается вокруг Солнца и одновременно вокруг своей оси, причем периодом ее вращения, а также восходом и заходом Солнца управляет Вашингтон (федеральный округ Колумбия). Несколько лет тому назад правительство Соединенных Штатов решило ввести единое время и приняло систему стандартного времени. В результате в штате Теннесси возникло движение за увеличение продолжительности года.

Луна, находящаяся довольно близко от нас, но не представляющая никакой экономической ценности, вращается

вокруг Земли. В ясные ночи ее хорошо видно за пределами города. Несколько лет назад, когда на нью-йоркской электростанции произошла незначительная авария, жители города могли отчетливо видеть, как Луна прошла за шпилем Стиль-дам-билдинга и чуть было не задела крыши Ого-билдинга. По сообщениям очевидцев, она была почти круглая, но с неровными краями и светила недостаточно ярко, по-видимому вследствие какой-то неисправности.

Планеты, подобно Земле, вращаются вокруг Солнца. Некоторые из них отстоят от нас так далеко, что не имеют практического значения, и к ним, как и к звездам, можно больше не возвращаться. Зато одна или даже две планеты находятся от Земли на таком близком расстоянии, что их, по всей вероятности, удастся использовать. Особый интерес представляет планета Марс, так как на ее поверхности астрономы обнаружили нечто похожее на сеть каналов, сходящихся в определенных точках, в которых, по-видимому, расположены отели. Для того чтобы привлечь к этому делу внимание крупного капитала, в последнее время неоднократно предлагалось послать на Марс какие-нибудь сигналы, причем, как было предусмотрительно замечено, эти сигналы должны передаваться на шести языках.

Том IV

ОЧЕРКИ О НОВЕЙШИХ ДОСТИЖЕНИЯХ НАУКИ

(Составлены специально для членов женских клубов «За культуру» в полном соответствии с их циклами лекций о развитии науки)

Теория относительности Эйнштейна. Едва ли можно назвать Эйнштейна красивым мужчиной. Многие из членов Бостонского ежедвухнедельного женского научного общества, которым довелось его видеть, утверждают, что на вид он весьма невзрачен. Другие же, наоборот, находят в нем нечто особенное, нечто такое, что они не могут выразить словами, но очень хорошо чувствуют. Не подлежит сомнению, что Эйнштейн ничего не понимает в искусстве одеваться. Костюм у него имеет такой вид, словно его только что вытащили из мешка старьевщика; по словам одной дамы, которая слушала в Пенсильванском университете его лекцию об измерениях длины световых волн, галстук на нем был совершенно немыслимый и к тому же красного цвета. Тот факт,

что ему до сих пор об этом не сказали, вызывает всеобщее удивление, и общественное мнение все более склоняется к тому, что кто-то должен наконец им заняться.

Эйнштейн не женат. Согласно сведениям, полученным от членов научно-исследовательского астрономического клуба «Файв-о-клок» в Трентоне (Нью-Джерси), в жизни ученого была одна романтическая история. Полагают, что, когда Эйнштейн был еще бедным студентом, ему отказала некая очень богатая девушка и что именно это обстоятельство побудило его заняться физикой. Говорят, так бывает довольно часто. Но, оставив в стороне вопрос о его женитьбе, мы должны сказать, что в тех клубах, где ему приходилось выступать, он, разумеется, держался безукоризненно и не пил ничего, кроме черного кофе.

Чувствуется, что теория Эйнштейна заслуженно привлекает к себе всеобщее внимание.

В е л и к и е о т к р ы т и я м а д а м К ю р и. Мадам Кюри, бесспорно, принадлежит к числу великих ученых, но едва ли можно утверждать, что она привлекательная женщина или женщина, способная создать настоящий домашний очаг. Две дамы из омахского женского астрономического общества «За чашкой чая» слышали в Вашингтоне лекцию мадам Кюри о гамма-излучении гелия. Они рассказывают, что им было довольно трудно следить за ходом ее мысли и что, хотя мадам Кюри была в самом обыкновенном костюме, блузка на ней была действительно хороша — элегантна, как все вещи, сшитые во Фран-

ции. Но, как им показалось, самой мадам Кюри явно не хватает чисто женского обаяния.

Работы Резерфорда по теории строения атома. Эрнест Резерфорд, или, точнее, сэр Эрнест Резерфорд, как его теперь следует именовать, потому что несколько лет тому назад за какие-то открытия в молекулах ему пожаловали титул,— человек средних лет с поразительно красивым лицом. Возможно, кое-кому покажется, что он начинает стареть, но это зависит от точки зрения. Если считать пятидесятилетнего мужчину стариком, то сэр Эрнест действительно стар. Но, по единодушному мнению многих членов разнообразных научных обществ, пятьдесят лет — лучший возраст для мужчины. Всех, кто стоит на этой точке зрения, Резерфорд, безусловно, заинтересует. Его светлые, цвета серо-голубой стали, глаза наводят слушателей на мысли о чем-то суровом и сильном, чему, впрочем, трудно найти точное определение. Понятно, что, будучи в Торонто, этот могучий британец произвел потрясающее впечатление на дамское физико-химическое развлекательно-исследовательское общество.

Встречаясь с сэром Эрнестом, членам различных учебных клубов следует помнить, что он лауреат Нобелевской премии и что ее удостаиваются не за личные качества, а за нечто совсем иное.

ПРАРОДИТЕЛЬНИЦА ПАРЛАМЕНТОВ

(Только что же с ней теперь случилось?)

«Палата общин,— говорится в новейшем путеводителе по Лондону,— которую по справедливости называют прародительницей парламентов, несомненно является самым высоким и досточтимым представительным органом в мире. С чувством благоговейного трепета входите вы под безмолвные своды Уэстминстерского дворца и с удобного места, предоставленного вам на галерее, взираете на группу серьезных людей с неторопливой речью и величественно сдержанными жестами — людей, которые вершат судьбами империи».

Вот что по меньшей мере уже двести лет говорит путеводитель о палате общин. Однако всем, кто читал в газетах отчеты о парламентских дебатах за последние несколько лет в том виде, в каком они доходят до нас из-за океана, вероятно, приходило в голову, что в накаленной атмосфере наших дней ледяная церемонность милой старушки начинает мало-помалу таять.

В последнее время заседания палаты стали как-то уж слишком походить на съезд ковбоев Монтаны или собрание литературно-философского общества в Даусоне (Юкон).

В качестве иллюстрации приведем дословно следующий отчет одной из лондонских газет — не то «Таймс», не то «Морнинг пост», не то лейбористской «Дейли геральд», точно не помню,— об одном из заседаний палаты, имевшем место несколько месяцев тому назад. Всякий, кто следит за отчетами о парламентских дебатах, ни на минуту не усомнится в подлинности нашего текста:

«Вчера в три часа дня палата общин возобновила свою работу. Взяв слово для внесения билля о разведении мышиного горошка в танганьикском районе Уганды, премьер-министр заявил, что прежде всего он считает

нужным обратить внимание палаты на банан, которым один из депутатов позволил себе запустить в спикера. Он напоминает депутатам, что подобные действия мешают успешной работе палаты и даже, если можно так выразиться, свидетельствуют о неумении вести себя.

При словах «вести себя» в палате поднялся страшный шум. С лейбористских скамей раздались возгласы: «Вести себя! Вот еще новости! Как бы не так!»

Леди Лоск, вскочив со своего места, заявила, что некоторые члены палаты ведут себя так, что их не следовало бы пускать даже в конюшню.

Джозеф Хам, член парламента от Бэкингемского дворцового избирательного округа, осведомился, не его ли она имеет в виду, на что леди Лоск ответила утвердительно. Спикер призвал присутствующих к порядку, напомнив о законе против оскорбления личности и сославшись на прецедент, имевший место при Генрихе VIII. Но тут в него угодил второй банан, и он опустился на свое место.

Мистер Хам залился слезами и, обратившись к палате, спросил, неужели депутаты согласны терпеть, чтобы такая вздорная женщина, как леди Лоск, обвиняла его в неумении вести себя. Конечно, он человек бедный и не получил никакого образования. Где уж ему было выучиться вести себя так, чтобы его пускали хотя бы в конюшню. Тут он горько разрыдался, а с лейбористских скамей раздались крики: «Позор!» и рев рожков.

Тогда леди Лоск признала, что, пожалуй, зашла слишком далеко, и согласилась взять назад слово «конюшня», ибо, по существу, она имела в виду гараж.

Спикер, сославшись на соответствующий прецедент времен Эдуарда Исповедника, объявил, что дебаты могут продолжаться. Однако не успел он сесть, как в его жилет угодил ананас.

Премьер-министр сказал, что, поскольку порядок восстановлен (громкие крики: «Ура! Ура! Тише!»), он может перейти к вопросу о правительственных субсидиях на разведение в районе Танганьики мышиного горошка, к которому он со своей стороны считал бы необходимым добавить еще и мышиные бобы.

Но тут его прервал полковник Маклак Мак-Олух, независимый депутат от восточного округа Западногебридских островов. Полковник хотел бы знать, как может премьер-министр поднимать вопрос о Танганьике, когда ему хорошо известно нынешнее положение Шотландии.

Разве он не знает, в какой нищете живут шотландские фермеры? Не знает, что делается с шотландскими рыбаками, пастухами и овчарками? Не знает, что за последнее время еще три человека покинули Гебриды?

Далее полковник, страстная речь которого привела палату в бешеный восторг, заявил, что он лично не дал бы и ломаного гроша ни за мышиный горошек, ни за Танганьику и, уж если на то пошло, вообще разогнал бы весь кабинет.

Вслед за этим поднялся невероятный шум, послышались крики: «Молодец! Здорово!» — вперемежку с воплями: «Вон из палаты!» Леди Лоск кричала, что, если бы шотландцы бросили пить шотландское виски, у них у всех достало бы денег, чтобы уехать из Шотландии.

С минуту казалось, что осуществление важного общественного начинания находится под угрозой срыва. Но тут встал лорд Аконит и попросил слова, чтобы рассказать одну забавную историю. Как известно, лорд Аконит вышел уже на третье место по остроумию среди депутатов палаты; поэтому его предложение было встречено взрывом смеха и аплодисментами.

Спикер подтвердил, что забавные истории рассказывались еще при королеве Анне, и лорд Аконит поведал высокому собранию о том, как некоего пассажира по ошибке высадили ночью в Буффало. Палата, которая вообще легко переходит от раздражения к веселью и превыше всего (кроме завтрака) ценит хорошую шутку, покатилась со смеху.

Поблагодарив высокочтимого депутата за выступление, спикер заметил, что, насколько он себе представляет, это как раз та самая история, которую рассказывали при королеве Анне.

Тогда премьер-министр объявил, что теперь закончит свою речь о мышином горошке, и уже совсем было собрался начать, как вдруг его перебил мистер Митрич Небогатов, депутат от русского округа Уэстминстера. Он заявил, что сначала хочет внести билль о немедленном введении в Англии коммунизма. Тут в палате поднялась невообразимая суматоха. Возгласы: «Да здравствует Россия!» — перебивались звуками «Марсельезы», а последние — известным гимном «Шотландия, хо-хо!»

Позднее газеты отмечали, что за весь истекший месяц палата не слышала лучшего исполнения.

В тот момент, когда дебаты дошли до указанного пункта, в зал вбежал йомен Эшер из «Черного хлыста», крича: «Скорей, скорей, ребята! По Уайтхоллу идет цирк!» — и вся палата, как один человек, бросилась на улицу, и только спикер чуть-чуть замешкался, чтобы закрыть заседание.

РАТИФИКАЦИЯ НОВОГО МОРСКОГО НЕСОГЛАШЕНИЯ

Выдержка из «Дипломатического ежегодника» за 1933 год

Важнейшим политическим событием истекшего 1932 года, несомненно, является успешное рассмотрение и ратификация нового международного морского несоглашения.

Фактически к началу 1932 года истекли сроки действия значительной части существовавших несоглашений, остальные же постепенно перестали отвечать требованиям момента. Международное положение грозило прийти в состояние глубочайшего застоя, и вопрос о защите морских рубежей, казалось, утратил всякий интерес в глазах мировой общественности, внимание которой было отвлечено в иное русло. По единодушному мнению представителей дипломатического корпуса, подобное падение общественного интереса к увеличению ассигнований на военно-морской флот в значительной мере объясняется недавно возникшей опасной тенденцией к организации международных спортивных состязаний и чемпионатов по настольному теннису и кроссвордам. В подобной обстановке правительственные мероприятия по обороне морских границ перестали служить источником радости и превратились в тяжкое бремя; именно с этой стороны вопрос о военно-морском флоте был подхвачен и поставлен на повестку дня прессой всех стран. Более того, одно время в дипломатических кругах начали циркулировать слухи, будто общественное мнение всего цивилизованного мира все решительнее высказывается против войны.

Создавшееся положение настоятельно требовало изыскания каких-то осязаемых форм, в которых нашло бы выражение это новое чувство братской любви между народами; оно требовало каких-то акций, которые бы вновь привлекли внимание общественности к морским пробле-

мам. Что могло больше соответствовать решению поставленной задачи, нежели идея полной ликвидации военно-морских сил при сохранении, конечно, судов, необходимых для целей обороны, то есть для морских сражений, или, иначе говоря, для боевых действий? Были высказаны также пожелания довести береговые оборонительные сооружения до минимума, необходимого для обороны береговых зон. Многочисленные предложения относительно свертывания строительства подводного флота и ограничения его постройкой судов, предназначенных исключительно для подводных операций, были подкреплены всеобщим убеждением в необходимости ограничить сферу применения противовоздушной обороны только борьбой с воздушным противником.

В конечном итоге эти проявления доброй воли всех народов мира привели к тому, что в начале года мы стали свидетелями обмена многочисленными и разнообразными заверениями.

В январе правительство Англии опубликовало сообщение о строительстве пяти новых линейных крейсеров, в котором отмечалось, что это лишь первый шаг на пути к полной ликвидации военно-морского флота и что новые крейсера будут вооружены восемнадцатидюймовыми орудиями.

Касаясь этого блестящего свидетельства миролюбивых устремлений английского правительства, премьер-министр Франции в своей речи, обращенной к депутатам палаты, заявил, что французская внешняя политика всегда руководствовалась священной идеей мира во всем мире, и заверил, что в целях дальнейшего претворения в жизнь этих принципов правительство Франции намерено незамедлительно приступить к постройке трех мощных линейных кораблей нового типа.

Англичане, отметил премьер-министр, всегда были в высшей степени благородной нацией, и теперь с чувством глубокого удовлетворения можно утверждать, что отныне и впредь между Англией и Францией невозможны никакие военные осложнения; если же они тем не менее возникнут, англичанам всыплют по первое число.

Через несколько дней, выступая в палате общин с ответной речью, глава британского правительства подчеркнул, что считает французов своими братьями; конечно, они во многих отношениях стоят ниже англичан, добавил он, но, признав их братьями, он лично считает своим

долгом неукоснительно придерживаться принципа братских взаимоотношений. Эти взаимоотношения, однако, оговорился он, возможны только при условии, что французы будут вести себя благоразумно.

Дебаты по военно-морским вопросам, открытые парламентами Англии и Франции, нашли отклик и в других странах Европы.

Так, в рейхстаге господин Дудельзак выступил с разъяснением, что Германия — по самой своей природе государство исключительно миролюбивое — резко осуждает всякую подготовку к войне.

Немцы готовы жить в мире со всеми. Массовое производство тяжелых орудий на заводах в Киле, которое вызвало в свое время столько кривотолков и недоразумений, на самом деле является лишь проявлением дружеских чувств Германии к своим соседям.

Точно так же строительство нового огромного химического завода на Эльбе есть не что иное, как выражение международной солидарности и дружелюбия.

Итальянский парламент, вотируя предложение правительства о закладке пятидесяти новых быстроходных эскадренных миноносцев, особо подчеркнул, что введение их в строй будет всемерно способствовать быстрейшему обмену дружественными визитами между Италией и другими нациями. Италия, провозгласил диктатор, стоит за мир. А если кто-либо осмелится это отрицать, мы живо вправим ему мозги.

Когда обмен мнениями дошел до вышеуказанного пункта, Соединенные Штаты через своих полномочных представителей предложили свое посредничество в деле ослабления возрастающей международной напряженности.

В специальном послании правительство Соединенных Штатов разъяснило, что оно весьма обеспокоено отсутствием взаимопонимания между европейскими державами. Если бы европейские державы дали себе труд понять, что они представляют собой всего лишь кучу ненужной рухляди, они уже единственно из жалости к самим себе немедленно прекратили бы свои препирательства.

В целях предотвращения возрастающей угрозы войны в Европе Соединенные Штаты вызвались построить еще двадцать линейных крейсеров максимального водоизмещения, а в случае необходимости — значительно увеличить их количество. Короче говоря, они готовы построить

столько крейсеров, сколько понадобится для поддержания порядка в Европе.

Далее в послании указывалось, что Соединенные Штаты полностью берут на себя все расходы по постройке этих крейсеров (таким образом, они не будут стоить Европе ровным счетом ничего) и в любой момент готовы выступить на защиту интересов Европы. Сами же Соединенные Штаты не получают от этого никакой выгоды; у них нет никакой заинтересованности, никаких планов, никаких замыслов, никаких намерений, никаких предубеждений — ровным счетом ничего.

Хотя в целом американское послание сыграло положительную роль, в некоторых кругах оно, к сожалению, вызвало ничем не оправданное неудовольствие. Лорд Меднолоуби, известный в Англии как сторонник решительных действий, потребовал, чтобы американцы дали прямой и ясный ответ, за кого они себя принимают. Министр финансов Франции заявил, что ему, видимо, придется, вопреки собственному желанию, повысить для американцев расценки в отелях.

Все усиливающаяся политическая напряженность несколько разрядилась после миролюбивой речи премьер-министра Англии в связи с закладкой тридцати новых подводных лодок.

Американцы, сказал он, связаны с англичанами узами значительно более прочными, чем железо или сталь. «Исторически сложившиеся родственные узы наших народов еще более окрепли благодаря целому столетию нерушимой дружбы».

Далее он с большим удовлетворением отметил, что прошло уже более ста лет с тех пор, как «Шеннон» продырявил «Чезепик», и выразил надежду, что больше этого никогда не придется делать.

Речь премьер-министра нашла живейший отклик в американской прессе; мысли, высказанные им по поводу столь длительных дружественных отношений, были встречены всеобщим одобрением.

В этой связи газеты отметили, что действительно прошло уже почти сто пятьдесят лет с тех пор, как генерал Джексон отколошматил англичан под Новым Орлеаном и сбросил их в Мексиканский залив.

Именно благодаря этой столь удачно сложившейся политической ситуации стало возможным заключение знаменитого Соглашения о морском несоглашении 1933 года, которое, как можно предполагать, на многие

годы разрешило все важнейшие морские проблемы.

На конференции, созванной по инициативе правительства Либерии, были представлены делегаты всех великих держав Европы и Америки; все расходы, за исключением стирки, оплачивались правительствами стран — участниц конференции.

Результатом конференции явилось опубликование, а затем ратификация Морского несоглашения 1933 года.

Сущность этого документа сводится к следующему:

I. Все договаривающиеся стороны признают, что война является бедствием.

Этот пункт, представленный на рассмотрение Женским ежедвухнедельным клубом в Монровии (Либерия), был принят почти единогласно; от голосования воздержались только Китай и Никарагуа. Широкие слои общественности полагают, что признание даже одного этого принципа будет огромным шагом вперед по пути предотвращения возможных конфликтов.

II. Каждая из стран-участниц обязуется никогда не начинать войны без объявления ее по радио не позже чем вечером того же дня.

III. Все договаривающиеся стороны берут на себя обязательство никогда не вести войны, за исключением тех случаев, когда это им выгодно.

IV. Каждая из великих держав ограничивает численность своего военно-морского флота пределами, обеспечивающими полное уничтожение военно-морского флота всех остальных стран.

Договор был принят и ратифицирован при единодушном одобрении со стороны представителей всех заинтересованных великих держав. Принимая почетное звание Поборника мира, которым его удостоил Либерийский университет в ознаменование его плодотворной деятельности в борьбе за мир, премьер-министр Великобритании заявил, что Англия с радостью принимает новый статус и немедленно приступает к строительству шести новых сухих доков, с тем чтобы помочь Соединенным Штатам претворить в жизнь принципы, оговоренные в Дополнении восемнадцатом.

Американский министр, которого абиссинский негус наградил орденом Почетного легиона (класс 1, с гарантией на два года), заявил, что Соединенные Штаты намерены предоставить каждому из участников конференции кредиты в размере пятидесяти центов без начисления процентов в течение первых двух лет.

Представители Франции, Германии и других стран — участниц Либерийской конференции выразили глубокую признательность за предоставление им годичного билета для проезда по линиям трамвайной сети города Монровии и выразили уверенность, что отныне мир во всем мире будет окончательно обеспечен.

В конце года все делегаты разъехались по домам, чтобы успеть до рождества сбалансировать свой морской бюджет.

ЛОРДЫ И ОБРАЗОВАНИЕ

Палата лордов, 25 января 1920 года [1].

Сегодня палата приступила к комитетскому обсуждению девяностодвухтысячной статьи Билля об образовании, посвященного преподаванию геометрии в школе.

Представляя данную статью, премьер-министр призвал их светлости забыть былые разногласия. Он напомнил присутствующим, что билль рассматривается в палате уже шестнадцать лет. Правительство пошло на значительные уступки — оно приняло все поправки лордов из оппозиции, существенно меняющие первоначальный текст билля. Правительство согласилось также включить в билль детализированную программу обучения. Частью ее и является настоящая статья, в которой формулируется пятая теорема Евклида. Поэтому премьер-министр предложил их светлостям принять статью в следующей редакции:

«Углы у основания равнобедренного треугольника равны, и если продлить стороны треугольника, то образовавшиеся внешние углы также будут равны».

Премьер-министр сразу же поспешил добавить, что у правительства нет намерения продлевать стороны треугольника, однако непредвиденные обстоятельства могут сделать это необходимым. В таком случае их светлости будут заблаговременно поставлены в известность.

Архиепископ Кентерберийский выступил против данной статьи. Он высказал мнение, что в своем нынешнем виде она носит слишком светский характер. Ему кажется необходимым внести поправку, чтобы статья читалась так:

«Углы у основания равнобедренного треугольника в любой христианской общине равны, и если стороны треугольника будут продлены христианской конгрегацией, то образовавшиеся внешние углы также будут равны».

---

[1] Рассказ был впервые опубликован в 1910 г.— *Прим. перев.*

Архиепископ выразил уверенность, что углы у основания равнобедренного треугольника непременно окажутся равны, однако посчитал необходимым напомнить правительству, что церковь предупреждала об этом еще несколько веков назад. По словам архиепископа, он допускает также, что равны противоположные углы и стороны параллелограмма, однако уверен, что подобное допущение должно быть неразрывно связано с самым недвусмысленным признанием существования Всевышнего.

Глава правительства с удовольствием принял предложенную его высокопреосвященством поправку. Он сказал, что в ней чувствуется дух истинного благочестия и что это лучшая поправка, внесенная его высокопреосвященством за последнюю неделю. По словам премьер-министра, правительство отдает себе отчет, что его высокопреосвященство особенно близко к сердцу принимает все, что касается нижней стороны параллелограмма, и с уважением относится к подобной позиции.

Выступивший затем лорд Галифакс внес очередную поправку. По его мнению, в настоящем случае применимо «правило восьмидесяти процентов». С учетом этого углы должны считаться равными два дня в неделю. Исключение следует делать для тех школ, где восемьдесят процентов родителей по этическим соображениям отказываются от использования равнобедренных треугольников.

Премьер-министр назвал поправку необычайно привлекательной. Он заявил, что включает ее в текст статьи и считает необходимым пояснить, что слова «равнобедренный треугольник» никогда и никоим образом не использовались в оскорбительном для кого-либо смысле.

Не менее продолжительным было и выступление лорда Розбери. Он высказал мнение, что статья затрагивает интересы Шотландии, где высокий моральный уровень населения делает образование ненужным. Если предлагаемая им поправка, учитывающая эти обстоятельства, не будет принята, может возникнуть необходимость пересмотреть Унию Англии с Шотландией 1707 года.

Премьер-министр заметил, что поправка лорда Розбери — это лучшая поправка, какую он только слышал в жизни. Правительство включает ее в текст статьи без малейшего промедления. Оно согласно пойти на любые уступки. Если необходимо, оно готово даже пересмотреть завоевание Англии норманнами.

Герцог Девоншир высказал возражение против части статьи, касающейся продления сторон. По его мнению,

страна к этому не готова. Такое мероприятие было бы несправедливым по отношению к людям, которым придется этим заниматься. Герцог предложил изменить текст статьи следующим образом: «Если стороны будут продлены, тем, кто это сделает, должно быть предоставлено исключительное право их реализации на внутреннем рынке как нестандартного товара».

Премьер-министр с благодарностью принял поправку его светлости. Он сказал, что она проникнута духом здравомыслия. Затем глава правительства выразил готовность огласить текст статьи со всеми внесенными поправками. Учитывая, что приближается время перерыва, он высказал пожелание, чтобы их светлости на досуге подумали, нельзя ли внести в текст статьи еще какие-нибудь поправки, и если это окажется возможным, то огласили бы их на вечернем заседании.

После этого был зачитан текст статьи.

Затем его высокопреосвященство архиепископ Кентерберийский смиренно внес предложение, чтобы палата разошлась обедать.

ВЕЛИКОСВЕТСКИЙ КЛУБ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

В великосветском клубе, членом которого я состою, только что окончились празднества в честь перемирия, устроенные с целью покрыть наш дефицит. В продолжение трех недель здание клуба сияло огнями. В нашем распоряжении были четыре оркестра. Каждую ночь устраивались блестящие приемы. Члены клуба не щадили себя.

Теперь празднества окончились, и настало время, как говорят наши дамы, оглянуться назад.

Сейчас мы все сидим и слушаем отчет казначея, прерываемый возгласами и аплодисментами. После всех заслушанных докладов совершенно ясно, что эти празднества в честь перемирия служат достойным завершением нашей четырехлетней самоотверженной работы на войну.

Я вам объясню все сначала.

Мы начали работать со дня объявления войны. Мы чувствовали, что такая богатая организация, как наша, обязана предпринять что-нибудь для облегчения тяжелого положения Бельгии. В то же время нам было ясно, что члены нашего клуба предпочтут скорее получить какое-нибудь развлечение за свои деньги, чем просто их пожертвовать.

Поэтому мы решили устроить в нашем клубе лекцию профессора Дрея о причинах мировой войны.

Ввиду исключительных обстоятельств профессор Дрей любезно предложил нам вместо двухсот пятидесяти долларов, которые, по его словам, он обычно берет за лекцию, взять только двести сорок.

Лекция была очень интересная. Профессор обрисовал причины войн в средние века, дал полную картину борьбы между двумя культурами: брахицефалической, вендийской расы, и долихоцефалической, альпийской. К середине ночи, когда настало время закрывать клуб, профессор дошел только до VIII века до Р. Х.

К несчастью, ночь была дождливая, и лекция провалилась, потому что большинство наших членов боится выходить ночью в сырую погоду. Казначею пришлось доложить, что лекция дала двести долларов убытку. Тогда дамы, члены правления, внесли предложение пожертвовать весь дефицит бельгийцам, но мужчины не согласились.

Мы поняли, что сделали ошибку в выборе темы. Очевидно, наших членов уже не интересовали причины войны. Это слишком устарело. Поэтому мы устроили в клубе лекцию по вопросу: «Что будет после войны?»

Читал ее очень талантливый лектор — мистер Гесс, первоклассный оратор. Так как чтение было устроено с благотворительной целью, то он согласился взять с нас только половину своего обычного гонорара: всего триста долларов. К несчастью, нам опять не повезло с погодой. Был чудный вечер, и почти никто из наших членов не захотел идти слушать лекцию. К тому же оказалось, что никого из них не интересует вопрос: «Что будет после войны?» Это слишком ново. Мы собрали всего пятьдесят долларов, убыток равнялся двумстам пятидесяти долларам. Казначей предложил завести особую статью расхода под названием «патриотические развлечения» и занести туда оба дефицита в сумме четырехсот пятидесяти долларов.

Правление пришло к заключению, что не следует приглашать посторонние силы — это обходится слишком дорого. Лучше использовать силы членов клуба. Большинство дам выразили готовность принять участие в благотворительной общественной работе.

Приняв все это в соображение, мы решили поставить спектакль. В зале клуба соорудили подмостки и сцену. Одна крупная фирма из патриотизма выполнила нам эту работу, взяв деньги лишь за материалы, за время, за выдумку, за риск при исполнении подряда, но больше ни за что. Постановка, освещение и декорации обошлись нам всего в пятьсот долларов.

Мы решили поставить какую-нибудь новинку и выбрали блестящую, современную, коротенькую комедию, еще нигде не игранную. Театр, которому принадлежала рукопись, продал ее нам за номинальную цену в двести долларов, причем мы получили исключительные права на постановку этой пьесы. Она подходила нам больше других нашумевших вещей, так как в ней было всего только двадцать восемь действующих лиц. Билеты стоили один

доллар. Бесплатным входом не пользовался никто, кроме членов правления клуба, действующих лиц и тех членов, которые добровольно взяли на себя обязанность менять декорации, опускать занавес, указывать места, отбирать билеты и продавать программы. Все артисты взяли на себя расходы на костюмы, поставив в счет клубу только стоимость материала и работы. Вот и все расходы, если прибавить сюда небольшой счет мистера Скина — извозчика, развозившего артистов в экипаже. Ввиду исключительных обстоятельств, он взял с нас вдвое меньше, чем обычно.

Шесть процентов выручки решено было пожертвовать в бельгийский фонд и пять — в Красный Крест. От женского финансового комитета поступило предложение: пять процентов отчислить в бельгийский фонд, а шесть — в Красный Крест, но оно не было принято.

К сожалению, оказалось, что и на этот раз мы просчитались. Ставить спектакли было нельзя. Наши члены, по-видимому, не признают любительских постановок и ходят только в театр, хотя многие из них самоотверженно предложили нам помочь менять декорации и проверять билеты.

В результате казначей сообщил нам, что убыток от спектакля исчислен в тысячу двести долларов. Под гром аплодисментов он предложил внести этот расход в бюджет будущего года. Таким образом, общий дефицит превысил сумму одна тысяча шестьсот долларов, и всем стало ясно, что необходимо принять экстренные меры для его покрытия. Было решено устраивать по субботам еженедельные бесплатные патриотические танцы в бальном зале клуба, а после танцев — платные ужины по одному доллару с человека.

К несчастью, устраивать танцы раньше ужина оказалось неудобным. Многие члены нашего клуба танцевали охотно, но боялись есть поздно вечером. Поэтому сделали перестановку. Сначала подавали даровой ужин, а потом начинались танцы, причем каждый танцующий платил доллар. Но опять ничего не вышло. После сытного ужина члены клуба предпочитали расходиться по домам спать. В конце танцевального сезона казначей подсчитал, что расход на патриотические развлечения достиг пяти тысяч долларов, и предложил перенести эту сумму на будущий год, обратив на нее особое внимание в годовом отчете. Членам клуба, особенно дамам, будет приятно узнать, что мы наконец сделали хоть что-нибудь ради войны.

Но здесь выступили некоторые наиболее видные члены клуба, опытные в денежных делах, и разъяснили, что вся наша беда в том, что мы брались за слишком мелкие предприятия, вследствие чего расходы на каждого участвующего оказались слишком велики. Надо расширить дело и уменьшить относительный процент расходов; тогда они, в конце концов, будут полностью покрыты. После горячих дебатов и споров решили устроить грандиозное празднество в пользу войны и поставить его возможно шире, чтобы процентное отношение расходов уменьшилось и исчезло.

Но тут совершенно неожиданно для нас был объявлен мир. Без сомнения, каждый из наших членов вздохнул с облегчением, когда кончилась война, но для нашего клуба объявление мира было полным крахом. Приготовления к блестящему празднеству зашли слишком далеко, когда весть о мире обрушилась на нас. В первую минуту мы потеряли голову. Нам казалось, что наступило полное банкротство. Но скоро нам пришло в голову, что можно спасти клуб, переименовав празднество в честь войны в празднество мира и предназначив доход с него на какую-нибудь другую подходящую благотворительную цель. К счастью, мы узнали, что в России еще свирепствует голод. Итак, было решено устроить празднество, а доход с него отдать в пользу жертв голода. Все снова с жаром принялись за работу. Правда, пришлось отложить празднество на несколько месяцев, чтобы успеть сделать необходимые изменения; но, в сущности, дело было налажено, и отсрочка только способствовала большему успеху. Я уже сказал, что клуб в продолжение трех недель сиял огнями. Каждый вечер играли четыре оркестра. Все коридоры клуба были задрапированы флагами всех союзных держав. Каждый вечер устраивались роскошные ужины и танцы. Члены клуба, особенно дамы, не щадили сил. Многие из них буквально все свое время отдавали празднеству, уезжая домой только после двух часов ночи.

И все-таки несмотря на блестящую внешность все ясно чувствовали, что дело не ладится. Не было воодушевления. Сами члены признавались по секрету, что несмотря на все усилия сердце их не лежало к этому празднеству. Казалось, мир отнял у этих увеселений весь их смысл. Члены клуба откровенно говорили, что у них не было никакой охоты тратить деньги на празднике. Преобладало мнение, что если часть русских и перемрет, то это послужит им только на пользу.

Итак, еще до отчета казначея было решено, что никаких отчислений с празднества в пользу русских сделано не будет.

А сегодня вечером на общем собрании казначей сделал нам финансовый доклад. Оказалось, что убыток от патриотических предприятий составляет, по приблизительному подсчету, около ста пятидесяти тысяч долларов, причем казначей прибавил, под громкие аплодисменты дам, что дефицит, вероятно, гораздо больше.

Дамский финансовый комитет внес предложение, чтобы весь дефицит, и общий и чистый, передать: шесть процентов Красному Кресту, пять — в фонд помощи Бельгии, а остальное вложить в военный заем.

Но, по общему мнению мужчин, наш клуб надо ликвидировать. Мир разорил нас. Конечно, ни один член, насколько я знаю, не будет протестовать против мира, все рады тому, что война окончилась. Но если бы мы знали заранее о мире (например, шесть месяцев тому назад), то, конечно, мы успели бы лучше к нему приготовиться и встретили бы опасность лицом к лицу.

СПРАВЕДЛИВЫЕ ЖАЛОБЫ НА ВОЙНУ

Ни один искренний патриот не станет критиковать свое правительство во время войны. Если я знакомлю моих читателей в этом рассказе с кое-какими жалобами на наше правительство, случайно услышанными мною, то только потому, что мне жалко скрыть их от истории. Они так бескорыстны и так ярко рисуют настроение самых разнообразных слоев общества.

Я передаю их слово в слово, без всяких изменений.

Жалобы моего портного, мистера Тредлера, высказанные им при снятии с меня мерки для осеннего костюма по последней военной моде.

— Не подумайте, сэр, что я жалуюсь. Мы, портные, не имеем права жаловаться на что бы то ни было (двадцать два, мистер Джефсон). Это было бы несправедливо (боковые карманы, мистер Джефсон). Но мне кажется, что правительство немного ошибается (тридцать три — в ноге — тридцать три), поощряя сокращение расходов на одежду. По моему мнению, прилично одетый человек (прикажете немного посвободнее в груди? — Хорошо, мистер Тредлер, прибавьте немного в груди) более полезен отечеству, чем обтрепанный. Вы знаете девиз нашей фирмы: «Дешево и со вкусом». На последнем весеннем собрании пятьсот человек наших членов четыре дня придумывали этот девиз. Мы находим его (двадцать восемь, мистер Джефсон) более подходящим в настоящее время. Каждый джентльмен, носящий наше легкое пальто под названием «До победного конца» (мистер Тредлер, будьте добры, покажите пальто «До победного конца»), способствует победе. С гордостью я вынужден сознаться, что наша фирма поставила себе скромную задачу (сегодня не будет примерки) противопоставлять врагу несокрушимую армию прилично одетых людей. Больше ниче-

го не потребуется, сэр? На будущей недельке? Хорошо, если только успеем, сэр. Мы завалены, сэр, заказами. Новые патриотические модели... До свидания, сэр.

Жалобы мадам Павалучини, знаменитой певицы, во время нашей случайной встречи в зимнем саду Слиц-Отеля за чашкой чая (один доллар) с французским пирожным «Победа» (один доллар пятьдесят центов) и папиросами «На помощь флоту» (пятьдесят центов коробка).

— Я совсем не хотел критиковать наше правительство. Ах, нет! Это, как вы называйт, подлый обман. Правда? (Мадам Павалучини приехала из Миссури и во время своего турне, когда ее слышат посторонние, она говорит по-английски.) Я только спрашивайть вас, ведь немножко плохо так обижайть и обложить налогом бедные артисты. Ведь мы тоже работать на война немного. Правда? Мы — петь, мы — декламировать. Я пел столько красивые песни бедным солдатикам. Петь любовь, молодость, весна, поцелуй. А мужчины бегут, едут, торопятся на война. Я их видел на мой патриотический концерт. Ведь я беру только свой расход и плата, а все остальное отдаю война. Прошлый ночь один поднялся (я не знаю, как их называйт по-английски) и стал кричать: «Пустите меня отсюда на война, в окоп пустите!» Разве это, как вы говорить, не великолепно? Правда? А потом правительство приходит и говорит мне, я должен платить десять тысяч доллар. А я только шестнадцать тысяч в опера получать. Это — подлый обман. Правда?

Жалобы виноторговца, мистера Кранча, плательщика подоходного налога, после обеда у него дома, за стаканом портвейна.

— Я не жалуюсь, я не хочу, чтобы то, что я говорю, было потом связано с моим именем. Но, по-моему, кто-нибудь должен же, наконец, это открыто высказать. Почему бы вам не взять это на себя? Позвольте вам налить еще стаканчик «Конквистадора». Да, да, это настоящий старый портвейн 1887 года. Я уверен, что мы больше никогда здесь, в Америке, не будем пить его. Испанцы уже скупают его. Вот вам еще пример, как война больно задевает нас всех. Да, так я говорил, что если бы вы взялись написать что-нибудь против подоходного налога, то вся страна была бы за вас (конечно, под всеми я подразумеваю людей, получающих доход). Не будем называть имен, но они все были бы за вас. Все до единого. Не хотите ли сигару? Это самые лучшие, первый сорт. Я убежден, что мы их больше не увидим. Говорят, богатые кубинцы скупают их. Вот еще одно лишение из-за войны. По-моему, подоходный налог — самая крупная ошибка нашего правительства. Он бьет не по тому, по кому следует. Страдают только люди с доходом, а остальным наплевать. По-моему, надо упорно бороться с этим законом и по мере сил стараться скрыть свой доход — этим самым мы приблизим победу. Мы только просим, чтобы нам не мешали. (Конечно, в своей статье не говорите это от моего имени, а скажите от себя.) Предоставьте нам распоряжаться нашими доходами, и немцы будут побеждены. Отбирая прибыль, вы убиваете в нас патриотизм. Я убежден, что у каждого человека чувство патриотизма неразрывно связано с его доходом. Только, пожалуйста, не упоминайте в статье, что это мои слова.

А вот на что жаловался мой парикмахер, пока меня брил.

— Я ничего не говорю против нашего правительства. (Сделать вам массаж лица?) Оно само знает, как поступать,— это его дело. Меня возмущает только болтовня по поводу парикмахерских (подрезать вам немного усы?). На прошлой неделе я читал, что какой-то рядовой предлагает закрыть все парикмахерские до конца войны (побрызгать вежеталем?). Верите ли, если бы он пришел ко мне сюда и сел вот в это кресло, где вы сейчас сидите, я бы перерезал ему горло бритвой. По-моему, во время войны мы, парикмахеры, самые нужные люди. Можно отказаться от всего, но нельзя же человеку ходить небритым. Он тогда потеряет всякое уважение к себе. Говорят, во Франции военным приказом объявлено, чтобы

все солдаты брились каждое утро. И правильно! Иначе они не смогут победить немцев. Мы, парикмахеры, делаем не меньше других для обороны. Прошлой зимой я провел четыре месяца в Вашингтоне и все время обслуживал трех сенаторов и двух членов конгресса (подбрить вам волосы на шее?), а каждую субботу вечером я брил одного адмирала. Разве это не работа на оборону? Если человек ценит мою работу и приплачивает мне немного лишнего на чай, тем лучше, но бывают и такие подлецы: они встанут с этого кресла, в котором вы сейчас сидите, и уйдут, ни цента не прибавив к тому, что должны по прейскуранту. Когда я вспомню все, что кричат сейчас во время войны против нас, парикмахеров, мне хочется догнать такого клиента и перерезать ему горло бритвой. Благодарю вас, сэр, благодарю. До свидания. Следующий, пожалуйте...

Жалобы мистера Синглестона, бывшего мистера Эйнштейна, владельца театра.

— Я был бы самым последним негодяем, если бы осмелился сказать что-нибудь против правительства. Честь и хвала нашим солдатам в окопах! Честь и хвала нашему правительству! В одном только оно немного заблуждается — относительно театров. Мне кажется, правительству было бы гораздо выгоднее не стеснять театры... Это — отдых для народа. Развлечения воспитывают толпу. Без театра вы не выиграете войны. Когда я стою у кассы и вижу, как она быстро наполняется, я ясно чувствую, что мы тоже работаем на оборону. Мне кажется, что надо было бы театрам предоставить больше свободы...

Жалобы мистера Силас Хека, фермера, с которым я разговорился случайно у прилавка ресторана «Золотой Доллар».

— Да, сэр, я открыто говорю, что наше правительство не право, и мне наплевать, если меня слышат. (Посмотрите, не слышит ли нас тот солдат в шинели? Продвинемся немного в сторону.) Не жалея никаких жертв для войны, правительство поступает вполне разумно. Но оно не должно забирать людей с ферм. Тут я с ними не согласен. Фермеры — единственные люди, необходимые стране. Правительство говорит: «Союзники нуждаются в сале». Хорошо. Но если вы хотите иметь сало, то вам нужны свиньи, а если в стране не останется нас, ферме-

ров, то откуда же они возьмут свиней? Благодарю. Вы заплатили? Давайте выпьем по второй...

Когда я слышал со всех сторон подобные жалобы, я был рад, что не являюсь президентом Соединенных Штатов.

Хочу прибавить еще, что правительство, по-моему, глубоко ошибается, считая жалкий заработок писателей доходом.

ЭКСПЕРИМЕНТ С ПОЛИСМЕНОМ ХОГАНОМ

Мистер Скальпер сидит в репортерской комнате «Ежедневного затмения» и пишет. Номер ушел в типографию, поэтому в редакции больше никого нет. Весьма разносторонние таланты у этого джентльмена, мистера Скальпера; газета же использует его как эксперта, определяющего характер людей по почерку. Любой подписчик, который пришлет в редакцию образец своего почерка, вскоре сможет ознакомиться в газете с анализом своего характера, вышедшим из-под легкого пера мистера Скальпера. На столе перед гениальным человеком лежит небольшая стопка писем; он поглощен работой. За окном темная дождливая ночь. Часы на ратуше бьют два раза. На улице полисмен Хоган размеренным шагом обходит свой участок перед редакционным подъездом. Настроение его весьма унылое. Запоздалый прохожий в облачении священника, возвращающийся от больного прихожанина, бросает на полисмена полный робкого сострадания взгляд и проходит мимо. Хоган провожает глазами удаляющуюся фигуру, затем садится на ступени редакционного крыльца, достает блокнот и что-то пишет в нем при свете газового фонаря. Джентльменов, ведущих ночной образ жизни, часто интересует, какие же заметки делают полисмен Хоган и его собратья по профессии. Вот слова, которые выводит в блокноте здоровенная пятерня полисмена:

«Два часа ночи. Все в порядке. Наверху в комнате мистера Скальпера горит лампа. Ночь сырая; я хандрю и не могу спать. Уже четвертую ночь подряд бессонница. Только что прошел крайне подозрительного вида субъект. Увы, как безрадостна моя жизнь! Неужели никогда не настанет заря? Эх, мокрые, мокрые камни!»

Наверху мистер Скальпер пишет тоже, пишет с бездумной беглостью человека, получающего деньги за каж-

дую строчку. Его метод отличают темп и навык. Репортерская комната пустынна и погружена в полумрак. Мистер Скальпер — человек весьма чувствительный, поэтому унылая окружающая обстановка вызывает у него мрачные мысли. Он достает из пачки письмо, внимательно изучает почерк, обводит глазами комнату в поисках вдохновения и начинает писать:

«Г. Х. У вас унылый, мрачный характер. Окружающая обстановка угнетает вас, и жизнь ваша полна неизбывной грусти. Вы чувствуете, что надежды уже нет...»

Мистер Скальпер останавливается и снова обводит глазами комнату. Взгляд его на какое-то время задерживается на высокой черной бутыли, стоящей на полке открытого шкафа. Затем он продолжает:

«Вы потеряли веру в бога, в людей и в будущее. У вас нет сил противостоять искушениям, но есть одно неприятное качество: упрямство. Если уж вы настроились обязательно что-то сделать...»

Здесь мистер Скальпер резко останавливается, с шумом отодвигает стул и через всю комнату устремляется к шкафу. Взяв с полки черную бутыль, он прикладывается к ней и на несколько мгновений застывает в неподвижности. Затем он возвращается к столу, чтобы завершить описание характера Г. Х. следующими торопливыми словами:

«В общем, советую вам гнуть свою линию. Вы на верном пути».

Последующие действия мистера Скальпера носят довольно странный характер. Он достает из шкафа моток бечевки длиной примерно в пятьдесят футов и привязывает его конец к горлышку бутылки. Подойдя затем к одному из окон, он открывает его, высовывается и издает негромкий свист. Бдительный слух полисмена Хогана, сидящего на ступеньках, улавливает этот звук, и блюститель порядка отвечает таким же свистом. Бутыль спускается вниз, насколько хватает шнура. Полисмен опрокидывает ее себе в глотку, и в течение некоторого времени его с журналистом соединяет нить живой симпатии. Люди, ведущие, подобно мистеру Скальперу, бурную жизнь, считают нужным умилостивить руку закона, и такого рода приятельство встречается не так уж редко. Мистер Скальпер поднимает бутылку обратно, закрывает окно и

возвращается к своей работе; разрумянившийся же блюститель порядка с довольным видом возобновляет обход территории. Взгляд на башенные часы заставляет его сделать в блокноте новую запись:

«Половина третьего. Все прекрасно. Погода становится лучше, в воздухе ощущается нечто напоминающее о приближении лета. В комнате мистера Скальпера светятся две лампы. Не происходит ничего такого, что было бы достойно внимания начальника караула».

Наверху дела тоже пошли веселее. Знаток человеческих характеров вскрывает второй конверт, обозревает письмо критическим, но в то же время более доброжелательным, чем раньше, взглядом и пишет с некоторым даже благодушием:

«Уильям X. Ваш почерк свидетельствует о характере хотя и меланхоличном от природы, но не исключающем и периоды веселья. Вы испытали невзгоды, но решили обращать внимание лишь на светлую сторону жизни. Если не будет нескромным об этом упомянуть, вы употребляете спиртное, хотя и весьма умеренно. Можете не сомневаться, что от этого не будет вреда. Это оживляет ум, пробуждает дремлющие способности и воображение. Вот если вы переборщите...»

В этот момент чувства мистера Скальпера, строчившего со страшной скоростью, очевидно, перехлестнули через край. Он встает со стула, два-три раза обходит комнату и наконец возвращается к столу, чтобы завершить описание характера следующими словами:

«Вот если вы переборщите с вашим самоограничением, это может кончиться для вас плохо».

Мистер Скальпер уступает своей навязчивой идее и в течение нескольких мгновений являет собой иллюстрацию того, как надо предотвращать пагубное самоограничение. После этого он спускает бутыль полисмену Хогану, и они обмениваются приветственными жестами.

Проходит полчаса. Знаток характеров усердно пишет и чувствует, что пишет хорошо. Характеры его корреспондентов предстают перед ним как на ладони, и описания их с легкостью вытекают из-под его пера. Время от времени он останавливается и припадает к источнику своего вдохновения. Человеколюбие побуждает его не отказывать во вдохновении и полисмену Хогану. Блюститель

порядка обходит свой участок с более чем довольным видом. Мимо проходит китаец, за полночь кончивший свои дела в прачечной и торопящийся домой. Соседство с находящимся наверху гениальным человеком пробуждает в полисмене литературный дар, и он пишет в своем блокноте:

«Половина пятого. Все просто великолепно. В комнате мистера Скальпера горят четыре лампы. Тихая, полная благоуханий ночь. Заметны признаки землетрясения, с которым можно справиться, если передвигаться с величайшей осторожностью. Только что прошли два китайца, похоже мандарины. Походка их нетвердая, но лица такие благостные, что все мои подозрения рассеялись».

Наверху, в репортерской комнате, мистер Скальпер добрался до письма, которое, кажется, доставляет ему особенное удовольствие. Когда он описывает характер этого корреспондента, лицо его освещает довольная улыбка. Неискушенному глазу может показаться, что письмо написала аккуратным угловатым почерком какая-нибудь почтенная старая дева. Однако мистер Скальпер, очевидно, думает иначе, потому что пишет:

«Тетушка Доротея. У вас жизнерадостная, бесшабашная натура. Порой на вас находят приступы буйного веселья, и вы отводите душу с помощью криков и пения. Вам доставляет удовольствие богохульствовать, и вы понимаете, что не можете от этого удержаться, поскольку это неотъемлемая часть вашей натуры. Мир для вас, тетушка Доротея,— весьма привлекательное место. Напишите мне поскорее еще раз. У нас с вами одинаковый склад ума».

Мистеру Скальперу, по-видимому, кажется, что он не до конца выполнил свой долг перед последней корреспонденткой, и он садится писать ей длинное частное письмо в дополнение к приготовленному для газеты описанию характера. Когда он его кончает, часы на ратуше уже показывают пять. Полисмен Хоган в это время делает последнюю заметку для своей хроники. Для большего удобства он усаживается на ступени редакционного крыльца и, медленно водя пятерней по бумаге, пишет:

«Одна из стрелок часов указывает на север, другая, более длинная,— на юго-юго-восток. Думаю, сейчас пять часов. Огни в комнате мистера Скальпера слепят глаза. Прошел начальник караула и проверил мои записи о ноч-

ных происшествиях. Нашел их вполне удовлетворительными; сказал, что оценил их литературные достоинства. Землетрясение, которого я опасался, свелось к нескольким слабым толчкам, не достигшим того места, где я сижу...»

Тут он заметил опускающуюся бутылку и отвлекся. Длинное письмо тетушке Доротее остудило пыл мистера Скальпера. Божественная легкость мысли оставила его, и он напрасно пытался ее вернуть. Чтобы предоставить такую же возможность полисмену Хогану, он решил не поднимать бутылку сразу, а оставить ее внизу, пока не закончит описание характера очередного корреспондента. Письмо это, как могло бы показаться неискушенному глазу, написано робкой юной девушкой. Но мистер Скальпер не из тех, кого может ввести в заблуждение внешняя сторона вещей. Он глядит на письмо с мрачным видом, качает головой и пишет:

«Юная Эмили. Вы знавали большое счастье, но этот период вашей жизни уже позади. Отчаянье заставило вас искать забвения в вине. Ваш почерк свидетельствует о тяжелой форме пристрастия к спиртному. Боюсь, вас скоро постигнет белая горячка. Бедная маленькая Эмили! Можете не пытаться избавиться от своего пристрастия — слишком поздно».

Мистера Скальпера заметно огорчает плачевное состояние его корреспондентки. Глаза его увлажняются, и он решает поднять бутыль, тем более что пора спасать полисмена Хогана от того, чтобы содержимое бутыли ему приелось. Но тут его удивляет и тревожит тот факт, что попытка поднять бутыль никак не удается. Блюститель порядка, оказывается, впал в тяжелый, свинцовый сон, и бутылка осталась крепко зажатой в его руке. Расстроенный знаток характеров бросает вниз шнур и возвращается к столу, чтобы закончить работу. До конца колонки остается лишь несколько строк, но, обследовав разбросанные по столу письма, мистер Скальпер обнаруживает, что обработал все. Это, однако же, не приводит в замешательство гениального джентльмена, поскольку случается в его практике не так уж редко. В подобных случаях он занимает остающееся место описаниями характеров одного-двух вымышленных персонажей. Это вынуждает его напрячь мыслительные способности и тем доставляет ему немалое удовольствие. Склонив голову, он несколько мгновений размышляет, затем пишет следующее:

«Полисмен X. Ваш почерк изобличает твердость характера — если что-нибудь втемяшится вам в голову, это так легко оттуда не выбьешь. Тем не менее вам свойственны жадность и слабоволие; к тому же вы часто стремитесь урвать больше, чем вам причитается. У вас сформировалась некая привязанность, которая, как вы надеетесь, будет сопутствовать вам всю жизнь, однако ваш эгоизм может этому помешать».

Написав эти строки, мистер Скальпер оформляет рукопись для отправки в типографию, надевает пальто и шествует домой в розовом сиянии зари, чувствуя, что хлеб насущный заработан им честно.

МОИ ШПИОНСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ

У многих слово «шпион» вызывает страх и содрогание; и действительно, мы, шпионы, привыкли к тому, что при упоминании о нас люди трепещут. Никого из нас, шпионов, это не смущает ни в малейшей степени. Я уже привык к тому, что когда я заезжаю в гостиницу и регистрируюсь шпионом, то у стоящих за конторкой клерков пробегает судорога страха.

Таким образом, мы, шпионы, образуем совершенно особую породу людей. Нас никто не знает. Все нас боятся. Где мы живем? Нигде. Где мы находимся? Везде. Часто мы сами не знаем, где находимся. Получаемые нами тайные приказы исходят из таких высоких сфер, что часто нам самим запрещается спрашивать, где мы. Один мой приятель, короче говоря, тоже шпион,— у нас, шпионов, не бывает друзей,— один из самых блестящих агентов венгерской охранки, однажды прожил месяц в Нью-Йорке, думая, что находится в Виннипеге. Если это случается с самыми лучшими, представьте, что же бывает с другими!

Как я уже говорил, все нас боятся. Ибо все знают и имеют причины уважать нашу силу. Таким образом, несмотря на существующее против нас предубеждение, мы имеем возможность бывать где хотим, селиться в самых лучших отелях и проникать в любое общество по нашему желанию.

Для примера расскажу вам об одном инциденте С месяц тому назад я заехал в один из огромнейших нью-йоркских отелей, который я назову просто отелем Б.: если бы я назвал его по-настоящему, это могло бы вызвать взрыв. В сущности, мы, шпионы, никогда не *называем* отелей. Самое большее — что мы обозначаем их номером, известным только нам, как-то: 1, 2 или 3.

Когда я заявился в контору, клерк уведомил меня, что свободных комнат у них нет. Разумеется, я знал, что это простая отговорка; не могу только сказать, заподозрил ли он во мне шпиона или нет. Чтобы меня не узнали, я был закутан в длинное пальто с высоким воротником, который был поднят и закрывал мне даже уши, а черная борода и усы, которые я приклеил при входе в отель, изменили меня до неузнаваемости.

— Я желаю переговорить с управляющим,— сказал я.

Когда тот пришел, я поманил его в сторонку и, взяв его ухо в свою руку, шепнул ему два слова.

— Великий боже!— прошептал он, побледнев, как смерть.

— Этого с вас довольно?— спросил я.— Получу ли я комнату, или шепнуть еще раз?

— Нет, нет,— отвечал управляющий, трясясь, как осиновый лист. И, обратившись к клерку, он проговорил:— Отведите этому господину комнату и приготовьте ему ванну!

Какие именно два слова добывают комнату в Нью-Йорке, я не имею права разглашать. Даже теперь, когда покров тайны снят, связанные с нею международные интересы слишком важны, чтобы я мог это сделать. Вам достаточно знать, что, если бы эти два слова не подействовали, у меня были в запасе другие, еще лучше.

Я описываю этот в общем-то тривиальный инцидент для того, чтобы отметить широкую разветвленность вездесущей международной шпионской системы. Вот и сейчас, в то время, как я пишу эти строки, мне пришел в голову другой пример. На днях я гулял с одним человеком по улице Б., между домом Т. и садом В.

— Видите вы вон того мужчину?— спросил я, указав с тротуара улицы, по которой мы шли, на противоположный тротуар.

— Человека в соломенной шляпе?— спросил он.— Ну, так что же?

— О, ничего,— отвечал я,— за исключением того, что он шпион.

— Неужели?— вскричал мой знакомец, хватаясь за фонарный столб, чтобы сохранить равновесие.— Шпион! Почем вы знаете? Что это значит?

Я спокойно засмеялся — мы, шпионы, умеем смеяться с величайшим спокойствием.

— Ха-ха! — сказал я. — Это моя тайна, друг мой! Verbum sapientis! Che sara sara! Yodel doodle doo! [1]

Мой знакомый упал замертво тут же, на улице. Я наблюдал за тем, как его увозили в карете «Скорой помощи». Изумит ли читателя, что среди санитаров, которые его подбирали, находился ни больше ни меньше, как знаменитый русский шпион Пулиспанцов? Что он тут делал, не могу сказать. Без сомнения, инструкции ему исходили из таких высоких сфер, что он сам их не знал. До этого я видел его всего два раза — раз, когда мы оба жили переодетыми в зулусов в Булувайо, а другой раз — в глубине Китая, откуда Пулиспанцов проник в Тибет, спрятанный в чайном цибике. Он находился в цибике, когда я встретился с ним; так, по крайней мере, сказали мне кули, несшие его. Но я тотчас же узнал его. Однако ни я, ни он не подали ни малейшего вида, что мы узнали друг друга, если не считать незаметного движения верхнего века (мы, шпионы, умеем мигать верхним веком так незаметно, что это никому не видно). После этой встречи с Пулиспанцовым я нисколько не удивился, прочтя через несколько часов в вечерних газетах об убийстве дяди молодого сиамского короля. К сожалению, я не имею права разоблачать связи между этими двумя происшествиями: слишком серьезны были бы последствия этого для Ватикана. Сомневаюсь, не перевернулся ли бы он после этого вверх дном.

Но все это лишь мимолетные эпизоды в нашей жизни, полной опасностей и сенсаций. Они остались бы неза-

---

[1] Бессмысленный набор слов. — *Прим. ред.*

писанными и необнаруженными, подобно прочим моим откровениям, если бы некоторые недавние события не сняли в известной мере печати молчания с моих уст. Смерть некой царственной особы дала мне возможность предать огласке дела, до сего времени не разглашавшиеся. Даже и теперь я могу сообщить лишь часть, ничтожную часть страшных дел, известных мне. Когда умрет еще несколько монархов, я открою еще кое-что. Надеюсь вести свои разоблачения в течение ряда лет. Мои отношения с Вильгельмштрассе, Даунинг-стрит и Кэ-д'Орсей столь интимны и положение мое в Ильдыз-Киоске, Уолдорф-Астории и ресторане Чайльда так деликатно, что один-единственный faux pas может оказаться ложным шагом.

Вот уже семнадцать лет, как я поступил на тайную службу Г-ской империи. За эти годы моя работа бросала меня в разнообразнейшие уголки земного шара.

Я первый доставил известие имперскому канцлеру о существовании Антанты — сердечного согласия — между Англией и Францией.

— Существует ли Антанта? — спросил он меня, дрожа от волнения, когда я явился на Вильгельмштрассе.

— Существует, ваше превосходительство, — ответил я.

Он застонал.

— Можете ли вы приостановить ее? — спросил он.

— Не спрашивайте меня, — с грустью отвечал я.

— Где же мы должны нанести удар? — продолжал спрашивать канцлер.

— Принесите мне карту, — сказал я.

Карту принесли. Я опустил свой палец на карту.

— Скорей, скорей, — торопил канцлер. — Смотрите, где его палец!

Палец подняли.

— Марокко! — вскричал он.

Я имел в виду Абиссинию, но уже было поздно. В ту же ночь военная канонерка «Пантера» отплыла с запечатанными приказами. Остальное принадлежит истории или, по крайней мере, истории и географии.

Таким же манером я привез на Вильгельмштрассе сообщение о сближении между Англией и Россией в Персии.

— Что вы нашли? — спросил канцлер, когда я снял с себя русский костюм, в котором я разъезжал.

— Rapprochement, сближение! — отвечал я.

Он застонал.

— Они, кажется, хотят забрать себе все лучшие словечки,— промолвил он.

К великому своему прискорбию, я всегда буду чувствовать, что лично отвечаю за возникновение европейской войны. Может быть, имелись и другие причины. Но война, без сомнения, была ускорена тем фактом, что я впервые за шестнадцать лет взял шестинедельный отпуск на июнь и июль 1914 года. Я должен был предвидеть последствия этого опрометчивого шага. Правда, я принял все возможные меры предосторожности.

— Как вам кажется,— спросил я,— сможете ли вы сохранить статус-кво на шесть недель, всего на шесть недель, если я перестану шпионить и позволю себе отдохнуть?

— Попробуем,— ответили мне.

— Помните,— говорил я, упаковывая свои вещи,— держите Дарданеллы закрытыми; патрулируйте как следует по Новобазарскому санджаку, и пусть Добруджа остается под модусом вивенди, пока я не вернусь!

Спустя два месяца, прихлебывая кофе в одном из кургофов Шварцвальда, я прочел в газетах, что германская армия вторглась во Францию и воюет с французами, а английские экспедиционные войска переплыли Ла-Манш. «Это пахнет войной»,— сказал я себе. По обыкновению, я оказался прав.

Я считаю излишним пересказывать, какая деятельная жизнь выпадает на долю шпиона в военное время. Я вынужден был находиться и там и здесь — повсюду, одним словом, посещать лучшие отели, курорты и места публичных развлечений. Кроме того, мне надлежало действовать с величайшей осторожностью, но с видом ленивой беспечности, чтобы усыпить подозрения. С этой целью я завел обыкновение никогда не вставать раньше десяти утра. Я завтракал с величайшей небрежностью и прохладцей, утро посвящал неторопливой прогулке, стараясь, однако, держать ушки на макушке. После ленча я обычно прикидывался спящим, причем затыкал себе уши. Обед за табльдотом, за которым следовал визит в театр, завершал мой трудовой день. Мало кто из шпионов, смею сказать, работает усердней моего!

На третий год войны я получил срочный вызов от главы императорской охранки в Берлине, барона фон Гестерна. «Я хочу видеть вас»,— значилось в письме. И больше ничего.

В жизни шпиона приходится думать быстро, а ду мать — значит действовать. Получив эту депешу, я понял, что барон Фиш фон Гестерн по той или иной причине желает видеть меня и что ему нужно что-то передать мне. Догадка оказалась правильной.

При моем появлении барон встал с чисто военной корректностью и подал мне руку.

— Примете поручение в Америку? — спросил он.

— Приму, — отвечал я.

— Очень хорошо. Когда вы можете выехать?

— Как только расплачусь кое с какими долгами в Берлине, — ответил я.

— Этого мы едва ли станем дожидаться, — сказал мой начальник, — к тому же в данном случае это может вызвать толки. Вы должны выехать сегодня вечером!

— Отлично, — проговорил я.

— Таков, — продолжал барон, — приказ кайзера. Вот американский паспорт и фотография, подходящая к случаю. Сходство не очень большое, но достаточное.

— Позвольте, — возразил я, смутившись, — на фотографии мужчина с усами, а я, к сожалению, гладко выбрит.

— Приказ недвусмыслен, — проговорил Гестерн с официальной сухостью. — Вы должны выехать ночью. До вечера вы можете отрастить усы.

— Хорошо, — сказал я.

— А теперь перейдем к предмету вашей миссии, — продолжал барон. — Соединенные Штаты, как вы, может быть, знаете, воюют с Германией.

— Я слыхал об этом, — отвечал я.

— Да, — продолжал Гестерн. — Этот факт обнаружился — мы не знаем каким образом, — и получил широкую огласку. Его императорское величество решил прекратить войну с Соединенными Штатами.

Я поклонился.

— Он намерен предложить им тайный договор такого же характера, как заключенный недавно с его бывшим величеством бывшим царем России. По этому трактату Германия предлагает отдать Соединенным Штатам всю Экваториальную Африку, а Соединенные Штаты должны отдать Германии весь Китай. Есть и другие статьи, но я не буду утруждать вас ими. Ваша миссия касается не самого договора, но подготовки почвы.

Я вторично поклонился.

— Вам известно, я полагаю, — продолжал барон, — что во всех международных делах, по крайней мере в

Европе, приходится подготавливать почву. При этом приходится связывать тысячи нитей. Само императорское правительство не может унизиться до того, чтобы заняться этим делом. Оно вынуждено вести свою работу через агентов вроде вас. Без сомнения, вы это уже поняли?

Я кивнул утвердительно.

— Итак, вот ваши инструкции,— промолвил барон, выговаривая слова медленно и отчетливо, как будто для того, чтобы они лучше запечатлелись в моей памяти.— По прибытии в Соединенные Штаты вы будете следовать методам, которыми, как известно, пользуются все лучшие шпионы высокого ранга. Без сомнения, вы читали какие-нибудь руководства, написанные ими?

— Я их прочел,— сказал я.

— Превосходно. Вы окажетесь и будете вращаться в самом изысканном обществе. Заметьте себе, пожалуйста, что вы должны не только о к а з а т ь с я, но и в р а щ а т ь с я!

Я поклонился.

— Вы должны свободно общаться с членами кабинета. Вы должны обедать с ними. Это весьма существенное обстоятельство, о котором вы должны хорошо помнить. Делайте это так, чтобы стать с ними на короткую ногу. Сможете вы это?

— Смогу,— отвечал я.

— Очень хорошо. Помните также, что для маскировки своей задачи вы должны постоянно показываться вместе с самыми фешенебельными и красивыми женщинами американской столицы. Можете вы этого достигнуть?

— Почему бы и нет?— спросил я.

— Если понадобится, вы должны,— и барон бросил многозначительный взгляд, который для меня не пропал даром,— завести интригу с одной из них или, еще лучше, с несколькими. Готовы ли вы на это?

— Больше чем готов,— сказал я.

— Очень хорошо. Но это еще не все. Вы должны, кроме того, сблизиться с главами крупных финансовых организаций. Вы должны быть с ними в таких отношениях, чтобы занимать у них крупные суммы денег. Возражаете ли вы против этого?

— Нет,— откровенно отвечал я,— не возражаю.

— Прекрасно! Вы должны также проникнуть в посольские и иностранные круги. Хорошо, если бы вы

по меньшей мере раз в неделю обедали с британским посланником. И, наконец, последнее, — продолжал Гестерн необычайно внушительным тоном,— о президенте Соединенных Штатов.

— Да,— сказал я.

— Вы должны стать с ним на короткую ногу. Постоянно бывайте в Белом доме. Сделайтесь в самом полном смысле слова другом и советчиком президента. Я думаю, вам ясно, зачем это нужно. В сущности, это основное, что делают, как вам известно, все мастера международной дипломатии.

— Совершенно верно,— сказал я.

— Очень хорошо. И тогда,— продолжал барон,— как только вы достаточно сойдетесь со всеми, вы можете заняться выдвижением мирных условий. А теперь, дорогой мой,— сказал барон с неподдельной сердечностью,— еще одно слово. Нужны ли вам деньги?

— Да,— сказал я.

— Я так и думал. Но вы убедитесь, что будете нуждаться в них все меньше и меньше с течением времени. Итак, прощайте, желаю вам полного успеха в вашем деле!

Такова, в сущности, миссия, которой меня облекли. Я считаю, что это самое важное поручение, которым меня когда-либо почтили на Вильгельмштрассе.

В ОЖИДАНИИ УБИЙСТВА

Я страстно люблю детективную литературу. То есть любил до сих пор, но чувствую, что надолго меня не хватит. Слишком уж беспокойной делает она нашу повседневную жизнь. Я каждый раз жду, что случится нечто неожиданное, сенсационное; например, что мимо пройдет скрывающийся от правосудия преступник, и мне надо будет немедленно заметить время, когда он прошел.

Во всех детективных романах персонажи постоянно замечают время, чтобы быть готовыми дать свидетельские показания.

Поэтому я теперь только и делаю, что целый день отмечаю по часам время; так что могу присягнуть в чем угодно.

К примеру, дня три назад зашел я пообедать к приятелю, старине Джимми Дугласу. Он живет один. Сам по себе этот факт должен заставить каждого любителя детективов хронометрировать проведенное с ним время. Перед тем как позвонить в дверь, я на мгновение остановился у порога и посмотрел на свои часы. На них было ровно семь. Часы на перекрестке, однако, показывали две с половиной минуты восьмого. Допуская, что мои часы могут на минуту отставать, я путем логических умозаключений пришел к выводу, что точное время сейчас — одна с четвертью минута восьмого.

Зачем я это делал? Разве вы не поняли? Что, если я сейчас позвоню, дверь никто не откроет, я, в конце концов, ее взломаю (надеюсь, это будет не слишком трудно) — и обнаружу за ней распростертого на полу бездыханного Джимми? Тогда-то время приобретет первостепенную важность, так ведь? А если он будет еще тепленьким (он будет, добрый старый Джимми)? В этом случае первостепенную важность приобретет и его температура.

Итак, я позвонил. Открывший дверь слуга-китаец, бесшумно ступая, проводил меня в ярко освещенную гостиную и усадил в кресло. Комната казалась пустой. Я говорю «казалась», потому что в детективах этого никогда нельзя знать заранее. Если скрюченный труп Дугласа лежал где-нибудь в углу (авторы детективов, как известно, знают способ скрючивать трупы), моя задача заключалась в том, чтобы вперить взгляд в пустоту или обводить глазами комнату так, чтобы не глядеть в тот самый угол.

Исполнив все это, я заметил, что на камине стоят часы из золоченой бронзы (они всегда стоят именно там). Часы показывали четыре минуты восьмого, подтверждая на практике мои предварительные расчеты.

Я как раз проверял свои вычисления, когда вошел Дуглас.

Я сразу обратил внимание на его манеру держаться и счел ее вполне обычной, даже спокойной, хотя, должен вам сказать, особой радости он не выказывал. Не берусь утверждать, свидетельствовало ли это о начальной стадии отравления мышьяком или о том факте, что он заметил меня.

Мы пили коктейль. Дуглас оставил на своем бокале два ясно различимых отпечатка пальцев. Я же держал свой за край основания.

Обедать мы сели в половине восьмого. Я в этом совершенно уверен, потому что помню, как Джимми сказал: «Ага, сейчас ровно половина», после чего сразу же пробили каминные часы. Моя гипотеза еще раз подтвердилась, когда вошел слуга-китаец и объявил: «Половина восьмого!» Поэтому я делаю окончательный вывод, что это произошло в половине восьмого, а может быть, на несколько секунд раньше или позже.

Как бы то ни было — если отвлечься от мелких деталей, — мы сели обедать. Я заметил, что Дуглас отказался от супа. До поры до времени я не придал этому факту особого значения, собираясь поразмыслить над ним впоследствии. В свою очередь я отказался от рыбы. Если в одном из блюд содержался мышьяк, моя тактика по-

могла бы мне определить методом исключения, в каком именно. Все это время манера поведения слуги-китайца была вполне обычной, то есть китайской.

Не могу сказать точно, пил ли Дуглас после обеда кофе. Здесь я дал промашку. Помнится, я разглагольствовал о своих взглядах на стратегию союзников во время войны и на какое-то время забыл не только хронометрировать действия хозяина, но даже замечать, что он ест. В результате в моих наблюдениях образовался невосполнимый пробел.

Я заметил, однако же, что Дугласу не очень хотелось вести послеобеденную беседу. Я все еще выкладывал ему свои взгляды на стратегию союзников, но он, похоже, был не в состоянии слушать, не выказывая некоторых признаков сонливости. Это явно могло быть одним из симптомов отравления мышьяком.

Ушел я в девять и напоследок заметил, что Дуглас, поднимаясь со стула, слегка вздрогнул, поскольку в этот момент пробили каминные часы. «Девять! — воскликнул он. — Я думал... Я был уверен, что уже десять».

Домой я доехал на такси. Я легко узнаю эту машину, даже если ее обнаружат в какой-нибудь заброшенной каменоломне, потому что сделал отметину на коже сиденья. Опознаю я и шофера по характерному шраму на лице.

Все это, как я уже упоминал, произошло три дня назад. С тех пор я каждое утро дрожащей рукой разворачиваю газету и смотрю, не обнаружено ли где-нибудь тело Дугласа. Похоже, они его так и не нашли. Конечно, я не знаю, где он его оставил. Вообще говоря, никогда нельзя быть уверенным, что тело пропало, пока его кто-нибудь не нашел.

Однако могу вас заверить: если оно будет обнаружено, я к этому вполне готов. Как только этот факт станет достоянием гласности, я начну действовать сразу. Мои сведения о таксисте, отпечатках пальцев и каминных часах — это как раз то, что нужно в подобных случаях.

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КТО ЭТО СДЕЛАЛ!
ИЛИ ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО

Глава I

ОН ОБЕДАЛ СО МНОЙ ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ

Вечернее издание столичной «Планеты» было пущено в машину. Пять тысяч экземпляров газеты скатывались в минуту с ее исполинских барабанов. Каждый час через печатные станки проходили тонны бумаги. В огромном здании «Планеты», господствовавшем над Бродвеем, суетились и бегали служащие, наборщики, репортеры, агенты по объявлениям и т. д. Поставленные в одну шеренгу (хотя, разумеется, вряд ли они бы на это согласились), они протянулись бы через весь остров Манхэттен. Поставленные в две шеренги, они, вероятно, протянулись бы вдвое дальше. Выстроенным в процессию, им пришлось бы целый час проходить мимо кабака.

Словом, в обширном здании царили шум и суматоха. Телефоны, мегафоны и граммофоны звонили и трещали повсюду. Лифты летали вверх и вниз, нигде не останавливаясь.

Только в одном месте царила тишина — именно в кабинете, где сидел великий муж, могучий ум которого управлял всей этой организацией.

Мастерман Трогтон, главный директор «Планеты», был человек в средней поре жизни. В его массивной фигуре было нечто, говорившее о массивности, а некоторые особенности посадки его огромной головы свидетельствовали о недюжинном интеллекте. Лицо его было непроницаемо, и выражение его неуловимо.

Шеф сидел в своем вращающемся кресле, обставленный со всех сторон чернильницами. Через его мозг проходили все нити и волокна, по которым передавались новости целого материка.

В момент, когда начинается наше повествование (открывать его раньше не имело смысла), ему принесли письменное сообщение.

Шеф прочел его. По-видимому, он усвоил содержание в одну секунду.

— Великий боже! — воскликнул он. Это было самое энергичное выражение, которое позволял себе этот степенный, уравновешенный человек. Что-нибудь более сильное казалось бы в его устах кощунством.— Великий боже!— повторил он.— Кивэс Келли убит! В своем собственном доме! Помилуйте, да ведь он обедал со мной вчера вечером! Я отвозил его домой!

На короткое время великий муж погрузился в раздумье. Но у Трогтона раздумье длилось недолго. Повинуясь инстинкту, он начал действовать.

— Можете идти,— сказал он курьеру, затем схватил телефон, стоявший возле него (сей муж мог говорить по телефону, почти не переставая думать), и сказал в трубку спокойным, самоуверенным тоном, не тратя лишних слов.

— Алло! Барышня, дайте мне два — двадцать два — двадцать два. Это два — двадцать два — двадцать два? Алло, два — двадцать два — двадцать два! Мне нужен Трэнсом Кент. Это Кент говорит? Кент, это говорит Трогтон. Кент, в резиденции Келли, на Риверсайд Драйв, совершено убийство. Мне нужно, чтобы вы немедленно отправились туда и раскрыли его. Сделайте это!

Не жалейте расходов: за вами стоит «Планета». Есть ли у вас деньги на трамвай? Отлично!

В следующее мгновение великий шеф повернулся в своем вращающемся кресле (по малой мере на сорок градусов) и углубился в чтение телеграфных депеш из Иерусалима. Такова была его манера вершить дела.

Глава II

Я ДОЛЖЕН СПАСТИ ЕЙ ЖИЗНЬ

Через несколько минут Трэнсом Кент вскочил в трамвай (надземной линии) и полетел к Риверсайд Драйв во весь опор. Когда он вышел из вагона, газетный мальчишка уже выкрикивал: «Убийство клубмена! Еще один клубмен убит!» Небрежно кинув мальчишке цент, Кент купил газету и прочел краткое сообщение о трагедии.

Кивес Келли, всем известный клубмен и бонвиван, найден был мертвым в своей резиденции на Риверсайд Драйв. Налицо были все или, по крайней мере, целая куча признаков убийства. Несчастный клубмен был найден лежащим на спине на полу бильярдной комнаты, причем ноги его упирались в край стола. Узенькая черная полоска ткани, вероятно его вечерний галстук, была туго обмотана вокруг шеи при помощи пропущенного в петлю бильярдного кия. Спокойная улыбка застыла на его лице. Он умер, по-видимому, от удушья. Две пули пронзили его тело, каждая с одной стороны; очевидно, навылет. Подтяжки лопнули на спине. Руки были сложены на груди. Одна из них держала белый бильярдный шар. В комнате не видно было никаких следов борьбы или беспорядка. От смокинга жертвы был оторван квадратный кусочек сукна.

В передовице упомянутой газеты убийство обсуждалось с общественной точки зрения. Газета указывала, что это уже третий клубмен, убитый за последние две недели. Не поддаваясь панике, газета подчеркивала, однако, что пора прекратить избиения клубменов. Всему должен быть предел, разумный предел. Зачем убивать клубменов? Можно, правда, спросить, зачем клубменам жить, но это едва ли относится к делу. Факт тот, что они живут. В конце концов, будем справедливы — чего, собственно, нужно клубмену от общества? Не так уж много: вино, женщины и варьете. Почему же не дать им этого? Разве справедливо их убивать? Разве выигрыш для литературы превышает в данном случае общественное зло? Автор статьи рассчитал, что при таком темпе убийств клубмены будут изничтожены уже в следующем поколении. Нужно что-нибудь сделать, чтобы сохранить их.

Трэнсом Кент не был сыщиком. Он был репортером. Изучив в Гарвардском университете решительно все, что можно, он за два месяца до описываемого момента поступил в штат сотрудников «Планеты». Темп

его выдвижения был феноменален. В первые четыре недели своей работы он раскрыл тайну, во второй месяц — описал захватывающий скандал, портивший кровь всей нации уже десять лет, а в третий месяц беспощадно разоблачил кое-кого из виднейших, наиболее респектабельных людей в столице. Теперь работа Кента в «Планете» почти исключительно заключалась в разоблачениях тайн и описании скандалов, и естественно, что директор первым обратился к нему.

Дом убитого представлял собой превосходное каменное здание, построенное на собственной земле. Явившись на место, Кент увидел, что полиция уже окружила дом кордоном из веревок. Группы зевак, снедаемых нездоровым любопытством, по двое, и по трое, а то и по четверо и по пяти собирались вокруг. Полисмены стояли, прислонясь к забору, на каждом шагу. У них был озабоченный вид, свойственный всем сыщикам столицы.

— Мне видится в этом деле,— заметил один из них своему соседу,— какая-то неумолимая логическая цепь, но постичь ее я не в состоянии!

— Я тоже,— отвечал другой.

Главный инспектор сыскного департамента, грузный на вид мужчина, стоял у калитки. Он мрачно кивнул Трэнсому Кенту.

— Вы озадачены, Эдвардс? — спросил Кент.

— Еще бы, мистер Кент,— проговорил инспектор, всхлипывая.— Я думал, мне удастся разрешить эту загадку, но я не могу!

И он провел платком по глазам.

— Возьмите сигару, начальник,— сказал Кент,— и давайте послушаем, что тут у вас.

Инспектор просиял. Как все полицейские, он помешан был на сигарах.

— Олл райт, мистер Кент,— погодите, пока я прогоню любопытных.— И он запустил в них палкой.

— Ну,— сказал Кент,— а как насчет следов, отпечатков ноги — подумали ли вы о них?

— Да, первым делом. Вся лужайка покрыта ими. Просто утоптана. Посмотрите, например, сюда: это след человека с деревянной ногой.— Кент кивнул.— По всей вероятности, матрос с судна, недавно прибывшего с Явы, с сингапурской тросточкой и оловянным свистком за поясом.

— Да, я вижу это,— задумчиво проговорил Кент.— Вес этого свистка заставляет его припадать немного на правую сторону.

— Думаете ли вы, мистер Кент, что матрос с Явы, имеющий деревянную ногу, мог совершить убийство, подобное этому? — спросил инспектор с тревогой.— Мог ли он сделать это?

— Мог,— ответил новоявленный сыщик.— Они обычно так и поступают, как только высадятся на сушу.

Инспектор кивнул.

— А посмотрите вот на эти следы, мистер Кент. Вы, конечно, узнаете их — это следы безработного официанта, дожидающегося отмены восемнадцатой поправки [1]. Смотрите, как глубоко они вдавлены...

— Да,— сказал Кент,— такой мог совершить убийство.

— Следы есть и еще,— продолжал инспектор,— но они ни к чему. Зеваки, снедаемые нездоровым любопытством, шатались вокруг дома, пока мы окружали его кордоном.

— Постойте,— проговорил Кент, на минуту задумавшись,— а как у вас насчет отпечатков пальцев?

— Отпечатков пальцев? — сказал инспектор.— Не говорите мне о них! В доме их полным-полно.

— Отпечатков пальцев итальянцев с тем специфическим вдавлением мякоти большого пальца, которое выдает сицилийского разбойника?

— Таких было три,— угрюмо проговорил мистер Эдвардс.— Нет, мистер Кент, с отпечатками пальцев дело не выйдет!

Кент опять задумался.

— Инспектор,— сказал он,— а как насчет загадочных женщин? Не видали ли вы таких по соседству?

— Четверо прошли мимо нынче утром — одна в половине десятого, другая в половине первого и две одновременно в половине второго. По крайней мере,— уныло добавил он,— они были загадочны. Мне все женщины кажутся загадочными.

— Нужно попробовать копнуть в другом направлении,— сказал Кент.— Давайте я восстановлю всю историю. Я должен сплести цепь анализа. Кивес Келли был холостяк, не правда ли?

— Да, он жил один.

— Очень хорошо. Полагаю, у него был дворецкий, служивший уже двадцать лет?..

---

[1] Восемнадцатая поправка к американской конституции запрещает торговлю спиртными напитками.— *Прим. перев.*

Эдвардс кивнул утвердительно.

— Надеюсь, вы арестовали его?

— Тотчас же,— сказал инспектор.— Мы всегда арестовываем дворецких, мистер Кент, они так и ждут этого. По правде говоря, этот человек, Вильямс, сдался в первую же минуту.

— Посмотрим,— продолжал сыщик.— Полагаю, тут есть экономка, живущая на верхнем этаже, глухая, как пень, уже десять лет?

— Совершенно верно, есть.

— Она ничего не слыхала во время убийства?

— Ничего. Но это может быть, потому, что она глухая.

— Возможно,— прервал его Кент.— И я полагаю, тут имеется кучер, вполне надежный человек, живущий с женой на задворках?

— Но который повез жену навестить родственника в день убийства и вернулся только поздно ночью. Мистер Кент, все это мы внимательно изучили, из этого ничего не извлечешь.

— Был ли еще кто-нибудь в доме?

— Была стенографистка мистера Келли, Алиса Деларай. Но она приходит только по утрам.

— Вы видели ее? — торопливо спросил Кент.— Какова она собой?

— Я видел ее,— сказал инспектор,— она лулу.

— Ага!— воскликнул Кент.— Лулу! — Они посмотрели друг другу в глаза.

— Да,— глубокомысленно повторил Эдвардс,— она персик.

Вспышка интуиции, как наитие, озарила ум юного репортера.

Эта девушка, этот персик — он должен спасти ей жизнь!

Глава III

Я ДОЛЖЕН КУПИТЬ КНИГУ О БИЛЬЯРДНОЙ ИГРЕ

Кент повернулся к инспектору.

— Ведите меня в дом,— сказал он.

Эдвардс пошел вперед. Изнутри прекрасное здание, казалось, не пострадало.

— Я не вижу здесь следов борьбы,— проговорил Кент.

— Их нет,— мрачно ответил инспектор.— Мы не могли нигде найти ни малейших следов борьбы; но мы никогда не находим их.

На минуту он раскрыл дверь высокой гостиной.

— И здесь ни малейших следов борьбы,— сказал он.

Закрытые ставни, задрапированная мебель, закрытое чехлом пианино, закутанный в тряпку канделябр — все это не обнаруживало решительно никаких признаков борьбы.

— Пойдемте наверх, в бильярдную,— сказал Эдвардс.— Тело взяли на вскрытие, но обстановка не тронута.

Они отправились наверх. На втором этаже находилась бильярдная с большим английским столом в центре. Но Кент в одно мгновение перебежал через комнату к окну, и с уст его сорвалось восклицание:

— Ага! Ага! — проговорил он.— Это что такое?

Инспектор невозмутимо покачал головой.

— Окно,— проговорил он монотонным, почти гнусавым голосом,— по-видимому, было растворено снаружи, и подоконник был приперт каким-то острым орудием. Наружная пыль на подоконнике стерта как будто человеком необычайной ловкости, лежавшим на животе. Не думайте об этом, мистер Кент,— так всегда бывает.

— Это правда,— сказал Кент. Затем он поднял глаза вверх, и опять у него вырвалось непроизвольное восклицание:

— Вы видели эту откидную дверцу?

— Видели,— сказал Эдвардс.— Пыль по краю стерта. Дверца открывается в сторону крыши. Человек необычайной ловкости мог открыть эту дверь бильярдным кием, забросить тонкую манильскую бечевку, влезть по бечевке и выползти на животе.

— Это бесполезно,— продолжал инспектор.— Взгляните, например, на этот огромный старомодный камин. Человек необычайной подвижности мог бы влезть по дымоходу. Или на этот столик для напитков в коридоре, ведущем в девичью. Он на колесиках. Человек необычайной нескромности мог бы ездить на этом столике взад и вперед.

— Погодите минутку,— сказал Кент.— А что вы скажете об этой шляпе?

Легкая кисейная шляпка в цветах висела на гвоздике на стене.

— Мы о ней думали,— сказал Эдвардс,— и оставили

ее на месте. Тот, кто явится за этой шляпой, несомненно, является участником тайны. Мы думаем...

Но Трэнсом Кент не слушал его. Он ухватился за край бильярдного стола.

— Смотрите! Смотрите! — возбужденно кричал он.— Вот нить к тайне — расположение бильярдных шаров: белый шар в самом центре стола, а красный на самом краю лузы. Что это значит, Эдвардс, что это значит?

Он схватил Эдвардса за руку, заглядывая ему в глаза.

— Не знаю,— отвечал инспектор.— Я не играю в бильярд.

— И я не играю,— заметил Кент,— но я разузнаю. Скорей! В ближайшую книжную лавку — мне нужна книга об игре в бильярд!

Помахав рукой, Кент исчез.

Инспектор с минуту стоял в раздумье.

— Жаль,— пробормотал он про себя (у него была привычка все действительно важные речи бормотать вслух).— Но почему Трогтон просил меня следить за Кентом? Десять долларов в день за слежку. Почему?

Глава IV

ЭТО НЕ БИЛЬЯРДНЫЙ МЕЛ

Между тем в редакции «Планеты» мистер Мастерман Трогтон надевал пальто, собираясь домой.

— Простите, сэр,— сказал один из служащих,— ваш рукав замазан зеленым бильярдным мелом.

Трогтон повернулся и заглянул служащему прямо в глаза.

— Это не бильярдный мел,— сказал он,— это пудра для лица.

Проговорив это, великий невозмутимый муж шагнул в лифт и в одно мгновение очутился на нижнем этаже.

Глава V

ВИДЕЛ ЛИ КТО-НИБУДЬ КЕЛЛИ?

Следствие состоялось на следующий день. Оно не только не дало никакого ключа к разгадке, но еще более запутало это дело. Свидетельство медиков, хотя и данное лучшим экспертом города, оказалось совершенно неубе-

дительным. Тело, как засвидетельствовал эксперт, имело явные признаки насилия. Обнаружено было определенное повреждение пищевода, малая берцовая кость оказалась соскобленной. Мезоденум оказался вздутым. В биномиуме обнаружено небольшое количество серозной жидкости, а просцениум был широко открыт.

Но был и еще один интересный факт, подмеченный экспертом: в желудке покойного оказалось полпинты мышьяка. В этом пункте допрос окружного прокурора носил определенный технический характер. Обыкновенное ли это дело, спросили его, находить мышьяк в желудке? — В желудке клубмена — да. — Большое ли это количество — полпинты? — Он бы не сказал этого. — Малое ли это количество? — Он не хотел бы говорить, что оно мало. — Может ли полпинты мышьяка причинить смерть? — Смерть клубмена — не всегда. Вот и все.

Другие показания, представленные следствию, обнаружили существенные факты, которые скорее способны были запутать тайну, чем раскрыть ее. Дворецкий присягнул, что в самый день убийства подал своему хозяину полпинты мышьяка за ленчем. Он утверждал, что это было самое обыкновенное дело. Перекрестный допрос выяснил, что он имел в виду минеральную воду «аполлинарис». Он был уверен, что там было полпинты.

Выяснилось, что дворецкий находился на службе у Кивэса Келли уже двадцать лет.

Подвергли допросу кучера-ирландца. Он находился на службе у мистера Келли три года — с самого возвращения с родины. — Правда ли, что в день убийства у него была ссора с хозяином? — Правда. — Грозил ли он ему убийством? — Нет, он грозил пробить ему башку, но не убить.

Следственный судья заглянул в свои заметки.

— Вызовите Алису Деларай, — приказал он.

Мисс Деларай спокойно заняла свое место в ложе свидетелей. Это произвело на суд глубокое впечатление.

Высокая ростом, грациозная, стройная, Алиса Деларай находилась в первом расцвете красоты. Всякий, глядя на эту прелестную девушку, думал, что, если ее первый расцвет таков, каков же будет второй и третий?

Девушка дрожала и находилась в явном расстройстве, но показания свои давала голосом чистым, приятным и негромким. Она находилась на службе у мистера Келли три года. Была его стенографисткой. Но она приходила только по утрам и всегда уходила во время

ленча. Вопрос, немедленно поставленный присяжными: «Где она обыкновенно завтракала?» — был устранен следственным судьей. Спрошенная одним из присяжных, какой системой стенографии она пользуется, она ответила: «Питмэновской». Спрошенная другим присяжным, любит ли она ходить в кинематограф, она ответила, что иногда ходит. Это произвело благоприятное впечатление.

— Мисс Деларай,— спросил окружной прокурор,— я хочу спросить вас, не ваша ли шляпа была найдена в бильярдной комнате после совершения преступления?

— Не смейте спрашивать об этом девушку,— вмешался судья.— Мисс Деларай, вы можете идти.

Но главная сенсация дня вызвана была показанием мистера Трогтона, главного директора «Планеты». Кивэс Келли, засвидетельствовал он, обедал с ним в своем клубе в роковой вечер. Он после этого отвез его домой.

— Когда вы вошли в дом с покойным,— спросил окружной прокурор,— долго ли вы оставались с ним вместе?

— Я вынужден отказаться отвечать на этот вопрос.

— Это может уличить вас? — спросил коронер, наклонившись вперед.

— Может,— сказал Трогтон.

— В таком случае вы имеете полное право не отвечать на этот вопрос,— сказал коронер.— Не спрашивайте его больше об этом, спросите о чем-нибудь другом!

— В таком случае,— сказал прокурор, вновь обращаясь к Трогтону,— скажите, играли ли вы на бильярде с покойным?

— Стоп! Стоп! — вмешался коронер.— Этого вопроса я не могу допустить. Он слишком прям, слишком жесток; что-то есть в этом вопросе грязное, нехорошее. Задайте другой вопрос.

— Очень хорошо,— сказал прокурор.— Тогда скажите мне, мистер Трогтон, видели ли вы когда-нибудь раньше этот голубой конверт? — Он поднял руку с зажатым в ней длинным синим конвертом.

— Никогда в жизни,— отвечал Трогтон.

— Разумеется, он не видел,— сказал коронер.— Давайте взглянем на него. Что это?

— Этот конверт, ваша милость, торчал из жилетного кармана покойного.

— Что вы говорите! — промолвил коронер.— А что в нем такое?

И среди глубокого молчания атторней вынул листок синей бумаги со штемпелем и прочел:

«Это последняя моя воля, Кивэса Келли из Нью-Йорка. Все, что мне принадлежит в момент моей смерти, я оставляю моему племяннику, Питеру Келли».

Все присутствующие так и ахнули. Никто не вымолвил ни слова. Коронер огляделся.

— Видел ли кто-нибудь из здесь находящихся Келли?

Ответа не последовало.

Коронер повторил вопрос.

Никто не шевельнулся.

— Мистер коронер,— сказал атторней,— мое мнение таково, что, если Питера Келли разыщут, тайна будет разгадана!

Спустя десять минут присяжные вынесли вердикт, обвиняющий в убийстве неизвестное лицо (или лица), добавив, что они готовы прозакладывать доллар, что убийство совершил Келли-младший.

Коронер приказал освободить дворецкого и выписал ордер на арест Питера Келли.

Глава VI

ПОКАЖИТЕ МНЕ ЧЕЛОВЕКА, НОСИВШЕГО ЭТИ БАШМАКИ

Останки злополучного клубмена были погребены на другой день со всем почетом, подобающим клубмену. Никто не провожал его до могилы, исключая нескольких зевак, снедаемых нездоровым любопытством, которые ехали наверху катафалка.

Огромный город вернулся к своим обычным занятиям. Неразгаданная тайна перестала занимать общественное мнение.

Тем временем Трэнсом Кент распутывал запутанные нити. Без сна, почти без еды и абсолютно без питья, он был везде и повсюду. Он искал Питера Келли. Везде, где собиралась толпа, наш сыщик был тут как тут, разыскивая Келли. В тесноте Большой центральной станции Кент носился взад и вперед, заглядывая каждому в лицо.

Один человек тронул его за плечо.

— Перестаньте заглядывать людям в лицо! — сказал он.

— Я разгадываю тайну,— сказал Кент.

— Прошу прощения, сэр,— промолвил тот,— я не знал.

Кент был то здесь, то там, неустанно двигаясь во все стороны, и подстерегал Келли. Целыми часами он простаивал у будки с сельтерской водой, осматривая каждого прохожего, подходившего выпить. Три дня просидел он на лестнице дома Мастермана Тротгона под видом слесаря, дожидающегося гаечного ключа.

Но следов Питера Келли он не нашел никаких. По-видимому, юный Келли жил в одном доме со своим дядей меньше трех лет тому назад. Потом он внезапно исчез, словно сквозь землю провалился, как выразился один сотрудник нью-йоркской прессы.

Однако Трэнсом Кент был не такой человек, чтобы смущаться первыми неудачами.

Неделю спустя наш сыщик появился в кабинете инспектора Эдвардса.

— Инспектор,— сказал он,— мне нужно найти еще несколько путеводных нитей. Отвезите меня опять в дом Келли. Я должен вновь проанализировать свою первую версию.

Они отправились к дому.

— Совершенно неизбежно было,— говорил Кент,— проглядеть что-нибудь.

— С нами это всегда бывает,— мрачно подтвердил Эдвардс.

— Теперь скажите мне,— проговорил Кент, когда они остановились перед бильярдным столом,— какова ваша, полицейская версия этого убийства? Изложите мне вашу, а потом перейдем к другим.

— Первая наша версия заключается в том, что убийство совершил матрос с деревянной ногой, недавно прибывший с Явы.

— Совершенно верно, именно так,— кивнул Кент.

— Мы узнали, что он матрос,— продолжал инспектор, впадая в свой обычный поучающий тон,— по необычайной ловкости, необходимой для того, чтобы взобраться по отвесной стене до окна. Там тридцать футов. Ни одна сухопутная крыса не могла бы проползти более двадцати. О том, что он прибыл из Ост-Индии, мы узнали по особому узлу на шее его жертвы. Что у него деревянная нога, мы узнали...

Инспектор умолк и смешался.

— Мы узнали это...— и он опять умолк.— Боюсь, что не могу вспомнить, как именно.

— Бросьте, бросьте,— мягко проговорил Кент.— Вы узнали это, Эдвардс, по тому, что когда он наклонился

над бильярдным столом, то отпечаток его руки на красном дереве был более глубок с одной стороны, чем с другой. Но ведь вы отказались от этой первой версии!

— Верно, мистер Кент, мы всегда отказывались от них. Вторая наша версия заключалась...

Но Кент уже не слушал. Он вдруг наклонился и поднял что-то с пола.

— Ага! Ага! — воскликнул он.— Что вы на это скажете? — Он протянул инспектору квадратный кусочек черного сукна.

— Этого мы не видали,— сказал Эдвардс.

— Сукно,— пробормотал Кент,— недостающий кусочек смокинга Кивэса Келли! — Он выхватил из кармана лупу.— Смотрите! — сказал он.— На него наступили — человек в башмаках, подбитых гвоздями и сделанных в Ирландии,— человек ростом в пять футов и девять с половиной дюймов...

— Одну минуту, мистер Кент,— перебил его инспектор в сильном возбуждении,— я не совсем понимаю, в чем дело!

— Углубленное вдавление показывает, как высоко поднимал он ноги,— нетерпеливо говорил Кент,— а высота подъема ноги показывает рост человека. Найдите мне человека, который носил эти башмаки,— и тайна разгадана!

В этот самый момент послышались тяжелые шаги — для тренированного слуха, несомненно, шаги человека в башмаках с гвоздями.

Дверь раскрылась, и на пороге нерешительно остановилась фигура.

И Кент и Эдвардс вздрогнули два раза подряд от неожиданности.

В человеке было ровно пять футов и девять с половиной дюймов росту. Он был одет в кучерской костюм. Лицо у него было угрюмое и недоброе.

Это был Деннис, кучер убитого.

— Если вы мистер Кент,— проговорил он,— то вас спрашивает дама.

Глава VII

О, МИСТЕР КЕНТ, СПАСИТЕ МЕНЯ

Еще через минуту на лестнице послышались абсолютно бесшумные шаги.

Вошла молодая девушка — высокая, стройная и прекрасная, в первом расцвете или около первого расцвета женственности.

Это была Алиса Деларай.

Она была одета с большим вкусом, но зоркий глаз Кента тотчас же заметил, что на ней не было шляпы.

— Мистер Кент,— проговорила девушка, овладев собой,— мне сказали, что вы здесь. О, мистер Кент, помогите мне, спасите меня!

Задрожав, она как бы ушла в себя. Она дышала быстро и порывисто. Она протянула к нему обе руки.

— Успокойтесь, дорогая юная леди,— проговорил Кент, беря ее руки в свои.— Не дышите так быстро, доверьтесь мне! Скажите мне все!

— Мистер Кент,— проговорила Деларай, овладев собой, но все еще продолжая дрожать.— Мне нужна моя шляпа!

Кент выпустил руку прекрасной девушки.

— Присядьте,— сказал он. Затем он пересек комнату и принес шляпу — легкую кисейную шляпу с цветами, которая все еще висела на гвозде.

— О, как я рада, что она цела,— воскликнула девушка.— Не знаю, как благодарить вас. Я боялась прийти за нею!

— Все в порядке,— сказал инспектор.— По полицейской версии это должна была быть шляпа экономки. Входите и берите шляпу!

Кент пристально глядел на девушку, стоявшую перед ним.

— Вы не все мне сказали. Расскажите мне все подробности.

— О, я расскажу! Я расскажу, мистер Кент, об этой ужасной ночи; я находилась здесь, я видела — по крайней мере, слышала все!

Она трепетала.

— О, мистер Кент, это было ужасно! В тот вечер я вернулась в библиотеку, чтобы докончить одну работу. Я знала, что мистер Келли обедает не дома и что я буду одна. Некоторое время я спокойно работала, но затем услышала голос в бильярдной комнате. Я старалась не слушать, но там как будто ссорились, и я поневоле слышала. О, мистер Кент, я дурно поступила?

— Нет,— сказал Кент, беря ее за руку.— Вы поступили неплохо.

— Я слышала, как один сказал: «Уберите ногу со стола, вы не имеете права класть ногу на стол». Другой сказал: «Тогда уберите ваш живот с борта!» — Девушка задрожала.— И вдруг один говорит, яростно так: «Отступите назад, отступите на пятнадцать дюймов!» А другой голос сказал: «Клянусь богом, я ударю отсюда!» Потом наступила мертвая тишь, и один из голосов почти вскрикнул: «Вы попали в меня, вы попали в меня, стало быть, делу конец».— И тогда я услышала, как другой проговорил, понизив голос: «Простите меня, я не хотел этого сделать. Я не собирался кончать таким образом».

— Я была так испугана, мистер Кент, что не могла больше оставаться на месте. Я спустилась вниз и бегом побежала домой. На следующий день я прочла о случившемся, поняла, что я оставила там свою шляпу, и страх охватил меня. О, мистер Кент, спасите меня!

— Мисс Деларай,— проговорил сыщик, опять беря руку девушки и глядя ей прямо в глаза,— вы в безопасности. Скажите мне одно: этот человек, который играл с Кивэсом Келли,— вы его видели?

— Только одно мгновение,— и девушка замялась.— Через замочную скважину.

— На кого он был похож? — спрашивал Кент.— Было ли у него непроницаемое лицо?

— Было.

— Было ли в его лице что-нибудь массивное?

— О, да, да, все лицо было массивным!

— Мисс Деларай,— проговорил Кент,— тайна теперь на волоске от разрешения! Когда я соединю последние звенья цепи, могу ли я прийти к вам и все вам сказать?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Можете приходить в любой час дня и ночи!

Затем она удалилась.

Глава VIII

ВЫ — ПИТЕР КЕЛЛИ!

Через несколько мгновений Кент уже стоял у телефона.

— Барышня, дайте мне сорок четыре — сорок четыре. Это сорок четыре — сорок четыре? Это дом Мастермана Трогтона? Мне нужен мистер Трогтон. Это говорит ми-

стер Трогтон? Мистер Трогтон, это говорит Кент. Тайна Риверсайд Драйв раскрыта!

Кент с минуту ожидал, безмолвствуя. Затем он услышал голос Трогтона — голос, полный невозмутимости.

— Кто-нибудь нашел Келли?

— Мистер Трогтон,— продолжал Кент с какими-то странными интонациями в голосе.— Это длинная история. Предположим, расскажу вам ее...— и он помедлил и особенно подчеркнул следующие слова: за партией бильярда!

— Черт возьми! Что вы хотите этим сказать? — спросил Трогтон.

— Позвольте мне приехать к вам и рассказать всю историю. В ней есть пункты, которые я лучше всего смогу иллюстрировать над бильярдным столом. Предположим, я вызываю вас на пятьдесят пунктов, а потом уж расскажу свою историю.

Чтобы вызвать Мастермана Трогтона на партию игры в бильярд, требовалась немалая смелость. Он пользовался в своем клубе репутацией хладнокровного, решительного игрока, никем не превзойденного. Трогтон умел набирать девять, десять и даже двенадцать очков с одного удара. Для него было обыкновенным делом согнать шар со стола. Своим зорким глазом он безошибочно определял, где находится каждый из трех шаров; какой из них бить, он чувствовал инстинктивно.

Однако Кент оказался далеко не слабым противником. Молодой репортер, хотя никогда раньше не играл, не без пользы изучил свою книгу. Стратегию он продемонстрировал великолепную. Держа свой шар под защитой борта, он избегал всех ударов противника и в свою очередь заставлял его шар прыгать и летать с такой быстротой, что тот мгновенно зарывался в лузу.

Счет быстро рос, причем игра шла на равных. В конце первого получаса было набрано по десяти пунктов. Трогтон, с мрачным лицом, играл, держа свои колени на столе. Кент, довольно оживленный, наклонился вперед, чтобы сделать удар, держа глаз на расстоянии одного дюйма от шара. На пятнадцати пунктах они все еще были наравне. Вдруг Трогтон внезапным ударом срезал все три шара; но Кент собрал их, и еще через двадцать минут они опять одинаково стояли на девятнадцати.

Но уже становилось ясно, что у Трэнсома Кента на уме не выигрыш партии, а что-то другое. Его черед на-

конец наступил. Мастерским ударом он загнал шар своего противника. Красный шар остановился у самого отверстия лузы. Белый находился в центре.

Кент посмотрел в лицо Трогтону.

Шары стояли в той самой позиции, в какой они находились на бильярдном столе в ночь убийства.

— Я это сделал нарочно,— спокойно вымолвил Кент.

— Что вы хотите сказать? — спросил Трогтон.

— Положение этих шаров! — продолжал Кент.— Мистер Трогтон, пойдемте в библиотеку: мне нужно коечто сказать вам. Вы уже знаете, что именно!

Они вошли в библиотеку. Трогтон неверной рукой закурил сигару.

— Ну, в чем дело?

— Мистер Трогтон,— ответил Кент.— Две недели тому назад вы задали мне загадку. Сегодня я могу дать разгадку этой тайны. Хотите вы этого?

Черты лица Трогтона оставались неподвижными.

— Ну? — промолвил он.

— Человеческая жизнь,— продолжал Кент,— может быть разыграна на бильярдном столе! Человеческую душу, Трогтон, можно загнать в лузу!

— Что за чушь! — воскликнул Трогтон.— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что преступление ваше раскрыто. Заговорщик, вы разоблачены! Лицемер, предатель! Да, Мастерман Трогтон или, вернее, я назову ваше настоящее имя: Питер Келли, убийца, я вас разоблачил!

Трогтон и глазом не моргнул. Он подошел к тому месту, где стоял Кент, и раскрытой ладонью ударил его по губам.

— Трэнсом Кент,— проговорил он,— вы лжец!

Затем он вернулся к своему стулу и сел на него.

— Кент,— продолжал он,— с первого момента вашего анонимного розыска я знал, кто вы такой. За каждым вашим шагом следили, каждое ваше движение фиксировалось, Трэнсом Кент, я называю вас вашим настоящим именем — Питер Келли, убийца!

Кент спокойно подошел к Трогтону и нанес ему страшную затрещину.

— Вы лжец! — сказал он.— Я не Питер Келли!

Они сидели и глядели друг на друга.

В этот момент слуга Трогтона неожиданно показался в дверях.

— Вас желает видеть один джентльмен, сэр.

— Кто? — спросил Трогтон.

— Не знаю, сэр. Он дал карточку.

Мистер Трогтон взял карточку. На ней было напечатано:

ПИТЕР КЕЛЛИ

Глава IX

ПОЗВОЛЬТЕ РАССКАЗАТЬ ВАМ ИСТОРИЮ МОЕЙ ЖИЗНИ

С минуту Трогтон и Кент сидели молча, уставившись друг на друга.

— Введите этого человека,— сказал Трогтон.

Спустя еще минуту дверь отворилась и вошел мужчина. Кент пронзительным взглядом оглядел его в одно мгновение. Синий костюм, загорелое лицо, необычайно ловкие пальцы не оставляли никакого сомнения насчет его профессии.

— Присядьте,— проговорил Трогтон.

— Спасибо,— ответил моряк.— Я дам отдохнуть моей деревянной ноге.

Мужчины переглянулись. Одна из ног матроса была деревянная.

Кент, вздрогнув, заметил, что она сделана из ост-индского сандала.

— Я только что прибыл с Явы,— спокойно проговорил Келли, усаживаясь.

Кент кивнул.

— Теперь все ясно,— сказал он.— Трогтон, я оклеветал вас! Нам следовало знать, что это был матрос с деревянной ногой с Явы. Другого исхода нет.

— Джентльмены,— проговорил Питер Келли,— я пришел сделать признание. Это в порядке вещей! Да, джентльмены, и я хочу его сделать, пока могу.

— Одну минуту,— сказал Кент.— Не хотите ли вы перебить свою речь раздирающим кашлем?

— Благодарю вас, сэр,— проговорил Келли.— Я перейду к этому несколько позже. Позвольте мне начать мою жизненную повесть с детских лет.

— Нет! Нет!— протестовали Трогтон и Кент.

Келли нахмурился.

— Мне кажется, я имею на это право. В детстве у меня была буйная, необузданная натура, и если бы ее укротили...

— Но ее не укротили,— сказал Трогтон.— Что же дальше?

— Я был единственным родственником моего дяди и наследником огромного состояния. Избалованный всевозможной роскошью, я предавался...

— Одну минуту;— перебил Кент, быстро соображая,— сколько ног у вас было тогда?

— Предавался лени и беспечности. Вскоре я лишился...

— Вашей ноги,— промолвил Трогтон.— Мистер Келли, пожалуйста, перейдите к существу дела!

— Сейчас перейду,— сказал матрос.— Джентльмены, я не был до конца испорчен; не такой уж был злодей.

— Разумеется, нет,— утешающе проговорили Кент и Трогтон.— Вероятно, не больше, чем на девяносто процентов.

— И тут, джентльмены, вмешалась любовь. Если бы вы ее видели, вы бы поняли, что она так же невинна, как только что выпавший снег. Три года тому назад она появилась в доме моего дяди. Я полюбил ее. Однажды, едва сознавая, что я делаю, я повел ее...

И он остановился.

— Да, да,— сказали Трогтон и Кент.— Вы повели ее...

— В «Аквариум». Мой дядя узнал об этом. Произошла страшная ссора. Он лишил меня наследства и выгнал из дому. Я сызмала любил море. Мы отплыли в Ост-Индию, на Яву. Здесь малайский пират откусил мне ногу. Я вернулся на родину озлобленный, вернулся развалиной, какую вы видите перед собой. У меня была только одна мысль: я намеревался убить моего дядю.

Раздирающий кашель прервал на мгновение Келли. Кент и Трогтон спокойно кивнули друг другу.

— Я забрался в его дом ночью. С помощью своей деревянной ноги я поднялся по стене, приподнял окно и проник в бильярдную комнату. В мыслях моих было убийство. Благодарение богу, избавившему меня от этого! В тот самый момент, когда я вошел в комнату, зажегся свет, и я увидел перед собой... Но нет, я не буду называть ее, моего ангела-хранителя. «Питер!— вскричала она, затем с чисто женской интуицией добавила:— Ты пришел убить своего дядю! Не делай это-

го!» — Настроение мое переменилось. Я взволновался и зарыдал, как... как...

Келли умолк.

— Как олух,— тихо сказал Кент.— Продолжайте.

— Когда я выплакался, мы услышали голоса.— «Скорее!— воскликнула она.— Беги! Скрывайся: он не должен увидеть тебя!» — Она побежала в соседнюю комнату, закрыв за собою дверь. Я же заметил трап наверху. Я взобрался наверх. Объяснить вам, как?

— Не объясняйте,— проговорил Кент.— Я позднее сам догадаюсь.

— Отсюда я видел происходящее. Мистер Трогтон и Кивэс Келли вошли в комнату. Я наблюдал их игру. Они были возбуждены и ссорились. Трогтон проиграл.

Трогтон, нахмурившись, кивнул:

— Благодаря тому, что он заграбастал белый.

— Именно,— проговорил Келли.— Он не попал в красный. Ваш анализ, мистер Кент, был неправилен. Игра кончилась. Вы исходили от неправильной отправной точки. В игре на бильярде никогда не отмечают последнего пункта. На столе все еще значилось девяносто девять. Трогтон вышел, и мой дядя, как часто случается, попытался сделать последний удар, удар в полшара, красным через лузу. Он попробовал несколько раз, но удар не удавался ему. Он пытался на разные лады. У него не было устойчивой опоры. Наконец он завязал свой галстук длинной петлей вокруг шеи и продел в эту петлю свой кий.— «Ну, клянусь богом,— промолвил он,— теперь я могу это сделать!»

— Ага!— проговорил Кент.— Какой же я был дурак!

— Совершенно верно,— подтвердил Келли.— Наблюдая за моим дядей, я забыл, где нахожусь, слишком подался вперед и вылетел из люка. Я обрушился на дядю как раз в тот момент, когда он присел на стол, чтобы ударить. Он упал.

— Я теперь все понимаю,— сказал Кент.— Он ударился головой, узел затянулся, кий завертелся и удушил его.

— Именно так,— сказал Келли.— Я видел, что он уже мертв, и не посмел оставаться в доме. Я развязал узел его галстука, сложил ему руки на груди и убрался тем же путем, каким пришел.

— Мистер Келли,— задумчиво проговорил Трогтон,— логика вашего рассказа изумительна; она превосходит что бы то ни было, напечатанное по этой части за много

месяцев. Но есть один пункт, который мне неясен. Два пулевых отверстия!

— Это старые отверстия,— спокойно ответил моряк.— Мой дядя в молодости вел бурную жизнь на Западе; он продырявлен во многих местах.

На мгновение наступило молчание. Первым заговорил Келли.

— Джентльмены, у меня мало времени (раздирающий кашель прервал его).— Я чувствую, что увядаю. От вас, джентльмены, зависит, выйду ли я из этой комнаты свободным человеком.

Трэнсом Кент встал и подошел к матросу.

— Мистер Келли, вот моя рука!

Глава X

Я ТОЖЕ

Через несколько дней после описываемых событий Трэнсом Кент позвонил у пансиона, где жила мисс Алиса Деларай. Юный сыщик был облачен в легкий серый костюм, и в петлице у него находился цветок герани цвета семги. В выражении его лица было что-то ликующее и вместе с тем серьезное — как у человека, который принял важное решение, касающееся будущей жизни.

«Любопытно знать — удастся ли мне завоевать свое счастье?»

Он посидел немного на каменных ступеньках крыльца, предаваясь размышлениям.

Потом он встал.

— Да,— сказал он и дернул колокольчик.

— Мисс Деларай?— спросила горничная.— Она уехала отсюда два дня назад. Если вы мистер Кент, то записка вам оставлена на каминной доске. Принести ее?

Не говоря ни слова (он никогда не тратил их попусту), Кент разорвал конверт и прочел записку:

«Дорогой мистер Кент!

Мы с Питером повенчались вчера утром и сняли квартиру в городе Ява, Нью-Джерси. Вам приятно будет узнать, что кашель Питера заметно ослабел. Адвокаты выдали Питеру все его деньги без малейших затруднений. Мы оба чувствуем, что ваша версия была просто изумительной. Питер говорит, что он просто не знает, что бы с ним было без вас!

Искренне ваша

Алиса Деларай.

P. S. Я забыла сказать, что видела Питера в бильярдной комнате. Но все же ваш анализ удивителен!»

В тот же вечер Кент с Трогтоном беседовали о разыгравшейся трагедии.

Трогтон говорил:

— По-моему, при расследовании этого дела остались кое-какие детали, которых мы не угадали.

— По-моему, тоже,— сказал Кент.

УБИЙСТВА ОПТОМ — ПО ДВА С ПОЛОВИНОЙ ДОЛЛАРА ЗА ШТУКУ

Из цикла лекций

Сегодня, леди и джентльмены, мы побеседуем об убийстве. Только две темы привлекают в наши дни широкого читателя: убийство и секс. Что же касается людей образованных, то для них эти две темы сливаются в одну — убийство на почве секса. Давайте попробуем, если это возможно, не заниматься сегодня сексуальными проблемами и поговорим об убийствах, которые продаются открыто и повседневно,— об убийствах по два с половиной доллара за штуку.

Что касается меня, то я готов сознаться прямо и откровенно: если уж я собираюсь выложить за книгу два с половиной доллара, то должен быть уверен, что в ней есть хотя бы одно убийство. Первым делом я всегда бегло просматриваю книгу, чтобы узнать, есть ли в ней глава под названием: «Труп обнаружен». И сразу успокаиваюсь, когда вижу такую фразу: «Это был труп прекрасно одетого пожилого джентльмена; костюм его был в сильном беспорядке». Заметьте — джентльмен всегда бывает пожилым. Что они имеют против нас, пожилых джентльменов,— хотел бы я знать. Впрочем, все совершенно ясно. Ведь если написать, что труп был женский,— это трагедия. Если детский — о, это чудовищно! Но если обнаружен «труп пожилого джентльмена», тогда — подумаешь, велика важность! Как-никак, а он свое прожил, и, как видно, прожил неплохо (ведь сказано же, что одет он был прекрасно). И должно быть, умел кутнуть (костюм-то на нем оказался в сильном беспорядке). Так что все правильно. Пожалуй, в мертвом в нем больше толку, чем в живом.

. . . .

Впрочем, начитавшись подобных историй, я стал теперь таким специалистом в этом деле, что мне незачем ждать, когда обнаружат труп. Достаточно пробе-

жать первые несколько страниц, и я уже могу сказать, кому предстоит стать трупом. Так, например, если действие происходит по эту сторону океана, ну, скажем, в Нью-Йорке, читайте первый абзац, в котором найдете примерно следующее:

«В субботу вечером, когда в делах обычно наступает затишье, мистер Финеас К. Кактус сидел в своей конторе. Он был один. Трудовой день закончился. Клерки разошлись по домам. Кроме привратника, жившего в подвале, во всем доме не было ни души».

Прошу обратить внимание — *«кроме привратника».* Мы оставили в доме привратника. Он еще понадобится впоследствии, чтобы было кого обвинить в убийстве.

«Он долго сидел так, опершись подбородком на руку и задумчиво созерцая разложенные перед ним на столе бумаги. Наконец веки его сомкнулись, и он задремал».

Легкомысленный человек! Заснуть вот так, в пустой конторе... Что может быть опаснее в Нью-Йорке, я уж не говорю — в Чикаго? Каждому проницательному читателю ясно, что сейчас этого самого мистера Кактуса хорошенько трахнут по башке. Он-то и есть труп...

. . . .

Но тут я позволю себе заметить, что в Англии вся обстановка как-то больше подходит для подобных ситуаций, нежели у нас. Чтобы создать вокруг убийства подходящую атмосферу, нужна страна со старыми традициями. Самые лучшие убийства (и всегда пожилых джентльменов) совершаются за городом, в каком-нибудь старинном поместье — у каждого богатого пожилого джентльмена есть такое поместье, которое называется «Аббатство», «Собачья свора», «Первая охота» или еще как-нибудь в этом роде.

Возьмем такой отрывок:

«Сэр Чарлз Олторп сидел один в своей библиотеке, в замке «Олторпская охота». Было уже за полночь. Огонь в камине догорал. Через тяжелые оконные занавеси не проникало ни звука. Если не считать горничных, спавших в дальнем крыле, и дворецкого, находившегося внизу, в буфетной, замок в это время года был совершенно необитаем. Сидя так, в своем кресле, сэр Чарлз уронил голову на грудь и вскоре погрузился в глубокий сон».

Глупец! Неужели ему не известно, что погружаться в глубокий сон в уединенном загородном доме, да еще когда горничные спят в дальнем крыле, это поступок, граничащий с безумием? Но вы заметили? *Сэр* Чарлз!

Он баронет. Вот это-то и придает делу особый шик. И вы, должно быть, заметили еще одну деталь: мы оставили в замке дворецкого, как только что оставили привратника в доме мистера Кактуса. Разумеется, не он убил сэра Чарлза, но местная полиция всегда первым делом арестовывает именно дворецкого. Ведь как-никак, а кто-то видел, как он точил на кухне кухонный нож и приговаривал: «Я ему покажу, этому старому негодяю».

. . . .

Итак, вот вам отличный материал для начала рассказа. Труп сэра Чарлза обнаруживает на следующее утро «перепуганная» служанка (служанки всегда бывают перепуганы), которая «даже не может членораздельно рассказать, что именно она видела» (они никогда не могут). Затем в замок приглашают местную полицию (инспектора Хиггинботема из Хопширского полицейского участка), и та признает себя «бессильной». Всякий раз, как читатель слышит о том, что вызвана местная полиция, он снисходительно улыбается, ибо знает, что эта полиция приезжает исключительно для того, чтобы «признать себя бессильной».

. . . .

В этом месте повествования и появляется Великий сыщик, присланный для специального расследования самим Скотланд-Ярдом или через его посредство. Это вторая необходимая деталь — Скотланд-Ярд, что буквально означает шотландский двор. Однако он не имеет никакого отношения к Шотландии и совсем не двор. Будучи знаком с этим учреждением только по детективным романам, я представляю его себе как своего рода клуб, находящийся в Лондоне где-то близ Темзы. Сам премьер-министр и архиепископ Кентерберийский бывают там чуть ли не каждый день, но они так строго соблюдают свое инкогнито, что вам и в голову не придет, что они — это они. И кажется, даже члены королевской фамилии иной раз совещаются в этом Скотланд-Ярде с местными мудрецами, а ведь в английском языке слово «королевский» почти всегда звучит иносказательно и употребляется в тех случаях, когда речь идет о предмете слишком «высоком», чтобы о нем можно было говорить вслух.

Так или иначе, но Скотланд-Ярд посылает в замок Великого сыщика либо в качестве своего представителя, либо в качестве частного лица, к которому этот самый Скотланд-Ярд обращается в тех случаях, когда уж окон-

чательно заходит в тупик, — и Великий сыщик приезжает, чтобы раскрыть тайну.

Тут перед нами возникает небольшое техническое затруднение: нам очень хочется показать, что за удивительный человек этот Великий сыщик, но мы не можем сделать рассказчиком его самого. Он слишком молчалив и слишком значителен. Поэтому в наши дни обыкновенно применяется следующий способ. Великого сыщика постоянно сопровождает некий спутник, некий безнадежный простак, который ходит за ним как тень и безмерно восхищается им. С тех пор как Конан Дойл создал свою схему — Шерлок Холмс и Уотсон,— все остальные попросту списывают с него. Итак, рассказ всегда ведется от лица этого второстепенного персонажа. Увы, сомнения быть не может, это чистой воды простак. Проследите, как он теряет всякую способность рассуждать и снова обретает ее в присутствии Великого сыщика. Вот, например, сцена, когда Великий сыщик приходит на место действия и начинает осматривать те самые предметы, которые уже безрезультатно осматривал инспектор Хиггинботем.

«— Но каким же образом,— вскричал я,— каким же образом — во имя всего непостижимого!— можете вы доказать, что преступник был в галошах?

Друг мой спокойно улыбнулся.

— Взгляните,— сказал он,— на эту полоску свежей грязи перед входной дверью. В ней около десяти квадратных футов. Если вы посмотрите внимательно,

то увидите, что здесь недавно прошел человек в галошах.

Я посмотрел. Следы от галош виднелись там довольно отчетливо — не менее дюжины следов.

— До чего ж я был глуп! — вскричал я. — Но скажите мне вот что — каким образом вам удалось узнать длину ступней преступника?

Мой друг снова улыбнулся все той же загадочной улыбкой.

— Я измерил отпечатки галоши, — ответил он спокойно, — и вычел толщину резины, помноженную на два.

— Помноженную на два? — воскликнул я. — Но почему же на два?

— Я учел толщину резины у носка и пятки, — сказал он.

— Какой же я осел! — вскричал я. — После ваших объяснений все это кажется таким очевидным!»

Таким образом, Простак оказывается превосходным рассказчиком. Как бы ни запутался читатель, у него, по крайней мере, есть то утешение, что Простак запутался еще больше. Словом, Простак выступает в роли, так сказать, идеального читателя — иначе говоря, самого глупого читателя, который совершенно озадачен этой таинственной историей и в то же время сходит с ума от любопытства.

Такой читатель получает моральную поддержку, когда ему говорят, что полиция оказалась «в тупике», что все кругом «введены в заблуждение», что власти «бьют тревогу», что газеты «бродят в потемках» и что Простак совсем «потерял голову». Весь этот набор стандартных выражений дает читателю возможность в полной мере насладиться собственной тупостью.

Однако, прежде чем Великий сыщик приступит к расследованию, или, вернее, в самом начале расследования, автор должен наделить его *характером, индивидуальностью.* Нет нужды говорить, что он «совершенно не похож на сыщика». Разумеется, не похож. Ни один сыщик никогда не бывает похож на сыщика. Но суть не в том, на что он не похож, а в том, на что он похож.

Так вот, прежде всего, невзирая на всю шаблонность этого эпитета, Великий сыщик непременно должен быть чрезвычайно худ, «худ как скелет». Трудно сказать, почему тощий человек может разгадывать тайны лучше, чем толстый; очевидно, предполагается, что чем человек скелетообразнее, тем лучше работает у него голова.

Так или иначе, но писатели старой школы предпочитали тощих сыщиков. И между прочим, нередко наделяли их «ястребиным профилем», не понимая, что ястреб — самый глупый представитель мира пернатых. Сыщик с лицом орангутанга разбил бы всю концепцию.

В самом деле, ведь лицо Великого сыщика имеет даже большее значение, чем его фигура. На этот счет существует полное единство мнений. Прежде всего, его лицо должно быть «непроницаемым». Всматривайтесь в него, сколько вам будет угодно, все равно вы ничего на нем не прочитаете. Сравните его хотя бы с лицом инспектора Хиггинботема из местной полиции. Вот на этом лице могут отражаться «удивление», «облегчение» или чаще всего «полная растерянность».

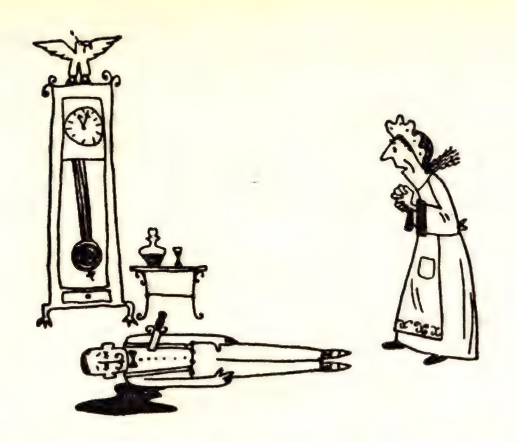
Но лицо Великого сыщика всегда одинаково бесстрастно. Неудивительно, что Простак совершенно сбит с толку. Ведь по выражению лица великого человека совершенно невозможно понять, страдает ли он от толчков, когда вместе с Простаком они едут в двуколке по неровной дороге, и болит ли у него живот после обеда, который им подали в гостинице.

Помимо этой «непроницаемой маски» Великому сыщику, как правило, приписывалось также другое, древнее как мир, свойство; в период расследования он якобы ничего не ел и ничего не пил. А когда к тому же сообщалось, что за все это время, то есть приблизительно в течение недели, наш сыщик ни на минуту не сомкнул глаз, читатель мог ясно себе представить, в каком состоянии должны были оказаться умственные способности нашего мыслителя в тот момент, когда он выковывал свою «неумолимую цепь логики».

Впрочем, в наши дни все это изменилось. Великий сыщик не только ест — он любит *хорошо* поесть. Теперь его часто изображают этаким гурманом. Так, например:

«— Одну минутку!— говорит Великий сыщик, обращаясь к Простаку и инспектору Хиггинботему, которых он повсюду таскает за собой.— До отхода поезда с Пэддингтонского вокзала у нас остается полчаса. Давайте пообедаем. Я знаю здесь поблизости один итальянский кабачок, где лягушиные лапки с соусом à la Marengo умеют приготовлять лучше, чем в любом другом лондонском ресторане.

Через несколько минут мы уже сидели за столиком в маленьком темном кабачке. Прочитав вывеску, на ко-

торой было написано «Ristorante Italiano», я пришел к выводу, что ресторан был итальянский. Я поразился, обнаружив, что мой друг был здесь, по-видимому, своим человеком. Его приказание принести три стакана кьянти с двумя спагетти в каждом вызвало подобострастный и восхищенный поклон старого padrone[1]*. Я убежден, что этот удивительный человек так же хорошо разбирается в сортах тонких итальянских вин, как и в игре на саксофоне».*

Пойдемте дальше. Во многих современных книгах сыщику разрешается не только хорошо поесть, но и как следует выпить. Некий ныне здравствующий щедрый английский автор без устали угощает Великого сыщика и его друзей рюмочкой крепкого виски с содовой. Всякий раз, как дело близится к развязке, он подносит им по рюмочке спиртного.

Так, например, что бы вы думали они делают, когда находят труп владельца Олторпского замка — сэра Чарлза Олторпа, — лежащий на полу в библиотеке? Потрясенные этим ужасным зрелищем, они немедленно открывают буфет и наливают себе по рюмке «крепкого виски с содовой». Да, сомнения нет — это самое верное средство.

Но в общем, можно сказать, что вся эта чепуха с едой и питьем давно вышла из моды. Пора уже найти новый способ прославления Великого сыщика.

Вот тут-то и уместно завести речь о его музыкальном таланте. Не сразу, не в начале рассказа, а во время

[1] Хозяина ресторана (*итал.*).

первой же паузы, которую допускает фабула, выясняется, что этот великий человек не только умеет разоблачать кровавые тайны, но обладает также феноменальными способностями к музыке, особенно к музыке лирической, и притом самого серьезного жанра. Как только он остается наедине с Простаком в номере гостиницы, он немедленно вытаскивает свой саксофон и начинает настраивать его.

«— Что это вы играли? — спросил я, когда мой друг наконец спрятал свой любимый инструмент в футляр.

— Бетховена. Сонату Q-dur,— скромно ответил он.

— Великий боже! — вскричал я».

Вплоть до этого момента рассказ — любой детективный рассказ — имеет бешеный успех. Труп найден. Все загнаны в тупик и переполнены виски с содовой. Пока все идет хорошо! Но вот беда — ведь надо как-то продолжить эту историю. А как? Преступление бывает по-настоящему интересным только в самом начале. Какая досада, что героям нужно еще что-то делать, что нельзя оставить их в тупике, переполненными виски с содовой, и поставить на этом точку...

Вот тут-то и начинаются ошибки и литературные выкрутасы, которые так портят детективный роман. На этом этапе появляется героиня — героиня! — которая, в сущности, не имеет никакого отношения к рассказу об убийстве и которая попала сюда как пережиток, оставшийся от рассказов о любви. Появляется Маргарет Олторп, обезумевшая от горя и растрепанная. Неудивительно, что она обезумела от горя! Кто бы не обезумел на ее месте? А растрепана она потому, что лучшие наши писатели всегда считают долгом растрепать своих героинь — иначе нельзя. Итак, появляется Маргарет Олторп в полуобморочном состоянии. Что же делают инспектор Хиггинботем и Великий сыщик? Они вливают в нее рюмку «крепкого виски с содовой» и сами пропускают по стаканчику.

Все это уводит повествование куда-то в сторону, с тем чтобы состряпать роман героине, тогда как этот роман не имеет никакого отношения к делу. На более раннем этапе развития литературы, когда круг читателей был невелик, создать героиню ничего не стоило. Не раз-

думывая долго, автор выпускал на сцену девушку такого типа, который нравился ему самому. Вальтер Скотт, например, любил маленьких — рост 2 — и тоненьких, как сильфиды, — таков был его стандарт. Словом, героиня была тоненькой и стройненькой, и чем тоньше, тем лучше.

Но Маргарет Олторп должна угодить на все вкусы. Поэтому описание ее внешности выглядит приблизительно так:

«Маргарет Олторп нельзя было назвать высокой, но она не была и маленькой».

Это означало, что она казалась высокой, когда стояла, но когда сидела, ее рост скрадывался.

«...Цвет лица у нее был не смуглый, но и не белый. Она не была протестанткой, но в то же время не придерживалась и догматов католической церкви. Не была сторонницей сухого закона, но никогда не пила больше двух рюмок джина. «Нет, мальчики, это мой предел»,— неизменно говорила она».

Таков, во всяком случае, дух подобных описаний. Но даже и такая «характеристика персонажа» еще не кажется авторам удовлетворительной. Ведь остается вопрос о «темпераменте» героини. Если у нее есть «темперамент», она еще может понравиться публике. А «темперамент» состоит в том, что в минимум времени героиня претерпевает великое множество физиологических изменений. Вот, например, физиологические изменения, которые я насчитал у героини романа, прочитанного мною несколько дней назад, на протяжении, если не ошибаюсь, семнадцати минут:

«Радостный трепет пробежал по всему ее существу.

. . . .

Дрожь пробежала по ее телу (надо полагать, в противоположном направлении).

. . . .

В глубине ее существа проснулось нечто такое, что уже давно умерло.

. . . .

Страстное томление охватило все ее существо.

. . . .

От нее исходило нечто ей не свойственное и к ней не относившееся.

. . . .

Все оборвалось в недрах ее существа».

Последнее, мне кажется, означает, что у героини что-то там отстегнулось.

Вы и сами видите, что повествование дошло до такого места, которое дипломаты называют impasse [1], а люди попроще — cul de sac [2] или nec plus ultra [3]. Дальше двигаться некуда. Дворецкий уже арестован. Но он не виноват. И, по-видимому, никто не виноват.

Другими словами, при чтении детективного рассказа неизбежно наступает момент, когда читатель теряет терпение и говорит: «Послушайте. Ведь, в конце концов, кто-нибудь да убил же этого сэра Чарлза. Так выкладывайте, кто именно». А у писателя нет ответа. Все прежние попытки ответить так, чтобы это звучало убедительно, безнадежно устарели. Прежде виновника загадочного преступления находили просто и легко: внезапно обнаруживалось, что убийство совершил «бродяга». Во времена королевы Виктории несчастное существо, именуемое бродягой, не имело никаких прав, с которыми полагалось бы считаться белому человеку,— ни в книге, ни в жизни. Бродягу вешали так же беззаботно, как ловили бабочку. А если он принадлежал к категории лиц, именуемых «бродяга злодейского вида», его зачисляли в преступники первого разряда и его казнь (упомянутая, но не описанная в книге) являлась неотъемлемым атрибутом «счастливого конца» наряду с замужеством Маргарет Олторп, которая — побочная сюжетная линия — выходила замуж за Простака, но, уж конечно, не за Великого сыщика. Брак не для него. Он приступает к расследованию следующей таинственной истории, к которой проявляет большой интерес ни более ни менее как некая особа королевской крови.

Впрочем, все эти истории с бродягами давно вышли из моды. Когда в стране есть сто миллионов человек, которые живут на пособие по безработице, мы не можем позволить себе посылать их на убийство. Нам приходится искать другой выход.

И вот один из них, использованный многими поколениями, но все еще имеющий большой успех. Убийца найден. Да, он действительно найден и даже сознается в своем преступлении, но... но — увы! — его физическое состояние таково, что очень скоро ему придется «предстать пред высшим судией». И этот «высший судия» отнюдь не является верховным судом.

---

[1] Тупик (*франц.*).
[2] Глухой переулок, тупик (*франц.*).
[3] Крайний предел (*лат.*).

В тот самый момент, когда Великий сыщик и инспектор Хиггинботем хватают его, он обычно разражается сухим, лающим кашлем. Это одна из тех ужасных болезней, которые встречаются только в романах,— вроде «любовной горячки» и «разбитого сердца» — и от которых не существует лекарств. Во всех таких случаях не успевает преступник начать свою исповедь, как его уже начинает душить сухой кашель.

«Да,— сказал Гарт, окидывая взглядом небольшую группу полицейских чиновников, собравшихся вокруг него,— моя песенка спета— кха, кха!— и теперь я могу выложить все начистоту — кха, кха, кха!»

Услыхав этот кашель, каждый искушенный читатель уже точно знает, к чему он ведет. Преступник, который только что, в предыдущей главе, производил впечатление здоровенного детины — он выпрыгнул из окна третьего этажа и чуть не до смерти придушил младшего инспектора Джаггинса,— оказывается умирающим человеком. Он болен той ужасной болезнью, которая в романах называется «неизлечимым недугом». Лучше не давать ей точного названия, не то кому-нибудь может прийти в голову заняться ею и вылечить больного. Симптомы таковы: сухой кашель, необыкновенная мягкость в обращении, а в разговоре — полное отсутствие бранных слов и склонность всех называть «добрыми джентльменами». Все эти явления означают finis [1].

В сущности, все, что требуется теперь,— это чтобы Великий сыщик собственной персоной произнес следующую речь: «Джентльмены! (На данном этапе развития повествования все действующие лица именуются джентльменами.) Высший суд, который стоит над всеми земными законами, приговорил...» и т. д. и т. д. Тут занавес падает, и все понимают, что преступник должен в ту же ночь покинуть этот мир.

Такой конец лучше, значительно лучше. Но все же он немного мрачноват.

По правде сказать, в подобном решении вопроса ощущается некоторая трусость. Автор отступает перед трудностями.

Можно привести и еще один, столь же поверхностный вариант. Вот он:

«Великий сыщик стоял, спокойно глядя по сторонам и покачивая головой. На секунду взгляд его задержался

---

[1] Конец (*лат.*).

на распростертом теле младшего инспектора Бредшоу, потом устремился на аккуратную дыру, проделанную в оконном стекле.

— Теперь все ясно,— проговорил он.— Но мне бы следовало догадаться об этом раньше. Сомнения нет, это дело его рук.

— Чьих?— спросил я.

— Голубого Эдуарда,— ответил он спокойно.

— Голубого Эдуарда?— воскликнул я.

— Голубого Эдуарда,— подтвердил он.

— Голубого Эдуарда? — с волнением переспросил я.— Но кто же он такой, этот Голубой Эдуард?»

Без сомнения, тот же самый вопрос хочет задать ему и читатель. Что это еще за Голубой Эдуард? На этот вопрос немедленно отвечает сам Великий сыщик:

«— Тот факт, что вы никогда не слышали о Голубом Эдуарде, только показывает, в каком неведении вы жили до сих пор. Ведь Голубой Эдуард — это гроза четырех континентов. Мы выследили его в Шанхае, но в самом скором времени он оказался на Мадагаскаре. Это он организовал то неслыханное по дерзости ограбление в Иркутске, при котором десять русских мужиков взлетели на воздух, взорванные бутылкой с английской солью.

Это он в течение нескольких лет терроризировал всю Филадельфию и держал в состоянии нервного напряжения Ошкош (штат Висконсин). Стоя во главе шайки бандитов, отделения которой разбросаны по всему земному шару, обладая глубокими научными познаниями, позволяющими ему с легкостью читать, писать и даже пользоваться пишущей машинкой, Голубой Эдуард фактически уже много лет держит в страхе полицию всего мира.

Я с самого начала почувствовал в этом деле его руку. С первой же минуты я по некоторым деталям догадался, что это работа Голубого Эдуарда».

После этого все полицейские инспекторы и все зрители покачивают головами и шепчут: «Голубой Эдуард, Голубой Эдуард», до тех пор пока читатель не преисполняется достаточным почтением.

Так или иначе, но писатель никак не может завершить всю эту историю как следует — не может, даже если она хорошенько закручена вначале. Нет такой

концовки, которая могла бы удовлетворить читателя. Даже радостная весть о том, что героиня упала в объятия Простака, с тем чтобы никогда больше не отпускать его от себя, — даже это не спасает положения. И даже сообщение о том, что они поставили сэру Чарлзу прекрасный памятник или что Великий сыщик без передышки играл целую неделю на саксофоне, не сможет полностью вознаградить нас.

ЗА ВОЛОС ПОВЕШЕННЫЙ

(Самый короткий детективный рассказ в мире)

Загадка казалась неразрешимой.

Убийство налицо — и ни малейших улик.

Пришло время пригласить Великого сыщика.

Его проницательный взгляд на секунду задержался на бездыханном трупе. Еще секунда — и в руке у сыщика сверкнул микроскоп.

— Ха-ха! — воскликнул великий детектив, снимая с пиджака убитого крохотный волосок. — Преступление раскрыто.

Он поднес волосок к свету.

— Остается самая малость: найти того, кто его обронил, — и преступник в наших руках.

Цепь логических рассуждений неумолимо замкнулась.

Сыщик приступил к поискам.

Четыре дня и ночи кряду, никем не замеченный, он рыскал по улицам Нью-Йорка, пристально вглядываясь в лица встречных. Он искал человека, обронившего волосок.

На пятый день он его обнаружил. Замаскированный под заезжего туриста, в котелке, нахлобученном до самых ушей, человек стоял на пристани, готовый взойти на борт «Глоритании».

Сыщик проследовал за ним на борт.

— Вы арестованы! — объявил он и, вытянувшись во весь рост, взмахнул над головой изобличающим волоском. — Этот волос, — произнес Великий сыщик, — доказывает его вину.

— Снять шляпу! — сурово приказал капитан.

Шляпу сняли.

Человек был совершенно лыс.

— Ха! — без малейших колебаний воскликнул Великий сыщик. — Преступник совершил не ОДНО убийство, а целый МИЛЛИОН!

ДЕЛА СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ

Я не могу даже надеяться, что кто-нибудь из читателей поверит тому, что я намерен здесь рассказать. Бросая ретроспективный взгляд в прошлое, я и сам с трудом могу поверить тому, что все это случилось со мной. Но в то же время мой рассказ до того необычен и вместе с тем проливает столько света на тайну нашего общения с загробным миром, что я не считаю себя вправе скрывать его от публики.

Однажды я отправился навестить моего друга Аннерли. Это было в субботу, тридцать первого октября. Я точно помню число, потому что в этот день получил жалованье — ровно шесть соверенов и десять шиллингов. Я потому так хорошо запомнил сумму, что положил деньги в карман, и помню даже, в какой именно, так как других денег у меня не было ни в одном из остальных карманов.

Некоторое время мы с Аннерли сидели молча и курили.

Потом совершенно неожиданно он спросил меня:

— Верите ли вы в сверхъестественное?

Я вздрогнул, точно мне нанесли удар.

В тот момент, когда Аннерли заговорил о сверхъестественном, я думал совершенно о другом. И то обстоятельство, что он заговорил об этом как раз в тот момент, когда я думал о другом, поразило меня, по меньшей мере, как в высшей степени странное совпадение.

В продолжение нескольких секунд я лишь смотрел на него в упор.

— Точнее говоря,— продолжал Аннерли,— я хочу сказать: верите ли вы в фантасматические явления потустороннего мира?

— Фантасматические явления? — в изумлении повторил я вслед за ним.

— Да, фантасматические явления, или, если вы предпочитаете назвать это другим словом, осциллограмматические проявления, или, что еще проще, психофантасматические феноменальные явления.

Я почувствовал к Аннерли значительно больший, чем когда-либо раньше, интерес. Я догадывался, что он собирался беседовать со мной о вещах и переживаниях, о которых, насколько мне помнилось, он не считал нужным говорить со мной все два или три месяца нашего знакомства.

Внезапно я с удивлением подумал: «Как это мне раньше не приходило в голову, что человек, у которого волосы поседели уже на пятьдесят пятом году жизни, должен был пережить в жизни нечто страшное?»

Аннерли между тем продолжал:

— Прошлой ночью я видел С.

— Господи помилуй! — вырвалось у меня.

Я не имел ни малейшего представления о том, кто такой этот С., но меня охватил неописуемый ужас при мысли, что Аннерли прошлой ночью видел С. Я лично, ведя спокойный и правильный образ жизни, никогда ничего подобного не видел.

— Да, — продолжал Аннерли, — прошлой ночью я видел С., и видел его так же ясно, как если бы он стоял вот здесь передо мной. Но, думаю, сперва мне следует рассказать кое-что о моих отношениях с С. в прошлом, и вы тогда лучше поймете теперешнее положение дел.

Аннерли пересел на стул по другую сторону камина и закурил трубку.

— Когда я впервые с ним познакомился,— начал он,— С. жил на юге Англии, близ маленького городка, который я в дальнейшем буду называть X., и был помолвлен с прелестной и подающей большие надежды девушкой, которую я впредь буду именовать М.

Как только Аннерли начал свой рассказ, я стал внимательно прислушиваться к каждому его слову. Я понимал, что он собирается поведать мне о каком-то совершенно необычном переживании. Я имел все основания подозревать, что С. и М. были не подлинные имена его злополучных знакомых, а всего лишь две буквы алфавита, взятые им наугад, с целью скрыть настоящие фамилии своих друзей. Пока я размышлял над этим, Аннерли продолжал:

— В те времена, когда я и С. стали друзьями, у него была любимая собака — если это необходимо, я назову ее У.,— которая ни на шаг не отставала от хозяина во время его прогулок по городу X. и за пределами его.

— По городу X. и за пределами его?— словно эхо, повторил я.

— Да,— подтвердил Аннерли,— по городу X. и за пределами его.

Все мои чувства сразу же напряглись до предела. Я мог еще понимать, что У. следовала за своим хозяином по городу X., но тот факт, что она сопровождала его и за пределами города, выше моего понимания.

— С. и мисс М.,— продолжал Аннерли,— должны были вскоре обвенчаться. Все было уже готово. Свадьба была назначена на тридцать первое декабря. Ровно шесть месяцев и четыре дня оставалось до венчания. (Я потому запомнил число, что меня тогда уже поразило удивительное совпадение времени.) Однажды поздно вечером С. пришел ко мне, и видно было, что он чем-то сильно потрясен. Он заявил мне, что у него только что было предчувствие смерти. Когда он вечером сидел с мисс М. на веранде ее дома, он вдруг ясно увидел на дороге тень собаки Р.

— Позвольте,— заметил я,— разве вы не сказали сию только минуту, что собаку звали У.

Аннерли слегка насупился.

— Вы совершенно правы,— ответил он.— Ее звали У., или, для вящей точности, У. Р., так как мой друг,

мистер С., называл свою собаку иногда У., а иногда Р. (Надо полагать, что это объяснялось его исключительной привязанностью к животному.) Итак, как я уже сказал, тень собаки, или ее осциллограмма, была ясно видна на дороге возле веранды, и мисс М. могла бы поклясться, что это была сама собака. Приблизившись к дому, тень, или осциллограмма, или фантасма, как вам будет угодно, на некоторое время остановилась и завиляла хвостом. Потом она прошла дальше, и вдруг, совершенно неожиданно, скрылась из глаз за углом, словно ее внезапно отделили от нас кирпичной стеной. Но самым таинственным во всем этом было то обстоятельство, что мать мисс М., женщина почти слепая, тоже заметила собаку.

Аннерли сделал небольшую паузу, а затем продолжал:

— Это исключительное событие мой друг С. истолковал (и, несомненно, вполне правильно) как предвестие своей близкой смерти. Я сделал все от меня зависящее, чтобы рассеять его тяжелые мысли, но без всякого успеха. Вскоре после этого, крепко пожав мне руку, он покинул меня, твердо убежденный, что не доживет до утра.

— Господи!— воскликнул я.— И он умер в ту же ночь?

— Нет, он не умер,— спокойно ответил Аннерли.— И в этом наиболее непонятная часть всей истории.

— Расскажите мне подробнее,— попросил я.

— Мистер С., по обыкновению, встал на следующее утро, оделся со свойственной ему тщательностью, не упустив из виду ни одной детали своего туалета, и в обычный час направился к себе в контору. Уже потом он рассказывал, почему он так ясно запомнил все эти обстоятельства: вместо того чтобы отправиться в контору каким-нибудь кружным путем, он предпочел избрать дорогу, которой шел каждый день.

— Постойте,— прервал я Аннерли.— И в этот день случилось какое-нибудь исключительное событие?

— Я заранее предполагал, что вы зададите мне этот вопрос,— ответил Аннерли.— Но, насколько мне известно, ровно ничего исключительного в этот день не произошло. Мистер С. вернулся с работы, съел за обедом приблизительно столько же, сколько всегда, а потом прилег, жалуясь на некоторую сонливость. И это все. Его мачеха, у которой он жил, впоследствии рассказывала, что

ночью она слышала его храп так же отчетливо, как и всегда раньше.

— И он умер в ту ночь? — спросил я, задыхаясь от волнения.

— Ничего подобного, — ответил Аннерли. — Мистер С. и не думал умирать. На следующее утро он встал, чувствуя себя так же, как и всегда, причем сонливость его совершенно прошла.

Аннерли снова умолк. Несмотря на то что мне страшно хотелось поскорее услышать окончание его страшного рассказа, я считал неудобным торопить его вопросами. А кроме того, принимая во внимание, что наши отношения носили до тех пор довольно официальный характер и к тому же в тот день он впервые пригласил меня к себе в гости, я не решался сразу же стать с ним на короткую ногу.

— Итак, — продолжал Аннерли, — во все последующие дни мой друг С. ходил каждое утро к себе в контору так же аккуратно, как и раньше. И насколько мне помнится, ни в окружавшей его обстановке, ни в его собственном поведении нельзя было заметить ничего, что подтверждало бы его подозрения, будто рок висит над его головой. Он аккуратно виделся с мисс М., и час их венчания приближался с каждым днем.

— С каждым днем? — повторил я с удивлением.

— Да, с каждым днем, — подтвердил Аннерли и продолжал: — В течение некоторого времени, предшествовавшего его свадьбе, мне редко случалось видеть С., но за две недели до этого великого события я однажды встретил его на улице. Сперва, как мне показалось, он хотел было остановиться, но потом приподнял шляпу, улыбнулся мне и продолжал свой путь.

— Простите, — перебил я Аннерли. — Если вы разрешите, я задам вам вопрос, который, кажется мне, имеет большое значение. Ваш друг сперва прошел, а потом улыбнулся вам и снял шляпу, или же он сперва улыбнулся вам, а потом снял шляпу и прошел дальше?

— Ваш вопрос вполне обоснован, — ответил Аннерли. — И я могу ответить вам вполне точно: С. сперва улыбнулся, затем снял шляпу и продолжал свой путь... Но как бы то ни было, — продолжал мой собеседник, — самое важное в том, что в назначенный для венчания день мой друг С. и мисс М. поженились по всем правилам.

— Не может быть! — воскликнул я. — Поженились по всем правилам? Оба?

— Да, — ответил Аннерли. — Оба, в одно и то же время. После венчания мистер и миссис С. ...

— Мистер и миссис С.? — повторил я, совершенно ошеломленный.

— Да, — подтвердил Аннерли, — мистер и миссис С., ибо после венчания мисс М. приняла имя мистера С. Вскоре после того супруги покинули Англию и отправились в Австралию, где они намеревались поселиться.

— Разрешите снова вас прервать, — сказал я, — и позвольте мне выяснить один вопрос. Отправляясь в Австралию, супруги намеревались там поселиться?

— Да, — ответил Аннерли. — Так, по крайней мере, все мы думали. Я сам провожал их на пристань, за руку прощался с С. и все время стоял близко от него.

— А с тех пор как супруги С., как вы их называете, отправились в Австралию, слыхали вы что-нибудь о них?

— Вот тут-то и начинаются снова те необычайные явления, какими сопровождалось это великое переживание моей жизни, — ответил Аннерли. — Вот уже четыре года, как С. с женой уехали в Австралию. В первое время я довольно часто и аккуратно получал от них вести — не менее двух ежемесячно. Потом я стал получать лишь одно письмо через каждые два месяца, затем — два каждые шесть месяцев и наконец — только одно письмо каждые двенадцать месяцев... А вчера исполнилось полтора года, как я не имею никаких сведений о мистере С.

Я весь дрожал от охватившего меня возбуждения и горел желанием услышать, что будет дальше.

— Прошлою ночью, — с редким спокойствием в голосе сказал Аннерли, — мистер С. появился в этой комнате... вернее, я увидел его фантасматический или психический образ. Мне показалось, что он чем-то сильно встревожен. Он делал какие-то жесты, которых я, увы, не мог понять, и то и дело выворачивал карманы своих брюк. Я был до такой степени ошеломлен, что не стал даже расспрашивать его, а пытался лишь разгадать смысл его жестов... Конечно, тщетно... Через несколько мгновений, его фантасма схватила со стола карандаш и начертала следующие слова: «Два соверена... завтра ночью... крайне нужно...»

Аннерли снова умолк, а я продолжал сидеть, глубоко задумавшись.

— Как вы толкуете смысл появления осциллограммы мистера С.? — спросил я.

— Я думаю, что это означает следующее, — ответил Аннерли. — Мистер С., очевидно, умер и своим появлением хотел сообщить нам о том обстоятельстве, или, я сказал бы, деатомизировать ту мысль, что он остался без гроша, и что ему сегодня ночью крайне нужны два соверена.

— И вы намерены передать их ему? — спросил я, изумленный тем, что Аннерли с такой поразительной проницательностью сумел постичь тайну психического мира. — Но как?

— Я предполагаю пустить в ход смелый эксперимент, и если он удастся, мы немедленно сможем войти в общение с загробным миром. Мой план таков. Я оставлю сегодня ночью два соверена вот здесь, на краю стола. И если к утру их не окажется, я буду знать, что С. сумел деастрализировать себя и взять деньги. Все затруднение в следующем: есть ли у вас при себе два соверена. У меня лично, к сожалению, в данную минуту есть только немного мелочи.

«Какая удача! — подумал я. — Какое счастливое совпадение!» — У меня были с собой шесть соверенов, которые я в тот день получил в виде жалованья.

— Ну, — сказал я, — это можно будет устроить. У меня есть с собой деньги.

И я достал из кармана два соверена.

Аннерли пришел в восторг от такой удачи, и мы тотчас же занялись приготовлениями к опыту.

Мы выдвинули стол на середину комнаты и поставили его так, чтобы не было опасности столкновения или контакта с каким-либо другим предметом из мебели. Стулья мы тщательно придвинули к стене, а что касается картин и разных украшений в комнате, то мы к ним даже не прикоснулись.

Мы старались не трогать обоев на стене, а равно не задели ни одного стекла в окнах. Когда все было готово, мы положили оба соверена рядышком на край стола, орлом кверху, после чего погасили огонь.

— Спокойной ночи! — сказал я моему другу и выбрался в потемках из его дома, весь дрожа от волнения и чувствуя легкое головокружение.

Читатель, надеюсь, поймет, как мне не терпелось узнать о результате поставленного нами опыта. Я был так взволнован, и мне так хотелось узнать, чем все это кончится, что я всю ночь почти не сомкнул глаз. Я, конечно, всей душой верил в удачу, но в то же время меня грызло сомнение: а вдруг эксперимент потерпит крушение из-за того, что мой темперамент и характер не совсем соответствуют требованиям, необходимым для успешного проведения подобных опытов.

Впрочем, для успокоения читателя должен сказать, что я напрасно беспокоился. Дальнейшие события показали, что мой мозг был превосходным медиумом, или, пользуясь более подходящим термином, он оказался транспорантной средой наивысшего качества в смысле пригодности для психоспиритических опытов.

Утром Аннерли, весь запыхавшись, прибежал ко мне вне себя от возбуждения.

— Изумительно! Превосходно! — закричал он. — Мы добились полного успеха! Монеты исчезли! Это значит, что мы находимся в непосредственном общении с С.

Я не стану распространяться о том, каким радостным трепетом был охвачен при этом известии. В течение всего этого дня и назавтра я жил только сознанием, что нахожусь в непосредственном общении с мистером С., и всей душой надеялся, что в скором времени нам снова представится возможность вступить в связь с миром духов.

И уже на следующий вечер мое желание исполнилось. Был уже поздний час, когда Аннерли позвонил мне по телефону.

— Приходите ко мне немедленно, — сказал он. — Осциллограмма С. снова общается с нами.

Я поспешил к Аннерли и вошел к нему, задыхаясь от быстрой ходьбы.

— С. снова был здесь, — сообщил мне Аннерли, — и опять он был сильно встревожен, как и в первый раз. Фантасматический образ его стоял в этой комнате и пальцем выводил что-то на столе. Я только мог разобрать слово «соверен» и ничего больше.

— Не находите ли вы, что С. в силу каких-либо непонятных нам причин хочет, чтобы мы снова оставили для него два соверена? — предположил я.

— Клянусь Юпитером, вы правы! — восторженно воскликнул Аннерли. — Мне кажется, вы попали в самую

точку! Во всяком случае, попробуем. Удастся — хорошо, не удастся — не надо.

В эту ночь мы опять положили два соверена на стол и снова так же тщательно расставили мебель, как и в прошлый раз.

Все еще сомневаясь в моей психоспиритической пригодности к такого рода трудам, я боялся, что мой мозг не в состоянии будет воспринять все проявления астрального общения.

Но результат показал, что мои опасения были напрасны. Наш второй опыт также закончился вполне удачно. Обе монеты к утру исчезли.

Мы продолжали наши эксперименты в том же духе в течение почти двух месяцев.

Иногда Аннерли сам, как он говорил мне, оставлял на столе деньги, порой весьма крупные суммы, и всегда таким образом, чтобы фантасма С. могла легко их обнаружить. И ни разу не случилось, чтобы к утру они не исчезли. Но Аннерли, будучи человеком исключительной честности, никогда не производил опытов один, без меня, разве только в тех случаях, когда ему никак не удавалось снестись со мной.

Иногда случалось, что он приглашал меня к себе, прислав записку такого содержания: «С. здесь».

А порой я получал телеграмму: «С. нуждается в деньгах. Захватите все, что у вас есть в наличии».

Со своей стороны мне страшно хотелось сообщить о наших опытах публике или, по крайней мере, обществу психических изысканий, чтобы они узнали о предпринятом нами смелом шаге, давшем нам возможность связать мир реальный с психоастральным, или, выражаясь иными словами, о нашем псевдоэфемерном существовании. Я был уверен, что нам одним удалось непосредственно, без чьего-либо вмешательства, передать деньги из одного мира в другой. Правда, другим удавалось то же самое при помощи медиума или посредством подписки на спиритический журнал, но мы достигли нашей цели таким простым путем, что мне не терпелось огласить как можно скорее наше достижение на благо других людей.

Аннерли, однако, был против моего плана, высказывая опасение, как бы не прервать таким образом нашу связь с С.

Приблизительно через три месяца после нашего первого межастрального, психо-спирито-денежного экспери-

мента наступила кульминационная точка, закончившаяся таким таинственным образом, что я остался в полном недоумении.

Однажды под вечер Аннерли пришел ко мне. Вид у него был угнетенный, и я заметил, что он сильно нервничает.

— У меня только что произошло психоспиритическое общение с С.,— сказал он в ответ на мои расспросы.— И я никак не могу разгадать смысл его появления. Насколько я могу судить, С. задумал замечательный план. Он, очевидно, хочет заинтересовать также и другие фантасмы в тех опытах, которые мы производим, и намерен, по-видимому, на своей стороне разделяющей нас пропасти образовать общество, которое будет работать в полной гармонии с нами и производить денежные операции между двумя мирами в крупном масштабе.

Читатель поймет, конечно, что мои глаза загорелись от возбуждения, когда я представил себе размеры предполагаемого проекта.

— С. желает, чтобы мы собрали все деньги, какие только сможем, и переслали бы их ему, чтобы дать ему возможность организовать при помощи этого капитала корпорацию осциллограмм, или, как вернее будет выразиться в данном случае, общество фантоидов.

Не совсем понимая, в чем заключался изложенный Аннерли план, я с восторгом ухватился за него, и мы решили в ту же ночь привести его в исполнение.

К сожалению, мои земные владения выражались в ничтожной сумме: у меня было около пятисот фунтов стерлингов в акциях, полученных в наследство от отца. Этот фонд я без труда мог, конечно, реализовать в течение нескольких часов. Но я опасался лишь одного: как бы эти деньги не оказались недостаточными мистеру С. для организации его друзей-фантоидов.

Все свое состояние, банковыми билетами и золотом, я немедленно отнес Аннерли. Мы положили мои деньги на стол, как делали это и раньше. Аннерли со своей стороны мог отдать этому делу более крупную сумму, чем я, но он заявил, что не станет класть свои деньги рядом с моими до моего ухода, чтобы соединение наших денежных индивидуальностей не дематериализовало астральные проявления.

На этот раз мы с особенной тщательностью производили приготовления, причем Аннерли был совершенно спокоен и нисколько не сомневался в успехе, чего я не могу сказать о себе, так как очень нервничал и боялся, что наш план сорвется.

Мы сняли башмаки и ходили по комнате в одних носках. По предложению Аннерли, мы не только расставили мебель, как раньше, но даже перевернули ведро для угля дном кверху, а поверх корзины для бумаги, стоявшей под письменным столом, положили мокрое полотенце.

Закончив эти приготовления, я крепко пожал руку Аннерли и оставил его одного.

На следующий день я тщательно дожидался его прихода. Часы пробили девять, десять, наконец одиннадцать, а от Аннерли ни слова. Тогда, горя как в лихорадке, я отправился к нему на квартиру.

Вы легко можете себе вообразить, как я был ошеломлен, убедившись, что Аннерли пропал. Он исчез без следа, словно его смело с лица земли. Я, к сожалению, не могу сказать, какую роковую ошибку мы допустили во время наших приготовлений и в чем выразилась наша небрежность, когда мы принимали все необходимые психоспиритические предосторожности, но, очевидно, что-то такое было нами упущено, и страшная судьба постигла Аннерли. У меня не оставалось сомнения, что он был поглощен астральным миром и унес с собой деньги, ради передачи которых рисковал своим посюсторонним существованием.

Мне нетрудно было раздобыть неопровержимые доказательства исчезновения Аннерли, как только я набрался достаточно смелости и стал наводить необходимые справки.

То обстоятельство, что Аннерли был поглощен раньше, чем успел погасить четырехмесячную задолженность за квартиру, как и тот факт, что он скрылся, не успев даже уплатить по счетам нескольким лавочникам по соседству, неопровержимо доказывают, что он растворился в потустороннем мире совершенно неожиданно для себя самого.

И только опасение, что на меня могут возложить ответственность за его гибель, не позволило мне предать это дело огласке.

До того момента я не в полной мере отдавал себе отчет о риске, которому Аннерли подвергал себя во время

нашего отчаянно-смелого общения с миром духов. Он пал жертвой великого дела приумножения психоспиритических познаний, и летопись наших экспериментов будет всегда служить документом, позволяющим дать достойную отповедь всем нашим противникам, и ярким свидетельством правдивости моих переживаний.

КАК Я ОДАЛЖИВАЛ СПИЧКУ

Вы, может, думаете, что одолжить спичку посреди улицы — плевое дело? Но каждый, кто когда-либо пробовал это сделать, скажет вам, что это вовсе не так, и охотно подтвердит правдивость моего рассказа о том, как в один прекрасный вечер я убедился в этом сам.

Стоя на углу двух улиц, я держал в руке сигару и хотел ее раскурить. Спичек у меня не было. Я ждал несколько минут, и вот наконец вижу: идет мимо приличного вида мужчина, самый заурядный; словом, как раз то, что надо. Ну, я ему и говорю:

— Простите, сэр, не будете ли вы так любезны одолжить мне спичку?

— Спичку?— переспросил он.— Конечно. Сейчас.

Он расстегнул пальто и засунул руку в жилетный карман.

— Помнится, одна у меня там завалялась,— сказал он.— Могу поклясться, она в нижнем кармане. Хотя подождите-ка, она может быть и в верхнем. Секундочку, я только положу свои пакеты на тротуар.

— О, не беспокойтесь,— воскликнул я.— Все это не так уж важно.

— Да что вы, какое там беспокойство! Не пройдет и минуты, как я ее достану. Я знаю, она где-то здесь.— Говоря это, он лихорадочно производил раскопки в своих карманах.— М-да, боюсь, что это не тот жилет, в котором я обычно...

Вижу, человек всерьез разволновался.

— Да выбросьте вы все это из головы,— запротестовал я.— Если это не тот жилет, в котором вы обычно...— что ж, я как-нибудь обойдусь.

— Подождите,— сказал человек,— не теряйте надежду. Я, кажется, нащупал где-то тут одну из этих проклятых спичек. Похоже, она в одном кармане с моими

часами. Если бы этот чертов портной только знал, чего стоит забраться в карманы одежды, которую он шьет!

У него был теперь очень возбужденный вид. Он бросил наземь трость и, стиснув зубы, снова нырнул в глубины своих карманов.

— Это все мой сынишка, оболтус проклятый!— просипел он.— Только и знает, что перекладывает вещи из одного кармана в другой. Нашел себе забаву! Черт меня возьми, если я не взгрею его как следует, когда вернусь домой!.. Хм, бьюсь об заклад, она в кармане брюк. Подержите-ка полу моего пальто, пока я...

— Нет, сэр, пожалуйста, не надо,— снова запротестовал я.— Не волнуйтесь вы так, все это совершеннейшие пустяки. Убежден, что вам вовсе не надо снимать пальто, и, ради Бога, не выбрасывайте на снег письма и все остальное из ваших карманов. Умоляю, не наступайте ногами на полы пальто, не выдирайте с корнем карманы и не топчите ваши свертки. Я не могу слышать, как вы проклинаете своего сынишку, точно из-за него вы в чем-то передо мной провинились. Не надо, прошу вас, не надо так бешено рвать на себе одежду.

Внезапно человек издал радостное мычание и извлек руку из-под полы своего пальто.

— Нашел!— вскричал он.— Вот она!

С этими словами он поднял руку, чтобы рассмотреть свою находку при свете фонаря.

Это была зубочистка.

Не в силах преодолеть минутного порыва, я толкнул его под колеса проезжавшего троллейбуса и убежал.

КАК Я ЗАСТРАХОВАЛ СВОЮ ЖИЗНЬ

Звонит мне недавно какой-то человек и предлагает застраховать мою жизнь. Надо вам сказать, не выношу я этих страховых агентов. Они каждый раз пытаются убедить меня, что я когда-нибудь умру, хотя это и неправда. Страховали меня много раз, иногда даже на целый месяц, но ничего путного из этого так и не вышло.

И вот подумал я, что врага надо бить его же оружием, и решил этого самого агента перехитрить. Я впустил его в дом, позволил высказать все, что было у него на уме, и постарался подыграть ему, насколько хватило умения. Наконец он ушел, оставив бумажку с вопросами, на которые полагается ответить желающим застраховаться.

Этого-то я и ждал. Ну, думаю, если страховая компания хочет получить обо мне информацию, она ее получит. Самого высшего качества. Я уж постараюсь. Так что положил я перед собой ту самую бумажку с вопросами и стал вписывать ответы, которые должны были устранить всякие сомнения в том, как я отношусь к страхованию.

Вопрос. Сколько вам лет?
Ответ. Не могу припомнить.
В. Объем вашей грудной клетки?
О. Девятнадцать дюймов.
В. На сколько он увеличивается при вдохе?
О. На полдюйма.
В. Ваш рост?
О. Стоя — шесть футов с небольшим. Но когда я хожу на четвереньках — гораздо меньше.
В. Умер ли ваш дедушка?
О. Практически да.
В. Причина смерти (если умер)?

О. Пьянство (если умер).
В. Умер ли ваш отец?
О. Да. Почти.
В. Причина смерти?
О. Водобоязнь.
В. Где он проживает (если жив)?
О. В Кентукки (если жив).
В. Назовите болезни, которыми вы болели.
О. В детстве — чахотка, проказа, вода в колене. В зрелости — коклюш, расстройство желудка, вода в черепной коробке.
В. Есть ли у вас братья?
О. Тринадцать. Все еле живы.
В. Имеются ли у вас вредные привычки, которые могут отразиться на продолжительности вашей жизни?
О. Имеются! Я пью, курю, употребляю кодеин и вазелин, ем виноград вместе с косточками и ненавижу утреннюю зарядку.

Дописав анкету, я решил, что высказался с полной определенностью и что никому даже в голову не придет воспринимать все это всерьез. Поэтому я спокойно положил в конверт вместе с анкетой затребованный компанией чек на пятнадцать долларов, будучи вполне уверен, что получу деньги назад.

Представьте себе мое изумление, когда через несколько дней я получаю от них такое послание:

«Уважаемый сэр! Настоящим подтверждаем получение вашего письма с анкетой и трехмесячным взносом. Мы тщательно изучили ваши данные и сравнили их со средними показателями по стране. Рады сообщить, что застраховали вас, как человека, ведущего рискованный образ жизни, по первому классу».

НОВОЕ В ПАТОЛОГИИ

Люди давно догадывались, что состояние одежды человека определенным образом влияет на состояние его здоровья — как телесного, так и духовного. Широко известная поговорка «по одежке встречают» как раз и возникла в результате признания того факта, что одежда оказывает сильное влияние на своего владельца. Это легко подтвердить, наблюдая явления повседневной жизни: с одной стороны, мы отмечаем уверенные манеры и присутствие духа у человека, одетого в новый костюм; с другой стороны, обращаем внимание на меланхолическое выражение лица того, кто знает, что у него сзади заплата или где-то оторвалась пуговица.

Однако, несмотря на то что простое наблюдение дает нам много важных сведений относительно болезней одежды и их влияния на человека, никто еще не сделал попытки систематизировать наши знания в этой области. Между тем автор чувствует, что эта отрасль медицины может быть дополнена ценными сведениями. Многочисленные болезни, возникающие в результате поистине рокового влияния одежды, следует подвергнуть научному анализу, а способы исцеления от этих недугов добавить к правилам искусства врачевания.

Болезни одежды (будем их называть так) можно грубо разделить на два типа: терапевтические и хирургические; типы, в свою очередь, делятся на классы, смотря по тому, какой предмет одежды поражен недугом.

Терапевтические заболевания

Пожалуй, ни одна часть одежды так не подвержена заболеваниям, как брюки. Поэтому было бы правильнее в первую очередь рассмотреть болезни брюк.

1. Contractio Pantalunae [1], или Укорачивание штанин.

---

[1] Ликок в названиях «болезней» смешивает латинские слова с английскими, переделанными на латинский манер.— *Прим. перев.*

Крайне болезненный недуг чаще всего встречается в период роста молодого организма. Первый симптом: над ботинками появляется открытое пространство (зияющая пустота), что сопровождается сильным ощущением унижения и мучительным ожиданием издевательских насмешек. Обычно рекомендуемое средство — намазывание патокой ног выше башмаков — следует признать негодным как сильнодействующее. Чтобы почувствовать немедленное облегчение, следует носить обувь до колен и снимать ее только на ночь.

2. Inflatio Venu, или Вздутие коленной части брюк,— болезнь, симптомы которой схожи с вышеописанными. У больного наблюдается отвращение к стоячему положению; при острой форме заболевания, если больного поставить на ноги, он наклоняет голову и впивается болезненным взглядом в пузыри, образовавшиеся в области колен.

При обоих вышеописанных заболеваниях все, что может избавить больного от мучительного сознания своей физической неполноценности, в высшей степени благотворно повлияет на общий тонус организма.

3. Oases, или Заплаты, могут появиться в любой части брюк; различаются по степени серьезности, начиная от пустяковых и кончая смертельными. Наибольшее опасение внушают те случаи, когда заплата по цвету отличается от брюк (dissimitas coloris — несходство цвета). В этих случаях больной обычно находится в состоянии тяжелого умопомрачения; однако можно облегчить его страдания, окружив его веселыми людьми, книгами, цветами, а лучше всего — полностью сменив одежду.

Пальто не подвержено серьезным заболеваниям, кроме таких, как:

4. Phosphorescentia, или Глянцевитость.

Эта болезнь зачастую влияет на состояние всего организма; она вызывается разрушением ткани от старости и, как правило, прогрессирует с каждой чисткой. Странная особенность этого недуга заключается в том, что больной не знает точно, отчего он чувствует себя не в своей тарелке. Другой устойчивый симптом — отвращение к свежему воздуху: больной под различными предлогами уклоняется от малейшей прогулки по улице.

5. Жилет, по утверждению медицины, подвержен только одному заболеванию: Porriggia, или Кашелит. Недуг бывает вызван частым расплескиванием каши.

Болезнь, как правило, не опасна, возникает в результате рассеянности. Успешно лечится бензиновыми компрессами.

6. Mortificatio Tilis, или Позеленение шляпы.

Часто связано с Phosphorescentia (см. 4), у больного наблюдается отвращение к свежему воздуху.

7. Sterilitas, или Потеря меха,— еще одна болезнь головного убора, особенно распространенная в зимний период. Точно не установлено, вызвана ли эта болезнь выпадением волос или же прекращением их роста.

При всех заболеваниях головного убора больной находится в состоянии душевной депрессии, его внешний облик отмечен печатью глубокого уныния. Особенно болезненно он реагирует на вопросы о том, каково прошлое его головного убора.

За недостатком места мы не можем подробно описать менее важные заболевания, такие, как

8. Odditus Soccorum, или Непарность носков,— заболевание само по себе пустяковое, но представляющее угрозу в сочетании с Contractio Pantalunae (см. 1).

Известны случаи, когда у больных, находящихся в общественном месте (на сцене, в клубе и т. п.), вдруг случались такие сильные приступы, что медицинская помощь оказывалась бесполезной.

Хирургические заболевания

Упомянем лишь некоторые, наиболее типичные.

1. Explosio, или Потеря пуговицы,— самая распространенная болезнь, требующая хирургического вмешательства. Она представляет собой непрерывную последовательность незначительных переломов, по всей вероятности внутренних, сразу не вызывающих опасений.

Вскоре наступает смутное ощущение неловкости, которое часто ведет к тому, что больной ищет облегчения в использовании тесемок. Если чрезмерно увлекаться этим, то привычка может превратиться в страсть. Использование сургуча допустимо как временная мера, но ни в коем случае нельзя этим злоупотреблять.

Нет сомнения, что постоянное увлечение тесемками или сургучом приводит к:

2. Fractura Suspendorum, или Разрыву подтяжек, что равносильно общему коллапсу организма. У больного обычно бывает сильный приступ explosio (см. 1), а затем появляются слабость и ощущение потери. Человек здоровой конструкции может оправиться от удара, но

организм, подорванный частым употреблением шнурков, как правило, погибает.

3. Sectura Pantalunae, или Распарывание брюк. Главным образом происходит от сидения на горячем воске или от контакта с острым крючком. В раннем возрасте нередко сопровождается болезненным разрывом рубашки. У взрослых, правда, этого не замечается. Заболевание скорее духовное, нежели телесное: рассудок больного страдает острым сознанием потери собственного достоинства. Единственное средство — немедленная изоляция и наложение швов.

В заключение следует указать на то, что при первых симптомах болезни больной должен без колебаний доверить свою судьбу профессиональному портному.

Разумеется, в таком кратком руководстве, как эта статья, нельзя дать исчерпывающего изложения — мы даем лишь материал для дискуссии. Конечно, предстоит еще большая работа в этой области, которая откроет перед пытливым умом широкое поле деятельности. Все же автор будет вполне удовлетворен, если этот краткий очерк привлечет внимание медиков и побудит их обратиться к тому, что до сих пор еще является «белым пятном» в медицине.

О ХОДЬБЕ

Мне бы хотелось прочитать вам лекцию о ходьбе в традиционной форме университетских лекций. Это доставит мне несравненное удовольствие потому, что вот уже шесть лет, как колледж, где я работаю, проявив черную неблагодарность, отстранил меня от преподавания; у меня отобрали всех студентов на том основании, что у меня якобы начался старческий маразм. И вот теперь я снова призываю их всех сюда, пусть рассядутся на скамьях и послушают мою недолгую лекцию о ходьбе. Но призываю я не столько молодых, сколько тех, кто уже миновал середину жизненного пути и даже, быть может, борясь с одышкой, вступил в преклонные лета, всех этих славных расплывшихся молодцов, которые самодовольно восседают в кожаных креслах своего клуба, но на которых просто жалко смотреть, когда они идут.

Итак, рассаживайтесь по рядам. Вы, сэр, полный такой джентльмен слева, если не ошибаюсь, президент банка? Уместно ли выглядеть плутократом в нашей аудитории? Почти уверен, что вы не в состоянии пройти и полмили. Говорите, играли в футбол левым крайним? Не сомневаюсь. Но, джентльмены, вы должны понять: бессмысленно вспоминать, чем вы занимались тридцать лет назад. Сейчас это вас не спасет. А вы, сэр, тот, кто сел только что слева, полагаю, англиканский епископ? Послушайте, не надо мне рассказывать, как вы прыгали в высоту на чемпионате 1910 года. Все и так знают, что вы допрыгнули до сана епископа. Ну, а как вы прыгаете сейчас?

Итак, джентльмены, раскройте тетради и напишите заглавие — «ХОДЬБА», а как только я дойду до чего-то важного, то скажу, что́ записать.

Начните, пожалуйста, с маленького замечания: «Лич-

ный опыт профессора, многолетнего приверженца ходьбы, который каждое утро проходит по монреальской горе почти до самого кладбища» [1]. Хотя нет, джентльмены, вычеркните, пожалуйста, слова «почти до самого кладбища». Меня могут не так понять.

И вот еще что, джентльмены, во время своих прогулок я заметил: до чего же редко в наши дни люди ходят просто ради ходьбы. Изо дня в день я поднимаюсь в девять утра на Маунт-Ройал и не встречаю там ни души. На совести автомобиля, джентльмены, лежит тяжкий грех — он лишил нас воздуха и движения.

А теперь запишите в тетрадь: «Определение ходьбы» — и откройте Британскую Энциклопедию, том 23, страницу 301, раздел I, или, если хотите, не открывайте Энциклопедию, а поверьте мне на слово и запишите под мою диктовку: «Ходьба — искусство продвижения вперед путем методического установления одной ноги перед другой. Ходьба — самый древний и распространенный способ передвижения у человека, существующий миллионы лет». Тот же авторитетный источник, касаясь техники ходьбы, поясняет, что при обычном передвижении вперед не следует поднимать ногу в воздух, прежде чем вторая нога не опустится на землю; другими словами, у пешехода обе ноги не должны находиться в воздухе одновременно. Но в вашем случае, джентльмены, говорить об этой мере предосторожности излишне: вряд ли хоть один из вас рискнет оторваться от земли сразу двумя ногами. Для вас же главное — правильно понять смысл слова «ходьба» и не путать его с «шарканьем», с помощью которого вы передвигаетесь из гостиной вашего клуба в столовую того же клуба, и с «волочением ног», к которому вы прибегаете, когда вам надо пройти по улице сотню ярдов, чтобы поймать такси.

Не думайте, что речь сейчас пойдет о технике спортивной ходьбы, боюсь, что вам это еще не под силу. Такого рода ходьба, к счастью, вымирает. У позапрошлого поколения соревнования по ходьбе как в Англии, так и у нас в стране приняли угрожающие размеры. С 1876 года в Америке стали разыгрываться первенства по семимильному кроссу, а в наш век с возрождением Олимпийских игр возродился и марафон. Эта мучительная, требующая неимоверных усилий ходьба

---

[1] Имеется в виду Маунт-Ройал, на западных и северных склонах которого находятся кладбища.— *Прим. перев.*

представляется мне, как, без сомнения, и вам, джентльмены, чем-то омерзительным. Я мыслю себе ходьбу только как легкое приятное упражнение — ведь человек не может проводить весь день в помещении и волей-неволей должен выходить на свежий воздух,— как отдых для служащих, которые устали от чернил, бумаги и четырех стен, как прогулку для мечтателей, как вдохновение для поэтов.

Я попрошу вас, джентльмены, особо выделить слово «прогулка», как необычайно важное для нашей темы. Будьте так любезны, пометьте: «Профессор выделил слово ПРОГУЛКА». Термин «прогулка» — вас это удивит и, несомненно, восхитит — один из самых любопытных в нашем языке. Он произошел от Procul negotiis [1]. В древние благочестивые времена рыцарь, оставив все дела (Procul negotiis), для искупления грехов и спасения души отправлялся паломником в Святую Землю. В те дни такой поход был сопряжен с опасностью.

Но в наши дни изумительное путешествие по Средиземноморью — с его оливковыми рощами и чарующими островами — превратило паломничество в дивную, сказочную прогулку. Точь-в-точь такую же, какой насладитесь вы, если станете ежедневно заниматься ходьбой. Поначалу вам покажется необычайно трудным собраться с силами (если таковые вообще найдутся) и прошагать три, четыре, пять и более миль подряд. Но продолжительные тренировки и привычность в сочетании с регулярностью приведут к тому, что и прогулки станут для вас так неосязаемо легки, что вы зашагаете не спеша, без всяких усилий, забыв о времени, не ощущая ничего, кроме несравненного удовольствия ни о чем не думать. Я не могу удержаться, чтобы не процитировать снова тот же авторитетный источник, который эту сторону процесса ходьбы — ходьбы, ставшей уже привычной,— описывает следующим образом: «Ходьба в лучшем смысле этого слова есть размеренное передвижение, вдохновляемое лесами и холмами, реками и цветами лугов».

Итак, джентльмены, вот вам восхитительный идеал, а теперь, я полагаю, можно перейти к частностям: поговорим о компании во время прогулки, о времени и месте, о режиме и регулярности.

Начнем, пожалуй, с вопроса о компании. Что луч-

[1] Вдали от дел (*лат.*).

ше — гулять одному или в компании? Мне кажется, я слышу, как кто-то из вас бормочет: «А как насчет женщин?» Должен вам сказать, что мне не по душе выражение его лица и то, как он подтолкнул локтем соседа, в котором узнаю одного из наших маститых биржевых маклеров. Что ж, джентльмены, раз встал вопрос о женщинах, я на него отвечу. Вы все, уверен, люди солидные и, уж во всяком случае, рассудительные, не станете повторять за стенами этой аудитории то, что я скажу вам конфиденциально. Так вот, о прогулках с женщиной не может быть и речи. Женщина, джентльмены, окажется или назойливой и нудной, или, наоборот, слишком привлекательной, и тогда вы сами, очевидно, понимаете, куда вас заведут эти прогулки. Поймите, джентльмены, лавировать тут невозможно. Знаю, некоторые из вас скажут, что могут вести себя с женщиной как с товарищем, смотреть на нее как на товарища — да, именно так они и выразятся. Что я могу сказать? Тот, кто на это способен, просто ненормальный. Я в общем-то не собирался затрагивать тему «прогулки с женщиной» и, пожалуй, на этом закончу. Хотя должен заметить, что, если вам так уж захочется, можете взять на прогулку свою маленькую внучку или внучатую племянницу лет тринадцати, но лишь при условии, что вам удастся заставить ее всю дорогу не проронить ни звука. Очаровательное зрелище: вы бредете с ней среди падающих осенних листьев, особенно если вы сами — на переднем плане, а ребенок где-то сзади, как фон.

Но будет гораздо лучше, если вы отправитесь на прогулку с человеком вашего склада и вашего возраста,

а главное — с тем, с кем вам не о чем разговаривать. Молчание нарочитое неестественно и потому раздражает, но невольное молчание порождает дружеское общение, в котором нет места скуке. Однако, если вам и вашему спутнику обязательно надо, следуя привычке, разговаривать, соглашайтесь с ним во всем. Что бы он ни сказал, отвечайте: «Истинная правда», и тогда вам не надо будет даже слушать, о чем он говорит. А если вы что-то прослушали, скажите так: «Истинная правда, когда задумаешься над этим...» — подразумевая, что вам вообще ни к чему над этим задумываться.

И вот что еще, джентльмены: избегайте прогулок с любителями природы. Ничто так не портит прогулку, как наблюдение за «природой»: я имею в виду все эти полеты и перелеты птиц, прилет первого дятла и отлет последней вороны, первую зелень на иве и последний сухой желтый листок на березе. Выкиньте весь этот вздор из головы.

Джентльмен спрашивает меня: «Сколько надо ходить каждый день, чтобы прогулка была прогулкой?» Великолепный вопрос, настолько интересный, что я и сам хотел поговорить об этом. Отвечу так: «Идеальная прогулка длится до той минуты, когда вы почувствуете приятную усталость». К этой замечательной фразе нечего добавить. Правда, боюсь, что некоторые из вас уже через четверть часа почувствуют неприятную усталость. Но как бы вы себя ни чувствовали, помните: прогулка короче получаса — не прогулка. И еще заметьте, что в дневное время мужчины обычно заняты серьезными делами и редко могут позволить себе настоящую прогулку в утренние часы. Следовательно, практиковаться в ходьбе вам придется по два раза в день. Утренняя получасовая прогулка до службы или чтения лекций довершается настоящей прогулкой, когда с работой уже покончено, а до обеда еще два часа. Вы должны переходить, джентльмены, от прогулки к еде — именно такой должна быть последовательность: полчаса перед завтраком или полчаса перед вторым завтраком, а потом — гвоздь программы, шестимильная прогулка (два часа), приятная усталость, и вы уже за обеденным столом с аппетитом, какого у вас не было с тех пор, как вы уехали со старой фермы — все преуспевающие люди в нашей стране в свое время — лет в двенадцать — уехали со старых ферм.

Вы, наверное, возразите, что после такой прогулки вы уже к вечеру ни на что не годны. Само собой.

Так и должно быть. Но, уважаемые джентльмены, давайте начистоту: на что вообще вы годны по вечерам? Вы имеете в виду, что, если б не прогулка, не дневной моцион, вы бы после обеда «напились до полусмерти» и «бушевали» — по-моему, это ваше выражение — до часу ночи. А наутро — вялость и все такое прочее.

Насколько же лучше почувствовать эту приятную усталость, со вкусом пообедать, а потом усесться возле яркого камина с трубкой и томом древней истории, не выпуская из виду графинчик... и сразу же задремать: книга, графинчик, трубка — все позабыто, и вы дремлете, и вот уже пора идти спать...

Вот что значит ходьба, и вот почему мы ходим уже миллион лет.

Однако, джентльмены, я слышу шум моторов за окнами. Ваши шоферы нервничают. Лекция окончена, джентльмены.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЕРХОВОЙ ЕЗДЕ

К написанию нижеследующих заметок побудили меня дебаты в литературном обществе моего родного городка. Тема их была сформулирована так: «Велосипед — животное, которое превосходит лошадь». Желая попрактиковаться в верховой езде, чтобы со знанием дела опровергнуть это утверждение, я в течение нескольких недель целиком посвятил себя этому занятию. Оказалось, что разница между лошадью и велосипедом гораздо более значительная, чем мне казалось раньше.

Лошадь вся покрыта волосами, велосипед же — не весь, кроме модели восемьдесят девятого года, на которой ездят в штате Айдахо.

Если вы сядете на лошадь и поставите ноги на педали, то обнаружите, что их невозможно вращать, как обычно. Тем не менее на лошади имеется седло, в которое, когда она пускается рысью, приходится садиться, порой даже не единожды. Проще, однако, ездить стоя, упершись ногами в педали.

Руля на лошади нет, однако модель 1910 года снабжена двумя ремешками по обеим сторонам морды, с помощью которых можно повернуть голову лошади, если вы хотите ей что-нибудь показать.

Кататься верхом с горки — чудесное развлечение, однако делать это нужно осторожно. Одна моя знакомая лошадь как-то раз решила прокатиться вместе со мной с горки, находившейся в двух милях от моего дома. Она со страшной скоростью промчалась вниз по главной улице нашего городка, смяла по дороге процессию Армии Спасения и остановилась лишь у своей конюшни.

Откровенно говоря, не могу отрицать, что верховая езда требует немалого мужества. Мне-то его хватает.

Я покупаю его по сорок центов за флакон и принимаю согласно инструкции.

По моим наблюдениям, когда едешь верхом по одной из длинных улиц нашего городка, лучше не переходить на галоп. Это вызывает неодобрительные реплики прохожих. Лучше позволить лошади проделать весь путь шагом. Неплохо было бы также обернуться назад в седле, разумеется держась рукой за гриву коня, и нетерпеливо глядеть назад, на дорогу. Делать это надо с самым естественным видом. Тогда всем будет казаться, что за вами следуют еще по меньшей мере пятнадцать человек.

Со времен, когда я обучался верховой езде, обращаю внимание на то, как некоторые элементы этого искусства описаны в книгах. Кое-какие из них умею делать и я, однако большая часть мне недоступна. Вот, например, эпизод, о котором, наверное, доводилось читать каждому и к которому я отношусь с восхищением, граничащим с отчаянием:

«Торопливо махнув рукой на прощание, всадник пришпорил коня и исчез в клубах пыли».

Думается, немного попрактиковавшись, я смогу пришпорить коня любых размеров, однако мне ни разу не удавалось исчезнуть в облаке пыли. По крайней мере, не ручаюсь, что, когда пыль осядет, меня там уже не будет.

Некоторые вещи, однако, доступны и мне:

«Повод выпал из повисших как плети рук лорда Эверарда. Всадник склонил голову на грудь и не препятствовал коню брести шагом по темной аллее. Погруженный в глубокое раздумье, он не обращал внимания на надоевшего ему скакуна».

То есть, конечно, он делал вид, что не обращает на него внимания. Когда же в роли лорда Эверарда выступаю я, то неусыпно слежу за своим скакуном, остальное же проделываю точь-в-точь как он.

Вызывает сомнения у меня и еще один эпизод:

«По коням! По коням! — вскричал рыцарь и вскочил в седло».

Я был бы способен на это, если бы текст читался так:

«По коням! — вскричал рыцарь и, взобравшись на подставленную верным слугой стремянку, плюхнулся в седло».

В качестве заключительного замечания хочу упомянуть, что мой опыт верховой езды пролил некоторый

свет на один из наиболее загадочных эпизодов в истории. Известно, что о прославленном короле Генрихе Втором говорили: «Он почти весь день проводит в седле и обладает таким беспокойным характером, что никогда не присаживается, даже когда обедает». До сих пор я не одобрял его способа принимать пищу, однако после того, как провел пару недель в седле, я его оценил.

ЗИМНИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

В разгар зимы, когда лютые морозы делают для нас привлекательным сидение дома, Дружная Семья обычно получает от друзей приглашение скоротать вместе Тихий Вечерок.

Тогда-то и вспоминаем мы, что есть на свете зимние развлечения. Откуда-то появляются на свет божий лото и колода карт, вспоминаются старые, давно забытые загадки, раздается веселый, греющий сердца стук костяшек домино. Довершает психическую деградацию изнывающих от скуки гостей игра в бирюльки.

Затем на авансцену выходит Тетушка — веселая старая дева. Она обращается к собравшимся с вопросом: «Чем отличается слон от шелковой шляпки?» — или загадывает шараду:

Мой первый слог — предлог,
Второй — индийский бог.

И т. д. и т. п.

Это, без сомнения, должно увенчать весело проведенный вечер и добить тех гостей, которые не успели вовремя удрать, испытав вдруг неодолимую потребность попасть в какой-нибудь открытый еще салун и вдрызг напиться. А настольные игры, словно пробудившиеся от долгой спячки змеи, неудержимо ползут по столам, заваленным теперь картами, костяшками домино и карточками лото. Когда же развертываются длинные свитки с описаниями игр, гостям становится совсем трудно удерживать на лицах беззаботное выражение. Наконец, встает Веселая Тетушка и громко оглашает правила следующей игры, в которой всем присутствующим предстоит одному за другим угадывать фамилию покойного писателя на букву «икс». Не угадавшие должны будут отдать Тетушке кошельки с деньгами и золотые

часы, иначе им на головы поставят тарелки с горячим супом.

Чтобы помочь гостям, попадающим в такого рода затруднительные положения, я придумал парочку новых зимних развлечений. Они не требуют ни денежных затрат, ни знания высшей математики или античной истории и потому доступны людям с самым примитивным интеллектом. Название первого из них:

ФУТБОЛ В ЗАКРЫТОМ ПОМЕЩЕНИИ, ИЛИ ФУТБОЛ БЕЗ МЯЧА

В игре могут участвовать от пятнадцати до тридцати человек. Все они дружно усаживаются на одного игрока, как правило следующего после того, кто «водит». Потом они дружно призывают его встать. Игрок, который «водит», отсчитывает по секундомеру сорок секунд. Если лежащий за это время не поднимется, игрок с секундомером объявляет, что тот задохся. Его считают выбывшим из игры, а остальным начисляют по очку. Потом то, что от него осталось, относят в угол, полагая, что это уже бездыханное тело. Игрок с секундомером, именуемый «рефери», дает свисток, и игроки, выбрав следующую жертву, усаживаются на нее. Когда они сядут поудобнее, рефери начинает отсчет времени. По истечении сорока секунд он снова дает свисток, извещая, что лежащего уже задавили. Его оттаскивают к стенке и кладут рядом с первым. Когда рефери дает свисток, ближайший к нему игрок должен успеть ударить его по правому уху. Это называется «осалить» и оценивается двумя очками.

Разумеется, трудно описать правила этой игры во всех деталях. Хочу, однако, добавить, что если за удар судьи рукой дается два очка, то за пинок ногой — целых три. Если при этом удалось сломать ему руку или ногу, оценка повышается до четырех очков; тот же, кто исхитрится его прикончить, сразу выигрывает игру. Это называется Большой Шлем.

Есть и другая игра, тоже придуманная мной на досуге. Она выгодно отличается от всех прочих — не теряя присущего настольным играм захватывающего характера, дает возможность игрокам размяться на свежем воздухе.

Усвоить ее правила довольно легко. Число игроков произвольное, возраст — тоже. Не требуется никаких сложных приспособлений. Нужны лишь троллейбус обычной конструкции, дорога длиной в пару миль и электричество напряжением в тысячу вольт. Название игры:

ПРИГОРОДНЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Воскресная забава для всех возрастов

Главные роли в ней играют два человека, которые занимают позиции в противоположных концах салона. Они должны быть одеты в очень яркого цвета костюмы, чтобы все знали, что «водят» именно они. Остальные располагаются в салоне или рассредоточиваются вдоль дороги.

Задача каждого из игроков — по возможности незаметно войти в троллейбус, не привлекая внимания «ведущих». Те, кому это не удалось, подвергаются штрафу. Взимание штрафа происходит в соответствии с одним из двух ритуалов. Ритуал первый: человек платит пять центов; ритуал второй: его взашей выталкивают из троллейбуса. Каждый выбирает для себя, что ему больше по душе. Оставшиеся незамеченными получают по очку.

Игроки в салоне сами решают, сесть им или остаться стоять, однако усаживаться другому на колени без его согласия не разрешается. Задача стоящих игроков — наступить на ноги сидящим. Тем, кому это удалось, начисляются очки. Задача сидящих — уберечь свои ноги. В результате возникает множество весьма забавных ситуаций.

Задача сидящего за рулем игрока в ярком костюме — улучив момент, резко затормозить троллейбус или вне-

запно дернуть его вперед, отчего пассажиры валятся друг на друга. В таких случаях водитель набирает очки. Помогает ему другой игрок в ярком костюме, который с помощью звонков и прочих сигналов сообщает водителю, что пассажиры отвлеклись и их легко можно сбить с ног. Если это удалось, оба выслушивают от них множество теплых слов и дружеских пожеланий.

Если кто-нибудь из стоящих игроков сумел избежать падения, усевшись на колени к одной из участвующих в игре дам, он получает очко. Ему дается также право остаться там, где он сидит, до счета шесть. Потом, однако, он должен встать, иначе на него налагается штраф номер два.

Когда водитель замечает игрока, выказывающего желание войти в игру, то есть сесть в троллейбус, он должен прежде всего попытаться переехать его и задавить насмерть; если это не удалось, он старается уничтожить его любым другим способом, какой только придет ему в голову. Только если не вышло и это, водитель впускает его в троллейбус, заставив уплатить пять центов.

Если игрок, пытаясь войти в троллейбус, зацепился за буфер, водитель кричит: «Фук!» После этого считается, что троллейбус его переехал. Все находящиеся в этот момент внутри получают по очку.

Игра становится еще веселее, если кто-то из пассажиров изъявляет желание сойти где-нибудь в определенном месте. В этом случае водителю и его помощнику нужно заставить его проехать свою остановку. Игрок, которому не дали сойти, должен как можно правдоподобнее изображать бурную ярость и неистово махать руками. Он может также прикинуться дряхлым старцем или немощным инвалидом, что обычно вызывает у всех присутствующих гомерический хохот.

Итак, вы ознакомились с основными правилами двух новых зимних развлечений. Можете добавить и другие правила в том же духе — если, конечно, у вас есть воображение и чувство юмора.

ВОДНОЕ СТРАНСТВИЕ КАВАЛЕРОВ ПИФЕЯ[1]

Июльское утро, половина седьмого. «Краса Марипосы» стоит у пристани, разубранная флагами, пары подняты, она готова в путь.

День гулянья по озеру!

Половина седьмого утра, и озеро Уиссанотти сияет на солнце, ровное, как стекло. От поверхности воды отражаются опаловые блики солнечного света.

Вдали тают последние тонкие пряди утренней мглы, похожие на обрывочки ваты.

Над озером раздаются протяжные крики гагар. Воздух прохладен и свеж. Воздух полон молодым ароматом страны тихих сосен и текучих вод. Ах, озеро Уиссанотти, озаренное утренним солнцем! Не толкуйте мне об озерах Италии, Тироля или Швейцарских Альп! Ну их совсем! Хоть пропади они пропадом! Не к ним стремлюсь я душой.

День гулянья по озеру, летнее утро, половина седьмого. Корабль разукрашен флагами, все население Марипосы на пристани, оркестранты в фуражечках готовы в любую минуту заиграть на своих могучих медных трубах, приторочeнных к бокам. Дайте сказать! Перестаньте твердить мне о карнавале в Венеции и о делийском дарбаре![2] Ни слова о них! И глянуть на них не хотел бы! Глаза бы зажмурил! Ибо на всю жизнь напоила меня яркими красками поездка из Марипосы по озеру на остров Индейца, укрытый вдали за утренней мглой. Толкуйте себе о папских гвардейцах, о смене караула перед Букингемским дворцом! А мне бы глядеть да глядеть на мундиры марипосского духового оркестра, на ка-

---

[1] Пифей (Питеас) — древнегреческий мореплаватель, в IV в. до н. э. достигший берегов Британии и, возможно, Скандинавии.— *Здесь и далее прим. перев.*

[2] Дарбар — торжественный дворцовый прием.

валеров ложи Пифея [1] в их фартуках, с их значками, с их припасами для пикника, с их пятицентовыми сигарами в зубах!

Половина седьмого утра, и вся толпа на пристани и на корабле рассчитывает, что отплытие произойдет через полчаса. Запомните — через полчаса! Толпе уже просигналили дважды (в шесть и в шесть пятнадцать), и Кристи Джонсон вот-вот ступит на капитанский мостик и дернет за рукоять гудка. Будьте же готовы! И даже не помышляйте сбегать к Смиту в гостиницу за сандвичами! Что за глупость — пытаться заскочить еще к Греку, а потом к Нетли за фруктами! Вы же из-за этого наверняка опоздаете. Какие сейчас сандвичи, какие там фрукты! Да и сам-то мистер Смит направляется сюда с огромной корзиной провианта, из которой можно накормить хоть целую фабрику. Все сандвичи — в этой корзине. И какие сандвичи — наивысший сорт! А следом за мистером Смитом шагает немец-кельнер из кафетерия с другой корзиной — несомненно, там светлое пиво; а за ним идет бармен из гостиницы, и убедитесь собственными глазами, что в руках у него ничегошеньки нет. Но, конечно, если вы знаток местных нравов, вы понимаете, что он выглядит так легкомысленно незапасливым потому, что у него под полотняным плащом приголублена пара посудин с хлебным винцом. Полагаю, вам ведомо, какой неповторимой походкой выступает человек, несущий под плащом пару бутылок виски. В Марипосе, видите ли, захватить с собой на гулянье пивка — это не осуждается общественным мнением. А насчет более серьезных напитков — ну, тут надо быть чуточку поосторожнее.

Я упомянул, что мистер Смит здесь? Да и не только он — все здесь. Вот Хассел, редактор «Сводки новостей», у него в петличке голубая ленточка, ибо кавалеры ложи Пифея, верные давней конституции ложи, блюдут трезвое воздержание; вот Генри Маллинс, директор Обменного банка, тоже кавалер ложи Пифея, а в заднем кар-

---

[1] В небольших городах Канады и Соединенных Штатов до наших дней существуют формально тайные объединения — ложи, образованные по типу масонских лож XVIII—XIX вв. Частично эти ложи сохранили ритуалы и символику масонства, но в основном потеряли религиозно-мистический характер и превратились в ассоциации состоятельных горожан, в той или иной мере организующие общественную жизнь.

мане брюк у него фляжечка «погрэмовской особой» (так сказать, поправка к конституции). И вот сам его преподобие декан Дроун, Великий Магистр ложи, с удочкой (нигде вам не сыскать таких окушков, как между скал на острове Индейца), со спиннингом (а вдруг попадется щука-маскинонг), с сачком (а вдруг попадутся щурята) и со старшей дочкой Лилиан (а вдруг попадется кандидат в женихи). Свет не видывал таких рыбарей, как досточтимый декан Руперт Дроун!

Вероятно, мне следовало бы объяснить, что, когда речь идет о гуляньях, подобных тому, какое нынче устраивают кавалеры ложи Пифея, само собой разумеется, что это касаемо всех. В Марипосе принадлежность к любой организации — дело поголовное, и поэтому кавалерами ложи Пифея являются практически все граждане городка. В малых городках иначе и не бывает, тем-то малый городок и отличается от большого. Все участвуют во всем.

Поглядеть бы вам, как, например, Семнадцатого марта все цепляют зеленые банты, все улыбчивы и приветливы (уж таков, как известно, кельтский нрав) и все толкуют о гомруле![1]

В день святого Андрея Первозванного[2] у всех на лацканах красуется чертополох, все и всем руки жмут, а из глаз у каждого встречного лучится славное, давнее шотландское прямодушие.

А в день святого Георгия-Победоносца?[3] Ну, что ни говори, а добрый староанглийский дух посердечней прочих. Так почему бы человеку не вспомнить с приятством, что он англичанин?

Потом настает Четвертое июля[4], над половиной лавок в городе реют «звезды и полосы», и — гляньте! — разом оказывается, что все мужчины катают в зубах сигары и во всех тонкостях осведомлены о Билле Брайене, Тедди

---

[1] Семнадцатое марта — день святого Патрика, традиционный праздник католической Ирландии. Гомруль — система автономного управления делами Ирландии; после долгого английского владычества лозунг о гомруле во второй половине XIX в. и в первом десятилетии XX в. стал знаменем ирландского национального движения.

[2] Андрей Первозванный считался покровителем шотландских королей.

[3] Георгий-Победоносец считается покровителем королей Англии.

[4] Четвертое июля — национальный праздник в США; 4 июля 1776 г. Второй континентальный конгресс представителей тринадцати британских колоний в Америке принял и утвердил написанный Томасом Джефферсоном текст Декларации независимости.

Рузвельте и Филиппинских островах [1]. Тут вы впервые дознаетесь, что предки Джефа Торпа пришли сюда из Массачусетса [2], что его родной дядя сражался при Банкер-Хилле [3] (причем Джеф с полным убеждением клясться будет, что этот Банкер-Хилл где-то в Дакоте), а сестра Джорджа — Даффа замужем в Рочестере, штат Нью-Йорк, и муж у нее — молодчина (Джордж и вправду там побывал совсем недавно — лет восемь тому назад). Да, Четвертого июля Марипоса — самый американский город на свете, какой только можно себе вообразить.

Но если вас внезапно встревожило, а прочна ли наша верность британской короне, то, прошу вас, подождите до Двенадцатого июля, когда у всех в петличках повиснут оранжевые ленточки и оранжисты [4] (то есть все поголовно мужчины города) устроят шествие по улицам. О преданность! Но вспомните хоть, что за адрес поднесли принцу Уэльскому на платформе станции Марипоса, когда он был здесь проездом на запад [5]. По-моему, насчет лояльности все обстоит преблагополучно.

Так что теперь вам, само собой, понятно, что и кавалерами ложи Пифея являются все горожане, они же вольные каменщики [6], они же особь-собратья [7], а также члены клуба Снегоступа и Товарищества взаимопомощи одиноких женщин.

---

[1] Билл (Уильям) Брайен и Тедди (Теодор) Рузвельт — соперники на президентских выборах 1900 г. в США. Филиппинские острова — бывшая испанская колония, которая в результате испано-американской войны 1898 г. была захвачена Соединенными Штатами.

[2] Массачусетс — один из первых тринадцати штатов США.

[3] Банкер-Хилл — холм на окраине Бостона (штат Массачусетс), где 17 июля 1775 г. произошло сражение между британскими королевскими войсками и первыми формированиями американской армии, одно из первых сражений Войны за независимость Соединенных Штатов; военную победу одержали англичане.

[4] Оранжисты — члены тайного общества, организованного в Ирландии в 1795 г. с целью поощрения протестантизма и верности британской короне; названо в честь английского короля Уильяма III, носившего титул принца Оранского; существует и активно действует в наши дни в Ольстере (Северная Ирландия).

[5] Путешествие принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII, сына королевы Виктории, по британским владениям в самом конце XIX в. было пышной и шумной демонстрацией мощи и единства Британской империи.

[6] Вольные каменщики (франкмасоны) — старейшее (с начала XVIII в.) и разветвленнейшее из тайных масонских братств, проповедовавших идею воссоединения человечества в братском религиозном союзе; существуют и действуют и в наши дни.

Особь-собратья (англ. the Oddfellows) — тайное и независимое братство, организованное в Англии в XVIII в. по образцу системы

Тем временем пароходный гудок, особо громкий и долгий, сквозь густое облако пара возвестил, что наступило без четверти семь и все, кого здесь нет, наверняка рискуют опоздать, если не спохватятся и не прибегут бегом за оставшиеся пятнадцать минут.

Что за скопище на пристани, что за столпотворение на борту! Удивительно, сколько народу помещается на этом суденышке! Но это-то как раз и есть чудесное свойство «Красы Марипосы».

Не знаю и никогда не знал, откуда берутся такие пароходы, как «Краса Марипосы». Прежде чем утверждать, что их строят на верфи Харленда и Уолфа в Белфасте, или, наоборот, отрицать, что их строят именно там, хотелось бы кое на чем остановиться поподробнее.

Мне неизменно представляется, что «Красе Марипосы» передались некоторые удивительные свойства, которыми отличается сама Марипоса. Имею в виду, что размеры «Красы», так же как и размеры города, по-видимому, могут меняться. Гляньте на нее зимой, когда она стоит у пристани, вмерзшая в лед и занесенная снегом по окна капитанского мостика: да она же кроха жалостная, чуть больше ореховой скорлупки! Но в летнюю пору, особенно после того, как вы погостили в Марипосе месяц-другой, всякий раз, когда вы пашете воду вдоль парохода на каноэ, он кажется вам все выше, все шире, его черные борта нависают над вами все грандиозней, покуда в ваших глазах «Краса» не сравняется с «Лузитанией» [1]. И «Лузитания» — ничего себе пароход, и «Краса» — ничего себе пароход,— иных слов от вас не добьешься.

Не затевайте обмеров, не очень-то вам это поможет. Нос у нее имеет осадку в восемнадцать дюймов, корма — в восемнадцать с половиной, а когда ее наполняет толпа собравшихся на прогулку, «Краса» садится в воду еще на добрых два дюйма. Зато над водой — только гляньте, сколько у нее палуб! Есть нижняя палуба, на которую вы попадаете с пристани, целиком закрытая, с окнами

масонских лож. Его члены обязывались оказывать каждому своему собрату, внезапно потерявшему средства к существованию, помощь в устройстве на работу и связанных с этим переездах, ссужая его деньгами, собранными за счет регулярных членских взносов; существует по сей день.

[1] «Лузитания» — британский трансатлантический пароход-гигант, символ мощи технического гения и промышленности первого десятилетия XX в.

по обоим бортам, с кормовым салоном, где стоит длинный стол; есть верхняя, открытая, уставленная креслами; есть полуют, есть полубак, на котором стоит кружком оркестр; над ними возвышается спардек с капитанским мостиком, над мостиком доска, на которой золотом выведено название, а выше флагшток и стальные растяжки с флажками; где-то внутри, на совсем других уровнях, располагаются буфет, торгующий сандвичами, и машинное отделение, а на корме, ниже ватерлинии, имеется еще и кубрик с койками для команды. И всюду люки, трапы, переходы, штабеля дров для машины — ой, нет! По-моему, Харленд и Уолф такого не строят. Им не суметь!

Но даже такой исполинский корабль, как «Краса Марипосы», не способен вместить всю толпу, которую вы видите на палубе и на пристани. Открою секрет — эта толпа делится на две половины: на тех марипосцев, которые собираются на гулянье, и на тех, которые не собираются.

Вот стоят бок о бок два кассира из Обменного банка. Но на гулянье собирается лишь один из них, вон тот, лицом похожий на лошадь, у него еще булавка с камеей; а другой, тоже лицом похожий на лошадь, но не на ту, у него тоже булавка с камеей, но не с такой,— не собирается. Точно так же Хассел из «Сводки новостей» собирается на гулянье, а его родной брат, что стоит рядом, не собирается. Лилиан Дроун собирается, а ее сестра не собирается. И так далее по всей толпе.

И подумать только, что этот прекрасно начавшийся день завершится кораблекрушением!

Чудна́я штука — наша жизнь!

Подумать только — все эти люди так беспокоятся, попадут ли они на пароход, кто-то даже бегом бежит, чтобы попасть, так боится, что опоздает,— и все они не знают, что их ждет! А капитан — он дергает за рукоять гудка, он так сурово предупреждает, что ни ради кого не задержится,— и не предупреждает о том, что́ их ждет. И все ретивой толпой стремятся навстречу тому, что их ждет.

Вероятно, так уж устроена жизнь.

Чудней всего в подобных случаях думать о тех, кто опоздал, кому что-то так или иначе помешало попасть на борт, и кто потом всю жизнь будет рассказывать,

как ему-то удалось избежать того, чего все прочие не избежали.

Занятные рассказы, явно из тех, что нарочно не придумаешь.

Найвенс, адвокат, избежал неизбежного просто потому, что находился в то время в столице.

Тауэрс, портной, избежал только благодаря тому, что, не имея намерения участвовать в поездке, оставался в постели до восьми утра и, таким образом, никуда не поехал. Потом неоднократно показывал, что, проснувшись в то утро в половине шестого, подумал о нынешнем гулянье и по какой-то необъяснимой причине ощутил радость, что остается дома.

Еще непостижимей то, что произошло с Йоделом, аукционистом. Неделей раньше он катался на поезде с особь-собратьями, а еще за неделю до того участвовал в пикнике консерваторов и поэтому решил, что на «Красе» не поедет. Правда-правда, он вовсе не собирался ехать. И вот накануне вечером его остановили на углу Ниппева-стрит и Текумсе-стрит (при этом место указывалось самым точным образом) и спросили: «Завтра на гулянье собираетесь?» На что Йодел ответил одним простым словом «нет», которое может повторить в точности тем же тоном. Десятью минутами позже на углу Дэлхузи-стрит и Брок-стрит (тут предлагается возглавить экспедицию по точному установлению места) его опять остановили и спросили: «Ну а завтра-то на пароходе поедете?» — на что он опять ответил словом «нет», произнесенным, несомненно, тем же самым тоном, что и раньше.

Заключая свой рассказ, Йодел неизменно повторяет, что, когда до него дошел слух о происшествии, он увидел в том перст Провидения и от полноты благодарности пал на колени.

Нечто подобное произошло и с Морисоном (имеется в виду Морисон из скобяной лавки Гловера, который женат на одной из дочек Томпсонов). Сей неоднократно показывал, что так подначитался в газетах о недавних происшествиях — подземных, воздушных и дорожных, — что покоя лишился. И вот накануне вечером за ужином жена спросила у него: «На гулянье поедешь?» На что он ответил: «Нет, мне что-то не по себе». И добавил: «Вот матушку бы твою туда — это было б в самый раз». И на следующий вечер, как только новость разошлась по городу, первое, о чем он подумал, было: «Наверняка там миссис Томпсон!»

Он ни на миг не усомнился, не растерялся — я в точности передаю его слова. Ни на миг он не вообразил, что миссис Томпсон на борту «Лузитании», или «Олимпика», или еще какого-либо судна. Он знал — она на «Красе». Вот хоть убейте его на месте! Он готов на колени стать, чтобы всем желающим легче было пристукнуть его хоть кулаком, хоть ногой! Но желающих нет. Никто не покушается, а ведь, казалось бы, такой случай!

Но покуда, ручаюсь, ни Йодел, ни Морисон (вообще ни одна душа) не помышляют о том, что случится, и только после заката им...

Им! А вам-то самим доводилось ли когда-нибудь слышать, как в двух милях от берега, посреди погруженного в сумерки озера, ревет пароходный гудок? Вам, во всеоружии чувств и разума, доводилось ли видеть, как вдали взлетают в небо багровые ракеты? Достигал ли вашего слуха набатный звон пожарного колокола позади вас в городе? Видели ли вы, как все бегут на пристань?

А марипосцы все это видели, все это пережили в тот летний вечер, когда у них на глазах спасательный бот «Макайноу» ринулся в озерную даль, увлекаемый семью веслами с каждого борта,— только пена взлетала до планшира в такт воодушевленным усилиям четырнадцати гребцов!..

Виноват, виноват, виноват — так историй не рассказывают. Истинно искусный рассказчик должен умалчивать о событиях, пока не настанет их час. Но если бы вы знали Марипосу так, как я, то, едва возьмись вы за перо, едва услышь о ней, она так живо, так осязаемо предстала бы перед вами, что яркий контраст между веселой толпой, собравшейся поутру на гулянье, и катастрофой во мраке ночи сам возник бы у вас в уме, и вы помышляли бы о нем неотрывно.

Но ни слова о происшествиях — обратим взор к солнечному утру.

Корабль должен отплыть в семь. И — да не усомнится никто в названном часе — не просто в семь, а точно в семь. Так было сказано в «Сводке новостей»: «Корабль отправляется точно в семь». И афиши на телеграфных столбах вдоль Миссинайби-стрит, начинаясь призывом: «Вперед! На остров Индейца!» — кончались словами: «Корабль отправляется точно в семь!» А на

плакате возле пристани стояло: «Корабль отправляется точно в назначенное время!»

И вот, когда настал урочный час, раздался долгий и громкий гудок, за ним, в семь пятнадцать, последовали три коротких повелительных призыва, потом, в семь тридцать, один быстрый сердитый окрик (единственный и распоследний!), вскоре после этого были наконец отданы швартовы, и «Краса Марипосы», увешанная флагами, заскользила прочь, а оркестр кавалеров ложи Пифея, тщательно отбивая такт, грянул «Славься, Лист Кленовый!»

Я согласен — все экскурсии вначале похожи одна на другую. Разумеется, на «Красе Марипосы» каждый пробежался по всему кораблю, волоча палубные кресла, походные табуретки и корзины, каждый нашел место, великолепнейшее место, где присесть, а потом испугался, что есть места и получше, и вновь снялся на поиски. Кое-кто охотился за местами в тени, а заполучив их, стал клясться, что не собирается мерзнуть ради чужого удовольствия; кто-то, сидя на солнышке, твердил, что пятьдесят центов плачено не за то, чтобы жариться. Другие говорили о том же расходе не за то, чтобы глотать сажу, а были еще и третьи — платившие пятьдесят центов не за то, чтобы их до смерти затрясло на корме над винтом.

Но в конце концов все угомонились. На взгляд народ распределился по кораблю куда кому надлежит. Дамы постарше под действием собственного веса осели в салоне, собрались вокруг стола с вязаньем в руках, попросили закрыть окна, и вскоре, по их словам, там стало как дома.

Юнцы, отпетое хулиганье, и оркестранты скопились на полубаке, в самой грязище, между якорем и бухтами тросов.

Полуют освоили Лилиан Дроун, мисс Лоусон из школы для подростков, захватившая с собой томик немецкой поэзии (по-моему, это был Иоганг Вольфганн Готти), кассир из банка и молодые люди посолидней.

Посреди корабля, опираясь на поручень, стояли декан Дроун и доктор Галлахер и в бинокль рассматривали берег.

На крохотном спардеке умостился кружок пожилых мужчин: Маллинс, Дафф, мистер Смит на палубном кресле, а за спиной у него, на походной табуреточке, мистер Голгофа Гингэм, городской гробовщик. Участвовать в подобных вылазках мистер Гингэм почитал за одно из своих непременных правил и даже, в определенной мере, за

деловое занятие: ведь на воде во время таких гуляний всякое случается Вы как хотите, а он здесь — в чистеньком черном костюме, разумеется не в своем деловом, а в слегка облегающем, чуть пепельном, облачась в который можно прекрасно сочетать веселье и приличия.

— Да,— сказал мистер Гингэм и, помахивая черной перчаткой, неопределенно указал на окрестные берега: — Да, уж я-то озеро знаю прекрасно. В свое время я тут каждый уголок обшарил.

— На каноэ? — спросил кто-то.

— Нет,— ответил мистер Гингэм,— не на каноэ.

И в голосе его прозвучало что-то особенное, что-то покойное.

— Да нет, под парусом,— предположил кто-то.

— Нет,— сказал мистер Гингэм.— Я в этом не понимаю.

— Вот уж не думал, Гол, что вы когда-нибудь залезали в воду! — вмешался мистер Смит.

— Давно это было,— объяснил мистер Гингэм.— В первое лето, как я приехал в Марипосу. Поверите ли, целыми днями в воде. Бесподобнейший способ нагнать аппетит и ни капельки не растолстеть.

— Обошли все озеро по берегу? — спросил мистер Смит.

— Да,— кивнул мистер Гингэм.— Буквально все озеро, и при этом целыми днями плескались в воде. Искали одного клиента, который приехал сюда в отпуск из столицы поплавать на каноэ и пропал без вести. Мы дно прочесывали. Бывало, под вечер разобьем палатки, на рассвете костер разожжем, завтрак приготовим, раскурим по трубочке, а потом за сети — и в воду на целый день. Чудесная была жизнь,—мечтательно вздохнул мистер Гингэм.

— И нашли? — спросили разом двое или трое.

Мистер Гингэм помолчал и ответил:

— Да-а. Там, в камышах, у Подкова-мыса. Но все без толку. Он уж посинел весь, так что на приличные похороны и рассчитывать не приходилось.

После этих слов мистер Гингэм впал в такие глубокие грезы, что корабль добрых полмили проплыл по озеру, прежде чем кто-то решился прервать молчание. Такие рассказы (по чести говоря, трудно сыскать для целодневных водных прогулок более подходящую тему!) весьма помогают скоротать время в пути.

«Краса Марипосы», пыхтя, одолевала милю за милей по тихим водам озера. Вот она миновала Тополь-мыс с его высоким песчаным обрывом, в котором гнездятся ласточки, и декан Дроун поочередно с доктором Галлахером осмотрели обрыв в бинокль, дивясь, как четко видны ласточки, берег и кустики — ну, как будто смотришь на них невооруженным глазом!

Чуть позже мимо проплыли Галечки, и доктор Галлахер, знаток истории Канады, сказал декану Дроуну, что испытывает необыкновенное чувство при мысли, что вот именно здесь триста лет тому назад высадился сам Шамплейн [1] со своей французской экспедицией; а декан Дроун, полный невежда в истории Канады, ответил, что еще более необыкновенное чувство испытывает при мысли, что куда как задолго до Шамплейна рука Всевышнего нагромоздила здесь все эти горы и скалы; в ответ на это доктор заметил, что просто удивительно, как это французам удалось проложить путь через эту первозданную глухомань; не менее удивительно, ответствовал декан, как это Всевышний отыскал надлежащее место для каждого кустика. Доктор Галлахер не скрыл своего восторга. Его преподобие не скрыл своего благоговения. Доктор Галлахер сказал, что это чувство он испытывает с детских лет, а декан Дроун ответил, что он — чуть ли не с младенческих.

Чуть позже, когда «Краса Марипосы» пропыхтела по озеру мимо Индейского волока, где стоит огромный серый утес, доктор обратил внимание декана на узкую протоку — каноэ едва-едва пройдет! — уходящую от берега в лес, а декан ответил, что прекрасно видит эту протоку без всякого бинокля.

Доктор Галлахер сказал, что именно здесь французская экспедиция, все пятьсот человек со своей поклажей и снаряжением, начала путь через водораздел к Большому заливу. Декан ответил, что это напомнило ему о Ксенофонте [2], который вел греков через горные перевалы из Армении к морю, причем их было там десять тысяч. Доктор Галлахер не скрыл, что часто испытывает желание повидать Шамплейна и порасспросить его, а декан

---

[1] Самюэль де Шамплейн (1567—1635) — исследователь Канады, основатель города Квебек (1608) и первый губернатор колонии Новая Франция. С 1603 по 1617 г. предпринимал исследовательские экспедиции в бассейне реки Святого Лаврентия.

[2] Ксенофонт (430—355 до н. э.) — греческий воин-наемник, впоследствии писатель и историк.

Дроун поделился тем, что очень и очень сожалеет, что не был знаком с Ксенофонтом.

Разговор у них перебросился на увековечение памяти о прошлом, и доктор сказал, что, если декан Дроун как-нибудь вечерком заглянет к нему, он, доктор, покажет гостю несколько наконечников индейских стрел, которые выкопал у себя в саду. Декан ответил, что, если доктор Галлахер как-нибудь после обеда зайдет к нему домой, он, декан, покажет гостю карту Ксерксова похода на Грецию. Только пусть доктор выберет время в промежутке между уроками, которые декан дает дошкольникам, и занятиями кружка «Помогаю маме».

Убедившись, что они оба теперь на приличный срок застрахованы от взаимных визитов, декан и доктор расстались, и доктор, проследовав на спардек, стал рассказывать мистеру Смиту (уж Смит-то, слава богу, насчет греков не учен) о том, как Шамплейн одолевал скалистый водораздел.

Мистер Смит на долю секунды оборотил взгляд на водораздел и ответил, что ему довелось одолевать и худший — к северу с той стороны Уанипити, там не мошка́, а какой-то Аид! [1] — а засим продолжил резню в покер «на вышибон» с двумя младшими конторщиками из банка Даффа.

И доктор Галлахер восчувствовал наконец, чем кончаются просветительские беседы: ни тебе благодарности, ни признания, так что лучше бы вовсе книг не читать, обходиться без трудов и не пускаться в путешествия.

По правде говоря, именно в этот миг ему в голову пришла мысль преподнести наконечники стрел в дар Марипосскому институту инженеров-механиков, основать, так сказать, «коллекцию Галлахера», как оно впоследствии и произошло. Но в тот момент от одной мысли о наконечниках ему стало так тошно, что он побрел по пароходу, куда глаза глядят, посмотрел, как Генри Маллинс учит Джорджа Даффа готовить «Джона Коллинса» [2] без лимонов, уселся на полубаке среди музыкантов и пожелал оказаться дома, никуда не уехавшим.

---

[1] Аид — в древнегреческой мифологии брат Зевса, владыка подземного царства; так греки называли и само это царство, полное ужасов.

[2] «Джон Коллинс» — напиток; подслащенная и охлажденная смесь джина, содовой воды и лимонного сока.

А корабль все пыхтел и пыхтел, солнце поднималось все выше и выше, свежесть утра превратилась в сверкающий жар полудня, и все ближе было до места, где озеро сужается и стоит остров Индейца, луговой и лесистый, с длинным дощатым причалом, выбегающим на плес. За островом озеро кончается и начинает свой путь Нижняя Оссауиппи, чуть дальше на ней пенятся пороги, на берегу за деревьями краснеет кирпичное здание электростанции, и до острова доходит дальний рев стремнины.

Сам остров по берегам зарос лесом и оплетен диким виноградом, а вода вокруг него так зеркально тиха, что в ней словно живет обращенный вверх ногами двойник острова. Подходя к причалу, пароход дал гудок, и от деревьев на острове, а потом и от озерных берегов докатилось гулкое эхо.

Вокруг был такой мир, такой нерушимый покой, что мисс Клегорн (хворого вида барышня с телефонной станции; кажется, я о ней уже упоминал) попросила похоронить ее именно здесь. Но все уже занялись сбором вещей и корзинок, и ни у кого не было времени прислушаться к этим словам.

Я даже не покушаюсь описывать, как корабль подвалил бортом к пристани, как все разом навалились на эту сторону и Кристи Джонсон потребовал, чтобы народ перешел на штирборт, а никто не знал, где это и как туда попасть. У каждого, кто бывал в Марипосе и участвовал в подобных поездках, это зрелище и так перед глазами.

Не в состоянии я описать саму дневку и пикник в тени деревьев. А что касательно речей после пикника и нарушения приличий со стороны судьи Пепперли, задевшего в своем выступлении руководство консервативной партии, то некто по имени Патриотус Канадиенсис написал письмо в марипосскую «Таймс-Геральд», попросил уделить ему местечко на ее бесценных страницах и подробнейшим образом изложил там слова судьи.

Безусловно, следует упомянуть о том, что на лугу в открытой части острова состоялись состязания по бегу, причем участники делились главным образом по возрастам: были особые забеги для мальчиков до тринадцати лет, для девушек старше девятнадцати и тому подобное. В спортивной жизни Марипосы возрастной принцип соблюдается неукоснительно. Всем ясно, что шестидесятилетнюю даму и малое дитя в спорте равнять не положено.

Распоряжаться на состязаниях, устанавливать, кому с кем бежать, и вручать награды пришлось его преподобию, декану; ему помогал пастор-методист: он вместе с молодым богословом, состоящим у пресвитериан, держал финишную ленточку.

Духовному сословию выпало трудиться потому, что все остальные мужчины разбрелись кто куда и в конце концов оказались в роще, где из двух бочонков, положенных на сосновые чурки, рекой лилось светлое пиво.

Если вы когда-нибудь бывали в Марипосе и участвовали в подобном гулянье, вам все эти подробности известны и без меня.

Так прошел день, и наконец солнце за деревьями склонилось к закату, над пароходной трубой взвился плотный клубок белого пара, взревел гудок, народ беспорядочно потянулся на пристань, и вскоре «Краса Марипосы» выплыла на озерный простор и направилась к городу.

Полагаю, вы не раз замечали, как разительно не похожи те, кто возвращается с гулянья, на тех, кто поутру на него собирался.

Утром всем не сидится на месте, все носятся по кораблю, все оживлены и у всех есть вопросы. А на обратном пути, по мере того как день клонится к закату и солнце близится к вершинам дальних гор, народ умиротворенно стихает и делается каким-то сонным.

Так было и на борту «Красы Марипосы». Общество сидело по скамьям, по палубным креслам, сбившись в небольшие кучки, прислушиваясь к монотонному шуму машины и чуть ли не подремывая. А когда солнце село и стало смеркаться, на полутемных палубах сделалось так тихо, что не вдруг скажешь, есть ли тут хоть одна живая душа.

Если взглянуть с берега или с какого-нибудь островка, то под разносящийся на целые мили вокруг глухой стук машины виден только ровный ряд огней из окон салона, отсвечивающий на воде, да алые блики пламени из топки, играющие на дыме над пароходной трубой.

И еще порой с парохода доносится пение: девичьи и мужские голоса, слитые в унисон отдалением, то тише, то громче тянут мелодию: «О Ка-наа-да, о Ка-наа-да!»

Можно сколько угодно толковать о том, как напевно звучат хоралы под сводами милых вам европейских собо-

ров, но звуки песни «О Ка-наа-да», плывущие по вечерам над тихим озером, упоительны для слуха тех из нас, кто бывал в Марипосе.

По-моему, именно в тот самый момент, когда на пароходе затянули наш гимн «О Ка-наа-да», по всем уголкам пронесся слух, что корабль тонет.

Такие вести передаются каким-то таинственным образом. Если вам когда-нибудь доведется угодить в морскую катастрофу, займитесь, пожалуйста, сами разрешением этой удивительной психологической загадки: как получается, что происходящее мгновенно становится известным всем и каждому, хотя об этом никто никому не обронил ни слова.

Как бы то ни было, на «Красе Марипосы» были те, что первыми обронили слово, и те, что первыми его услышали. Насколько мне известно, все началось с того, что директор банка Джордж Дафф преспокойным образом подошел к доктору Галлахеру и спросил, а не кажется ли доктору, что корабль тонет. Доктор ответил, что нет, не кажется; раньше, днем, казалось, а вот сейчас — не кажется.

Но Дафф остался при своем мнении и предложил мысль, что корабль тонет, адвокату Макартни; Макартни ответил, что весьма сомневается в этом.

Потом кто-то подошел к судье Пепперли, разбудил его и сказал, что в трюмах уже на шесть дюймов воды и что пароход тонет. Пепперли ответил, что это совершеннейший скандал, и сообщил новость своей жене, а та объявила, что она категорически против и что, если только судно утонет, они больше на него ни ногой!

Так новость разошлась по всему кораблю, и повсюду появились кучки людей, обсуждавших ее в сердитых и возбужденных выражениях, подходящих к случаям, когда пароходы тонут на озерах, подобных озеру Уиссанотти.

Конечно, декан Дроун и кое-кто еще держались поспокойнее остальных и говорили, что должно проявлять смирение и все происходящее не следует понимать слишком однозначно. Но большинство не прислушивалось к голосу разума. Думается, что кое-кто даже испугался. Видите ли, совсем недавно в тех местах с одним пароходом случилось то же самое, там, кажется, один пассажир даже погиб, и по этому случаю у всех разыгрались нервы.

Вы о чем? О том, что я не пояснил, насколько велики глубины на озере Уиссанотти? Но я был убежден, что вам-то это известно: вообще говоря, кое-где там есть приличные омуты, хотя не думаю, что в этой части озера, от больших камышей до мест, что за милю до пристани, вы сумеете нащупать хоть бы футов шесть. Ну вас совсем! Речь же не о пароходе, тонущем в океане и увлекающем в мрачные зеленые бездны кричащую толпу. Господи ты боже мой! Такого на озере Уиссанотти не бывало и быть не может.

Но зато вполне может быть, что «Краса Марипосы», оседая в воду, где-нибудь зацепится за дно, застрянет и будет торчать на мели, пока ее не приведут в плавучее состояние.

На озерах вокруг Марипосы это в порядке вещей, и если кто-то опаздывает, а потом оправдывается тем, что пароход по дороге потонул, всем все понятно без лишних слов.

Видите ли, когда Харленд и Уолф строили «Красу Марипосы», кое-где в обшивке они предусмотрели щели, которые каждое воскресенье надо конопатить всяким тряпьем. Если этого не соблюдать, корабль непременно потонет. В провинции даже принят закон о том, что швы пароходов, подобных «Красе Марипосы», должны закупориваться (по-моему, там сказано именно так!) в начале каждого сезона. И имеются инспекторы, которые сидят во всех гостиницах провинции, надзирая, чтобы этот закон неукоснительно исполнялся.

Ну вот, теперь, после этих более доскональных объяснений, вы можете себе представить искреннее возмущение граждан, узнавших, что швы корабля начали раскупориваться и что они посреди ночи могут застрять на любом мелководье, на любой куче грязи.

Ни в коем случае не хочу сказать, что не было никакой опасности; что ни говори, а вряд ли вы чувствовали бы себя в безопасности, зная, что ваш корабль с каждой пройденной сотней ярдов оседает все глубже, а вокруг, куда ни кинь взгляд, только вода чернеет в сгустившейся тьме.

В безопасности! Не взялся бы утверждать, что тонуть на озере удобней, чем в Атлантическом океане. В Атлантике имеется, по крайней мере, беспроволочный телеграф и к вашим услугам обученные матросы и стюарды. А на просторах озера Уиссанотти — на бескрайних просторах, ибо милые городские огни еле видны вдали

на юге,— когда машина останавливается, когда выгребают жар из топки, чтобы котел не взорвался, и угли с шипением валятся в воду, когда, чуть отвернись от багрового сияния, бьющего из открытых дверец топки, видишь мрак, сгустившийся над озером, и слышишь, как ночной ветер гуляет в камышах, когда мимо вас бегут на спардек и запускают там ракеты, чтобы поднять тревогу в городе,— при всем том чувствовать себя в безопасности? Чувствуйте, если вам угодно! А я мечтал бы об одном: только бы добраться до Марипосы, до ночной тени ее кленов, и чтоб мне впредь ни разу в жизни не выбираться на озеро Уиссанотти!

В безопасности! Тоже скажете! Вас не удивляло, насколько безопасными кажутся чужие приключения, особенно после того, как они благополучно кончаются? А попади вы сами туда в ту минуту, когда корабль погружается, погляди вы, как женщин переводят на верхнюю палубу,— вы ой еще как перепугались бы!

Не представляю, как это можно спокойно относиться к подобным вещам; как это мистер Смит, к примеру, способен покуривать и рассказывать про случай, когда тонул «с пароходом» на озере Ниписсинг, и про другой случай, когда тонул на озере Абитиби с другим пароходом, но побольше, колесным.

Но вот пароход содрогнулся и начал оседать. Чувствуете, как он проваливается, проваливается, а дна все нет и нет? Вода с шумом заливает нижнюю палубу, но тут, благодарение небу, погружение прекращается, и «Краса Марипосы» в целости-сохранности прикладывается на мель, поросшую камышом.

Ну положительно смех да и только! Вид и вправду чудной, и вдобавок, если человек обладает хоть крупицей природной храбрости, опасность его только веселит. Опасность? Ну вас совсем! Ерунда! Все с презрением отвергают саму мысль об опасности. Да ведь такие мелкие происшествия только разнообразят день, проведенный на воде.

Полуминуты не прошло, как все забегали в поисках сандвичей, сыпля шуточками и поговаривая, а не заварить ли кофейку на остатках жара в топке.

Нет нужды подробно рассказывать о том, что происходило после.

По-моему, весь народ так и проторчал бы на борту «Красы Марипосы» всю ночь или до поры, когда явилась

бы подмога, но несколько мужчин, пробравшись на полубак, долго вглядывались во тьму, а потом объявили, что тут меньше мили до Миллер-мыса. Его же впрямь видно вон там слева, или, как кто-то, кажется, выразился, «на траверзе с бакборта», потому что, знаете ли, когда угодишь в кораблекрушение, то скоренько наглатываешься некой профессиональной атмосферы события.

Тут же шлюпбалки развернули к борту, и начался спуск на воду спасательной шлюпки.

Нашлись смельчаки, перевесившиеся через борт «Красы Марипосы» с фонарями в руках, так что на воду и камыши пал свет и озарилось место спуска. И шлюпка на воде показалась сверху такой утлой и неуклюжей, что разом раздался крик: «Женщины и дети — вперед!» Ибо что за смысл тискаться в шлюпку полновесному сильному полу, если на вид она и женщин-то с детьми не унесет?

И вот в шлюпку насажали главным образом женщин и детей и оттолкнули ее во тьму такой перегруженной, что она еле держалась на плаву.

На носу шлюпки сидел молодой богослов, состоящий у пресвитериан; он и здесь восклицал, что должно вверить себя Провидению. Но сам держался, полуприсев, готовый в любую минуту сигануть как можно дальше.

Шлюпка отвалила и вскоре скрылась во мраке, лишь виднелся фонарь, приплясывающий у нее на носу. Но довольно быстро она вернулась, и на нее погрузилась вторая партия, поскольку на палубах стало как-то уныло и все горели нетерпением покинуть корабль.

Примерно в тот самый момент, когда с корабля на шлюпке ушла третья партия, мистер Смит поспорил с Маллинсом на двадцать пять долларов, что окажется дома в Марипосе раньше тех, кто уже добрался в шлюпке до берега и сейчас идет в город пешком вокруг озера.

Никто не знал, что у Смита на уме, но вскоре он на глазах у всех исчез где-то в нижней части парохода с кияночкой в одной руке и с увесистым мотком пенькового линька в другой.

Явно затевалось что-то интересное, но именно в это время с озера раздались крики: это подходил спасательный бот, большой бот «Макайноу», который о четырнадцати веслах вышел из города, как только там увидели, что с парохода запускают сигнальные ракеты.

По-моему, спасанию на морях — или вообще на водах — неизменно присуще нечто поучительно-героическое.

Что ни говори, отвага команды бота была отвагой истинной, ибо пылала ради спасения жизней, а не ради их истребления.

Наверняка потом месяцами ходила молва о походе марипосского спасательного бота.

Но видимо, когда бот коснулся воды, это произошло с ним впервые с тех давних времен, когда старик Макдоналд и его правительство учредили спасательную службу на озере Уиссанотти.

Так это было или не так, но вода лила в бот ручьями изо всех щелей. Однако течь ни на миг не остановила гребцов — даже при том, что между ними и пароходом было мили две пути по воде.

Ко времени, когда они проделали половину пути, бот нахлебался по самые скамейки, но гребцы рвались вперед. Запыхавшиеся, обессилевшие (ибо само собой понятно, что, если вы годами не подходили к этому дурацкому боту, грести на нем крайне утомительно), гребцы стойко исполняли свой долг. Они выбросили за борт весь балласт, выкинули тяжелые пробковые жилеты и спасательные пояса, только мешавшие грести. Никому и в голову не пришла мысль вернуться. Ведь до парохода было теперь ближе, чем до берега.

— Держи к нам, ребята! — кричала им толпа с палубы парохода, и они держали.

Из последних сил подгребли они к пароходу; сверху, с борта, им спустили веревки и одного за другим подняли на «Красу» именно в ту минуту, когда бот утонул у них под ногами.

Спасены! Клянусь небом, они были спасены в результате самой энергичной спасательной акции изо всех, какие только случались на озере.

Описания бесполезны: чтобы понять, как было дело, надо самому повидать акцию такого рода с участием спасательного бота.

Но в эту памятную ночь отличилась не только команда бота.

Лодка за лодкой, каноэ за каноэ устремлялись из Марипосы на помощь пароходу. Все их экипажи были подняты на борт.

Папкин, тот второй кассир из банка, лицом похожий на лошадь, который не поехал на гулянье,— как только

услышал, что корабль молит о помощи, как только понял, что ракеты летят в небо оттуда, где находится мисс Лоусон, тут же ринулся в весельную лодку, схватил одно весло (второе ему только помешало бы) и, как безумный, вступил в битву с водной стихией. В темноте он с маху врезался в какой-то идиотский ялик и чуть не утонул. Но и его подняли. Ему пришли на выручку. Его заметили и, полумертвого от усталости, подтянули к пароходу и втащили на борт на веревках. Он был спасен. Спасен!

Вылавливание спасателей могло бы затянуться на целых полночи, как вдруг в тот самый миг, когда с парохода на берег отбыла десятая партия, «Краса Марипосы» самым неожиданным и, если хотите, дерзким образом оторвалась от вязкого дна и всплыла.

Всплыла?

Ну конечно, всплыла! Снимите с осевшего на мель парохода сто пятьдесят душ народу, имейте на борту такого умельца, как мистер Смит, законопативший обшивку с помощью кияночки и пенькового линька, приставьте к ручной помпе на полубаке десяток молодцов из марипосского оркестра — и пароход всплывет. Что ему еще останется делать?

Затем, если класть и класть еловые поленья на остатки жара в топке, вами же недогребенные, и делать это до тех пор, пока под котлом не загудит и не затрещит, то скоро послышится стук машины, корма затрясется, и вот — раздастся рев пароходного гудка, и эхо понесется к городу.

А следом к городу направится и сама «Краса Марипосы», опять на всех парах и с длинным султаном искр, клубящихся над трубой.

Но у штурвала на этот раз будет не Кристи Джонсон.

— Смита! Смита в рубку! — раздастся всеобщий клич.

А возьмется ли Смит? Что за вопрос! Спросите у человека, который тонул «с пароходами» посреди доброй половины озер от Тимискаминга до Гудзонова залива, возьмется ли он вести корабль! Спросите у человека, который вел баржу из Йорка вниз по порогам Муза в ледоход, способен ли он удержать штурвальное колесо «Красы Марипосы»! И «Краса», целехонька, мигом окажется возле городской пристани.

Гляньте на толпу, гляньте на огни! Разве что федеральный налоговый инспектор возьмется высчитать, сколько там народу! Вслушайтесь, как звонко перекликаются между собой причал и полубак! На берегу грохочут готовые в дело швартовы, на верхней палубе становится в кружок марипосский оркестр; и в тот самый миг, когда «Краса» пристает, дирижер взмахивает палочкой — три, четыре, и-и, начали:

«О КА-НАА-ДА!»

СОВЕТЫ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ

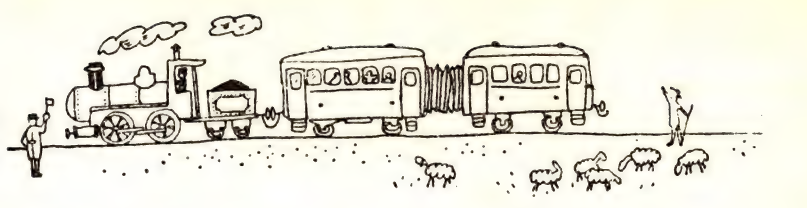
Предлагаемые читателю советы и наблюдения взяты из блокнота, в котором я делал записи во время недавнего путешествия через весь наш континент. У меня нет намерения протестовать против существующих порядков на железных дорогах; просто я надеюсь, что мои советы принесут пользу людям, пускающимся в путь, подобно мне, в состоянии кроткого и безропотного неведения.

1. С непривычки заснуть в пульмановском вагоне не так уж просто. Следует позаботиться, чтобы подавить в себе чувство тревоги. Частые свистки паровоза в ночи могут вызвать у пассажиров острое беспокойство. Поэтому перед тем, как сесть в поезд, постарайтесь выяснить значение различных сигналов. Так, один свисток означает «станция», два — «разъезд» и так далее. Пять свистков, коротких и отрывистых, означают внезапную опасность. Услышав посреди ночи подобный сигнал, немедленно присядьте на койке и сосчитайте свистки еще раз. Если их окажется пять, натяните брюки поверх пижамы и немедленно покиньте поезд.

Порекомендую еще одну предосторожность на случай катастрофы. Если спать ногами к паровозу, то в случае аварии пострадают ноги, а если наоборот — то голова. В данном случае выбор за вами. Принимая решение, как улечься на койке, постарайтесь проявить максимальную непредвзятость. Если вам все равно, что подставить под удар, ложитесь наискосок, так, чтобы голова ваша свешивалась в проход.

2. Некоторые мои заметки посвящены тому, как лучше пересаживаться на другой поезд. Среди путешественников, принадлежащих к моему классу, наиболее популярен следующий метод.

Представьте себе, что, когда вы выезжали из Нью-Йорка, вам сказали, что в Канзас-Сити надо будет сде-

лать пересадку. Вечером перед прибытием в этот город остановите в проходе проводника (проще всего выставить ногу и дать ему подножку), после чего вежливо спросите его:

— Надо ли мне делать пересадку в Канзас-Сити?

— Надо,— ответит он.

Отлично. Не верьте ему.

Перед ужином подойдите в вагоне-ресторане к любому работающему там негру и задайте вопрос: не кажется ли ему, что вам надо сделать пересадку в Канзас-Сити? Со стороны это должно выглядеть так, как будто вы беседуете на сугубо личную тему. Однако не ограничивайтесь этим. Совершая вечерний моцион по вагонам, время от времени спрашивайте пассажиров как будто невзначай:

— Подскажите, пожалуйста, делать ли мне пересадку в Канзас-Сити?

С тем же вопросом обратитесь к проводнику еще несколько раз. Такая интенсивность вашего с ним общения неизбежно приведет к установлению между вами тесных дружеских отношений. Перед сном дождитесь, пока он пройдет мимо, и спросите его из-под одеяла:

— Между прочим, вы, кажется, говорили, что мне надо сделать пересадку в Канзас-Сити, не так ли?

Если он не остановится, поймайте его за шею крючкообразной рукояткой вашей трости и мягко, но настойчиво затащите в купе.

Утром, когда поезд остановится и проводник объявит: — Канзас-Сити! Все, кому делать пересадку, на выход! — подойдите к нему снова и как ни в чем не бывало спросите:

— Это случайно не Канзас-Сити?

Не успокаивайтесь даже после того, как он вам ответит. Не поленитесь пройти в другой конец вагона и спросить у тормозного кондуктора:

— Скажите, сэр, не Канзас-Сити ли это?

Но даже если он ответит утвердительно, опять-таки не успокаивайтесь. Помните, что проводник и тормозной кондуктор могли сговориться обмануть вас. Поэтому оглядитесь вокруг, нет ли где-нибудь надписи с названием станции. Обнаружив такую надпись, сойдите на перрон и задайте свой вопрос первому же попавшемуся навстречу человеку.

Если тот ответит: «Да что у вас, глаза повылазили? Вон, смотрите, метровыми буквами написано!» — тогда все в порядке. Услышав подобные речи, можете не сомневаться — вы прибыли в штат Канзас, и город этот — Канзас-Сити.

3. Я обратил внимание, что у проводников теперь принято прикреплять к шляпам пассажиров бумажки. Полагаю, они просто хотят отметить тех, кто им больше нравится. Средство весьма действенное и придающее вагону необычайную живописность. Однако подмечаю с тревогой: система чревата большими неприятностями для проводников. Необходимость подложить под ноги двух-трех пассажиров, чтобы добраться до верха чьей-нибудь шелковой шляпки, не может не ранить душу проводника с утонченными чувствами. Проще будет, если он обзаведется небольшим молотком и кульком кровельных гвоздей, что даст ему возможность пригвоздить оплативших свой проезд пассажиров к спинкам их сидений, а потом ловить остальных. Еще лучше, если у проводника будут под рукой кисть и набор разноцветных красок. Тогда он сможет пометить пассажиров так, что их потом уже не перепутаешь. Если некоторые пассажиры окажутся лысыми [1], их можно вежливо попросить снять шляпы, после чего нарисовать на темени каждого красный крест. Это будет означать, что за ними нужен глаз да глаз. Богатая палитра красок позволит проводнику проводить самые тонкие различия между пассажирами. Если у него окажется дар колориста, он сможет добиваться поразительных цветовых эффектов, группируя пассажиров по своему усмотрению. Кстати, это поможет ему занять свое свободное время.

4. Путешествуя по Западному побережью, я обнаружил, что нерегулярность железнодорожных аварий стала поводом для многочисленных жалоб. Обладателей введенных на западных железнодорожных линиях специ-

---

[1] Игра слов. «Bald-headed» по-английски — не только «лысый», но и «отчаянный».— *Прим. перев.*

альных билетов со страховым полисом на случай катастрофы слишком часто постигает разочарование, что вызывает у них бурные протесты. Конечно, условия путешествий в тех краях быстро меняются к лучшему, и теперь уже нельзя ожидать, что вы почти наверняка попадете в аварию. Это заставляет меня глубоко сожалеть если даже и не о самом прекращении аварий, то хотя бы о том, что билеты эти потеряли свою былую ценность.

ТЕСТ

Джон Смит уже некоторое время отбывал воинскую повинность, но не проявлял при этом ни сообразительности, ни инициативы. Сначала его направили в пехоту, но оказалось, что для этого рода войск он слишком туп. Попробовали конницу, но там он зарекомендовал себя еще хуже. Однако, поскольку Смит был парень крепкий, здоровый, уволить его вообще из армии не могли. Оставалось одно — перевести его в другое подразделение.

И вот Джон Смит отрапортовал о своем прибытии новому начальнику.

— Ну вот что, Джон,— сказал тот,— главное в воинской службе — это всегда проявлять смекалку и предприимчивость. Другими словами — интеллект. Понял?

— Так точно, сэр.

— Теперь слушай меня внимательно: я тебе устрою испытание, задам тест. Как ты думаешь, есть у тебя интеллект?

— Кто ж его знает! — протянул, переступая с ноги на ногу, Джон.

— Сейчас увидим. Скажи мне, что это такое: имеет две подошвы, два каблука и двадцать четыре дырки для шнурков.

Джон Смит напряженно думал. Около трех минут. На лбу у него выступили мелкие капли холодного пота.

— Не могу знать, сэр,— наконец произнес он.

— Вот чудак,— усмехнулся офицер.— Это же одна пара ботинок! Но продолжим. Скажи, что такое: имеет четыре подошвы, четыре каблука и сорок восемь дырок для шнурков.

Спустя пять минут взмокший от напряжения Джон повторил:

— Не могу знать, сэр...

— М-мда-а... Это же две пары ботинок! Ну, попробуем последний вопрос. Что имеет шесть ног, два рога, в мае летает и жужжит? Если не ответишь, я уж и не знаю, что с тобой делать.

Недолго думая, Джон Смит выпалил:

— Так это ж три пары ботинок, сэр!..

ОНИ ВЫБИЛИСЬ В ЛЮДИ

Оба они были, что называется, удачливые дельцы — люди с круглыми, лоснящимися физиономиями, с кольцами на жирных, похожих на сосиски пальцах, с необъятными животами, выпиравшими из широких жилетов. Они сидели сейчас друг против друга за столиком в первоклассном ресторане и мирно беседовали в ожидании официанта, которому собирались заказать обед. Разговор зашел о далеких днях молодости и о том, каким образом каждый из них начинал жизнь, впервые очутившись в Нью-Йорке.

— Знаете, Джонс,— сказал один из них,— мне никогда не забыть первых нескольких лет, которые я провел в этом городе. Да, черт возьми, это было нелегко! Известно ли вам, сэр, что, когда я впервые попал сюда, весь мой капитал равнялся пятидесяти центам, все имущество состояло из того тряпья, что было на мне, а ночевать мне приходилось — хотите — верьте, хотите — нет — в порожнем бочонке из-под дегтя. Нет, сэр,— продолжал он, откидываясь на спинку кресла и щуря глаза с выражением человека, видавшего виды,— нет, сэр, такой субъект, как вы, избалованный роскошью и легкой жизнью, не имеет ни малейшего представления о том, что значит ночевать в бочонке из-под дегтя, да и о других вещах такого рода.

— Милейший Робинсон,— с живостью возразил его собеседник,— если вы воображаете, что мне не пришлось испытать нужду и лишения, то жестоко ошибаетесь. Когда я впервые вошел в этот город, у меня, сэр, не было и цента — ни единого цента, а что касается жилья, то я месяцами ночевал в старом ящике от рояля,

валявшемся за оградой какой-то фабрики. И вы еще говорите мне о нужде и лишениях! Возьмите мальчишку, который привык к хорошему теплому бочонку из-под дегтя, посадите его на ночку-другую в ящик от рояля, и тогда...

— Знаете, дружище,— с легким раздражением перебил его Робинсон,— теперь мне ясно, что вы ничего не смыслите в бочонках. Да пока вы лежали, уютненько развалившись в своем ящике от рояля, я в зимние ночи трясся на сквозняке в своем бочонке — ведь в нем, как и во всяком бочонке, естественно, имелась дыра для затычки на самом дне.

— На сквозняке! — вызывающе хмыкнул Джонс.— На сквозняке! Да не говорите мне, пожалуйста, о сквозняках. В том ящике, о котором рассказываю я, была оторвана целая доска — да еще с северной стороны. Бывало, сижу я там по вечерам и зубрю уроки, а снег так и валит прямо на меня. Толщина слоя доходила до фута... И все-таки сэр,— продолжал он более спокойным голосом,— хоть вы, я знаю, и не поверите мне, но самые счастливые дни моей жизни протекли именно в этом старом ящике. Ах, что это было за славное времечко! Светлые, чистые, невинные дни! Бывало, проснешься утром и просто захохочешь от радости. Вот вы, уж конечно, не вынесли бы такого образа жизни.

— Это я-то не вынес бы! — с яростью вскричал Робинсон.— Это я-то, черт побери! Да я просто создан для такой жизни! Я и сейчас мечтаю хоть немного пожить так. Что же касается душевной чистоты, то держу пари, что у вас не было и десятой доли той чистоты, какая была у меня. Да что я говорю — десятой? Пятнадцатой, тридцатой! Вот это была жизнь! Разумеется, вы мне не поверите и скажете, что все это ложь, а между тем я отлично помню вечера, когда у меня в бочонке сидели по два, а то и по три приятеля, и мы за полночь дулись в карты при свете огарка.

— По два или по три! — рассмеялся Джонс.— Да знаете ли вы, дорогой мой, что у меня в моем ящике от рояля сиживало по полдюжине ребят? Сначала мы ужинали, потом играли в карты. Вот! А кроме того — в шарады, в фанты и черт его знает во что еще! Ах, что это были за ужины! Клянусь Юпитером, Робинсон, вы, горожане, испортившие себе пищеварение всякими изысканными яствами, и представления не имеете, с каким

аппетитом человек может уплетать картофельные очистки, корку засохшего пирога или...

— Ну, если уж говорить о грубой пище,— перебил его Робинсон,— то, полагаю, и я кое-что смыслю в этом деле. Мне не раз случалось завтракать холодной овсяной кашей, которую хозяйка уже собиралась выбросить на помойку, а бывало и так, что я делал вылазку в хлев и выпрашивал немного месива из отрубей — того самого, что предназначалось поросятам. Да уж кому-кому, а мне частенько приходилось уписывать свиное пойло.

— Свиное пойло! — вскричал Джонс, стукнув кулаком по столу.— Да если хотите знать, свиное пойло больше устраивает меня, чем...

Внезапно он замолчал, с легким удивлением глядя на появившегося у стола официанта.

— Что вы желаете заказать к обеду, джентльмены? — спросил тот.

— К обеду? — переспросил Джонс после минутной паузы.— К обеду? О, что-нибудь! Все равно что! Я никогда не замечаю, что я ем. Дайте мне немного холодной овсяной каши, если она у вас имеется, или кусок солонины. Впрочем, подавайте что хотите — мне это совершенно безразлично.

Официант с бесстрастным видом обернулся к Робинсону.

— Принесите и мне холодной овсяной каши,— сказал тот, метнув вызывающий взгляд на Джонса,— если найдется — вчерашней... Немного картофельных очистков и стакан снятого молока.

Наступило молчание. Джонс глубже уселся в кресло и сурово взглянул на Робинсона. Несколько секунд мужчины смотрели друг другу в глаза — вызывающе, неумолимо и напряженно. Затем Робинсон медленно повернулся в кресле и окликнул официанта, который удалялся, повторяя про себя названия заказанных блюд.

— Вот что, милейший,— сказал он, сурово нахмурив брови,— пожалуй, я немного изменю заказ. Вместо холодной овсяной каши я возьму... гм... да, я возьму горячую куропатку. Можете также принести мне парочку устриц и чашку бульона (а-ля тортю, консоме или что-нибудь в этом роде). Кстати, подайте уж и какой-нибудь рыбки, кусочек стилтонского сыра, немного винограду или грецких орехов.

Официант повернулся к Джонсу.

— Пожалуй, я закажу то же самое,— сказал Джонс и добавил: — Не забудьте захватить бутылку шампанского.

И теперь, когда Джонс и Робинсон сходятся вместе, они уже никогда больше не предаются воспоминаниям о бочонке из-под дегтя и о ящике от рояля.

ИСТОРИЯ ПРЕУСПЕВАЮЩЕГО БИЗНЕСМЕНА, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ

Нет, сэр, мне никто не помогал: я сам выбился в люди. В детстве меня не баловали. (Возьмите сигару. Я плачу за них пятьдесят центов за штуку!) Образования я, в сущности, не получил никакого. Я и читать-то толком не умел, когда бросил школу, а писать — грамотно писать по-английски — научился, только когда вошел в дело. Но могу с уверенностью сказать — среди обувщиков никто не напишет делового письма лучше меня. Мне до всего пришлось доходить самому. Правда, дробей я так и не знаю, но, по-моему, они ни к чему. Географию я тоже никогда не учил, а что знаю, вычитал из железнодорожных расписаний. Поверьте мне, больше и не нужно. Сына я послал в Гарвард. Так, видите ли, захотелось его мамаше. Но пока незаметно, чтобы он там чему-нибудь научился — во всяком случае, чему-нибудь полезному для дела. Говорят, в колледже формируют характер и учат хорошим манерам. А по-моему, все это можно приобрести с тем же успехом, занимаясь бизнесом. Ну, как вино? Нравится? Если нет, говорите прямо — я задам головомойку метрдотелю: они достаточно дерут с меня. Это сухое винцо обходится мне по четыре доллара за бутылочку.

Да, так мы говорили о том, с чего я начал. Много пришлось хлебнуть мне в жизни. Когда добрался до Нью-Йорка — мне было тогда шестнадцать,— у меня оставалось всего-навсего восемьдесят центов. Я жил на них почти неделю, пока бродил по городу в поисках работы. Брал тарелку супа и кусок мяса с картошкой — всего на восемь центов, и, поверьте мне, это было намного вкуснее, чем то, что они подают мне в этом чертовом клубе. А тот ресторанчик... Жаль, позабыл, где он находится. Где-то на Шестой авеню.

Помнится, на шестой день я получил работу на обув-

ной фабрике. Меня поставили к машине. Вы небось никогда не бывали на обувной фабрике? Нет, конечно. Откуда же! Так вот, оборудование у нас сложное. Уже тогда, чтобы сделать один башмак, работало тридцать пять машин, а теперь их у нас пятьдесят четыре. Я никогда раньше в глаза не видел ни одной машины, но мастер меня все-таки взял.

— Парень ты, видать, крепкий,— сказал он.— Попробовать можно.

Так я и начал. Я ничего не умел делать, но с первого дня все пошло у меня как по маслу. Сначала мне платили четыре доллара в неделю, а через два месяца уже набавили двадцать пять центов.

Ну вот, проработал я месяца три и пошел к старшему мастеру, начальнику моей мастерской.

— Скажите, мистер Джонс,— говорю,— хотите сэкономить десять долларов в неделю?

— Каким образом? — спрашивает он.

— Проще простого. Я тут понемногу присматривался к тому, что делает мой мастер. Я вполне могу выполнять его работу. Увольте его, а меня поставьте на его место и платите мне половину.

— А справишься? — говорит он.

— Испытайте! — говорю я.— Рассчитайте его и дайте мне показать себя.

— Ну что ж,— говорит он.— Мне нравится такая напористость. Ты, видно, парень с головой.

Так вот, значит, рассчитал он мастера, а на его место поставил меня, и, представьте, я прекрасно справился. Вначале было трудновато, но я работал по двенадцать часов в день, а по ночам читал книжку про обувные машины. Так прошло около года.

Однажды я спустился в контору к управляющему.

— Мистер Томсон,— говорю я,— хотите экономить сто долларов ежемесячно?

— А как? — говорит он.— Присаживайтесь.

— Очень просто,— говорю я.— Вы увольняете Джонса, а меня назначаете на его место старшим мастером. Я выполняю его работу, а заодно и свою, и все это обходится вам на сто долларов дешевле.

Он поднялся и вышел в соседнюю комнату. Я слышал, как он сказал мистеру Ивенсу, одному из директоров фирмы:

— У парня есть голова на плечах.

Потом он вернулся и говорит:

— Хорошо, молодой человек. Мы дадим вам возможность показать себя. Как вам известно, мы всегда рады помочь нашим служащим всем, чем можем. В вас чувствуется хорошая закваска. Такие люди нам нужны.

Словом, на другой день они уволили Джонса и назначили меня старшим мастером. Я легко справился с этой работой. Чем выше, тем легче, если только знаешь дело и имеешь настоящую хватку. На этой должности я оставался целых два года. Я откладывал все свое жалованье, оставляя на жизнь только двадцать пять долларов в месяц, и не тратил зря ни одного цента. Правда, один раз я заплатил двадцать пять центов, чтобы посмотреть, как Ирвинг играет Макбета, а в другой — купил за пятнадцать центов билет на галерку и смотрел оттуда, как пиликают на скрипке. Откровенно говоря, я не верю, что театр приносит какую-то пользу. Пустое это занятие, на мой взгляд.

Спустя некоторое время я отправился в контору мистера Ивенса:

— Мистер Ивенс, я хочу, чтобы вы уволили управляющего Томсона.

— Это еще зачем? Что он натворил? — спрашивает мистер Ивенс.

— Ничего,— говорю я.— Просто кроме своей я могу взять на себя и его работу, и за это вы будете платить мне ровно столько, сколько платили ему, а мое жалованье останется при вас.

— Заманчивое предложение,— говорит он.

Короче, они уволили Томсона, и я занял его место. Вот тогда-то и началась моя карьера. Дело в том, что контроль над производством был теперь в моих руках, и я мог понижать или повышать себестоимость продукции, как мне было выгодно. Вы, надо думать, ничего не понимаете в таких вещах — этому в колледжах не учат,— но даже вы, по всей вероятности, знаете, что такое дивиденды, и вам известно, что управляющий, если, конечно, он человек энергичный, с характером и деловой хваткой, может вертеть себестоимостью как угодно, в особенности за счет накладных расходов. Акционерам же приходится довольствоваться тем, что́ им дают, и еще говорить «спасибо». Они никогда не посмеют уволить управляющего — ведь все нити в его руках. Побоятся развалить дело.

Вы спросите, зачем я ввязался в эту игру. Сейчас

объясню. К тому времени я уже успел сообразить, что мистер Ивенс, который сидел у них главным директором, и все остальные члены правления не очень-то разбираются в делах фирмы: производство разрослось, и они уже не могли охватить его во всех деталях. А в обувной промышленности важна каждая мелочь. Это вам не что-нибудь, а сложное дело. Словом, у меня явилась мысль выжить их из дела, ну если не всех сразу, то, во всяком случае, большинство.

Сказано — сделано. И вот однажды я отправился прямо на дом к старому Гугенбауму, председателю правления. Он ворочал делами не только нашего акционерного общества, но еще многих других, и попасть к нему было почти невозможно. Никого к себе не пускал без доклада. Но я пошел к нему домой поздно вечером и добился приема. Сначала я поговорил с его дочерью и заявил ей, что мне нужно немедленно видеть ее папашу. Я сказал это так решительно, что она не посмела отказать. Если умеешь разговаривать с женщинами, они никогда тебе не откажут.

Короче, я объяснил мистеру Гугенбауму, как можно обделать это дельце.

— Я могу довести дивиденды до нуля,— говорю я,— и ни один черт не подкопается. Вы скупите все акции по сходной цене, а года через два я снова подниму дивиденды до пятнадцати, а может, даже и двадцати процентов.

— Ваши условия? — говорит старый волк, пронизывая меня острым взглядом. Голова у нашего старика была что надо, во всяком случае — в те времена.

Что ж, я сообщил ему свои условия.

— Хорошо,— говорит Гугенбаум.— Действуйте. Только имейте в виду — никаких письменных обязательств.

— Что вы, мистер Гугенбаум! — говорю я.— Мы с вами люди честные, и одного вашего слова для меня вполне достаточно.

Дочка проводила меня до дверей. Она, бедняжка, не знала, хорошо ли сделала, что пустила меня к старику, и очень из-за этого расстроилась. Ну, я постарался ее успокоить. Потом каждый раз, когда мне нужно было поговорить с папашей, я действовал через дочку, и уж она все устраивала.

Удалось ли нам выжить из дела акционеров? А как же! Это не потребовало даже особых усилий. Видите ли, с одной стороны, мой старик сумел вздуть цены

на кожу, а с другой — я спровоцировал рабочих на забастовку. Дивиденды падали, и через год члены правления, перепугавшись, стали выходить из дела, ну а за ними, как всегда бывает, бросилась врассыпную вся мелкая сошка. Старик подобрал то, что они побросали, и половину отдал мне.

Вот так-то я и выбился в люди. Теперь я контролирую всю обувную промышленность в двух штатах. Более того, «Компания по обработке кож» уже в наших руках, так что практически все это составляет один концерн.

Что сталось с папашей Гугенбаумом? Удалось ли мне выжить старика? Нет, знаете ли, я не стал этим заниматься. Мне это было ни к чему. В общем... как вам сказать... я все ходил к нему в дом по всяким делам, ну и так получилось, что я женился на его дочери. Так что вроде мне не было особой необходимости выгонять его. Он теперь живет с нами. Старик совсем сдал и уже не может заниматься делами. Фактически я решаю за него все вопросы. Свое недвижимое имущество он передал моей жене. Она в таких вещах ничего не смыслит. Да к тому же она и вообще робкая — такая уж натура,— так что приходится мне и здесь поспевать. Ну а если со стариком что-нибудь случится, мы, разумеется, наследуем все его состояние. Ему уж недолго осталось... Смотрю я на него — совсем он никуда не годится.

Мой сын? Да, я бы хотел, чтобы он вошел в дело. Но сам-то он не очень этим интересуется. Боюсь, он пошел в мать. А может быть, это влияние колледжа? Мне почему-то кажется, что в колледжах не умеют развивать в молодых людях деловую хватку. А вы как думаете?

СЧАСТЛИВЫ ЛИ БОГАТЫЕ?

Приступая к этому очерку, я прежде всего должен сказать, что материал, которым я располагаю, нельзя считать достаточно полным. За всю свою жизнь я ни разу, да-да, ни разу не встретил по-настоящему богатого человека. Часто мне казалось, что я нашел его. Но, увы, почти тотчас же обнаруживалось, что я ошибся: он не богат. Он беден. Очень беден. Сидит без гроша. Ему позарез нужны деньги. Не знаю ли я, спрашивает он, у кого бы перехватить десять тысяч долларов.

Я неизменно впадал в одну и ту же ошибку. У меня сложилось впечатление, что, если в доме пятнадцать человек прислуги, хозяева его — люди богатые. Я почему-то полагал, что отправиться в лимузине за шляпкой, которая стоит пятьдесят долларов, может только весьма состоятельная женщина. Ничего подобного! При ближайшем рассмотрении оказывалось, что все мои знакомые — люди небогатые и, по их словам, находятся в крайне стесненных обстоятельствах. Нет, кажется, у них это называется «сидеть на мели». Если в опере в ложе бельэтажа появляется разодетая компания, можете быть уверены — все они сидят на мели. А роскошный лимузин, который ждет их у подъезда, ровным счетом ничего не значит.

Не далее как вчера один мой приятель — он имеет десять тысяч долларов в год — признался, тяжко вздыхая, что ему не под силу угнаться за богатыми. При его средствах это абсолютно невозможно. И совершенно то же самое я слышал в одной знакомой мне семье, у которой двадцать тысяч годового дохода. Где им тягаться с богатыми! Они даже и не пытаются. А вот, пожалуйста, свидетельство весьма уважаемого адвоката, которому его практика приносит не менее пятидесяти тысяч долларов в год. Со свойственной ему прямотой и откровен-

ностью он заявил, что не видит никакой возможности равняться с богатыми и предпочитает трезво оценивать свое положение: он беден. И разумеется, он может предложить мне — уж не взыщите! — только самый скромный — так он выразился — обед, за которым, кстати сказать, нам прислуживали трое мужчин и две женщины.

Насколько мне помнится, я не имел счастья беседовать с мистером Карнеги, но ничуть не сомневаюсь, что он, безусловно, считает совершенно для себя невозможным равняться с мистером Рокфеллером. Ну а мистер Рокфеллер, вероятно, тоже думает, что и ему до кого-то не дотянуться.

Однако должны же все-таки где-то быть и богатые люди. Мне нет-нет да и удается напасть на их след. Вот, например, наш швейцар недавно уверял меня, что в Англии у него есть богатый кузен. Кузен этот работает на Юго-Западной железной дороге и получает целых десять фунтов в неделю. Он превосходный работник, и железная дорога просто не может без него обойтись. Потом еще у прачки, которая стирает белье на весь наш дом, есть богатый дядюшка в Виннипеге. Он живет в собственном доме и еще ни разу его не закладывал, а две его дочери учатся в колледже.

Но обо всех этих богатых людях я знаю только понаслышке, а потому не берусь утверждать что-нибудь наверняка.

Говоря о богатых и рассуждая о том, счастливы ли они, я, само собой разумеется, делаю выводы только на основании того, что лично видел и слышал. И вот к какому я пришел заключению: богатые подвергаются тяжким испытаниям и переживают жестокие трагедии, о которых счастливые бедняки не имеют ни малейшего представления.

Прежде всего я обнаружил, что богатые постоянно страдают от денежных затруднений. Курс стерлинга падает на десять пунктов в день, а бедняк преспокойно сидит себе дома. Вы думаете, его это тревожит? Нисколько. Пассивный торговый баланс грозит затопить страну. На кого возлагают обязанность сдерживать натиск? На богатых. Изъятие вкладов из государственного банка достигает ста процентов. А бедняк покупает себе за десять центов билет в кино и хохочет во все горло. Ему-то что?

Между тем богатый человек не знает буквально ни минуты покоя.

Например, в прошлом месяце один молодой человек — некто по фамилии Спагг — превысил в банке кредит на двадцать тысяч долларов. Мы как раз обедали вместе в клубе, и он рассказал мне об этом, прося извинить его за мрачный вид. Конечно, вся эта история была ему неприятна. Кроме того, банк вел себя на редкость бестактно: директор позволил себе обратить внимание мистера Спагга на перерасход! Я, понятно, не мог ему не посочувствовать, потому что сам как раз превысил кредит на двадцать центов, и уж коль скоро банк принялся за своих должников, следующим на очереди вполне мог оказаться и я. Спагг сказал, что, пожалуй, завтра утром придется позвонить секретарю — пусть реализует несколько акций и погасит долг. Подумайте, как это ужасно! Бедняки избавлены от таких крайностей! Бывает, конечно, что им приходится продать кое-что из мебели, но чтобы вот так — взять и отнести на биржу ценные бумаги из собственного письменного стола,— нет, такой трагедии им не доводилось и никогда не доведется испытать.

Мы частенько обсуждали с мистером Спаггом проблему — что же такое богатство. Он из тех, кто сам выбился в люди. Не раз он говорил мне, что состояние, которое он приобрел, лежит на нем тяжким бременем. Спагг уверяет, что чувствовал себя несравненно счастливее, когда был простым, небогатым человеком. Иногда, угощая меня обедом из девяти блюд, он вдруг признается, что кусок вареной свинины с брюквенным пюре ему гораздо больше по душе, чем все эти разносолы. Будь его воля, говорит он, весь его обед состоял бы из пары сосисок с ломтиком поджаренного хлеба. Но что-то — я забыл, что именно,— мешает ему жить так, как хочется. Сколько раз я наблюдал, как мистер Спагг отодвигал от себя полный до краев или уже пустой бокал шампанского. За фермой его отца, вспоминал он, бежал ручеек: растянешься, бывало, на траве, припадешь к воде и пьешь, сколько душе угодно. Никакое шампанское не сравнится с этой живительной влагой! Я посоветовал Спаггу лечь на пол и попить из блюдца содовой. Но он почему-то пренебрег моим советом.

Мне доподлинно известно, что мой друг Спагг, будь это только возможно, с радостью отказался бы от своего состояния. Раньше, когда я ничего не понимал в таких делах, мне всегда казалось, что нет ничего проще, как взять да и отдать принадлежащие вам деньги. Не тут-то

было. Богатство — это тяжкое бремя, и вы обязаны нести его на своих плечах. Если у вас есть деньги, много денег, вы обязаны владеть ими ради служения обществу. Вам следует помнить, что они дают вам возможность творить добро и помогать ближним своим, всячески облегчая и скрашивая их жизнь. Одним словом, богатство — это священная обязанность. Спагг так долго и так обстоятельно беседовал со мной на эту тему в клубе — в особенности об обязанности богатых облегчать жизнь бедняков,— что лакей, специально находившийся при Спагге, чтобы подносить ему зажженную спичку каждый раз, когда он закуривал, засыпал, привалившись к косяку, а шофер, ожидавший хозяина на улице, примерзал к сиденью.

Итак, Спагг смотрит на свое богатство как на высокую миссию. Почему бы ему не пожертвовать деньги на какой-нибудь колледж, спрашиваю я. Но Спагг отклоняет мое предложение — он, к сожалению, никогда не учился в колледже. Тогда я обращаю его внимание на фонд помощи учителям: несмотря на все усилия мистера Карнеги и других филантропов, у нас все еще есть несколько десятков тысяч учителей, хороших, опытных, энергичных учителей, которые работают изо дня в день, не имея иных доходов, кроме скромного жалованья. Так они вынуждены будут работать до восьмидесяти пяти лет (если доживут), и только тогда им дадут пособие по старости. Но мистер Спагг не соглашается жертвовать на учителей: эти люди, говорит он,— национальные герои. Они черпают себе награду в своем труде.

Мистер Спагг — человек одинокий, и как бы там ни было, при всей глубине его переживаний, в них есть все-таки что-то эгоистическое. В богатых домах — вернее сказать, в особняках — вот где льются невидимые миру слезы, о которых ничего не знают, да и не могут знать счастливые бедняки.

Совсем недавно я был свидетелем трагедии, разыгравшейся в доме Эшкрофт-Фаулеров. Они пригласили меня к обеду. Когда мы садились за стол, миссис Эшкрофт-Фаулер чуть слышно спросила мужа:

— Что, Медоуз уже говорил с тобой?

Мистер Фаулер покачал головой с печальным видом.

— Нет еще,— ответил он, вздыхая.

И супруги переглянулись, словно ища друг у друга сочувствия и помощи, как люди, привыкшие вместе сносить удары судьбы.

Эшкрофты — мои старые друзья, и сердце мое тревожно сжалось. За обедом, наблюдая, как Медоуз — их дворецкий — наполняет бокалы вином, я не мог избавиться от тягостного чувства, что над моими друзьями нависла беда.

Обед кончился, миссис Эшкрофт-Фаулер удалилась в гостиную, оставив нас с Фаулером допивать портвейн. Я придвинул свой стул ближе к Фаулеру.

— Дорогой мой,— начал я,— мы с вами старые друзья, и, надеюсь, вы извините мою нескромность. Мне показалось, что вы и ваша жена чем-то озабочены.

— Да,— сказал он печальным, тихим голосом.— Вы угадали.

— Простите меня,— продолжал я.— Может быть, вы расскажете мне о своем горе: когда поделишься с другом, на душе становится как-то легче. У вас неприятности из-за Медоуза?

Наступило молчание. Я догадывался, о чем пойдет речь, и ждал, когда он заговорит.

— Медоуз уходит от нас,— промолвил он наконец, собрав все свои силы, чтобы произнести эти роковые слова как можно спокойнее.

— Друг мой! — воскликнул я, беря его руку в свои.

— Вы понимаете, как нам тяжело. Прошлой зимой ушел Франклин. И, поверьте, без всякого повода с нашей стороны: мы делали все, что могли. Теперь Медоуз.

В голосе Фаулера послышались слезы.

— Он еще не заявил о своем уходе,— продолжал мой бедный друг,— но мы знаем: он не останется. На это нет никакой надежды.

— В чем же дело? — спросил я.

— Никаких конкретных жалоб у него нет. Просто ему у нас не нравится. Мы ему не подходим.

Фаулер закрыл лицо рукой. Наступило молчание.

Подождав немного, я тихо вышел из столовой и покинул дом, не поднимаясь в гостиную. Несколько дней спустя я узнал, что Медоуз действительно ушел от них. Эшкрофт-Фаулеры просто в отчаянии. Говорят, они решили снять в Гранд-отеле небольшой номер в десять комнат с четырьмя ванными, чтобы хоть как-нибудь дотянуть эту зиму.

Не стоит, однако, сгущать краски и представлять дело так, будто богатые вовсе не знают мгновений истинного безоблачного счастья. По моим наблюдениям, оно приходит к ним именно тогда, когда им удается разорить-

ся — полностью и окончательно разориться. Можно потерять деньги, играя на бирже или пользуясь услугами банка, или любым другим способом. Техническая сторона вопроса чрезвычайно проста.

Когда богатый человек разоряется, он, насколько я могу судить, чувствует себя превосходно и может делать все, что ему вздумается. В подтверждение правильности моего суждения приведу кое-какие факты из моих недавних наблюдений.

На днях мы с приятелем шли по улице; мимо нас промчалась роскошная машина, в которой сидел элегантный молодой человек, весело болтавший с красивой женщиной. Мой приятель дружески раскланялся с прелестной парой и, сняв шляпу, игриво помахал ею в воздухе, словно желая счастья и удачи.

— Бедняга Оверджой,— сказал он, когда машина скрылась из виду.

— А что такое? — полюбопытствовал я.

— Как? Вы не знаете? — удивился мой приятель.— Он же разорился. Начисто. Потерял все до единого цента.

— Боже мой! — воскликнул я.— Как это печально! Теперь ему придется продать этот красивый лимузин.

— Не думаю,— сказал мой приятель, покачав головой.— Вряд ли он это сделает: его жена наверняка не захочет расстаться с машиной.

Мой знакомый оказался прав. Оверджои не стали продавать машину, так же как они не сочли нужным продать свой великолепный особняк. Надо думать, им было жаль расстаться с ним. Кто-то высказал предположение, что они, наверное, откажутся от ложи в опере. Ничего подобного. Они слишком любят музыку. При всем том в городе уже нет человека, который бы не знал, что Оверджой начисто разорен. У него и в самом деле нет за душой ни цента. Десять долларов — вот теперь его красная цена. Однако я по-прежнему вижу на нем подбитую котиком шубу, которая стоит никак не меньше пятисот долларов.

КАК СТАТЬ МИЛЛИОНЕРОМ

Я часто бываю среди миллионеров. Они мне по душе. Мне нравятся их лица. Их образ жизни. Их пища. Чем чаще я среди них бываю, тем больше мне все это нравится.

В особый восторг меня приводит их манера одеваться — серые клетчатые брюки, белые клетчатые жилеты, массивные золотые цепочки и перстни с печатками, которые они прикладывают к своим чекам. Ей-богу, они неплохо выглядят. Зайдите как-нибудь в клуб, где сидят шестеро или семеро таких,— одно удовольствие на них смотреть. Если на кого-то упадет хоть малейшая пушинка, подходят люди и стряхивают ее. Да-да, и они счастливы, что могут сделать это. Я бы и сам не отказался поучаствовать.

Но больше всего, даже больше их пищи, восхищает меня их интеллект. Он неподражаем. Посмотрите только, как они читают. В какое бы время вы ни пришли в клуб, вы застанете за этим занятием троих-четверых из них. А как широк круг их чтения! Вы, может, думаете, что у человека, вкалывающего в конторе с одиннадцати до трех всего лишь с полуторачасовым обеденным перерывом, уже ни на что не остается сил? А вот и нет! Эти люди способны засиживаться после работы и изучать «Полицейские новости», «Плэйбой» и «Панч», понимая при этом шутки ничуть не хуже меня самого.

Одно из моих излюбленных занятий — прохаживаться по комнате, где они сидят, и ловить обрывки разговоров. Как-то раз я слышал, как один из них сказал на ухо другому:

— Знаете, я хотел дать ему полтора миллиона. Я не набавил бы ни цента, но эту сумму он мог получить. Однако он отказался...

Я с трудом удержался, чтобы не броситься к этому человеку с криком: «Что? Что? Полтора миллиона? О, повторите это еще раз! Предложите *мне* получить их или отказаться! Испытайте меня разок — я вас не подведу. Можем даже округлить до миллиона и считать, что мы договорились!»

Не то чтобы эти люди так уж беззаботно относились к деньгам. Нет, сэр, не думайте так. Конечно, они не обращают внимания на крупные суммы, всякие там десятки и сотни тысяч долларов, лежащие на их счетах, но когда речь заходит о мелочи! Вы не представляете, как яростно они спорят из-за половины или даже четверти цента.

К примеру, двое из них вчера вечером явились в клуб вне себя от радости. Они объявили, что цены на пшеницу подскочили, и они менее чем за полчаса заработали на ней по четыре цента на брата. По этому случаю они заказали обед на шестнадцать персон. Я отказываюсь их понимать. За свои статьи в газетах я иногда получал и вдвое больше, но мне ни разу не приходило в голову этим хвастаться.

Однажды вечером я слышал, как кто-то из них воскликнул:

— Ну вот что, давайте вызовем Нью-Йорк и предложим им четверть цента.

Великий Боже! Представьте, сколько стоит обзвонить на ночь глядя весь Нью-Йорк с его пятью миллионами жителей и предложить им всем по четверти цента! И что вы думаете? Нью-Йорк, верно, сошел с ума — они приняли эти деньги. Конечно, это высокая финансовая политика. Я и не пытаюсь ее понять. После этого я пробовал вызвать Чикаго и предложить полтора цента, а потом позвонил в Гамильтон, провинция Онтарио, и предложил целых полдоллара, но на телефонной станции решили, что я спятил.

Из всего этого следует, что я изучал повадки миллионеров. Да, верно. Изучал годами. Мне кажется, что мои наблюдения могут пригодиться молодым людям, только вступившим на свой жизненный путь и боящимся завязнуть где-то посредине.

Понимаете, многие слишком поздно осознают, что, если бы в юности они знали то, что знают сейчас, они смогли бы стать теми, кем так и не стали. Однако некоторым из юношей, вероятно, нелегко избавиться от мыслей, что если бы они знали то, чего пока не знают,

то вместо того, чтобы жить так, как им суждено, лучше было бы вообще не жить. М-да, грустно все это.

Во всяком случае, я постарался собрать как можно более подробные сведения о том, какую жизнь ведут миллионеры.

В одном я уверен твердо. Если молодой человек хочет стать миллионером, он должен неусыпно следить за своим образом жизни и диетой. Может показаться, что это нелегкое дело. Однако успех рождается лишь в муках.

Молодой человек, которому не терпится стать миллионером, должен расстаться с иллюзиями, что ему можно вставать утром в половине восьмого, есть на завтрак овсяную кашу и вареные яйца, запивать все это холодной водой, а вечером ложиться спать в десять. Ничего этого делать нельзя. Ни один миллионер так не поступает. Если вы хотите стать миллионером, вам нельзя вставать раньше десяти утра. Раньше они не встают. Они просто не отваживаются. Если кто-то из них покажется на улице в половине десятого, люди решат, что дела его плохи.

И уж вовсе устарела и никуда не годится идея о необходимости воздержания. Чтобы стать миллионером, вам нужно пить шампанское — помногу и без устали. Еще рекомендую виски с содовой. Вам следует просиживать целые ночи и пить его ведрами. Оно отлично прочищает мозги, так что на следующий день вполне можете заняться бизнесом. Я видел, как у некоторых из этих людей мозги к утру прочищались настолько, что лица казались вареными.

Чтобы вести такой образ жизни, конечно, нужна решительность. Но стоит выпить пол-литра виски — и вы ее обретете.

Поэтому, мой юный друг, если вы хотите подняться над своим нынешним положением, измените вашу жизнь. Если хозяйка предложит вам на завтрак бекон с яичницей, выбросьте все это за окно и велите ей принести мороженой спаржи и мозельского вина. Потом позвоните своему начальнику, что вы прибудете к одиннадцати часам. Ваше положение тут же изменится. Да-да, и очень скоро.

Как миллионеры заработали свои миллионы — вопрос довольно сложный. Впрочем, один из способов я знаю. Надо прибыть в город с пятью центами в кармане. Почти все они начинали именно так. Эти люди снова и снова повторяли мне, что, когда в первый раз приехали в город, все их состояние (ныне исчисляющееся миллионами) равнялось пяти центам. Это, похоже, давало им какой-то направляющий толчок. Конечно, способ этот непростой. Я сам несколько раз его пробовал. Однажды я даже был близок к успеху. Я занял пять центов, положил в карман и вышел из города, а потом вернулся обратно, сгорая от нетерпения. И если б я сразу же не наткнулся на пивной бар и не истратил там эти деньги, то, возможно, был бы сейчас богачом.

Другая неплохая идея — начать что-нибудь новое. Что-то крупномасштабное, до чего до сих пор никто не смог додуматься. К примеру, один мой знакомый рассказывал, как однажды, застряв в Мексике без единого гроша (своих пяти центов он лишился, удирая из США), он заметил, что у них там нет силовых установок. Он построил несколько штук и загреб кучу денег. Другой мой знакомый тоже как-то раз оказался на мели. Дело было в Нью-Йорке, и в карманах у него не оставалось ни цента. Выйти из положения помогли ему небоскребы, бывшие на десять этажей выше, чем обычно. Он воздвиг парочку таких зданий, а потом сбыл их с рук. Многие миллионеры начинали так — просто и без затей.

Есть и еще один, совсем легкий способ. Я говорю об этом скрепя сердце, поскольку хочу испробовать его сам. Узнал я о нем случайно. Дело происходило в клубе, время было позднее. Сидел там один старик, мультимиллионер, с самым выразительным лицом из всех, что я когда-либо видел. Больше всего он походил на гиену. Я и не подозревал раньше, что он так богат. В тот ве-

чер я спросил одного из миллионеров, как старик Блоггс добыл свои миллионы.

— Как он их добыл? — ухмыльнулся тот в ответ.— Да просто оттягал их у вдов и сирот.

«У вдов и сирот! Какая блестящая идея! — мысленно восхитился я.— Кто бы мог подумать, что у них есть такие деньги!»

— А как удалось ему их отнять? — спросил я осторожно.

— Да он просто растоптал всю эту публику ногами, вот как! — последовал ответ.

Ну разве не гениально? С тех пор этот разговор не выходит у меня из головы. Я намерен испробовать этот способ. Если бы все они собрались вместе, я растоптал бы их достаточно быстро. Но весь вопрос в том, как их собрать. Большинство знакомых мне вдов с виду чересчур объемисты для такой процедуры, а что касается сирот, то их, должно быть,— как собак нерезаных. Однако я все-таки жду удобного случая. Если когда-нибудь мне удастся согнать в одно место побольше сирот, я взберусь прямо на них, а там посмотрим.

Расспросив подробнее кое-кого в клубе, я пришел к выводу, что отнять деньги можно и у священников. Мне сказали, что растоптать их не так уж трудно. Но, по-моему, сирот все-таки легче.

ЛИТЕРАТУРА БИЗНЕСА

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Теперь, когда бизнес занял столь важное место в нашей жизни, совершенно очевидно, что ему суждено поглотить хрупкие создания рук человеческих, которые мы привыкли называть искусством и литературой. Им остается либо приспособиться, либо погибнуть. Приводимые ниже повести могут служить примером того, каким образом мы предполагаем осуществить необходимую перестройку. Каждому, кто имеет хоть какое-нибудь отношение к выпуску журналов, несомненно, известно, что помещаемая в них реклама давно уже стала намного интереснее основного текста. Ее составляют наиболее высококвалифицированные и высокооплачиваемые журналисты, ее лучше иллюстрируют, и, естественно, она занимательнее и живее всего остального. Короче, деловой человек начинает чтение журнала с реклам и, только досконально изучив их, обращается к куда более скучным страницам в середине, которые обычно заполняют повестями, рассказами и прочей художественной литературой. Создалось угрожающее положение, и, мне кажется, пришло время нашим писателям подумать о том, как сделать свою продукцию более привлекательной для читателя.

По-моему, самый лучший выход — это заимствовать у рекламы присущий ей способ идеализации и точную, блестяще поставленную информацию, широко освещающую все, что касается одежды, тканей и соответствующих цен. Возникшая в результате перестройки новая литературная школа сможет с успехом создавать повести и рассказы по нижеследующему образцу.

РОНАЛД ИЗ «РЕКЛАМ»

Повесть, предназначенная для последних страниц журнала

Первые детские воспоминания Роналда Элликотта, которому посвящено наше повествование, связаны с родовым имением его отца в Новой Англии на берегах реки Пообчистимихнемного, ныне привлекающей множество туристов. Из Нью-Йорка и Бостона вы легко можете добраться туда на машине или же воспользоваться услугами Бостонско-Мейнской железнодорожной компании, которая доставит вас к месту назначения и обратно в комфортабельных поездах с вагонами-ресторанами; компания охотно принимает жалобы от клиентов в случае проявления грубости со стороны ее служащих. В этом райском уголке прошли детские годы Роналда. Дом, в котором он жил, был типичной колониальной усадьбой, известной среди соседей под названием «Рекламы». Она была построена в колониальном стиле (см. приложение), с высокой галереей и широкой покатой кровлей, крытой ЧУДО-дранкой новейшей конструкции, главное преимущество которой состоит в том, что при ее применении *снижаются расходы на рабочую силу*, поскольку два кровельщика легко укладывают триста квадратных футов (30×10 футов) дранки в день. Именно эта дранка заслужила краткий, но выразительный отзыв мистера Р. О. Уудхеда (см. вкладыш), известного строителя из Потсдама, Нью-Хемпшир, который сказал: «*Она уменьшает расходы*».

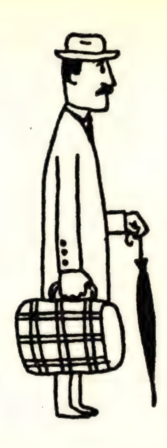
В этой уединенной тиши Роналд провел годы отрочества, коротая дни свои в мечтах и грезах. Если случалось, что сон почему-то бежал его очей, он вдыхал через нос порошок СПИ-УСНИ и немедленно погружался в сладостную дрему, от которой пробуждался свежим и бодрым,— и все это за пятьдесят центов пакет.

Когда Роналду исполнилось девятнадцать лет, в «Рекламы» приехала погостить его дальняя родственница, Прелестная Присцилла. Она осталась круглой сиротой после смерти родителей, которые не знали, что десять минут упражнений на полу собственной спальни по системе ПРАКТО сохранили бы им жизнь на долгие годы. К тому же по глупости опекуна, не имевшего ни малейшего понятия о том, что вопрос помещения капитала превратился теперь в науку, которую можно постичь за семь уроков, высылаемых наложенным платежом по первому требованию, бедняжка оказалась без единого цента.

Хотя у Прелестной Присциллы не было за душой ни цента, прибыв в «Рекламы», она тотчас же пронзила юное и впечатлительное сердце Роналда. Когда Присцилла вышла из машины, снабженной шинами с гарантией пробега на двадцать тысяч миль и с исключительно мягким ходом по любому шоссе, покрытому АСФАЛЬТОСМЕСЬЮ, которую под силу уложить даже ребенку, она была хороша как картинка и всем видом своим ласкала глаз. Одета она была в модный костюм от БЕРСАЛЬЕРИ, который сочетает элегантность с удобством и обладает тем преимуществом, что годится на все размеры и идет без исключения всем дамам: не только стройным, как Присцилла, но и полным. Каталог имеющихся в продаже моделей с указанием размеров и полезными советами покупателям прилагается к каждому костюму, и мы не сомневаемся, что, выходя из машины, Присцилла имела этот каталог при себе. На голове у нее красовалась модная в этом сезоне шляпа а-ля фашист, которая убивает наповал за сто ярдов, а ножки ее были обуты в высокие светло-коричневые ботинки, сочетающие изящество с удобством благодаря стараниям специалистов фирмы, разработавших модель, которая не давит в подъеме, а также эластично гнется при ходьбе, не сжимая костей антракса. Глубоко под костюмом (очень глубоко!) Присцилла носила плотно облегающее импортное (прямо из Лиона!) комбине последнего образца, без которого не может обойтись ни одна современная женщина. Словом, когда мы говорим, что эта девушка была хороша как картинка и могла бы прельстить не только отшельника (или рака-отшельника), но даже студента выпускного курса, мы отнюдь не впадаем в преувеличение.

При виде девушки Роналд, одетый в серый костюм (последняя модель фирмы ТЕПЕРЬ ИЛИ НИКОГДА) и темно-коричневые ботинки, почувствовал, что теряет свое сердце навеки.

В последующие дни наш юный герой стал постоянным спутником и даже более того — руководителем и наставником прелестной девушки. Страстный любитель гольфа, Роналд посвятил свою очаровательную кузину в тайны этой игры и научил ее выбирать мячи только марки СМАСКО-1924, покрышки которых (гарантия!) никогда не лопаются и не рвутся. Проникнув затем в тайны МАДЖОНГА — превосходные комплекты принадлежностей для этой игры поступили сейчас в продажу прямо из Китая (обратите внимание: прямо из Китая!),— мо-

лодые люди нашли великолепное занятие, освободившее их от всяческих раздумий.

С каким несказанным удовольствием наблюдал Роналд в эти дни сладостной дружбы, как зреет ум его юной избранницы. Желая способствовать ее дальнейшему развитию, молодой человек купил и читал ей вслух «Заочный курс политической экономии» и «Руководство по муниципальному налогообложению» — пособия, знакомство с которыми позволило бы девушке занять ответственный пост налогового инспектора, а также муниципального советника или инженера-экономиста. Кроме того, они проштудировали курсы: «Калькуляция себестоимости» и «Исчисление накладных расходов», с помощью которых Присцилла получила достаточную подготовку, чтобы быть страховым агентом, а также выполнять в страховом обществе работу по оценке нанесенного стихийным бедствием ущерба или в ликвидационной комиссии — по оценке наличного имущества банкрота. Так с каждым днем ум девушки неизмеримо обогащался, и все шире становился ее взгляд на мир. А как сказал доктор лесоводства, профессор О. Дж. Хутч, учредитель Всемирных курсов заочного обучения (Омаха, авеню 4718, комн. 6), — «*Иметь взгляды — значит глядеть в оба!*»

Нужно ли подробно описывать те блаженные, но полные томительной тревоги дни, когда Роналд, уже поняв, что полюбил, то взмывал на крыльях надежды, то сгибался под бременем отчаяния? Достаточно сказать, что, если бы не последняя новинка — подтяжки ДЕРЖИ КРЕПКО с передвижной центральной пряжкой, рассчи

танные на самые резкие движения плеч,— бедняга никогда не выдержал бы такой нагрузки. Несомненно, что только это великолепное устройство помогло молодому человеку справиться со страшным напряжением трудных дней, позволяя расправлять плечи и при этом не давя ему на живот. Словом, перед нами те самые подтяжки, про которые мистер Дж. О. П. Багхауз из Уачиты, штат Канзас (фотография прилагается), сказал следующее: *«Я ношу только эти подтяжки!»*

В эти сказочные дни влюбленный Роналд не раз пытался найти способ выразить обуревавшие его чувства, но, увы, не находил для них слов. Узнав, что цветы можно заказывать по телеграфу в любой адрес, он засыпал Присциллу букетами со всех концов страны. Телеграфные заказы принимаются круглосуточно и выполняются особым штатом высококвалифицированных специалистов, на чей вкус и умение клиент вполне может положиться. Знаменитый садовод, мистер Дж. Кв. У. Мад из Уостебула (штат Вашингтон), с присущим ему лаконизмом сказал нам об этих заказах: *«Будем же ими пользоваться!»* Кроме цветов Роналд посылал еще семена, луковицы и черенки, заказы на которые принимаются на тех же условиях.

Неотвратимо надвигался тот миг, когда Роналд из «Реклам» ощутил необходимость узнать свою судьбу и отважиться на открытое признание. Однако он решил основательно подготовиться к столь важному шагу. Чтобы побороть естественную в его возрасте робость, он приобрел и проштудировал краткое пособие, озаглавленное — «Долой робость! Пользуясь нашей системой упражнений, вы приобретете уверенность в себе за два урока по 50 центов каждый». Роналд выписал эту брошюру по почте, вложив в конверт почтовых марок США на сумму один доллар. Считаем своим долгом сообщить, что оплата может быть произведена в виде чеков, денежных переводов и любым другим узаконенным способом.

Прелестная Присцилла также подготовилась к объяснению. Она изучила краткое пособие под названием «Что нужно знать молодой девушке» и знала все, что нужно было знать.

И вот наступила роковая минута. Опустившись перед Присциллой на колени, что он мог сделать без всякого риска, так как носил брюки из НЕМНУЩЕЙСЯ ткани, Роналд без труда объяснился в любви, воспользовавшись несколькими заимствованными из упомянутой бро-

шюры фразами. Ответом ему был яркий румянец, заливший щеки Прекрасной Присциллы. Роналд легко (с помощью подтяжек!) поднялся на ноги и прижал девушку к своей груди.

Мы не будем описывать восхитительную церемонию венчания, состоявшуюся в «Рекламах». По случаю бракосочетания Роналда с Прекрасной Присциллой в старом доме была произведена тщательная уборка от чердака до подвалов и все комнаты были заново отремонтированы. Для этой цели Роналд использовал новую модель пылесоса ПНЕВМОВИХРЬ, которую фирма бесплатно предоставляет покупателям на десять дней для проверки в действии; гарантируется полное очищение всех углов и щелей от пыли. Именно эта модель получила блестящий отзыв мистера Х. Кв. Оверхеда, известного эксперга из Йеля, который сказал: «*Лучшего пылесоса я не знаю!*»

Банкет было поручено устроить специализированной фирме. Пригласительные билеты отпечатали в специализированной типографии. Пастору были предложены простые и ясные условия: ему оплачивали стоимость совершения обряда и проезд. Невеста в подвенечном наряде (не понравившаяся заказчику модель принимается обратно, расходы по пересылке оплачиваются фирмой) выглядела очаровательно. На женихе был костюм с личной гарантией портного. И когда счастливая пара опустилась на мягкое сиденье и удобно откинулась на спинку ландо, снабженного рессорами, Роналд заключил Присциллу в объятия и прошептал: *«Реклама оправдывает себя».*

ТОМ ЛЭЧФОРД, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

История, правдиво воспроизводящая атмосферу большого бизнеса

I

На маленькой фабрике в городке Грязенвилле прогудела пятичасовая сирена. Машины остановились. Пар растаял в небе. Спины распрямились. Двери захлопнулись. Фабрики обезлюдели. Рабочий день был окончен.

Сэт Лэчфорд прикрыл дверь старой халупы, в которой помещалось Семейное Предприятие Лэчфордов, уселся на груду камней и погрузился в размышления о накладных расходах. Эти самые расходы так подорвали кредитоспособность фирмы, что любой, даже самый легкий, толчок пустил бы ее ко дну.

Вокруг высились огромные кучи серой пыли, напоминавшие Сэту о безуспешных попытках наладить производство цемента. На это ушли последние пять лет. Старую ферму Лэчфордов на окраине городка перекопали вдоль и поперек, но все напрасно.

Сторонний наблюдатель, глядя на Сэта, не заметил бы в нем ничего особенного, даже если бы взглянул на него два или три раза. Но если бы он сделал это четыре раза, он понял бы, наверное, то, чего не понял после трех: лицо и поза Сэта были характерны для человека, потерпевшего неудачу, но его внешность — короткая шея, плотно сжатые губы, непроницаемое, словно выточенное из камня лицо — красноречиво свидетельствовала об упорном, несгибаемом характере. Неудачи были для него не больше чем временными трудностями.

Сэт тяжело встал, вышел из здания, которое называл своим предприятием, и побрел прямиком к другому зданию, которое называл своим домом. Там женщина, которую он называл своей женой, готовила ужин для тех, кого он называл своими детьми.

— Все по-прежнему? — спросила она, глядя на него грустными глазами.

Сэт удрученно кивнул головой.

— Накладные расходы все так же непропорциональны оптовой цене продукции? — задала она следующий вопрос, ставя перед мужем тарелку жареной картошки.

— Да, Мин,— отозвался Сэт.— Общая стоимость производства возрастает с каждым днем.

— Понимаю,— задумчиво сказала Мин, накладывая детям кашу.— Дальнейший рост расходов приведет просто-напросто к агломерации твоего дифференциала?

— Приведет,— подтвердил Сэт.

Воцарилось молчание. Потом он встал.

— Ты куда? — встрепенулась жена.

— Пойду посижу на своих булыжниках и поразмышляю о накладных расходах,— буркнул Сэт.

— Иди,— откликнулась Мин. Потом внезапно ее лицо просветлело: — О, Сэт, совсем забыла — пришло письмо от твоего брата Тома. Он будет здесь утром. Уверен, что наведет у нас порядок.

II

На следующее утро Том Лэчфорд, предприниматель, прикатил в Грязенвилль. Они с Сэтом обошли производство, обозревая груды серой пыли.

Братья были совершенно не похожи друг на друга: Сэт — сутулый и нерешительный, Том — крепкий, пучеглазый, с квадратными плечами, бычьей шеей, бульдожьими челюстями — короче, на двести процентов американец.

— Значит, ты пять лет пытался выработать цемент, и все без толку? — констатировал Том.

Его брат уныло кивнул.

— Ты сокрушил все скалы в округе, чтобы добыть вот эти кучи пыли?

Сэт жадно прислушивался к его словам, но молчал.

— Ну что же, теперь действовать буду я,— заявил Том.— У меня есть идея. Грандиозная идея. Если нам удастся все это перетряхнуть и поставить с ног на голову, дело пойдет на лад.

— Как ты сказал? — удивленно переспросил Сэт.

— Я намерен выжать из этой пыли максимум возможного. Но для начала мне нужен чек на тысячу долларов.

— У меня нет,— выдохнул Сэт.— Да и в банке не дают кредитов. Я узнавал.

— Пс-ст! — презрительно свистнул Том.— Мне дадут. Отведи-ка меня в этот банк.

Они отправились прямо в Грязенвилльский национальный банк. Том вошел прямо в служебное помещение и проследовал прямо в кабинет директора. Его динамичная поступь завораживала. Было что-то неотразимое в его внешности, что-то титаническое или даже нордическое в жесте, которым он водрузил свою шляпу на директорский стол.

— Послушайте, мистер Меднолоуб,— заявил он,— мне нужна ссуда в тысячу долларов.

Директор вздрогнул.

— Под какое обеспечение? — наморщил он лоб.

— Ни под какое,— уверенно ответил Том.

Директор просиял.

— Вы не даете никаких гарантий? — на всякий случай спросил он.

— Абсолютно никаких,— подтвердил Том,— кроме моей личности.

— Отлично! — радостно вскричал банкир.— Вы получите ссуду. Личностный фактор, мистер Лэчфорд, стал существенной и неотъемлемой частью бизнеса. Узнаю в вас одного из тех решительных, напористых, зорких и проницательных людей, которые по праву получают банковские субсидии. Мы вас поддержим.

III

Вечером Сэт, Мин и Том беседовали за столом, запивая оладьи простоквашей.

— Что делать с деньгами, Том? — спросила Мин.

Том в течение минуты поглощал простоквашу, потом изрек:

— Наберем рабочих и будем обрабатывать эту пыль.

— Обрабатывать?!

— Да, именно обрабатывать. Промывать, растирать, перемалывать, насыпать в бочки, пересыпать в другие и тому подобное.

Сэт приостановил процесс поглощения оладий; уши его дрогнули.

— Зачем? — выдавил он.

— Объясняю,— ответил Том.— Чтобы удержаться на плаву, поднять курс наших акций и сорвать немалый куш.

— Но ведь это лишь песок! — вскричал Сэт.— Он же у нас не затвердевает!

— Ну и пусть не затвердевает,— сказал предприниматель.— Не нужен нам цемент, сойдет и песок. Дело

в самой идее. Вот без чего мы действительно не обойдемся, так это без названия. Надо придумать нечто заманчивое, наводящее на мысль о большой коммерческой ценности. Ты когда-нибудь слышал о молибдене? А-а, что это такое? Значит, не слышал. А про карборунд или теллурий что-нибудь знаешь? Не знаешь. Да и никто не знает. Но все понимают, что это деньги. Найти залежи чего-то в этом роде — и судьба твоя обеспечена.

Сэт молча кивнул.

— Я вызвал химика-аналитика,— продолжал Том.— Он определит химический состав этого песка и скальной породы. Это, конечно, лишь для вида; меня не интересует, что он там найдет. Я придумаю какое-нибудь благозвучное название и разрекламирую наше открытие. Понял? Пока что я остановился на слове «палладий». Мы объявим, что нашли залежи палладия, и организуем компанию по их разработке.

Мин подняла свои грустные глаза от вороха детской одежды, которую она зашивала и штопала.

— Мы выпустим акции под обеспечение перспективных капиталовложений,— пояснила она, обрывая нитку.

— Ну и что? — недоумевал Сэт.— Вдруг мы выпустим акции, а дело не выгорит?

— Ничего страшного. Продадим их и выйдем из игры.

— Выедем куда? — не расслышал Сэт.

Женщина снова подняла глаза от шитья.

— В Гавану! — отрезала она.

IV

Через неделю весь Грязенвилль уже знал, что на старой ферме Лэчфордов найдены огромные залежи палладия. На территории громоздились подъемные краны, буровые вышки, цистерны, желоба для промывки руд. Бригады рабочих были заняты делом. Палладий поступал на конвертер, оттуда в контейнер, потом в шпункер и наконец в бункер. Вокруг толпились зеваки.

— Что это? — спрашивали одни.

— Палладий! — уважительно отвечали другие.

Грязенвилльская газета «Интеллектуал» поместила разъяснение, что палладий — это амигдалоид пургенового ряда и что содержащаяся в нем известковая пыль придает ему большую коммерческую ценность. Он обладает гипермаразматическими свойствами и практически не способен выходить в эфир.

На старую ферму Лэчфордов прибыл химик-аналитик. Самый настоящий, без обмана. Он прошелся по территории, собрал образцы пыли в пробирки, наклеил на каждую ярлычок и увез с собой. Том сделал так, что уже на следующий день о его визите стало известно всему городу, однако результаты анализа не показал никому. Он засунул нераспечатанный конверт в самый дальний ящик комода, заявив, что ему нужен был сам химик, но не плоды его деятельности. Потом он снова отправился к банкиру.

— Мистер Меднолоуб,— объявил он,— мы с братом обнаружили прекрасный легковоспламеняющийся палладий. Он даст не менее сорока восьми процентов прибыли с каждого киловатта. Нам нужны деньги на покупку оборудования и регистрацию месторождения.

— Мистер Лэчфорд,— воскликнул банкир,— поздравляю вас с открытием. Узнаю в вас одного из тех зорких, проницательных, быстроглазых людей, которые сделали нашу страну такой, какая она есть. Сколько вам нужно?

— Десять тысяч долларов,— сказал Том.

V

Придя вечером домой, Том сообщил брату и его жене, что договорился о регистрации месторождения за тридцать тысяч долларов и о покупке оборудования на десять тысяч.

— Какого еще оборудования? — осведомился Сэт.

— Какого хочешь,— ответил предприниматель,— мне все равно. Главное, чтобы оно выглядело повнушительнее.

— Тщательный монтаж и установка оборудования,— задумчиво добавила Мин, накладывая братьям жареных

баклажанов,— необходимы, чтобы вкладчик был уверен в надежности предприятия.

После ужина, однако, Сэт извлек из комода конверт с результатами анализа. Распечатав его, он достал документ и долго стоял, хмуро его разглядывая.

— Не стану продавать эту ерунду,— пробормотал он себе под нос.— Лопнуть мне на месте, дорогой братец, если я возьмусь за это.

Потом он пошел на прииски и долго бродил между кучами песка, пиная их ногами.

Когда он вернулся на кухню, где Том и Мин лузгали семечки, лицо его выражало непреклонную решимость.

— Том,— спросил он,— сколько ты рассчитываешь получить, если продашь наше предприятие?

Предприниматель поднял глаза от тарелки с семечками.

— Тридцать тысяч чистоганом,— ответил он.— По десять на каждого из нас. Возможно, чуть больше.

— Ты продашь его кому-нибудь из нашего города?

— Почему бы и нет? Здесь достаточно толстосумов, чтобы купить его на корню.

— Но что они приобретут?

— Это уж их дело,— пожал плечами Том.— Если они окажутся достаточно ловкими, то смогут тут же его перепродать.

— Да, но рано или поздно...

— Рано или поздно кто-то сядет в галошу. Лучше, если не мы.

— А если это все же будем мы,— задал еще один вопрос Сэт,— чем это для нас кончится?

— Мы должны банку уже пятнадцать тысяч, так что разоримся.

Сэт посмотрел брату прямо в глаза. Его подвижное лицо помрачнело.

— Послушай, Том,— медленно проговорил он,— я не стану продавать эти прииски.

Братья уставились друг на друга. По скулам их прокатывались желваки.

— Если так, то это катастрофа,— сказал Том.

— Я как-нибудь ее переживу,— отозвался Сэт. Желваки все еще прокатывались по его лицу.

— Переживать придется в тюрьме,— возразил Том. Желваки перестали прокатываться по его скулам.

— Знаешь, Том,— заявил Сэт,— здесь жило четыре поколения Лэчфордов, и среди них никогда не было воров.

VI

В течение двух недель после этого работа на приисках продолжалась, и братья ходили по территории, избегая друг друга. Том был беспокоен, но полон энергии, Сэт — мрачен; взгляд его все время был устремлен в землю.

Том заговорил с братом только однажды.

— На бирже зарегистрирована часть моих акций,— сказал он.— Маклеры думают, что смогут продать и больше. Остальные зарегистрировать нельзя, но их продадут налево, в обход биржи.

Сэт, ничего не ответив, повернулся и пошел к дому.

Позвав жену, он вытащил из конверта бумажку с анализом и протянул ей.

— Том хочет продать твою часть акций за десять тысяч долларов. Мин, неужели ты станешь сбывать этот песок,— тут он яростно взмахнул бумажкой,— своим друзьям и соседям, людям из нашего города?

Мин взяла у него документ. Химические формулы не говорили ей ровным счетом ничего, но фраза в конце, начинавшаяся словами «Ориентировочная стоимость», была понятна и ребенку.

— Нет, Сэт! — воскликнула она.— Я не стану этого делать. Думаю, это было бы неправильно.

— Послушай, Мин,— продолжал он,— я не хочу, чтобы нашу фамилию склоняли в городе. Если Том желает продать свои акции, может быть, ты одолжишь у родителей десять тысяч и выкупишь их?

— Попытаюсь,— ответила она.— Не знаю, наберет ли папа такую сумму, но если хочешь, я попробую.

VII

На следующий день Мин отправилась в Пенсильванию одалживать у родителей десять тысяч. Утром того же дня в продажу поступили незарегистрированные акции Эмалгемейтид Палладиум Лимитед, что вызвало заметное оживление в финансовых кругах Грязенвилля. Биржа открылась в восемь утра; акции сперва шли по номинальной стоимости, затем поднялись до пятидесяти долларов, упали до двадцати и поднялись снова до первоначальной цены. В два часа дня их курс был объявлен неустойчивым, в три — повышательным, к концу дня — устойчивым, но с тенденцией к понижению.

Вечером Том Лэчфорд укладывал саквояж, намереваясь отбыть на полуночном экспрессе в Гавану.

— Удираю, Сэт,— сказал он.— Передай привет Мин, когда она вернется. Если у тебя хватит ума, ты быстро отделаешься от этих акций. Завтра они упадут до минимума, и тогда...

— Дезертировать я не собираюсь.— заявил Сэт.— Прощай!

VIII

Мин вернулась через два дня.

— Я достала деньги, Сэт,— сообщила она.— Папа часть взял в долг, часть получил по закладным.

— Боюсь, что слишком поздно, Мин. Акции вчера шли по пятьсот долларов за штуку, а сегодня утром уже по тысяче.

IX

Прошла неделя. Том Лэчфорд сидел в гаванском отеле «Колорадо Кларо», потягивая коктейль. На счету его было четыре тысячи долларов в кубинской валюте. В этот момент ему принесли свежий номер грязенвилльской газеты. Том взял его дрожащими руками, ожидая узреть там приметы неизбежного краха их Семейного Предприятия. Вместо этого он увидел огромный заголовок: «АКЦИИ ЭМАЛГЕМЕЙТИД ПАЛЛАДИУМ КОТИРУЮТСЯ ПО ДВЕ ТЫСЯЧИ ДОЛЛАРОВ!» — и руки его задрожали еще сильнее. Потом он прочел заметку о том, что на старой ферме Лэчфордов обнаружены залежи графита, и затрясся как осиновый лист.

В это время Мин и Сэт сидели в столовой, попивали простоквашу и складывали длинные столбцы цифр.

— Не могу подсчитать точно,— сказал Сэт,— но в итоге все равно получится несколько миллионов.

— Так что же это все-таки за порошок, если не палладий? — спросила Мин.

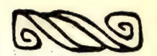
— Его называют графитом,— объяснил ей Сэт.— Мне вечно попадались какие-то черные прожилки в породе. Думаю, это он и был. Хорошо, что я не продал свои акции. Если б можно было выкупить те, что были у Тома, я отдал бы их ему. Ты не стала бы возражать?

— Нет, конечно,— ответила Мин.— Я тоже рада, что мы не продали акции. Это все время не давало мне

покоя. Когда я прочитала в том анализе фразу: «Ориентировочная стоимость — десять тысяч долларов за тонну», меня осенило, и я поняла, что продать их — значит совершить ошибку. Но я не представляю, почему эти акции все время растут в цене.

— Да все тот проклятый химик. Он, верно, разболтал о графите в Нью-Йорке. Некоторые умные люди оказались в курсе дела. Нью-йоркские бизнесмены, в конце концов, не такие дураки, какими их выводят в беллетристике.

— Пожалуй, ты прав,— подытожила Мин.— Итак, Том оказался никуда не годным предпринимателем, а ты, Сэт, недооценил коммерческую ценность научного анализа как одну из основ современного бизнеса.

НАШИ БЛАГОДЕТЕЛИ БИЗНЕСМЕНЫ

Послеобеденные рассуждения, записанные со слов самого скромного из гостей

— Нет, сэр, с дробями я до сих пор не в ладах,— сказал мистер Спагг, хозяин дома, держа в правой руке рюмку портвейна, а в левой — сигару.

И он с гордостью оглядел стол. Все гости, кроме меня, одобрительно закивали.

— Более того,— продолжал мистер Спагг,— за всю мою жизнь они мне ни разу не понадобились.

Последовало всеобщее одобрение.

Спагг, конечно, *фигура*, причем, говорят, самая крупная в резиновой промышленности на континенте. За столом собрались сплошь *фигуры* и *короли* — рубашечный король, фруктовый король, а в правом углу сидел человек, которого, как я не раз слышал, называли Наполеоном мороженого мяса. Само собой разумеется, что в таком собрании, как я уже упоминал вначале, всегда присутствует несколько Наполеонов, о которых так и говорят: «Ну, прямо Наполеон!», «Ни дать ни взять Наполеон!» и т. д. Ни одно собрание деловых людей без них не обходится. Кроме того, там было несколько «революционеров». Мне показали человека, который революционизировал заготовку сушеных яблок, и другого, который произвел революцию в сбыте водоустойчивых красителей, и еще третьего, который собирался произвести революцию в продаже яиц. Словом, там собрались те, кого теперь называют *воротилами*, то есть люди, которые ворочают большими делами. Их, безусловно, нельзя было назвать мыслителями. Мыслить им вообще ни к чему. И когда такие люди говорят, что за всю жизнь им ни разу не потребовалось знакомство с дробями, это, знаете ли, производит впечатление. Если *большие люди* свободно обходятся без дробей, то кому, скажите на милость, нужны эти дроби?

Но самое интересное ждало меня впереди. *Большие люди* заговорили о своих «побочных интересах», то есть о том, чем они занимаются наряду с бизнесом.

— Ну как там дела в твоем университете, Спагг? — спросил бумажный король.

— Спасибо, теперь лучше,— ответил Спагг.— Наконец нашли парня с хорошей деловой хваткой и поставили его во главе. Он теперь перестраивает все хозяйство на новый лад. Мы надеемся, что нынешний годовой баланс будет выглядеть весьма недурно.

— Давно бы так,— удовлетворенно заметил бумажный король.

Они замолчали, и слово взял Наполеон мороженого мяса. Насколько я мог понять, речь шла о церкви, попечителем которой он состоял.

— У него не было ни хватки, ни выдумки,— говорил Наполеон.— Каждое воскресенье одно и то же; что ни проповедь — все о божественном да о божественном. Этого, знаете, никакая паства не выдержит. Людям хочется чего-нибудь современного. Я как-то попытался урезонить старикана: «Неужели вы не можете придумать что-нибудь поинтереснее? Ну что-нибудь такое, чтобы народ мог отдохнуть от религии!» Какое там! Видно, такой уж он уродился.

— Разве нельзя было устранить его? — спросил кто-то из слушателей.

— Это не так-то просто. У нас не было с ним контракта — у старика имелось письменное назначение, как это делалось в старину (его прислали к нам сорок лет назад), а в письме была об этом всего одна строчка: «Пока господу будут угодны молитвы его». Вот тут и крутись как знаешь. Адвокаты прямо сказали, что не смогут из этого ничего выжать.

Он закурил новую сигару и продолжал:

— Потом еще эта история с кладбищем. Помните, вокруг нашей церкви было кладбище: ивы, памятники и надгробные плиты в траве?

Несколько человек кивнули.

— Запущенное кладбище — плохая реклама для церкви, сами знаете. Памятники старые, плиты наполовину раскрошились, а ивы все какие-то косматые, ни одной порядочной. Нам, конечно, хотелось расчистить это место: убрать старые надгробия, спилить деревья, выложить площадку дерном, а перед входом утрамбовать дорогу и сделать подъезд для машин — знаете, так, полу-

кругом. Ну старик наш — на дыбы, а без его согласия, как нам объяснили юристы, трогать могилы было рискованно. Есть будто бы какой-то старый закон «о нарушении покоя усопших». На новые кладбища он, как я понимаю, не распространяется, но тут как раз сохранял силу. Прямо безвыходное положение. А от этого кладбища был один только вред: кому охота гнать свою машину по траве, да еще среди могил — того и гляди, распорешь шину об осколок плиты.

— Ну и что же вы сделали?— спросил Смит.

— В конце концов мы его все-таки вытурили. Мы ловко обыграли дело с пенсией, и старик согласился уйти в отставку по-хорошему.

— Кто же у вас теперь вместо него?

— Парень что надо! До нас он служил у пресвитериан (а до них, кажется, в англиканской церкви), но мы в него вцепились намертво, согласились на все его условия, и он подписал с нами контракт.

— Сколько же вы ему платите?

— Пятнадцать тысяч,— сказал Наполеон, попыхивая сигарой.— Дешевле теперь не заполучить, во всяком случае стоящего. Такой просто не пойдет. Эти ребята знают себе цену. Тут есть одна страховая компания, так они готовы взять нашего к себе хоть завтра и дают те же пятнадцать тысяч.

— Так он и в самом деле стоящий?— спросил один из гостей.

— Еще бы! Первоклассный парень! В жизни не встречал священника, который умел бы так поставить рекламу. Видели большой щит с золотыми буквами — ну там, где раньше под старой ивой были солнечные часы? Это он установил. Каждую неделю на щите большущими буквами пишут тему проповеди, так что можно прочесть на ходу, не останавливая машины. Ведь нас интересуют прихожане солидные, сами понимаете. При старике наш приход был самый бедный в городе. А ведь от бедняков церкви мало проку.

Гости громко зашумели в знак согласия.

— Каждое воскресенье — новая тема, и не какое-нибудь там богословие, а все что-то современное, что волнует и привлекает к себе людей. Вот пожалуйста, в прошлое воскресенье он читал проповедь о Святой Земле (он ездил туда лет шесть или семь назад по контракту со «Стандарт Ойл Компани») и показал все так живо (мы установили киноаппарат там, где раньше была ку-

пель): нефтяные скважины под Дамаском и буровые вышки у Галилейского моря. Замечательно.

— Но и денежки вы платите ему немалые,— заметил один из гостей.— Не понимаю, как только выдерживают ваши фонды.

— Не только выдерживают,— сказал Наполеон,— но, представьте, мы даже зарабатываем на этом парне. С таким энергичным человеком можно окупить любые затраты. В прошлое воскресенье мы одних пожертвований собрали столько, что покрыли расходы за всю неделю. Вот видите, какая у нас теперь паства.

— Да, здорово,— закивали слушатели.

— Больше того. Возьмите хотя бы расходы на содержание помещения. При старике это была главная статья бюджета. Свет и отопление съедали больше половины, и нужно было вечно ломать голову, как все это покрыть. Конечно, вовсе исключить эти расходы нельзя, но можно сделать так, что они потеряют значение. Оказалось, что всякого рода общественные увеселения — концерты, лотереи, танцы и прочее — дают такие сборы, что нам уже не приходится беспокоиться об отоплении и свете. Мы просто и думать об этом забыли.

Оратор умолк. Хозяин, воспользовавшись паузой, наполнил гостям бокалы и сделал знак дворецкому принести еще сигар. Завязался общий разговор, и беседа утратила свой возвышенный характер.

Возвращаясь домой, я невольно думал о том, какие поистине удивительные благодеяния наши бизнесмены делают для просвещения и церкви.

САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ МИСТЕРА СПАГГА

Хотя я и мистер Спагг несколько лет состояли членами одного и того же клуба, мы не были знакомы друг с другом до того знаменательного дня, когда он объявил, что отправляет на войну своего шофера.

Это было сказано совершенно спокойно, без всякой напыщенности и самодовольства. Мистер Спагг, стоя в кругу членов клуба, говорил о своем намерении с присущими ему простотой и серьезностью.

— Да,— рассуждал он,— нам нужен каждый человек, способный носить оружие. Настало время напрячь все силы. Я сказал об этом Генри и приказал ему приготовиться к немедленному отъезду.

— Вы поступили отлично, Спагг,— сказал один из членов клуба.— Ваш пример достоин подражания.

— Я не мог поступить иначе,— скромно ответил мистер Спагг.

— Когда уезжает ваш шофер?— спросил другой член.

— На днях. Я хочу, чтобы он как можно скорее оказался на передовых позициях.

— Разумеется, вы поступили прекрасно,— сказал третий член,— но подумали ли вы о том, что вашего шофера могут убить?

— Рисковать буду я,— отвечал мистер Спагг твердо.— Я все обдумал и пришел к заключению: если мой шофер будет убит, я принимаю все расходы на себя. Убытки понесу я, а не он. Предположим, что Генри будет искалечен — лишится одной ноги или двух...

Мистер Спагг говорил с таким решительным видом, как будто даже потеря трех ног не остановит его.

— Чего бы ни лишился Генри, я плачу полностью. Убытки падают на меня, все до последнего цента.

Один из слушателей, хорошо одетый господин со спокойным лицом, бывший, как я знал, членом страхового общества, выступил вперед и пожал руку говорившему.

— Спагг,— заявил он,— вы совершили великое дело, но мы тоже хотим принять в нем участие. Наше общество выработало особые льготные страховые правила для шоферов, швейцаров и домашних слуг, отправляемых на войну. Это наша жертва на алтарь войны,— добавил он скромно.— Приятно думать, что и мы принимаем участие в общем деле. Недавно был убит один застрахованный у нас шофер. Мы выплатили страховку без промедления, не поднимая даже вопроса о том, кем он был убит. Я сообщил его семье, что никогда в жизни не подписывал чека с таким удовольствием, как в этот раз.

— А что вы выплатите, если Генри будет искалечен?— деловито спросил мистер Спагг страхового агента, видимо не стесняясь касаться грубой материальной стороны.— Какова ваша премия? Положим, я лишусь ног Генри, что тогда?

— Не беспокойтесь,— сказал его собеседник,— предоставьте это дело нам. Все потери будут возмещены полностью.

— Отлично,— ответил Спагг,— пришлите мне полис. Пусть Генри заполнит его.

В эту минуту меня, по моей настойчивой просьбе, представили мистеру Спаггу. Подобно прочим, я поспешил его поздравить и сказать, что я так же, как все остальные члены клуба, нахожу его поступок прекрасным. Он скромно ответил, что на его месте каждый порядочный человек поступил бы точно так же.

— Я говорил об этом вчера вечером с моим сыном Альфредом, и мы решили, что можем управлять автомобилем сами. Как-никак теперь ведь военное время.

— Какой род войск выбрали вы для вашего шофера?— спросил я.

— Я еще не решил,— ответил он.— Думаю послать его в воздушный флот. Опасность, конечно, велика, но сейчас не время об этом думать.

Итак, в назначенное время Генри, шофер мистера Спагга, отплыл за море. Сначала он попал в Англию, затем был переправлен на фронт в самое опасное место. Мы все в клубе знали, что шофер мистера Спагга может

быть убит каждую минуту. Однако, несмотря на это, мистер Спагг продолжал посещать свою контору и клуб, ничем не выказывая своего беспокойства. Его исключительное положение придавало ему особое значение в наших глазах.

— Кажется, немцы придумали новые авиационные моторы,— заметил я как-то за завтраком.

— Мой шофер,— ответил мистер Спагг,— уже участвовал в бою.

— Неужели?

— Да,— невозмутимо продолжал мистер Спагг,— снаряд разорвался так близко, что едва не поломал крылья его аэроплана.

Мистер Спагг говорил без всякого волнения и хвастовства, продолжая есть салат из сельдерея. Его шофер чуть не погиб, а он завтракал как ни в чем не бывало, и ни один мускул на дрогнул на его лице. Только в эту минуту я понял, какой он мужественный человек.

Через несколько дней в клубе были получены плохие вести.

— Слышали вы печальную новость?— спросил меня кто-то.— Шофер Спагга отравлен газами.

— А как перенес это Спагг?

— Он молодцом. Решил послать на фронт своего садовника.

Таков был ответ мистера Спагга германцам.

В этот день я встретился с ним за завтраком.

— Да,— сказал мистер Спагг.— Генри отравлен газами. Не знаю, как это случилось. Он, вероятно, опустился на зёмлю. Я говорил ему, чтобы он держался в воздухе. Но теперь поздно об этом рассуждать. Что сделано, то сделано.

— Говорят, вы посылаете своего садовника?

— Да, он уже почти уехал. Вчера я вызвал его из сада и сказал ему: «Уильям, Генри отравлен газами. Наша обязанность заменить его на фронте. Вы отправитесь сегодня же вечером».

— В какие войска вы определяете Уильяма?

— В пехоту. Он будет на своем месте в траншеях; хорошо работает лопатой и хороший стрелок. Я хочу, чтобы он участвовал во всевозможных боях. Германцы хотят продолжать войну, посмотрим, кто кого пересилит. Я сказал Уильяму на прощание: «Мы должны показать этим молодчикам, что с нами шутки плохи». Я так смотрю на дело: на каждого их человека один наш.

Я внимательно следил за мистером Спаггом. Он продолжал завтракать, и на его массивном лице не дрогнул ни один мускул. Он превосходно владел собой.

После этого время от времени я узнавал от него военные новости.

— Война принимает дурной оборот,— сказал я однажды, увидав его на улице, когда он садился в машину.— Подводные лодки осложняют дело.

— Да,— ответил он,— Уильям вчера был взорван.

Затем мистер Спагг спокойно сел в машину и уехал, как будто ничего не случилось.

Вечером я слышал, как он разглагольствовал в клубе:

— Ничего не поделаешь — подводная лодка. Уильям, мой садовник, взорван. У меня на войне и шофер и садовник. Уильям получил серьезные травмы. Альфред получил от него телеграмму с сообщением, что он собирается вернуться. Мы телеграфировали, чтобы он и не думал об этом.

В клубе эта новость служила главной темой для разговоров. «Садовник Спагга взорван»,— говорили одни. «Но Спагг не хочет, чтобы он вернулся», «Молодец Спагг!» — таково было общее мнение.

В последние дни приходили плохие вести о Генри и об Уильяме.

— Генри выписался из госпиталя,— сообщил как-то Спагг.— Надеюсь, через несколько дней он снова будет во Франции. Уильям еще не поправился. Я попросил одного лондонского врача осмотреть его. Я велел ему не жалеть средств, лишь бы поскорее поставить Уильяма на ноги. Кажется, одна рука у него плохо действует. Я советовал ее отнять, но врачи находят, что Уильям

потерял слишком много крови, чтобы перенести операцию. Тогда пусть перельют ему кровь Генри. Я ненавижу переливание крови, но теперь не время сентиментальничать.

Вскоре оба — Генри и Уильям — были отправлены на фронт во Францию. Это случилось как раз во время большого наступления германцев. Однако Спагг с непоколебимым видом продолжал заниматься своими делами. Наконец пришло скверное известие.

— Уильям и Генри,— сообщил нам Спагг,— оба числятся пропавшими без вести. Черт знает куда они делись!

— Числятся пропавшими!— повторил я.

— Да. Оба. Германцы захватили обоих. Не думаю, чтобы они вернулись до окончания войны.

Мистер Спагг слегка вздохнул. Это была единственная жалоба, которую я заметил.

На следующий день мы узнали, чем ответил мистер Спагг германцам, взявшим в плен Генри и Уильяма.

— Вы слышали, что сделал Спагг?— спросил один член клуба.

— Что же?

— Он решил отправить на войну своего камердинера Мидоуза.

Геройский поступок не требовал комментариев. Хладнокровная отвага мистера Спагга говорила сама за себя. Отправить Мидоуза, камердинера, без которого он не мог обойтись ни одного дня!

— Что же делать?— ответил мистер Спагг на мой вопрос, правда ли, что он отправляет на войну камердинера.— Я только исполняю свой долг. Вчера после обеда мы с сыном позвали Мидоуза и сказали ему: «Генри и Уильям в плену. Нужно поддержать численность наших войск на фронте. Здесь остаемся только мы с вами. Другого выхода нет: вы должны идти на войну».

— Но как вы обойдетесь без Мидоуза,— спросил я.— Вы же пропадете без него!

— Наш долг — пожертвовать всем. Мы с сыном нашли выход. Он будет помогать одеваться мне, я — ему. Как-нибудь обойдемся.

Мидоуз уехал на фронт.

Мистер Спагг одевался, как мог, и по очереди с сыном водил машину.

Мидоуз, попавший в тяжелую артиллерию, преуспевал.

— Надеюсь, он останется цел,— говорил мистер Спагг.— Если и он попадется, я уж и не знаю, что делать. Сами мы не можем идти на войну. Слишком заняты. Мы с сыном обсудили это и решили, что невозможно оставить контору — дела ведь идут отлично. Мы не можем выехать ни на один день. Может быть, нам удастся вырваться на месяц в горы. Но о поездке в Европу нечего и думать!

Вскоре мистер Спагг получил награду, которая помогла ему стойко переносить тяжелое испытание. Я увидел его в гостиной в кругу членов клуба. Он показывал им две медали, которые переходили из рук в руки.

— Получил от французского правительства,— объяснял он не без гордости.— Предназначаются Генри и Уильяму. Надпись гласит: «За выдающуюся храбрость». (Мистер Спагг выпрямился с сознанием собственного достоинства.) Я буду носить одну медаль, Альфред — другую, пока они не вернутся.— После короткого молчания он добавил:— Может быть, они никогда не вернутся из плена.

С тех пор мистер Спагг с французской медалью на часовой цепочке стал самым замечательным лицом в клубе. На него указывали как на человека, больше всех сделавшего для защиты родины.

Но и его готовность на жертвы имела предел. Даже его патриотизм наконец истощился.

Войдя как-то раз в клуб, я услыхал громкий голос Спагга в одной из телефонных будок:

— Алло, Вашингтон,— ревел он,— это Вашингтон?.. Далеко, ничего не слышно... Соедините с Вашингтоном...

Четверть часа спустя он входил в гостиную клуба, красный от возбуждения и негодования.

— Это переходит все границы!— воскликнул он.— Решительно переходит все границы.

— В чем дело?— осведомился я.

— Мой сын Альфред призван,— ответил он.— Представьте себе! Именно теперь, когда мы до того заняты, что встаем в половине девятого утра, призвать Альфреда! «Помилосердствуйте,— сказал я им,— я отдал вам шофера, он отравлен газами, садовника — он взорван, к тому же оба попали в плен. Месяц тому назад

я отослал вам камердинера. Это уже переходит всякие границы».

— Что же они вам ответили? — спросил я.

— О, все обошлось, — ответил он. — Они уладили дело и извинились. Альфред, конечно, не пошел бы, но я убедился, что дело может зайти слишком далеко. Эдак, пожалуй, доберутся и до меня...

— Да, — согласился я, — это уже переходит всякие границы...

СЕКРЕТ УСПЕХА

Я переменил в жизни немало профессий, но, вспоминая прошлое, понимал, что за все эти годы — а их было больше, чем мне хотелось бы,— я ни разу не был близок к успеху. Я не мог достичь успеха и все время помнил об этом. Сознание того, что я не достиг успеха, угнетало меня.

Возвращаясь по вечерам домой, я частенько говорил жене:

— Куколка, я все еще не достиг успеха.

— Джим, старичок,— отвечала она,— я знаю, что ты не достиг успеха, но не сомневайся — ты его достигнешь!

И я видел, как из ее глаз капали на передник слезы.

Я выходил тогда во двор, садился где-нибудь в уголке и предавался мрачным мыслям.

Часто я задумывался, как же это оно вышло, что я не могу добиться успеха. Я был более или менее образован, жизненного опыта — хоть отбавляй, да и вообще, чем я хуже других! Я был в меру усидчив и в меру настойчив, не пил, не курил, в жизни не прикасался к картам и лишь понаслышке знал, что такое рулетка и конские бега. Как и все люди, я сознавал свои недостатки: у меня было маловато напористости и совсем не было пробивной силы. Мне не хватало также магнетизма и быстроты реакции. Я знал, что в наши дни нельзя даже представить себе настоящего бизнесмена без магнетизма и железной хватки. Я не обладал еще кое-какими мелкими достоинствами — не умел складывать в уме цифры и не мог ничего запомнить. Память моя напоминала сеть с чересчур широкими ячейками. Возвращаясь по вечерам домой, я говаривал жене:

— Долли, куколка, память моя никуда не годится.

— О чем же ты не можешь вспомнить?— спрашивала она.

— Да вот забыл о чем,— отвечал я и тяжело вздыхал.

Питался я тоже неправильно, хотя в то время и не сознавал этого. Каждое утро я накачивался кофе, поглощал мясо и получал от еды удовольствие, совершенно не задумываясь о том, чтобы соблюдать правильные соотношения между сернистыми и азотистыми компонентами. Я тогда не имел абсолютно никакого понятия, что каждую частицу поглощенных альбуминов человек должен компенсировать определенным количеством водорода и цветочной пыльцы.

Однажды утром перед уходом на работу я сидел во дворе и обо всем этом размышлял. Вдруг меня осенило — я понял, что причина всех моих неудач в том, что мне не хватает веры в себя. Вот где была собака зарыта! Потому-то я ничего не добился, что не верил в себя и не мог противостоять напору обстоятельств. Тогда я встал и пошел прямо домой. Войдя в дом, я отправился прямо на кухню, где жена готовила завтрак.

— Долли, куколка, я понял, в чем дело! Мне не хватало веры в себя!— воскликнул я и грохнул кулаком по столу так, что посуда со звоном подпрыгнула.

— Ой, Джим,— сказала жена,— ты меня напугал!

— Ха-ха!— захохотал я, вспомнив, что за последние шесть лет ничего подобного от нее не слыхал.— Я напугал тебя, да? Ну что ж, тогда приготовь мне какую-нибудь сернистую пищу.

— А ты не будешь есть свой бекон?— спросила она.— Я как раз его разогревала...

— Нет, Долли,— уверенно сказал я.— Разве ты не знаешь, что этот бекон содержит гораздо больше азотистых компонентов, чем я могу усвоить в рабочее время? Преобладание азотистой пищи, куколка, подавляет нервные центры и снижает общий тонус организма. Дай мне лучше простоквашу и полкастрюли печеных бобов. Свари их так, чтобы не разрушить содержащиеся в них альбумины.

— А кофе будешь?

— Ни в коем случае. Ни капли. Возьми пакетик хрустящих отрубей и высыпь их в теплую воду.

Позавтракав таким образом, я отправился на службу. Я сознавал важность того, что мне предстояло. Я чувствовал, что смогу противостоять любым трудностям. «Джим Дадли,— внушал я себе,— ты должен добиться успеха». Войдя в контору, я сразу же столкнулся лицом к лицу с одним из директоров фирмы.

— Вы пришли на десять минут раньше, Дадли,— заметил он.

— Мистер Китсон,— ответил я,— лучше прийти раньше, чем опоздать: служащий, который ценит время начальника больше, чем собственное, способствует тем самым своему благоденствию.

С этими словами я сел за стол и приготовился начать работу. Думаю, за всю свою жизнь я никогда не работал так, как в то утро. Казалось, что все мне под силу. Если раньше я отвечал на некоторые письма в течение получаса, то теперь это занимало у меня не более двух минут. Я старался, чтобы в каждом ответе была какая-нибудь изюминка. Даже если я не был знаком с адресатом, я находил время, чтобы вписать в текст «Ку-ку» или «Улыбайтесь!» или еще что-нибудь столь же остроумное. «Джим Дадли,— повторял я себе,— ты должен добиться успеха!»

Мистер Китсон в это утро дважды или трижды заходил в контору.

— Налегайте, Дадли!— сказал он мне мимоходом.

— Мистер Китсон,— ответил я,— служащий, который не налегает на свою работу, подрывает тем самым благополучие фирмы и свое собственное.

Ну так вот, около часу дня мистер Китсон подошел к моему столу.

— Дадли,— начал он,— я хочу кое о чем с вами поговорить. Давайте вместе пообедаем.

— С удовольствием, мистер Китсон,— отвечал я,— мне надо только дописать письмо, а потом пойдем обедать.

— Забудьте вы про это письмо, Джим!— воскликнул он.— Оно никуда не денется.

— Мистер Китсон,— ответил я,— еще Наполеон положил себе за правило непременно заканчивать начатые письма.

Так что я дописал то письмо, поставил внизу свою подпись, взял шляпу, и мы с мистером Китсоном отправились обедать в фешенебельный клуб. Меню там было богатейшее, но я заказал не какое-нибудь там мясо, а тарелку шпината. Мистер Китсон, как я заметил, не ел ничего, кроме тушеного кресс-салата.

— Ну так вот, Джим,— заговорил он,— я сегодня наблюдал за вами все утро. Сдается мне, вы именно тот, кто нам нужен. Фирма хочет послать кого-то в Канзас-Сити, чтобы зацепить на крючок одного большого

человека и предложить ему обштопать с нами чрезвычайно выгодное нам дельце.

— Мистер Китсон,— прервал его я,— мне удастся зацепить его на крючок и обштопать дельце.

— Когда вы сможете туда отправиться?

— Прямо сейчас,— заявил я,— как только доем шпинат. Скажите только, какое дельце надо обштопать, и я мигом буду на месте.

— Отлично!— воскликнул мистер Китсон.— Тот, с кем вы должны встретиться,— это Джон Смит с Джон-стрит. Вы запомните его имя? А то лучше запишите.

— Не надо,— ответил я.— Повторите его три-четыре раза, и моя память вцепится в него мертвой хваткой. Пока вы будете это делать, я займусь дыхательной гимнастикой.

Из ресторана я отправился прямо домой и уложил саквояж.

— Долли,— сказал я жене,— я уезжаю в Канзас-Сити.

— Зачем?— спросила она.

— Чтобы обштопать одно дельце,— ответил я.— Это крупное дельце, куколка, и если я смогу зацепить на крючок одного большого человека, мы с тобой сами станем большими людьми.

Поезд отправился ночью. Всю дорогу я питался травами и упражнял свою память, а также быстроту реакции.

Так что, прибыв в Канзас-Сити, я понял, что готов своротить горы. Я нашел Джона Смита, но тот не пожелал со мной разговаривать. Я пошел прямо в его контору и спросил:

— Мистер Смит, можно с вами поговорить?

— Нет,— ответил он,— нельзя.

Но я все же настаивал.

— Позвольте мне побеседовать с вами.

— Не позволю.

Я, однако, не сдавался. В тот же день, ближе к вечеру, я явился к нему домой и прошел прямо в библиотеку.

— А сейчас можно с вами поговорить?

— Нет,— отрезал он,— со мной сейчас говорить нельзя.

— Послушайте, мистер Смит,— упрашивал я,— чтобы повидать вас, я проехал две тысячи миль. Давайте все-таки потолкуем.

— Нет, Дадли,— ответил он,— этот номер не пройдет.

Я осаждал его четыре дня. В конце концов он сдался.

— Ваша взяла, Джим,— сказал он.— Излагайте свое дело. Что вы от меня хотите?

— Хочу завязать с вами контакт и обштопать одно дельце,— заявил я.— Пойдемте в ресторан — пообедаем, поедим шпинат, и я все вам объясню.

Я повел его в шикарный ресторан, где подавали лучший шпинат во всем Канзас-Сити.

— Так вот,— сказал я ему, когда мы пообедали,— вы — большой человек, и я предлагаю вам большое дело. Мы хотим провернуть крупную сделку, и вы — как раз тот человек, что нам нужен. Вы — большой человек!

— Джим,— воскликнул он,— вы хорошо говорите. Более того, у вас есть свое лицо, а в бизнесе сегодня это самое главное. Когда я вижу перед собой человека, у которого есть свое лицо, я ни в чем не могу ему отказать. Такие люди покоряют меня с первого взгляда.

Так я добился своего и отбыл обратно в Нью-Йорк. Долли встречала меня на станции. Я поцеловал ее прямо на платформе.

— Ну как, зацепил его на крючок?— спросила она.

— Зацепил, Долли,— ответил я.

Она уронила слезу прямо на платформу.

— Милый старина Джим!— воскликнула она.

На следующее утро я обнаружил на своем столе конверт, в котором был вложен чек на пять тысяч долларов.

Так я взошел на первую ступеньку лестницы, ведущей к успеху. Обнаружив, что я умею зацеплять на

крючок людей и обштопывать такие крупные дела, наша фирма нашла для меня много подобного рода работы. Кончилось это тем, что они сделали меня генеральным директором.

— Нет смысла держать вас на вторых ролях, Джим,— заявил мистер Китсон.— Вы превзошли нас всех.

В тот день я пришел домой и сказал жене:

— Куколка, меня сделали главой фирмы.

— Ох, Джим!— воскликнула она.— Ты наконец добился успеха. Я горжусь тобой и еще горжусь той фирмой, которую ты теперь возглавляешь. Расскажи мне подробно, чем вы там занимаетесь, что производите или продаете.

— Долли, не задавай мне таких вопросов. Я в последнее время только и делал, что зацеплял на крючок людей, обштопывал крупные дела, ел шпинат и занимался дыхательной гимнастикой. Поэтому я так и не успел, черт возьми, выяснить, чем занимается наша фирма.

КАК ИЗБЕЖАТЬ ЖЕНИТЬБЫ

Несколько лет назад, когда я вел в газете колонку ответов на письма, мне часто приходили отчаянные послания от молодых людей, просивших совета и участия. Они обнаружили, что являются объектами пристального внимания со стороны девиц, с которыми совершенно не знают, как себя вести. Не желая причинять боль этим прелестным созданиям или проявлять безразличие к их чувствам, столь же горячим, сколь и бескорыстным, они все же смутно понимали, что не могут предложить им руку, пока сердце еще не высказалось ясно. В поисках облегчения молодые люди писали мне подробно и откровенно, как будто вели разговор по душам. Я всегда старался оправдать их доверие и не разглашал их тайн, как бы это ни отражалось на тираже моей газеты; никогда не публиковал каких-либо сведений о моих корреспондентах, по которым читатели могли бы догадаться об авторстве писем, за исключением имен и адресов авторов и полных текстов их писем. Надеюсь, я не навлеку на себя обвинений в том, что не держу своего слова, если воспроизведу здесь одно из таких писем и свой ответ на него. С тех пор как я его опубликовал, прошло уже несколько месяцев, и ласковая рука Времени вплела розы...— куда бы мне их пристроить?..— а сладкий туман воспоминаний успел рассеяться... гм, я хочу сказать, что молодой человек вернулся к активной трудовой деятельности и с ним теперь все в порядке.

Итак, вот письмо этого молодого человека, чье имя и фамилию я не должен называть, поэтому заменю их инициалами Д. Д., и чей адрес я обязан скрыть, поэтому обозначу его так: Запад, Q-стрит.

«Дорогой мистер Ликок!

Не так давно я сделался предметом весьма присталь-

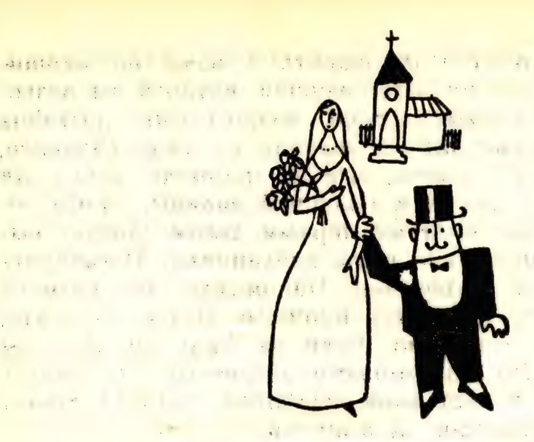
ного внимания со стороны одной молодой особы. Она почти каждый вечер является ко мне домой, берет меня кататься на своей машине, приглашает на концерты и в театр. В таких случаях я настаиваю, чтобы мы взяли с собой моего папу, и пытаюсь, насколько это возможно, удержать ее от слов и выражений, которые могли бы его смутить. Однако мое положение становится все более затруднительным. Я не считаю правильным принимать от нее подарки, когда я не могу сказать с уверенностью, что мое сердце принадлежит ей. Вчера она прислала мне великолепный букет роз сорта «Краса Америки», а моему папе — огромную копну сена сорта «тимофеевка». Я в недоумении. Следует ли моему отцу принять в подарок этот ценный сельскохозяйственный продукт? Мы с ним откровенно поговорили, всесторонне обсудив подарочный вопрос. Он считает, что одну часть даров мы можем оставить себе, а другую должны деликатно вернуть, поскольку принять ее было бы неудобно. По его мнению, подарки надо рассортировать на два класса, и сено, насколько он понимает, относится к классу Б, так что его можно оставить себе. Между прочим, пишу вам потому, что мне стало известно: мисс Лора Джин Либби и мисс Беатрис Фэрфакс уехали отдыхать. Один из моих друзей, которому я показывал их письма, по секрету сказал мне, что там сплошные глупости.

К письму прилагаю доллар, поскольку думаю, что было бы несправедливо заставлять вас тратить на меня ваше драгоценное время и лучшие из ваших мыслей, не компенсировав вам их стоимость».

Получив это письмо, я тотчас же сочинил очень личное и конфиденциальное послание, которое назавтра опубликовал в очередном номере газеты.

«Мой дорогой юный друг!

Письмо ваше тронуло мою душу. Как только я его распечатал и увидел зеленовато-синие переливы красок на долларовой купюре, которую вы так аккуратно и со вкусом заложили между страниц вашего во всех отношениях приятного письма, то сразу понял: оно послано человеком, которого я готов горячо полюбить, особенно если переписка наша будет продолжаться так же, как началась. Я извлек доллар из конверта и не менее дюжины раз его поцеловал. О, дорогой мой незнакомый юноша! Я буду хранить этот доллар вечно! Какую бы необходимость я в нем ни испытывал, какая бы жесто-

кая нужда меня ни терзала, я всегда буду хранить этот доллар, именно этот. Вы меня поняли, дорогой мой? Я буду его хранить. Не потрачу его. Не смогу извлечь из него пользу. Все будет так, как будто вы мне его не посылали. Даже если у вас возникнет потребность прислать мне еще один доллар, я все равно буду хранить первый. Так что неважно, сколько всего их вы мне пришлете,— воспоминания о первом мгновении нашей с вами дружбы никогда не омрачат корыстные расчеты. Когда я говорю «доллар», дорогой мой, то подразумеваю под этим также и банковский или ордерный чек или даже почтовые марки. Только не присылайте мне их на адрес редакции — мне страшно даже подумать, что ваши милые письма будут лежать вместе с другими в таком месте, где их будут касаться чужие руки.

Но довольно о себе, я ведь понимаю, что вам вряд ли так уж интересен простодушный старый чудак вроде меня. Давайте поговорим по существу дела — о вашем письме и о сложном вопросе, который встает перед всеми молодыми людьми, достигшими брачного возраста.

Прежде всего позвольте сообщить вам: я рад, что вы советуетесь с отцом. Что бы ни произошло, тотчас идите к нему, обвейте руками его шею, а затем поплачьте вместе. Насчет подарков вы совершенно правы. Чтобы разобраться с ними, нужна более умная голова, чем та, что на плечах у нашего бедного, сбитого с толку мальчика. Поэтому несите все подарки отцу на сортировку, а если чувствуете, что не следует злоупотреблять его терпением и любовью, присылайте их мне, собственноручно написав на них мой адрес.

А теперь позвольте поговорить с вами по душам. Всегда следует помнить, что девушка, которой вы позволяете завладеть вашим сердцем, должна быть достойна вас. Если вы посмотрите в зеркале на свое сияющее, наивное лицо, то поймете, что не сможете найти ни одной столь же наивной и сияющей девицы, чтобы отдать ей свою руку. Поэтому первым делом следует выяснить, насколько наивна ваша избранница. Поговорите с ней спокойно и откровенно. Напомните, что времена ложной скромности уходят в прошлое. Потом спросите, не была ли она в тюрьме. Если не была (и если вы тоже там не были), вы сможете убедиться, что имеете дело со славной и достойной девушкой, которая станет вашим верным помощником в жизни.

После этого вы должны убедиться, что уровень ее умственного развития не ниже вашего. Слишком многих мужчин в наши дни сбивают с пути внешняя красота и привлекательность девиц, не обладающих на самом деле никакими мыслительными способностями. После свадьбы мужчину часто постигает горькое разочарование: он осознает, что жена его не в силах решить квадратное уравнение и что он обречен провести остаток своих дней с женщиной, не знающей, что $x^2 + 2xy + y^2$ означает то же самое — а может, почти то же самое, — что и $(x + y)^2$.

Не следует пренебрегать и обычными домашними добродетелями. Если девушка выражает желание окружить вас заботой, поинтересуйтесь, окружила ли она ею себя. Если полученные сведения окажутся для нее благоприятными, можете смело дать ей завладеть собой, если же нет, дайте ей от ворот поворот.

Однако замечаю, что написал ровно столько, сколько нужно, чтобы заполнить вверенную мне колонку. Так что жду ваших писем, дорогой мой юный друг, таких же, как это.

Стивен Ликок».

КАК ОН УЗНАЛ О СВОИХ НЕДОСТАТКАХ

— О, пожалуйста, мистер Незреллоу,— сказала прелестная девушка, сидевшая на веранде отеля,— позвольте взглянуть на вашу ладонь. Я расскажу вам обо всех ваших недостатках.

Мистер Незреллоу издал нечленораздельный булькающий звук и отдал свою руку на милость чаровницы; при этом лицо его залил внезапный румянец.

— О, в вас полно недостатков, мистер Незреллоу, они просто хлещут через край!— воскликнула она.

Молодой человек придал своему лицу соответствующее выражение.

— Начнем с того,— медленно и задумчиво проговорила девушка,— что вы ужасно циничны: совершенно ни во что не верите и особенно не доверяете нам, несчастным представительницам слабого пола.

Слабая улыбка, все еще освещавшая лицо мистера Незреллоу и придававшая ему некоторый налет дебильности, сменилась какой-то странной гримасой — он силился изобразить цинизм.

— Следующий ваш недостаток в том, что вы очень решительны, слишком даже решительны. Если вы направите свои усилия на достижение какой-нибудь цели, то просто растопчете ногами все препятствия.

Мистер Незреллоу робко посмотрел вниз, на свои теннисные туфли, однако почувствовал себя спокойнее и даже как-то воспрянул духом. Чем черт не шутит, может, он действительно такой, только не сознает этого?

— Далее, вы бесчувственны и саркастичны.

Мистер Незреллоу попытался изобразить на лице бесчувственность и саркастичность. В результате вышла какая-то свирепая и одновременно хитрая ухмылка.

— К тому же вы совершенно утратили вкус к жизни. Вам ни до чего нет дела. Мировоззрение ваше свелось

к жалким остаткам какой-то убогой философии. Вы насмехаетесь надо всем.

Мистер Незреллоу подумал про себя, что отныне будет надо всем насмехаться, насмехаться, насмехаться.

— Единственное, что хоть как-то сглаживает ваши дурные качества,— это ваша щедрость. Вы попытались убить в себе даже это свойство, но не смогли. Да,— подвела итог девушка,— такой вот вы и есть: по-прежнему щедрый, однако бесчувственный, циничный и жестокосердный. Спокойной ночи, мистер Незреллоу.

Невзирая на все его мольбы, чаровница прошествовала с веранды в глубь отеля и исчезла.

И когда позже в тот же вечер брат прелестной девушки одолжил у него на пару недель теннисную ракетку и велосипед, отец ее заставил выписать ему чек на пару сотен долларов, а ее дядя Зефас позаимствовал из его спальни светильник и использовал его бритву, чтобы нарезать блок прессованного табака, мистер Незреллоу ощутил гордость от того, что ему оказана честь быть знакомым с этим семейством.

СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ

(О необходимости именного указателя)

Надеюсь, читатель согласится со мной, что серьезному научному изданию указатель совершенно необходим. При этом перед составителем указателя стоит немало проблем. Например, как быть с лицом, которое встречается в книге несколько раз в разном контексте. В этом случае хитроумный составитель указателя пользуется коварным приемом «отсылки», которая выражается в широко распространенной аббревиатуре «см.» (смотри). В теории отсылка выглядит вполне правомерно, на практике же она часто ведет к несколько неожиданным результатам. Вам нужен, скажем, Талейран. Вы роетесь в индексе и видите: «Талейран, см. Перигор». С замиранием сердца вы отыскиваете «Перигор» и читаете: «Перигор, см. Талейран».

Особенно обидно бывает, когда вам приходится лихорадочно метаться от имени к фамилии и обратно. Например, «Линкольн, см. Авраам... Авраам, см. Линкольн». Но это еще не самое худшее, так что вы по крайней мере рано или поздно смекнете, что попали в замкнутый круг, из которого вам ни за что не выбраться. Гораздо хуже, когда круг не замкнут: «Авраам, см. Линкольн... Линкольн, см. Гражданская война... Гражданская война, см. Соединенные Штаты... Соединенные Штаты, см. Америка... Америка, см. Американская история... Американская история, см. также Христофор Колумб, Новая Англия, Джордж Вашингтон и др.».

По иронии судьбы в конце этого бесконечного перечня имен и понятий вас может терпеливо ожидать тот, ради кого вы пустились в столь долгий и тернистый путь,— Авраам Линкольн.

Впрочем, бывает и еще хуже. Какой-нибудь не в меру дотошный составитель именного указателя фиксирует в нем всякое упоминание имени собственного вне зависимости от контекста. Вот, например, как может вы-

глядеть именной указатель на букву «Н»: «Наполеон — 17, 26, 41, 73, 109, 110, 156, 213, 270, 280». Проверяем по тексту, что можно узнать о великом французском императоре: с. 17 «Носил прическу, как у Наполеона»; с. 26 «В дни Наполеона»; с. 41 «Похож на Наполеона»; с. 73 «Не похож на Наполеона»; с. 109 «В кругу друзей прослыл Наполеоном настольного тенниса»; с. 110 «Лавры Наполеона не давали ему спать»; с. 156 «Шляпа Наполеона»; страницы 213, 270, 280 остались непроверенными.

Прискорбная дотошность составителя указателя особенно наглядно проявляется в биографиях. Неудивительно, что имя человека, о жизни которого рассказывает книга, встречается буквально на каждой странице. Зато удивительно, с каким рвением составитель указателя стремится любой ценой зафиксировать все факты жизни своего героя, грубо нарушая при этом естественный ход событий. Вот что происходит: «ДЖОН СМИТ: рождение, с. 1; смерть, с. 1; рождение отца, с. 2; рождение деда, с. 3; рождение матери, с. 4; отъезд семьи матери из Ирландии, с. 5; отъезд семьи матери из Ирландии (продолжение), с. 6; школьные годы, с. 7; школьные годы (продолжение), с. 8; смерть от воспаления легких и поступление в Гарвардский университет, с. 9; рождение старшего сына, с. 10; женитьба, с. 11; младшие классы школы, с. 12; похороны, с. 13; защита диплома, с. 14...»

Предположим все же, что мы с вами задались целью составить образцовый указатель, который даст наконец читателю необходимую информацию. Приведем образцовый указатель к книге о садоводстве, начало из которой позволим себе здесь процитировать:

«Как любил говорить Авраам Линкольн, если собираешься заняться садоводством, следует снять пиджак. К тому же выводу приходит со временем и другой великий муж, Наполеон, который, как и Линкольн, был прирожденным садоводом. Будучи сослан на остров Святой Елены, человек, некогда завоевавший всю Европу, променял императорский жезл на садовую лопату. На старости лет Наполеон прослыл большим знатоком минеральных удобрений».

А вот как выглядит образцовый построчный указатель к приведенному отрывку:

«АВРААМ ЛИНКОЛЬН: афоризмы Авраама Линкольна, с. 1; Авраам Линкольн — садовод, с. 1; Авраам

Линкольн об одежде (см. также пиджак), с. 1; Авраам Линкольн и Наполеон (К проблеме сравнительно-исторической характеристики), с. 1;

ВЕЛИКИЙ МУЖ: Авраам Линкольн как великий муж, с. 1; Наполеон как великий муж, с. 1;

НАПОЛЕОН: великий муж (см. также Авраам Линкольн), с. 1; ссылка (см. также остров Святой Елены), с. 1; Наполеон — император (бывший), с. 1; наполеоновские войны (см. также завоевание Н. Европы), с. 1; регалии императора (см. также императорский жезл, садовая лопата, минеральные удобрения), с. 1; старость (см. также знаток минеральных удобрений), с. 1.

Вышеприведенный указатель далеко не полон. В него можно было бы включить такие понятия, как: минеральные удобрения, садовая лопата, Святая Елена, и другие в строго алфавитном порядке.

Как видно, и этот образцовый указатель можно было бы еще совершенствовать и совершенствовать. Ибо, как известно, стремление к совершенству беспредельно (см. также Ад, Благими, в, Вымощена, Дорога, Намерениями).

ПО СТРАНИЦАМ СТАРЫХ ГАЗЕТ

ВОЙНА 1935 года

Война между Англией и Соединенными Штатами должна была начаться в первых числах июня 1935 года. Все было заранее подготовлено и отрепетировано самым тщательным образом. Непосредственной причиной начала военных действий явился один из тех дипломатических инцидентов, которые не потерпит ни одна уважающая себя нация. В Сингапуре из окна таверны выбросили на тротуар американского моряка на том только основании, что он якобы слишком долго стоял у стойки. Подробностями этого инцидента немедленно запестрели крупнейшие газеты по обе стороны Атлантики. Американцы, единодушные в своем возмущении, посчитали, что оскорбление, нанесенное их соотечественнику, не может оставаться безнаказанным. В ответ на это англичане возражали, что законное право выбрасывать первого встречного из таверны его величества в любое время дня и ночи является неотъемлемой частью британской конституции, оспаривать которую не позволит ни одна великая держава, тем более Великобритания. Но как раз в это время в Лондоне открылась ежегодная собачья выставка, на которой первый приз, учрежденный бельгийской полицией за самую голодную собаку, неожиданно для всех завоевала американская сука неизвестной породы из штата Айдахо. Это событие привлекло к себе такое внимание, что инцидент с сингапурским моряком был совершенно забыт. Когда же о нем вспомнили, американцы вынуждены были признать, что их моряка, возможно, следовало выбросить из таверны на улицу. Англичане в свою очередь заверили своих американских друзей, что готовы, не считаясь с расходами, вновь водрузить американского моряка у стойки в таверне. Окончательно исчерпан был этот инцидент лишь тогда, когда в Вене начался международный шахматный турнир, а в Соеди-

ненные Штаты отправился на гастроли валлийский народный хор, двести луженых глоток которого быстро отрезвили общественное мнение.

ПРОБЛЕМЫ ЛЮБВИ И БРАКА

(Ответы на письма наших читателей)

Мистеру ВДОВСУ

Уважаемый сэр, я прекрасно понимаю двойственность Ваших чувств по отношению к Вашей кухарке. Всякий холостяк рано или поздно вынужден сталкиваться с той же дилеммой, и я надеюсь, вы проявите максимум выдержки и хладнокровия. Вы пишете, что не знаете наверняка, любит ли Вас Ваша кухарка или нет. Право, думаю, что это не самое главное. Помните только, что она всегда может получить выгодное место в доме для престарелых. Поэтому Вы должны решить, отпускать ли ее и пытаться подыскать себе другую кухарку либо жениться на ней. Есть, впрочем, и еще один вариант: переехать жить в тот дом для престарелых, куда она устроится работать.

Мистеру ЛОВЛАСУ

Уважаемый сэр, по правде говоря, человеку в Вашем возрасте (я понял, что вам всего шестьдесят один) и с Вашим темпераментом нелегко давать советы. Вы пишете, что сразу три молодые особы хотят выйти за Вас замуж. Вы опрометчиво допускаете, чтобы одна из них катала Вас в своей машине; она вправе подумать, что Вы и впрямь к ней неравнодушны. При этом вторая из трех дам, как нам стало известно, уже не раз приглашала Вас на дневные спектакли. Что же касается третьей, то хотя Вы и не знакомы с ней, но сами слышали, как кто-то в гольф-клубе обмолвился, будто она называла Вас «душкой». Вы пишете, что Вам нравятся все три девушки, но Вы не уверены, можно ли Ваши чувства к ним назвать любовью. Смотрите не ошибитесь, это может быть и несварение желудка.

Мистеру ТАКТУ

Что сказать Вам, мистер Такт? Вы пишете, что ухаживаете за дамой примерно Вашего возраста уже больше тридцати лет. Каждое третье воскресенье месяца уже несколько лет кряду Вы берете ее с собой на вечернюю

службу в церковь. Последние десять лет Вы аккуратно поздравляете ее с пасхой и днем первого апреля; ее отцу, которому в этом году исполнилось девяносто шесть, Вы явно нравитесь. Ему, правда, теперь все нравится... Вы совершенно правы, что ведете себя столь осмотрительно. Я понимаю, с пятнадцатью тысячами годового дохода расстаться не так-то просто. Вы спрашиваете, сделать ей предложение или повременить? По-моему, с принятием такого решения не следует торопиться. Подождите еще, дождитесь, пока умрет ее отец, а следом за ним и ее мать. За это время Вы наберетесь жизненного опыта, все как следует обдумаете, взвесите, прикинете, а там — посмотрите.

Неужели Вы не помните, как каких-нибудь тридцать лет назад Вы стояли с ней на мосту в летних сумерках и чуть было не сделали предложение? Вспомнили? Так вот. Тогда Вы сдержались, хотя это и было нелегко. Вы решили подождать, ведь у Вас в то время была всего тысяча в год. А помните, пятью годами позже, поздним зимним вечером Вы остались с ней вдвоем у камина всего на несколько минут и Вы уже было совсем собирались предложить ей руку и сердце, но и тогда Вы решили повременить — ведь на три тысячи в год не проживешь... Так зачем же, спрашивается, торопиться теперь? Нет, голубчик, ждите. Ждите, как ждали всегда. Это все, что Вам остается.

Мистеру ИКСУ

Простите, но мы не даем старикам взаймы по переписке.

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Готический роман

Уже смеркалось, когда 15 ноября 18... мой экипаж медленно покатился по длинной, сумрачной аллее, ведущей к фамильному особняку Тайнов. Только мы въехали в ворота, как густой, непроницаемый лес, протянувшийся на многие мили вокруг, огласился душераздирающим воплем. В тот момент я не придал этому крику никакого значения, посчитав его в порядке вещей в этом нелюдимом месте, однако по мере приближения к усадьбе я задумался, не таит ли он в себе некий смысл, мне до времени неведомый.

По природе, как читатель вскоре убедится, я человек отнюдь не трусливый, но, не скрою, с самого начала моего путешествия неприятные предчувствия меня одолевали. Родовое поместье Тайнов стоит на топких болотах в одном из самых отдаленных уголков Англии. Немногочисленные жители этого бедного края ведут жалкое, полунищее существование, питаясь по преимуществу лягушками, мухами и летучими мышами, в которых они не испытывают недостатка. На головы этих несчастных, почти разучившихся говорить людей круглый год сыплет мелкий, непрекращающийся дождь, под ногами чавкает ядовито-зеленый мох, а легкие вдыхают зловонные испарения, поднимающиеся с болот.

В сумерках неожиданно выросли передо мной неясные очертания старого полуразрушенного замка. Все было погружено в непроницаемый мрак, только из створчатого окна в башне пробивался тусклый свет. Замечу, у меня довольно крепкие нервы, но и меня поразила гнетущая тишина, время от времени прерываемая хриплым криком совы да заунывным кваканьем лягушек. У самого рва мой кучер остановил лошадь. Напрасны были все мои попытки уговорить его ехать дальше. По застывшему лицу его видно было, что бедный па-

рень сам не свой от страха. Не успел я выйти и расплатиться, как он повернул лошадь и погнал ее прочь.

Признаться, тревога кучера несколько развеселила меня, и, от души посмеявшись над местными предрассудками (люблю громко посмеяться в темноте), я двинулся через ров к входной двери и решительно дернул за ручку звонка. Слышно было, как эхо гулко разнеслось по анфиладе пустых комнат. Затем все вновь смолкло. Я прислушался, но не услышал ничего, кроме разве что тихого стенания, как будто кто-то страдает от непереносимой боли или оплакивает свою горькую судьбу. Сэр Джереми Тайн предупредил, что меня будут ждать, а потому я поднял увесистый дверной молоток и что было силы принялся бить им в дубовую дверь.

Не успело стихнуть эхо от моих тяжких ударов, как я услышал шарканье ног и перезвон ключей. Раздался грохот отодвигаемых засовов, и массивная дверь со скрежетом приоткрылась. В ее проеме передо мной стоял человек со свечкой в руке. Сомнений быть не могло: по выцветшему черному камзолу, седым волосам и преклонному возрасту я понял, что это и был дворецкий Иррод, о котором в свое время говорил мне сэр Джереми Тайн.

Не говоря ни слова, он сделал мне знак следовать за собой, и мы вошли в длинную залу, прежде, очевидно, служившую столовой. Более всего остального, скажу откровенно, смущал меня безмолвный сопровождающий. Он держал свечу так близко к глазам, что я как следует смог рассмотреть его. Никогда прежде не видел я внешности более отталкивающей.

— Сэр Джереми заверил меня,— произнес наконец я как можно громче и приветливее,— что он предупредит вас о моем приезде.— Говоря это, я пристально следил за выражением лица дворецкого. В ответ Иррод только и сделал, что приложил палец к губам, и я вдруг понял, что этот человек глух и нем.

Иррод поставил передо мной на стол пирог с мясом, жареного гуся, голову сыра и высокую бутыль яблочного вина. Но есть мне, как читатель догадается, совсем не хотелось. С гусем и пирогом я еще кое-как управился, а сыр съел и вовсе без всякого удовольствия. Вино показалось мне кислым, и я, выпив пару бутылок, решительно встал из-за стола. Кусок, что называется, не лез мне в горло. Увидев, что я не расположен к еде, дворецкий взял свечу и поманил меня за собой.

Мы долго шли по длинным пустым коридорам мимо развешанных по стенам портретов предков сэра Джереми, которые в мерцающем свете свечи, казалось, ожили и пристально взирали на меня, неодобрительно выглядывая из своих золоченых рам. Когда мы стали подыматься по скрипучей винтовой лестнице, я понял, что Иррод ведет меня в башню, в окне которой я увидел свет, подъезжая к замку.

Поставив свечу на стол, дворецкий вышел, и в воцарившейся тишине я еще долго слышал его удаляющееся шарканье. Вероятно, нервы мои окончательно расстроились, ибо не успел он уйти, как до меня вновь донеслось тихое стенание, исходившее, как мне показалось, из стенного шкафа. Смелости, как читатель уже не раз имел возможность убедиться, мне не занимать, однако раскрыть створки шкафа и заглянуть внутрь я не решился. Вместо этого я сел в глубокое кресло у камина спиной к шкафу и, не отводя глаз, долго смотрел на еле теплившееся в нем пламя. Не знаю, сколько времени просидел я так, как вдруг взгляд мой по чистой случайности упал на каминную доску, на которой я обнаружил письмо, мне адресованное. Узнать почерк сэра Джереми Тайна труда не составляло. Я немедля открыл письмо и при слабом свете свечи прочел следующее:

«Мой дорогой Дигби,

зная, что Вы собираетесь посетить Тайн и провести ночь в башне, считаю своим дружеским долгом поведать Вам страшную историю моего родового замка. Вот она.

В ночь на 15 ноября ровно пятьдесят лет тому назад мой дед был зверски убит своим двоюродным братом сэром Тейном Тайном в той самой комнате, где Вы сейчас находитесь. Мой дед был заколот предательским ударом в спину, когда он сидел в кресле у камина, где, быть может, Вы читаете это письмо. В ту ночь сэр Тейн и мой дед играли в карты по обыкновению, и когда на следующее утро дверь взломали, тело моего деда лежало на ковре среди рассыпанных по полу карт и золотых монет, а подле него мертвецки пьяный лежал сэр Тейн с окровавленным кинжалом в руке. Суд приговорил сэра Тейна к смертной казни, однако, учитывая его высокое положение, ему было разрешено умереть в маске. Одежда, в которой он был повешен, по сей день висит в стенном шкафу за Вашей спиной. Там же на верхней полке лежит и маска, в которой он ступил на эшафот. В нашем роду существует поверье, будто

каждый год в ночь на 15 ноября ровно в полночь двери стенного шкафа открываются и из него выходит сэр Тейн Тайн.

Желаю Вам, любезный друг, доброй ночи после утомительной дороги. Преданный Вам Джереми Тайн.

P. S. Два слова о дворецком. После убийства все слуги, что неудивительно, сбежали из замка, и Иррод с тех пор его единственный обитатель. Когда было совершено преступление, Иррод был еще совсем молодым человеком лет двадцати, только что поступившим на службу к моему деду. Именно он первым попал в комнату, где был накануне убит его хозяин. В день казни дворецкого настиг удар судьбы — он лишился слуха и речи и с тех пор не произнес ни слова».

Читатель, возможно, посмеется над моими опасениями, но, признаться, когда я поднялся из кресла и двинулся в отведенную мне спальню, у меня дрожали руки и ноги. Поспешно раздевшись и задув свечу, я бросился на кровать и закрыл глаза. Вскоре (а может быть, прошло несколько часов, не знаю) часы на здании деревенской церкви пробили полночь. С последним ударом часов стенной шкаф в соседней комнате широко распахнулся. Видеть этого я, разумеется, не мог, но скрип открывающейся дверцы слышал отчетливо. Я чувствовал, явственно чувствовал чье-то присутствие в соседней комнате. Говорю «чье-то», ибо назвать ТОГО, кто вышел из шкафа, человеком едва ли возможно.

И тут откуда-то снизу донесся до меня душераздирающий, леденящий кровь крик. Пусть читатель думает обо мне все, что угодно, но всякому терпению есть предел. Нужно было бежать отсюда, и бежать как можно скорее. От окна в моей спальне до земли было футов двадцать пять, не больше. Я спрыгнул вниз, перемахнул через ров и со всех ног помчался по аллее к выходу из парка.

На следующий день, ясным морозным ноябрьским утром я вернулся в усадьбу Тайнов в сопровождении местного врача и шести дюжих полицейских. Мы были вооружены револьверами, лопатами, мотыгами, топорами. Прихватили мы с собой и все необходимое для спиритического сеанса.

Когда мы ворвались в дом, то обнаружили на полу в столовой тело Иррода. Доктор сказал, что дворецкий умер от инфаркта сразу после полуночи, предварительно побывав в моей башне. На столе Иррод оставил записку,

из которой следовало, что это он пятьдесят лет назад убил деда сэра Джереми Тайна. Признание дворецкого полностью подтвердил вызванный нами дух сэра Тейна, который клятвенно пообещал, что, коль скоро его доброе имя восстановлено, он не станет больше по ночам беспокоить обитателей Тайна и уйдет из этих мест навсегда.

Мой друг сэр Джереми безвыездно живет теперь в Тайне. Замок перестроен. Ров и болота высушены. Леса вырублены. В доме проведено электричество. По запущенному прежде парку от дома веером разбежались асфальтированные дорожки. Летучие мыши перебиты, лягушки утоплены, чучело совы украшает прихожую. Дочь сэра Джереми, Клара Тайн, стала моей женой. Когда я пишу эти строки, она стоит за моим креслом, обняв меня за плечи. Чего еще желать?

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА ВРЕМЕН ПЕРВОЙ ИМПЕРИИ

(На темы произведений Дюма, Сарду, Гюго, Расина, Корнеля и других французских драматургов, писавших о Наполеоне)

СЦЕНА I. МАРШАЛЫ

Тронная зала в Тюильри. В креслах сидят прелестные дамы в платьях времен Директории. Возле них стоят маршалы Франции. Играет музыка. Оживленный разговор. Входит Наполеон в сопровождении Талейрана, одетого в черное, и двух секретарей. Все смолкает. Император садится. Секретари ставят перед ним две черные коробки.

Наполеон. Маршал Жюно!

Маршал подходит к императору и отдает честь.

Маршал Жюно, у меня есть некоторые основания усомниться в вашей преданности. Я хочу испытать вас. (*Открывает одну из коробок.*) Здесь у меня пузырек с ядом. Пейте.

Жюно. Слушаюсь, сир!

Жюно выпивает яд и становится по стойке «смирно».

Наполеон. Теперь станьте у кресла графини де ля Полиссонери и ждите смерти.

Жюно. Слушаюсь, сир!

Наполеон. Где Бертье?

Бертье (*подходит к Наполеону и становится навытяжку*). Вы звали, сир?

Наполеон (*подымается*). Вот он, мой верный Бертье! (*Хватает Бертье за ухо.*) Он все такой же, этот мешок с грязным бельем!

Лицо Бертье расплывается в улыбке.

Скажите, маршал Бертье, вы все еще преданы своему императору?

Бертье. Сир, вы можете испытать меня!

Наполеон. Прекрасно (*открывает коробку*). Вот отравленная галета. Ешьте.

Бертье (*отдает честь*). Почту за великую честь, сир!

Наполеон. Вот и отлично. Теперь идите к герцогине де ля Ротиссери и беседуйте с ней, пока не умрете.

Бертье низко кланяется и отходит.

Маршал Ланн! Вы бледны, маршал Ланн. Вот вам телячья котлета. В ней мышьяк. Ешьте не мешкая.

Маршал Ланн молча кланяется и проглатывает котлету. Той же церемонии удостаиваются маршалы Ней, Мюрат, Ожеро и другие.

Наполеон (*вскакивает со своего места и топает ногой*). Нет, Талейран, нет! Фарс окончен! Всему есть предел. Я знаю, что мои отважные маршалы готовы ради меня на смерть! Не бойтесь, друзья, не бойтесь, мои верные боевые товарищи! Вы не умрете. Яд был в другой коробке.

Талейран (*пожимает плечами*). Как вам будет угодно, ваше величество, но...

Наполеон. Никаких «но»! Мои маршалы не способны предать меня. Подойдите ко мне, Бертье. И вы, Жюно. И вы, мой верный Ланн. Обнимите своего императора.

Маршалы обнимают императора и плачут навзрыд.

Наполеон, утирая слезы, легонько дергает каждого за ухо.

Занавес

СЦЕНА II. В БОЮ И В ЛЮБВИ

Наполеон в походной шинели и треуголке. Перед ним барабан. На барабане карта. Шум боя за сценой. Входит полковник Эскарго.

Наполеон. Полковник Эскарго! Что скажете?

Эскарго. Плохие новости, сир. По сведениям маршала Массена, сражение проиграно.

Наполеон (*нахмурившись*). Проиграно, говорите? Известно ли вам, полковник Эскарго, что не бывает проигранных сражений? Вы были со мной при Аустерлице?

Эскарго. Да, сир.

Наполеон. Я помню, как вы приходили с донесением третьего ноября без десяти шесть вечера. Так-то, полковник (*берет его за ухо*). Ступайте и скажите маршалу Массену, что сражение будет выиграно через два с половиной часа.

Эскарго уходит. Наполеон звонит в колокольчик. Входит секретарь.

Наполеон. Вот что, ступайте к императрице Жозефине и скажите ей, что я решил с ней развестись. *(Секретарь кланяется.)* Если она спросит почему, скажите, что такова воля императора. Если она явится сюда, не пускать ни под каким предлогом! Ей нельзя здесь находиться.

Секретарь. Боюсь, вы опоздали, сир. Она уже здесь, я слышу ее голос.

В палатку врывается императрица Жозефина. Ее прекрасное лицо залито слезами, волосы распущены.

Жозефина. Наполеон, что это значит? Скажи, это правда? Как ты посмел?!

Наполеон *(робко)*. Пойми, вышла ошибка...

Жозефина. Подумать только, он разводиться со мной вздумал! Бессердечный!

Обнимает Наполеона. Оба рыдают.

Наполеон. Это какое-то недоразумение. Кто тебе сказал об этом? Кто посмел? Они мне ответят за это. Головой.

Жозефина. Теперь я узнаю тебя. Ты мой, только мой, бесстрашный и грозный император Франции! *(Страстно его целует.)*

Наполеон. Жозефина, моя маленькая Жозефина. Что бы я делал без тебя...

Входит полковник Эскарго. Он бледен, но глаза его горят. Отдает честь.

Эскарго. Сир, победа! Противник разбит наголову и отступает.

Наполеон. Вот видите, полковник Эскарго, я же говорил, что не бывает проигранных сражений. Что с вами? Вы ранены?

Эскарго. Ранен? Нет, сир, я не ранен. Я убит. Вражеская пуля попала мне в сердце (*падает на ковер*). Да здравствует император!

Умирает.

Наполеон (*накрывает тело Эскарго своей шинелью*). Увы, Жозефина. Все мои победы не стоят жизни одного отважного воина.

Занавес

ОТВЕТ ПОЭТУ

Уважаемый сэр!

В ответ на многочисленные ваши вопросы и пожелания, в течение ряда лет появлявшиеся на страницах местных газет, позволю себе почтительнейше посоветовать вам, как преодолеть основные ваши затруднения.

Пункт первый.

Вы часто спрашиваете, где ваши друзья юных лет, и настаиваете, чтобы вам их вернули. Насколько мне известно, те из них, которые сейчас не в тюрьме, попрежнему живут в вашей родной деревне. По вашим словам, они нужны, чтобы быть с вами в час веселья. Если так, вы имеете возможность к ним присоединиться и быть с ними в час их веселья.

Пункт второй.

Однажды вам случилось сказать такое:

О, не дари алмазов мне и злата,
Нарядов шелковых, убранств богатых.

Но, дорогой мой, это же нелепо! Ведь это как раз те самые вещи, которые я для вас купил. Если вы не возьмете ничего из них, мне придется вручить вам штуку сурового полотна и холщовую робу.

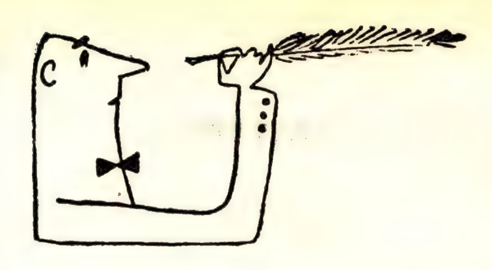
Пункт третий.

Как-то раз вы выразили недоумение по следующему поводу:

Путь держит за море любовь моя.
Как же случилось это?

Полагаю, что все было очень просто: она купила билет и ехала в отдельной каюте. Вряд ли она путешествовала третьим классом или на палубных местах.

Пункт четвертый.

Зачем явился я на свет?
Зачем я обречен дышать?

Ну, здесь я с вами полностью согласен. Вовсе не думаю, что вы так уж непременно должны дышать.

Пункт пятый.

Вы требуете, чтобы я отметил и указал вам «человека, чья душа мертва». Чрезвычайно сожалею, но этот человек, вчера весь день крутившийся где-то тут поблизости, сегодня отсутствует. Если бы я только знал, что он так вам понадобится, я бы с удовольствием пометил его масляной краской, и мы бы легко его изловили.

Пункт шестой.

Замечаю также, что, высказывая какую-нибудь просьбу, вы обычно сопровождаете ее словами:

Ради небес отчизны нашей...

О, если уж дела обстоят так, я тотчас и с готовностью... Не забывайте, однако, что за вами и без того уже немало долгов.

Пункт седьмой.

Не единожды вы задавали вопрос:

Что толку от твоих мечтаний праздных?

Всецело одобряю вашу позицию: на мой взгляд, никакого толку от них нет. Хочу заметить, сэр, что подобный подход к делу должен обеспечить вам материальное благополучие.

САЛУНИО

(Опыт критического шекспироведения)

Говорят, что молодые люди, только окончившие колледж, слишком уверены в своих знаниях. Однако жизненный опыт подсказывает мне, что если вы возьмете благополучного человека не первой молодости, близко не подходившего к колледжу уже двадцать лет, располневшего и солидного, имеющего талию окружностью в пятьдесят дюймов и комплекцию, как у разбухшей возле свечи клюквы, то обнаружите: он ничуть не сомневается, что способен заткнуть за пояс любого молодого человека. Убедил меня в этом случай с моим старшим приятелем полковником Боровхэдом, дородным, вспыльчивым джентльменом, нажившим состояние на торговле скотом в Вайоминге. В более поздний период жизни им овладела навязчивая идея, что пьесы Шекспира — это именно тот предмет, о котором он может распространяться со знанием дела.

В один прекрасный вечер он набрел на меня, когда я мирно сидел у камина в гостиной своего клуба и пролистывал «Венецианского купца». Он тут же начал разглагольствовать об этой пьесе.

— А-а, «Венецианский купец»! Ну, это пьеса для вас, сэр. В ней чувствуется шекспировский гений. Она великолепна, сэр, просто великолепна! Где еще найдете вы такие выразительные характеры? Возьмите Антонио, возьмите, этого, как его, Шерлока, возьмите Салунио...

— Салунио, полковник?— прервал я его без особого нажима.— Вы уверены, что не ошибаетесь? В пьесе есть Бассанио и Саланио, но Салунио там, по-моему, нет, так ведь?

На мгновение глаза полковника Боровхэда затуманило сомнение, но он был не из тех, кто способен признать свою ошибку.

— Ах вы, горячка! — воскликнул он, нахмурившись.— Вот что значит молодость. Эдак-то вы читаете книги. Нет Салунио? Как бы не так! Можете быть уверены: там есть Салунио!

— Говорю вам, полковник,— возразил я,— пьесу эту я только что читал, в свое время изучал ее в колледже и прекрасно знаю: там нет такого персонажа.

— Чепуха, сэр, абсолютный нонсенс! — заявил полковник.— Да он там повсюду. Не убеждайте меня, молодой человек, мне самому случалось читать эту пьесу. Да, сэр, и даже видеть ее на сцене. Дело было в Вайоминге, еще до вашего рождения. Играли парни, которые умели это делать. Как же, нет там Салунио! А кто же тогда первейший друг Антонио от начала и до самого конца? Кто остается ему верен, когда от него отворачивается Басунио? Кто спасает Клариссу от Шерлока и похищает ларец с мясом у принца Арагонского? Кто кричит на принца Марокканского: «Прочь! Прочь! Чтоб ты сгорел, как моль, упавшая на свечу!» Кто уламывает дожа и задает жару присяжным в сцене суда? Нет Салунио! Черт возьми! По-моему, он один из главных персонажей пьесы...

— Полковник Боровхэд,— сказал я весьма твердо,— там нет никакого Салунио, и вы прекрасно это знаете.

Однако старикан настолько проникся своей идеей, рожденной в его мозгу смутными воспоминаниями о пьесе, что характер Салунио, расцвеченный полковничьим воображением, казался ему все более ярким. Поэтому он продолжал, воодушевляясь на ходу:

— Я скажу вам, что такое Салунио: это типичнейший человеческий характер. По замыслу Шекспира, он воплощает совершенный тип итальянского джентльмена. Он носитель идеи, вот кто он такой, он символ, он частица...

В это время я лихорадочно листал книгу.

— Взгляните,— перебил я полковника,— вот перечень действующих лиц. В нем нет никакого Салунио.

Но это ничуть не смутило полковника.

— Конечно, его там нет! — заявил он.— И не думайте, что вы его там найдете. В этом-то и весь фокус. В этом весь Шекспир. В этом-то собака и зарыта. Он

не включил Салунио в список действующих лиц, но дал ему полную свободу действий и возможность появляться на сцене в любой момент, что делает его наиболее типичным из всех характеров. О, это тонкая вещь, сэр, искусство драматурга!— продолжал полковник, впадая в тихое раздумье.— Не сразу проникаешь в замыслы Шекспира; нужно время, чтобы их осмыслить и понять, что он хочет сказать каждой своей фразой.

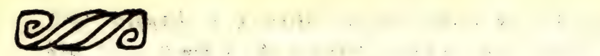
Мне стало ясно, что спорить дальше со стариканом бесполезно. Я покинул его в надежде, что со временем его взгляды на Салунио изменятся. Однако я не представлял себе, как цепко полковник держится за свои идеи. Он просто помешался на Салунио. С тех пор этот персонаж стал главной темой его разговоров. Он без устали обсуждал характер Салунио, блестящий замысел создавшего его драматурга, взгляды Салунио на современность, его отношение к женщинам, его моральные устои, сравнивал Салунио с Гамлетом, Гамлета с Салунио и так далее и тому подобное без конца. Чем больше он вглядывался в Салунио, тем больше в нем видел.

Салунио казался неисчерпаем. В нем обнаружилось множество граней, дававших при различных поворотах разговора самые неожиданные отблески. Даже читая книгу и не находя в тексте «Венецианского купца» ни единого упоминания о Салунио, полковник божился, что это совсем не та пьеса, которую он видел в Вайоминге, и что целые фрагменты были изъяты, чтобы сделать ее пригодной для изучения в этих проклятых общедоступных школах — ведь язык Салунио был чересчур вольным; по крайней мере, по оценке полковника.

Вскоре старикан сделал на полях купленного им экземпляра пьесы пометки следующего характера: «Входит Салунио». Или: «Звучат фанфары. Входит принц Марокканский под руку с Салунио». Когда же не было никакой мало-мальски разумной причины выпускать Салунио на сцену, полковник божился, что тот в это время прячется за занавесом или пирует во дворце с дожем.

В конце концов, однако, старикану удалось получить удовлетворение. Придя к выводу, что в нашей стране нет людей, знающих, как надо играть Шекспира, он отправился в Нью-Йорк, чтобы посмотреть, как это делают сэр Генри Ирвинг и Эллен Терри. Усевшись в

кресло, он стал напряженно следить за действием. Постепенно лицо его осветилось довольной улыбкой. Когда же Ирвингу во время прощального выхода поднесли цветы и занавес за ним упал, полковник вскочил, зааплодировал и крикнул друзьям: «Вот оно! Это он и был! Вы видели человека, который все время, даже в антрактах, появлялся на сцене и как бы направлял действие пьесы, хотя никому не было слышно, что он говорит? Так вот, это он и был! Это Салунио!»

СОДЕРЖАНИЕ

Ликок С.

Л56 Как стать миллионером: Сборник: Пер. с анг./ Сост. и авт. предисл. А. И. Кудрявицкий.— М.: Политиздат, 1991.— 509 с.
ISBN 5—250—01459—3

Канадский писатель Стивен Ликок (1869—1944) — достойный преемник О. Генри, Марка Твена, Джерома Джерома. В англоязычных странах он до сих пор соперничает в популярности со своими великими предшественниками.

В настоящий сборник вошли роман «Охотники за долларами» и юмористические рассказы писателя. В них Ликок вскрывает контрасты и противоречия жизни в их комическом аспекте.

Ликок — блестящий мастер литературной пародии. Он пародирует образцы европейской литературы. И делает это талантливо.

Книга рассчитана на самые широкие круги читателей.

Л $\frac{4703000000-080}{079(02)-91}$ **ББК 84.7Кан**

Стивен Ликок

КАК СТАТЬ МИЛЛИОНЕРОМ

Составитель и автор предисловия
А. И. Кудрявицкий

Заведующий редакцией
А. В. Никольский

Редактор
А. Г. Мартынова

Художник
В. Г. Семиреченко

Художественный редактор
Е. А. Андрусенко

Технический редактор
В. П. Крылова

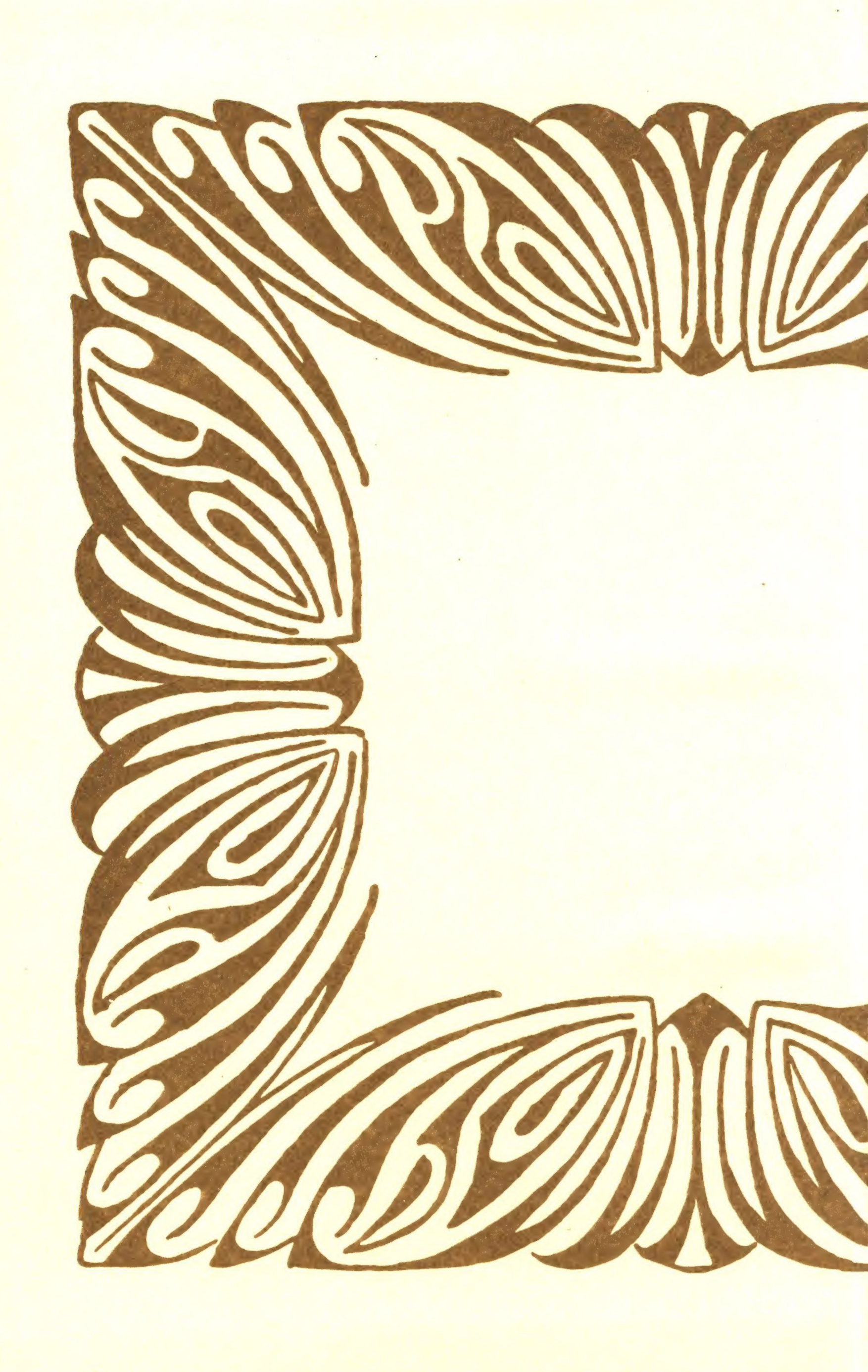
ИБ № 9173

Сдано в набор 12.10.90. Подписано в печать 18.02.91. Формат $84 \times 108^1/_{32}$.
Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 26,88. Уч.-изд. л. 26,68. Тираж 100 000 экз. Заказ № 369.
Цена 3 р. 80 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография издательства «Уральский рабочий».
620151, г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

32.
ая.
69.

СТИВЕН ЛИКОК
Как стать миллионером